

Министерство образования и науки

Московский государственный психолого-педагогический университет

Федеральный медицинский исследовательский центр
психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского

Коченовские чтения
«Психология и право в современной России»

МОСКВА
10-12 ноября

СБОРНИК ТЕЗИСОВ

участников Всероссийской конференции
по юридической психологии с международным участием

МОСКВА

ББК 88.47
К75

Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2016. 339 с.

Редакторы:

*В.В. Рубцов, Ю.М. Забродин, Е.Н. Задорина, А.А. Марголис, З.И. Кекелидзе,
Н.В. Дворянчиков, И.Б. Бовина, Н.В. Богданович, М.Г. Дебольский, Е.Г. Дозорцева, И.Н.
Коноплева, Ф.С. Сафуанов, Н.Б. Соколова*

Составитель:

А.С. Калашикова

ISBN 978-5-94051-152-8

© МГППУ, 2016.

Уважаемые участники и гости конференции!

Я рад приветствовать Вас на конференции «Психология и право в современной России», проводимой уже в пятый раз. Конференция, организованная факультетом Юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета совместно с Федеральным медицинским исследовательским центром психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, собирает специалистов в области юридической психологии как из разных стран, так и из многих городов России.

В нашем университете особое отношение к научным традициям, и Коченовские чтения подчеркивают мемориальность конференции и признание фундаментального вклада Коченова М.М. в развитие юридической психологии.

В фокусе внимания участников конференции – обсуждение методологических и теоретических основ юридической психологии, разработка методов исследований, обсуждение результатов последних исследований, реализованных в различных предметных полях (областях/сферах) юридической психологии.

Это событие объединяет не только ведущих ученых и практиков в данной области, но и будущих специалистов – студентов, магистрантов, аспирантов, давая им возможность не только познакомиться с актуальными трендами, но и предоставить результаты своих научных исследований профессиональному сообществу.

В данном сборнике представлены материалы конференции, охватывающие широкий спектр актуальных проблем юридической психологии. В целях обеспечения эффективной работы участников тезисы выступлений систематизированы в следующих разделах: Психология девиантного и криминального поведения; Клиническая и судебная психология; Юридическая психология детей и подростков; Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний; Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности; Медиация и восстановительная практика; Проблемы подготовки специалистов по юридической психологии.

Желаю вам успешной работы на конференции и новых научных открытий!

Ректор ФГБОУ ВО МГППУ,
Председатель программного
комитета конференции

В.В. Рубцов

Суицидальные идеации и личностные особенности при посттравматических стрессах агрессивного генеза

Азарных Т.Д.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет инженерных технологий»
(г. Воронеж, Россия)

Целью исследования являлось изучение личностных особенностей женщин в группе посттравматического стресса (ПТС) агрессивного генеза при наличии суицидальных идеаций (СИ). Определялись следующие показатели: 1) наличие СИ по положительным ответам на вопрос о суициде в тестах а) Миссисипская шкала, гражданский вариант (MS) (Т.М. Keane), б) депрессии (BDI) (А. Beck), в) психопатологической симптоматики (SCL-90-R) (L. Derogatis) и последующей беседы, все три теста адаптированы в ИП РАН (Тарабрина Н.В., 2007); 2) личностные особенности по СМИЛ (адаптированный MMPI) (Собчик Л.Н., 2003). Статобработка проводилась с вычислением средней (M) и стандартного отклонения (SD), достоверность различий между группами вычислялась с помощью критерия Стьюдента, проводился также анализ таблиц сопряженности (с поправкой на непрерывность) с вычислением χ^2 -Пирсона. Использовался статистический пакет SPSS (версия 13).

Исследования проведены на студентках государственных вузов г. Воронежа в возрасте 18-20 лет (119 человек). ПТС был генерирован следующими психотравмами: сексуальное насилие, ограбление с применением оружия или его угрозой, угроза жизни (могли убить или серьезно ранить), семейное насилие, нападение кого-либо, включая членов семьи или друзей, с пистолетом, ножом или другим видом оружия. Во всех случаях после стрессового события прошло не менее полугода (среднее время: M=3,2 года, SD=3,12 т.е. психотравмы в основном получены в подростковом возрасте).

Установлено, что СИ в группе ПТС агрессивного генеза встречаются в 50,4% случаев. В группе с наличием СИ выше выраженность всех клинических шкал, за исключением мужественности-женственности 5, оценочной лжи L, а также коррекции К. Профиль в группе без наличия СИ имеет вид 948F576231, он не выходит за границы коридора в 65 баллов, т.е. не является акцентуированным, но не является и нормативным из-за присутствия в числе ведущих шкалы 8. Профиль в группе с наличием СИ имеет вид 846F9723150, является сильно акцентуированным по четырем первым клиническим шкалам, а выраженность первой из них индивидуалистичности 8 достигает уровня в 76 баллов, что свидетельствует о нарушении социальной адаптации. В целом этот профиль свидетельствует об эмоциональной напряженности или личностной дезинтеграции, отгороженности от других, крайне выраженной субъективности восприятия и оценки поведения как себя, так и других, агрессивности, высокой импульсивности, т.е. поведенческом варианте дезадаптации. Подтверждением

большой акцентуированности профиля, а следовательно больших нарушениях социальной адаптации, в группе с наличием СИ свидетельствует и более высокая частота встречаемости шкал с высокими баллами (выше 70) в общем ($M=4,3$, $SD=2,8$ против $M=1,6$, $SD=2,12$, $t=5,862$, $p=0,000$) и конкретно: в 2,4 раза невротического сверхконтроля (28,3% и 11,9%), в 2,9 импульсивности (58,3% и 20,3%), в 3,3 ригидности (66,7% и 20,3%), в 3,6 тревожности (36,7% и 10,2%), в 2,6 индивидуалистичности (61,7% и 23,7%), в 2,0 оптимистичности (48,3% и 23,7%), а также в 3,4 оценочной достоверности F (56,7% и 16,9%) (последняя выше 65 баллов). Коэффициент Крамера V_{Cr} , являющийся аналогом коэффициента корреляции для номинальных данных, находится в интервале от 0,25 до 0,41 ($p=0,044 \div 0,000$), что свидетельствует о средней силе связи с СИ некоторых шкал, в частности, ригидности, индивидуалистичности, импульсивности и достоверности F. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что у девушек в группе ПТС, вызванного насилием, при наличии СИ: 1) выражен поведенческий вариант дезадаптации, 2) существует тотальная агрессия, направленная как на других, так и на себя, 3) существует вероятность наличия цикла насилия. Последнее позволяет предположить связь между ПТС агрессивного генеза с суицидальным терроризмом у женщин.

Психологические аспекты представлений о терроризме в современном обществе

Аллямова А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Терроризм в современном обществе является проблемой мирового значения. Последствия терроризма не исчерпываются колоссальными человеческими жертвами, материальными и психологическими потерями в момент собственно самого теракта. Отсроченные психологические последствия носят стойкий характер, а также формируют у человека и у общества в целом установки угрожающие единству и стабильности общества, а также безопасности личной и общественной. Представления о терроризме в обыденном понимании представителей различных этнических и возрастных групп формируются и развиваются под влиянием собственного мнения каждого индивида социальной группы, в результате коммуникации и общения.

Психологическая наука изучает терроризм в рамках психологии личности, патопсихологии, психологии развития, политической психологии, социальной психологии, юридической психологии. Феномен терроризма многогранен. Это явление можно рассматривать с самых разных позиций – в зависимости от социального контекста и социальных представлений в конкретном обществе.

На основании анализа литературных источников, посвященных исследованию терроризма, мы имеем возможность обобщить теоретические положения, представления о содержательном наполнении сущности терроризма, можем выявить условия формирования представлений у молодого поколения о терроризме и террористах, а так же сделать предположение о зависимости социальных

представлений о террористах от кросскультурных и возрастных особенностей различных этнических групп (Мкртычян А.А., 2012). Детальный и системный анализ возможных психологических последствий террористических актов, проведенный современными авторами, дает основания говорить о взаимосвязи между последствиями личностного и социального уровня. По нашему предположению социальные представления о терроризме и террористах, оценка терроризма, причин его возникновения, мнение о мотивационной составляющей этого феномена – весьма различны и зависят от гендерных, возрастных социально-стратификационных характеристик исследуемой группы.

Главным подспорьем в распространении принципов гуманизма, толерантности и уважения к другим культурам могут быть образовательные учреждения. Специально подготовленные кадры, педагогические коллективы, администрация образовательных учреждений, а также и сами учащиеся могут организовывать процесс, напрямую относящийся к идеологическому противодействию террористической угрозе. На учебных занятиях, на факультативах, в тематических клубах, летних лагерях можно вести пропагандистскую работу.

Еще одним каналом работы в формировании социальных представлений о терроризме и террористах является институт семьи. Семья поддерживает индивида в трудных жизненных ситуациях, когда увеличен риск вовлечения в террористическую организацию. Здесь важно учитывать влияние и поддержку связи со школой родительских комитетов, профсоюзных организаций, в задачи которых входит пропаганда антитеррористической направленности.

Также мы можем предположить, что вовлечение населения в волонтерскую деятельность, в общественные организации, в другие общественные объединения является важным моментом для воспитания адекватного отношения к радикальным организациям, занимающимся террористической деятельностью.

Отметим, что современная отечественная и зарубежная социальная психология предлагает изучать проблему террористической угрозы в рамках концепции социальных представлений С. Московиси. Многие ученые исследуют гендерные, возрастные, кросскультурные различия в понимании сущности терроризма и террористической угрозы. В настоящее время в нашем обществе бытуют представления об этих явлениях обусловленные социально-экономическими, социально-психологическими условиями (Moscovici S., 1961).

Однако мы считаем, что недостаточно изучены такие аспекты, как различия в представлениях о терроризме у различных этнических групп. В то же время мало публикаций по вопросу обыденного понимания террористической угрозы представителями мегаполисов и небольших городов и особенности этих представлений в разных возрастных группах.

Литература

1. Быховец Ю.В., Тарабарина Н.В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: методические рекомендации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 84 с.

2. Мкртычян А.А. Влияние средств массовой информации на психологические последствия терроризма: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2012. 184 с.
3. Нуркова В.В., Бернштейн Б.В., Лофтус Э.Ф. Эхо взрывов: сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 64-72.
4. Moscovici S. La Psychanalyse: son image et son public. P.: Presses Universitaires de France, 1961.

Проблема психологической установки к потерпевшему у других участников уголовного процесса

Андрианов М.С.

ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»
(г. Москва, Россия)

Одним из важных направлений современной юридической психологии является изучение особенностей и закономерностей психической деятельности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Отношения и взаимодействие между ними происходят в соответствии с процессуально-правовыми нормами, но при этом неизбежно проявляются различные психологические феномены, учет которых необходим для повышения эффективности правосудия.

Одной из центральных фигур уголовного процесса и судебного разбирательства является потерпевший. Неслучайно, психологии потерпевшего уделяется немало внимания в психолого-правовых исследованиях, хотя, на наш взгляд, все еще недостаточно. Чаще всего изучается влияние психологических особенностей и состояния субъекта, пострадавшего от преступных действий, на его способность воспринимать произошедшее и давать показания. При этом большинство исследований концентрируется в основном на виктимологическом аспекте поведения потерпевшего, что, безусловно, имеет веские жизненные основания.

Надо признать, что само понятие потерпевшего, как лица, которому причинен физический, имущественный и моральный вред, фактически представляет его в сознании многих исключительно в качестве «жертвы преступления», при этом неизбежно (и, как правило, автоматически) актуализируются вопросы и суждения людей о его виктимности. Более того, в некоторых случаях другие участники уголовного процесса приходят к выводу (часто вполне обоснованному), что именно необдуманное поведение потерпевшего или даже его «провоцирующие» действия в той или иной мере повлияли на факт совершения преступления. Таким образом, формируется вполне определенное социальное представление о потерпевшем как таковом, выступающее в виде психологической установки и имеющее довольно широкое распространение не только в массовом сознании или общественном мнении по поводу конкретного преступления, но и в сознании основных участников уголовного разбирательства (судьи, прокурора, присяжных заседателей и др.), что, на

наш взгляд, создает предубеждение к нему и значительно затрудняет взаимодействие с потерпевшим в ходе процесса.

Между тем, современное понимание назначения уголовного судопроизводства в России существенно изменило его приоритеты: сейчас это не только инструмент борьбы с преступностью, а, в первую очередь, инструмент в защите прав человека, поскольку в Конституции РФ подчеркивается, что именно права и свободы человека являются высшей ценностью, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием. В этом свете изменяется и социально-правовая позиция потерпевшего в качестве участника уголовного процесса – теперь он не просто жертва тех или иных преступных действий или обстоятельств, приведшим к таковым, а человек, который законным образом отстаивает свои нарушенные права, и, таким образом, препятствует преступной деятельности, защищая не только личные интересы, но и интересы общества. Этим, в частности, он противопоставляется тем жертвам латентных преступлений, которые по разным причинам не отстаивают свои права в суде.

Именно такой поход к личности потерпевшего позволяет избежать предубеждений – установок о его «изначальной или исключительной виктимности» и, следовательно, отношения к нему только как к жертве – в первую очередь, у основных участников уголовного процесса, что может способствовать изменению (оптимизации) форм взаимодействия между ними. Очевидно, требуются новые прикладные исследования психологии потерпевшего, равно как и определенная коррекция некоторых существующих и используемых на практике научно-теоретических представлений в этой сфере юридической психологии.

Факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами

Афони́на Ю.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Более трети от всех преступлений принадлежит лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, более половины всех преступлений, совершённых несовершеннолетними, совершают подростки с психическими расстройствами.

У несовершеннолетних с расстройствами шизофренического спектра прослеживается нарушение мышления, восприятия, а вследствие этого трудности с осмыслением ситуации. Для подростков с данными расстройствами характерны трудности с оценкой своих действий, они склонны к неоднократному совершению преступных деяний, большинство которых отличаются чрезмерной жестокостью. При расстройствах шизофренического спектра нарушается процесс мышления, отмечается нарушение ассоциативной сферы, искажается смысловая сфера, а также отмечается своеобразие мотивации, при которых действия таких подростков становятся

недостаточно предсказуемыми (Зейгарник Б.В., 2003). Вследствие этого подростки испытывают трудности в общении, что тоже относится к факторам риска агрессивного поведения. Ситуация ухудшается, если присутствует насилие со стороны близкого окружения или сложная ситуация в семье (Ошевский Д.С., 2006).

При органическом поражении головного мозга (ОПГМ) у несовершеннолетнего ведущим фактором агрессивного криминального поведения является тот факт, что родители, особенно мать, злоупотребляли психоактивными веществами и алкоголем. Одним из проявлений ОПГМ является интеллектуальное снижение, что также влияет на смысловую сферу, на обучение и социальную адаптацию. Так как в подростковом возрасте ведущей деятельностью является общение со сверстниками, то подросток из просоциальной среды, где отношения со сверстниками не складываются, может попасть в диссоциальную среду. В агрессивно настроенной криминальной группе возможно искажение смысловой сферы. В силу заострения индивидуальных черт личности, например, высокой чувствительности к внешним ситуациям и фиксации на негативных переживаниях, риск повторения противоправных действий повышается. При органическом расстройстве может отмечаться раздражительность, конфликтность и эмоциональная неустойчивость (Мальцева М.М., Котов В.П., 1995; Макушкин Е.В., 2009; Зубкова А.А., Ошевский Д.С., 2014).

Агрессивное поведение подростков с психопатическими расстройствами связывают с эмоциональной неустойчивостью, трудностями волевого контроля собственного поведения, а также с повышенной зависимостью от внешних условий. При психопатических расстройствах главное значение в совершении агрессивных действий принимают дисгармония личности, нарушение эмоционально-волевой сферы, взаимосвязь агрессивных действий с определёнными чертами характера, эмоциональная неустойчивость и др., что может приводить к трудностям и неадекватным реакциям в социальной среде. Некоторые психопатические личности могут отличаться особым образом мышления, который проявляется при оценке своего «Я», в понимании межличностных отношений, а вследствие этого возможной необъективной самооценкой (Макушкин Е.В., 2009).

Литература

1. Зейгарник Б.В. Патопсихология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., стереотип.: Москва: Издательский центр «Академия», 2003. 208 с.
2. Зубкова А.А., Ошевский Д.С. Факторы риска агрессивного криминального поведения у подростков с органическим поражением головного мозга // Психическое здоровье. 2014. № 12 (103). С. 34-41.
3. Макушкин Е.В. Агрессивное криминальное поведение у детей и подростков с нарушенным развитием. Москва: ООО «Медицинское информационное агентство», 2009. 240 с.
4. Мальцева М.М., Котов В.П. Опасные действия психически больных. Москва: Медицина, 1995. 256 с.
5. Ошевский Д.С. Психическое развитие у подростков с психическими

расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (психологический аспект). Москва, 2006. 167 с.

Девиантное поведение жертв теракта в Беслане: причины, функции, виды, последствия

Бедрединова С.В., Тащёва А.И.

ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Авторам довелось трижды участвовать в оказании профессиональной психологической помощи жертвам бесланского теракта (1-3 сентября 2004 г.) и до сих пор поддерживать терапевтические отношения с ними. В октябре-ноябре 2004 г. – в подготовке психологов и социальных работников Беслана и Владикавказа на базе Центра медико-психолого-педагогической помощи «Доверие» (г. Владикавказ) и в создании программы психологической реабилитации жертв теракта; в ноябре–декабря 2004 г. – в медико-психологической реабилитации 105 жертв теракта в санатории «Родник» (г. Пятигорск), организованной Общероссийским союзом общественных объединений «Гражданское общество – детям России» (Куратор проекта – председатель комиссии по правам человека при Президенте РФ, председатель Союза Э.А. Памфилова).

Уникальными оказались психологические проблемы первичных, вторичных и третичных жертв этого теракта, их последствия, оказываемая жертвам психологическая и социальная помощь. В Беслане, впервые индивидуальные психологические проблемы жертв сочетались с деструкцией сложной системы межличностных отношений в республике Северная Осетия (Тащёва А.И., 2005, 2016), усиливаемыми негативными следствиями ошибок в оказании жертвам всех видов помощи. Поведенческие девиации жертв теракта: повышенные ауто- и гетероагрессия; деструкция системы межличностных отношений в семье (супружеских, детско-родительских, прародительско-детских, сиблинговых), национальных, вероисповедальных, соседских, дружеских и прочих. Эти психологические новообразования часто носили демонстративно вызывающий характер, не свойственный прежней системе отношений в Северной Осетии и состояли в нескрываемом пренебрежении жертв к близким; в публичном нигилизме юношей и подростков к некоторым национальным традициям общения с посторонними людьми; в резком падении авторитета власти всех уровней, силовых структур, систем образования и здравоохранения; в активном обращении граждан к представителям деструктивных сект; в явных рентных установках части горожан; в их уверенности в бесконечной вседозволенности для всех жителей Беслана «по факту прописки» и пр. Данные симптомы, на наш взгляд, носили «бризантный» характер (от франц. *brisant* – дробящий), словно эпидемия, распространяясь вокруг.

Указанные девиации стали важными дополнительными диагностическими критериями симптомокомплекса ПТС (МКБ-10) у первичных и вторичных жертв теракта в Беслане; существенно обеднившими социально-психологические ресурсы

жертв, которые в новых обстоятельствах оказались не в состоянии воспользоваться традиционными, веками складывавшимися средствами психологической поддержки: национальными и вероисповедальными, семейными и поколенческими, прочими традициями. С особым трагизмом осетины и сейчас воспринимают деструкцию семейных отношений. Значительно трансформировался и характер общения в прежде нормативно патриархальных семьях: из закрытого (монологического, авторитарного) – в открытый (диалогичный, демократичный) и т.д.

Литература

1. Тащёва А.И. Впечатления психолога о проблемах Беслана // Российский психологический журнал. 2005. № 4. С.124-143.
2. Тащёва А.И. Своеобразие профессиональной психологической помощи жертвам теракта в Беслане // Материалы IV ежегодной научно-практической конференции «Актуальные вопросы взаимодействия психологических служб силовых ведомств и образовательных учреждений высшего образования. Теория и практика» (г. Ростов-на-Дону, 3-4 октября 2016 г.). Ростов-на-Дону, 2016. С.140-145.

Гендерные особенности агрессивных проявлений людей, играющих в многопользовательские онлайн-игры

Гаврилина В.В.

выпускница ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Тема агрессии широко исследуема и раскрыта во многих работах. Но при этом проводится мало исследований, касающихся агрессивных проявлений в Интернете, а тем более в онлайн-играх. Более подробное исследование данного направления могло бы поспособствовать выявлению связи агрессивных проявлений и времяпрепровождения в многопользовательских онлайн-играх, а также выявлению тенденций агрессивных проявлений у людей разного пола.

В связи с этим целью нашего исследования стало изучение гендерных особенностей агрессивных проявлений людей, играющих в многопользовательские онлайн-игры

Объектом нашего исследования выступало агрессивное поведение.

Исследование проводилось на четырех выборках:

1. Первая выборка (исследовательская женская): 7 женщин, от 18 до 39 лет, средний возраст 29,1.
2. Вторая выборка (исследовательская мужская): 7 мужчин, от 20 до 41 года, средний возраст 30 лет.
3. Третья выборка (контрольная женская): 7 женщин, от 20 до 40 лет, средний возраст 29,8.
4. Четвертая выборка (контрольная мужская): 7 мужчин, от 19 до 42 лет, средний возраст 30,5.

В качестве предмета исследования мы изучали гендерные особенности агрессивного поведения людей, играющих многопользовательские онлайн-игры.

В ходе нашего исследования мы проверяли гипотезу, утверждающую, что существуют гендерные особенности агрессивных проявлений людей, играющих в многопользовательские онлайн-игры, которые выражаются в различиях между двумя выборками по ряду психологических признаков.

Для решения задач исследования использовались методы анализа литературы, опросников, проективный метод, статистические методы. Метод анализа литературы использовался для изучения состояния проблемы агрессивных проявлений людей, играющих в многопользовательские онлайн-игры в отечественной и зарубежной литературе. Метод опросников («Личностный опросник агрессивности Басса-Перри» (Psychometric expert, 2010) и «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М., 2002)) и проективный метод («Тест Руки» (Елисеев О.П., 2003)) применялись для сбора данных. Статистические методы (критерий Манна-Уитни для двух независимых выборок и описательные статистики) употреблялись для обработки полученных данных.

Новизна нашего исследования состоит в изучении гендерных особенностей агрессивного поведения ранее не изученных выборок людей – людей, играющих в многопользовательские онлайн-игры, – и сравнение их с выборками людей, не обладающих данным параметром.

Исследование проводилось нами в интернете. Испытуемые для двух исследовательских выборок (мужской и женской) были непосредственно набраны в многопользовательских онлайн-играх. Из желающих, используя анкетные данные (игровой никнейм, имя, пол, возраст, образование, семейное положение), были отобраны две относительно однородные выборки, разделенных по признаку пола. Таким же способом в интернете были сформированы две контрольные выборки (мужская и женская), главным отличием было отсутствие параметра игры в данный вид игр. Отклонялись те, кто играл.

Анкеты и стимульный материал для методик высылались нами по электронной почте или другим удобным для испытуемых программ или социальных сетей (Skype, vkontakte, icq). Инструкция давалась нами с помощью одной из двух программ с возможностью использования голосовой связи: «Skype» и «Ventrilo».

Каждый из испытуемых указывал подходящее для него время, когда он мог бы пройти методики. В указанное время мы выходили на голосовую связь. Проводя опросники, мы зачитывали вслух инструкцию. Далее испытуемые в индивидуальном порядке читали утверждения и на специальных бланках фиксировали свои ответы. Проводя проективную методику, мы кроме этого просили их открывать одно изображение за другим, сами фиксировали их ответы и реакцию.

Как нам показалось, все испытуемые достаточно охотно выполняли задания. Они были настроены на получение результатов, их интерпретации и обратной связи в виде наших психологических комментариев.

Полученные результаты обрабатывались нами в программе «SPSS». Для

сравнения выборок мы использовали описательные характеристики и критерий Манна-Уитни.

Одна из наших исследовательских гипотез подтверждается с помощью эмпирического исследования, в котором мы обнаруживаем различия между мужчинами, играющими в многопользовательские онлайн-игры и не играющими, в уровне психологического признака «Агрессивность». Мы считаем, исходя из полученных данных, что данный вид игр предпочитают мужчины, у которых собственный уровень агрессивности низкий (она оказывает тормозящее влияние на проявление агрессии в реальной жизни) и средний уровень средовой агрессии, который ищет выход в играх.

Мы предполагаем, что отсутствие различий между двумя контрольными выборками и двумя исследовательскими выборками может быть объяснено высоким уровнем эмансипации, тенденции сглаживания социальных ролей и стремлением к равноправию. Отсутствие различий между женщинами контрольной и исследовательской выборок, как мы считаем, наблюдается в связи с незначительным влиянием средовых факторов в виде данного типа игр на личность исследуемых.

Так как используемые методики обладали низкой экологической валидностью, не имели шкал лжи и требовали обязательного осмысления испытуемыми стимульного материала, мы видим перспективу решения изучаемой проблемы в дальнейшем эмпирическом исследовании с использованием других, более объективных методов.

Еще один вариант мы рассматриваем в изучении влияния самого факта игры в многопользовательские онлайн-игры на проявления агрессии.

Третий вариант возможного развития исследования данной области мы видим в изучении представителей других культур, обладающих интересующим параметром – играющих в многопользовательские онлайн-игры.

Литература

1. Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. С. 310-327.
2. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. С. 69-80.
3. Psychometric expert [Электронный ресурс]. 2010. URL: http://www.psychometrica.ru/methods/index.php?hid=50&met_info=15 (дата обращения: 20.09.2016).

Психофизиология индивидуальных различий восприятия стимулов участниками следственных и процессуальных действий в ходе расследования и раскрытия преступлений

Гончарова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В юридической практике в ходе предварительного следствия в процессе уголовного судопроизводства часто возникает необходимость участия лиц с разным юридическим статусом (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей) в судебно-следственных мероприятиях. Уголовно релевантная ситуация является всегда стрессогенным фактором, отсюда такие эмоциональные проявления как страх и тревога осуществляются при непосредственном участии вегетативной нервной системы (ВНС). Причем есть основания предполагать, что индивидуальные особенности ее функционирования могут оказывать существенное влияние на характер физиологических и психических реакций личности при стрессе.

Целью данного исследования являлось изучение взаимосвязи особенностей вегетативных реакций с эмоционально устойчивостью личности в стрессе при восприятии субъективно-значимых стимулов в процессе уголовно-релевантной ситуации.

Исследование было основано на изучении 513 лиц проходивших психофизиологическое исследование в Экспертно-криминалистическом центре УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве по уголовным делам в качестве обвиняемых, подозреваемых, потерпевших и свидетелей. Определялось, насколько вегетативные сдвиги организма участников следственных и процессуальных действий обусловлены психологическим складом испытуемых, изменениями их эмоционального фона, а в какой мере объясняются реактивным сдвигом на конкретное физическое воздействие. Реакции во многом определяли особенности психо-эмоциональной сферы, эффективность и характер физиологических и психических процессов, адаптационные возможности организма и восприятие стимула в целом.

Для диагностики вегетативной сферы использовался модифицированный тест В.В. Суворовой «Определение индивидуального вегетативного баланса», для оценки актуального эмоционального состояния в динамике использовался показатель ситуативной тревожности (СТ), определяемый по тесту Спилбергера-Ханина, для диагностики эмоциональной устойчивости и типологических особенностей личности использовался копинг-тест «Опросник о способах копинга» («Way of Coping Questionnaire», WCO) Р. Лазаруса и С. Фолкман (Крюкова Т.Л., Куфтык Е.В., 2005), многофакторный личностный опросник Р. Кэттела (Панасюк А.Ю., 1977) оценивающий выраженность отдельных личностных черт по функционально независимым факторам. Также исследовались реакции вегетативной нервной системы (по показателям КГР, изменению сопротивления кожи и плетизмограмме); на уровне деятельности центральной нервной системы использовались ЧСС, АД, пульс.

Стресс сопровождался увеличением соответствующих показателей гемодинамики. Среднее систолическое давление по всей группе испытуемых составляло 129.2 ± 1.5 мм рт. ст. ($p < 0.001$), диастолическое – 81.9 ± 0.9 мм рт. ст. ($p < 0.01$), пульсовое – 47.3 ± 1.1 мм рт. ст. ($p < 0.01$). Стресс приводил к значительному изменению и других показателей, отражающих деятельность сердечно-сосудистой и дыхательной системы обследуемых.

Для выявления особенностей организации психовегетативного комплекса был проведен анализ корреляций между показателями психо-эмоциональной сферы и параметрами вегетативной регуляции, полученными при обследовании. Общее количество значимых (при $p < 0.05$), во всех трех группах было достаточно большим, что подтверждает тесную взаимосвязь психологического и вегетативного уровней регуляции функций. У лиц с амфотонией корреляции психологических особенностей с вегетативными показателями формировались характеристиками эмоциональных (факторы С, О, Q4/С теста Кеттела и показатель ЛТ теста Спилбергера), коммуникативных (факторы А, L и интеллектуальных (фактор В) качеств. Возрастание способности к волевому контролю эмоций (фактор Q3) было связано с усилением мобилизующих, активирующих симпатических влияний.

Литература

1. Суворова В.В. О некоторых формах проявления стресса в лабораторных условиях // Вопросы психологии. 1964. №1. С. 34-44.
2. Суворова В.В. Тесты определения индивидуальных особенностей вегетативного реагирования. М.: НИИ Общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР, 1976. 17 с.
3. Судаков К.В. Новые акценты классической концепции стресса // Бюлл. эспер. биол. мед. 1997. Т.123. X 2.

Проблема вовлечения в террористическую деятельность посредством использования социальных сетей

Гутник А.Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Сегодня социальные сети стали самым удобным средством и одним из самых дешевых инструментов пропаганды для террористических организаций. Пользователь воспринимает свою персональную страницу как некое личное пространство, в связи с чем «доверие пользователя социальной сети к получаемой информации априори выше, чем к информации, получаемой из других источников» (Гладышев-Лядов В., 2013). Также, общение посредством использования социальных сетей позволяет избежать личного контакта.

В связи с чем социальные сети превращаются в эффективный инструмент вербовки террористические организации. По данным отчета Soufan Group за 2015 год Россия занимает третье место по количеству иностранных бойцов запрещенной

террористической организации ИГИЛ.

Механизм информационного воздействия, которыми пользуются вербовщики, не новы. Вербовщики используют такие приемы как подтасовка фактов, манипулирование тенденциозно подобранными фактами и яркая риторика (Кроз М.В., Ратинова Н.А., Онищенко О.Р., 2008; Штейнбух А.Г., 2013).

Задача у вербовщиков террористических организаций (будь то расисты или исламисты) состоит в формировании у потенциального единомышленника устойчивого интереса к изучению их культуры, традиций. Объект вербовки втягивается в изучение новой для него культуры в игровом режиме: он не замечает, как погружается в виртуальный мир-халифат или Четвертый рейх, в котором постепенно и незаметно подлинные ценности культуры подменяются более примитивными пропагандистскими идеологемами, что можно проследить на примере агитационных материалов ИГИЛ и «Misanthropic Division». Следует отметить, что ИГИЛ привлекает еще тем, что в отличие от многих ему подобных террористических организаций сумела перейти от слов к делу.

Предполагается, что вербовщики ИГИЛ и «Misanthropic Division» используют следующие пути для вовлечения людей в деятельность своих организаций:

- 1) материальный – адресату предлагают наладить его финансовое положение за счет участия в деятельности организаций;
- 2) идеологический – адресата убеждают, что деятельность и идеология только указанных организаций являются истинными, правильными;
- 3) неравенство – адресата убеждают, что социальная ситуация вокруг него противоречит требованиям справедливости;
- 4) социальный – применим к адресатам-женщинам, характерна апелляция к вечной любви и верности.

Среди причин, которые побуждают молодых людей участвовать в деятельности террористических организаций, также отмечается желание участвовать в создании идеального с их точки зрения государства, стремление послужить высшей цели, построение справедливого общества, а для некоторых – страсть к физическому насилию.

Исследователи полагают, что социальная неопределенность, а также, деформация общественных ценностей и правосознания негативно влияют на морально-нравственное сознание и поведение молодежи. Молодые люди не имеют достаточно - твердой установки на отторжение идей терроризма и, тем более, противодействие им (Michael A. Hogg, Arie Kruglanski, Kees van den Bos, 2013).

Социальные сети в своей пропагандистской и вербовочной функциях значительно превзошли печатные издания и обычные интернет-сайты. Их преимущество заключается в увеличении численности, в возможности индивидуального и безопасного общения на расстоянии между вербовщиком и вербуемым, информации в социальных сетях пользователь доверяет больше, чем телевидению, газетам или сайтам.

Литература

1. Гладышев-Лядов В. Социальные сети как инструмент для пропаганды экстремизма // Обзор НЦПТИ. 2013. №2. С. 29.
2. Кроз М.В., Ратинова Н.А., Онищенко О.Р. Криминальное психологическое воздействие. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008. 200 с.
3. Штейнбух А.Г. Интернет и антитеррор. М., 2013. 31 с.
4. Michael A. Hogg, Arie Kruglanski, Kees van den Bos Uncertainty and the Roots of Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. No. 3.

Личностные диспозиции насильственного экстремизма

Давыдов Д.Г.

Городской психолого-педагогический центр
Департамента образования города Москвы

Разработка технологий профилактики экстремизма и диагностики склонности к нему требуют понимания психологических особенностей, лежащих его основе. В целях психологического анализа целесообразно ограничиться сферой поведения и использовать понятие «насильственный экстремизм». Это дает возможность оставить за рамками анализа различные идеологические течения и просто мнения, противоречащее сложившимся в обществе взглядам. Идеология, какими бы радикальным мнениями она не выражалась, не является непосредственной причиной насильственного экстремизма. Экстремистское поведение скорее оправдывается соответствующей идеологией, чем основывается на ней.

В современной литературе имеются многочисленные попытки выделить тип личности, базовую потребность или личностную черту, которые «ведут» человека к экстремизму. Вместо этого, исследователям обычно удается либо описать комплекс особенностей поведения, являющийся следствием жизненной ситуации, либо обнаружить множество различных (часто слабых и противоречивых) корреляций установок с классическими психологическими конструктами (личностные черты, ценности и т.д.).

Очевидно, в исследовании экстремистского поведения нецелесообразно рассчитывать на выявление глубинных и неизменных личностных черт. С точки зрения ситуационного подхода, важно обратить внимание на то, как личность удовлетворяет существующие базовые потребности, используя возможности социальной ситуации. Этот переход дает возможность использовать понятие «диспозиция», которое отражает как определенные потребности индивида, так и ситуации их удовлетворения (Ядов В.А., 1975) и, как результат, приводит к важным различиям в предпочитаемых способах субъективной интерпретации окружающего мира.

Анализ представлений об авторитарной личности Т. Адорно (Адорно Т., 2001), концепции правого авторитаризма Б. Альтмайера (Altemeyer, 1996) и обобщение современных исследований экстремистского поведения позволили выделить ряд

личностных диспозиций насильственного экстремизма:

1. Культ силы и агрессивность – допустимость агрессии, восприятие насилия как ценности и предпочитаемого способа разрешения конфликта. Диспозиция формируется на основе потребности снижения фрустрации и распространения культуры насилия в социуме.

2. Интолерантность – отрицание инакомыслия, неприятие отличий других, стремление навязать окружающим свои взгляды любой ценой. В ее основе лежит потребность иметь простой и однозначный образ мира, избегать когнитивного диссонанса. Важную роль играет социальная среда, избавляющая индивида от конфликтов неопределенности и приветствующая однозначную «правильную» интерпретацию.

3. Аут-групповая враждебность – стремление принадлежать к сплоченной группе, объединенной враждебностью к другим социальным группам, подверженность конформизму. Диспозиция выражает потребности индивида в аффилиации, групповой сплоченности, а так же в высокой самооценке. Средством формирования позитивного образа Я служит враждебность к другим группам.

4. Конвенциональное принуждение – стремление находить людей, не принимающих конвенциональные ценности, осудить их, отвергнуть и наказать. Одновременно две потребности встречаются в этой диспозиции – вытеснить авторитарную агрессию путем переадресации на доступные объекты и сохранить приверженность традиционным групповым нормам.

5. Социальный пессимизм и деструктивность – предрасположение верить в мрачные и опасные процессы, происходящие в мире, общая враждебность, очернение различных человеческих проявлений, циничность. Согласно Т. Адорно, в основе этой диспозиции лежит проекция своих неосознанных импульсов на внешний мир.

6. Мистичность – тенденция приписывать ответственность внешним, неподвластным индивиду силам, вера в мистическое предназначение собственной судьбы и миссию своей социальной группы, поиск символов, имеющих особое значение. В основе диспозиции лежит уход от ответственности и потребность в защите от страха перед реальностью, стремление к объяснению окружающего мира простыми, но эмоционально яркими схемами и потребность в устранении логических противоречий в своем поведении.

7. Борьба и преодоление – стремление к героизму, к приключениям, к преодолению препятствий, готовность к риску, готовность жертвовать собой ради идеи. Основой подобной диспозиции служат потребности в преодолении (Л.С. Выготский), в неадаптивной активности (В.А. Петровский), поисковом поведении (В.С. Ротенберг), поиску ощущений (М. Цукерман).

8. Нормативный нигилизм – установка на игнорирование законов и социальных норм поведения, убежденность в том, что ради дела можно переступить через принятые в обществе нормы поведения. Базой для такой диспозиции служит нерешенная потребность в персонализации, ведущая к «застреванию» индивида на второй, конфликтной, фазе индивидуации в модели личностного развития А.В.

Петровского.

9. Анти-субъективизм – неприятие субъективных проявлений: интроспекции, фантазии, чувственных переживаний, сложных мыслительных схем и т.д., ориентация на простые идеи, непосредственные действия. В основе диспозиции лежит боязнь проявления подлинных чувств (Адорно Т., 2001), избегание личной свободы (ответственности быть субъектом) и связанным с ней неопределенности и угрозам своему Я.

Диспозиции не являются статичными элементами, их иерархия и состав меняются в зависимости от социальной ситуации и применительно к конкретным видам экстремизма. Выявление актуальных диспозиций позволит использовать их как диагностические критерии и как ориентиры в профилактической и коррекционной работе.

Литература

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001. 416 с.
2. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1975. С. 89-105.
3. Altemeyer B. The Authoritarian Specter // International Journal for the Psychology of Religion. Cambridge: Harvard University Press, 1996. No. 2, Pp. 113-133.

Особенности обыденного понимания информационной безопасности детей и подростков

Дворянчиков Н.В, Будыкин С.В., Бовина И.Б.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В современном мире так называемые новые медиа играют все более и более важную роль, по сравнению с традиционными медиа, с точки зрения определения ценностей, способов поведения, стратегий построения социальных отношений и пр. (Zdanow С., Wright В., 2012). Не только взрослые, но дети и подростки являются активными потребителями новых технологий во всем мире. По статистическим данным, имеющимся на лето 2014 года, 87,5 млн. россиян используют Интернет, т.е. 61,4% населения страны, причем почти каждый десятый пользователь Интернета – в возрасте до 14 лет (Толоконникова А.В., 2015; 5). При этом три четверти детей и подростков используют Интернет самостоятельно, без контроля родителей (Толоконникова А.В., 2015). Пользователи Интернета сталкиваются с различного рода угрозами в этом пространстве, однако дети и подростки оказываются наиболее уязвимыми группами, в отношении которых должны разрабатываться специальные профилактические меры и программы.

Эффективность защиты детей и подростков от информации, угрожающей их здоровью, зависит от того, как это знание трансформируется через призму так

называемых «наивных теорий», обыденного понимания риска, который связывается с разнообразной информацией, которая становится доступной детям и подросткам в повседневной жизни. Родители и учителя конструируют эти теории для выработки понимания того, что такое «информационная безопасность детей и подростков», какая информация угрожает детям и подросткам, какие действия требуется предпринимать для того, чтобы не причинять им вреда. В этом смысле всего лишь информационные кампании едва ли могут быть эффективными и приведут к искомому результату, ибо они игнорируют эти «наивные теории», которыми индивиды успешно пользуются для защиты от тревожащей неизвестности, сталкиваясь с новой непонятной информацией. Продуктивной концептуальной рамкой для этого является теория социальных представлений, предложенная С. Московиси (Moscovici S., 2000). На протяжении более полувека теория является достаточно перспективной социально-психологической традицией, через призму которой анализируются особенности социального мышления человека, изучается то, как субъекты вырабатывают в многочисленных коммуникациях понимание новых явлений окружающего мира, защищаясь от их пугающей незнакомости, как выстраивают стратегию поведения, опираясь на обыденные представления. Данная теория позволяет изучать то, как социальная практика трансформирует обыденные представления (Abric J.-C., 1994). В частности, в рамках концепции дистанции по отношению к объекту представлений, утверждается, что различная дистанция по отношению к объекту представлений, актуализирует разные элементы представлений – большая дистанция – нормативные элементы (связанные с ценностями, нормами или стереотипами), маленькая дистанция – функциональные элементы (связанные с действиями, по сути – скрипты) (Dany L., Apostolidis T., Harabi S., 2014). Таким образом, различные способы взаимодействия с объектом представлений актуализирует отличающиеся друг от друга элементы представлений. Это положение теории и является ключевым в нашем исследовании.

Цель излагаемого исследования заключалась в изучении обыденных представлений об информационной безопасности детей в группах родителей. Объект исследования – родители детей и подростков. Выборку составили 115 человек в возрасте от 20 до 50 лет, ($M=33,33$ года; $SD=7,6$ лет, 97 женщин и 18 мужчин. Кроме родителей, в исследовании приняли участие бездетные взрослые в качестве контрольной группы. Все респонденты были разделены на группы: родители детей (группа 1: 45 человек), родители подростков (группа 2: 35 человек), бездетные взрослые (группа 3: 35 человек). Это разбиение на группы требовалось для того, чтобы сравнить то, как различная дистанция по отношению к проблеме информационной безопасности детей и подростков определяет специфику обыденных представлений.

Предметом исследования были представления об информационной безопасности детей и подростков.

Исходя из теории социальных представлений, а именно – концепции о дистанции к объекту представлений, а также принимая во внимания результаты наших предыдущих исследований (обыденные представления выстраиваются вокруг двух основных тем – угроза и противостояние угрозе информационной безопасности

(Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В., 2016)), нами были сформулированы следующее предположение: обыденные представления об информационной безопасности детей и подростков будут разными в группах с различной дистанцией по отношению к объекту представления. Конкретизация гипотезы в виде гипотез-следствий такова:

Оценка угрозы информационной безопасности в группе 3 (наиболее удаленная группа по отношению к объекту представлений) будет ниже, чем в группах 1 и 2.

В группах, приближенных к объекту представления (группа 1 и группа 2), основными будут функциональные элементы (скрипты), а в группе 3 – нормативные.

Кроме того, мы полагали, что в группе 2 (родители подростков) имеет место наибольшая сложность скриптов по сравнению с другими группами.

Основным методом исследования был опрос в варианте анкетирования. Анкета была разработана на основе результатов предварительного исследования, в частности, тот факт, что представление об информационной безопасности структурируется вокруг двух основных тем – угроза безопасности и противостояние этой угрозе (Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В., 2016). Анкета состояла из 5 частей. В первой части респондентам предлагалось проранжировать различные темы, с точки зрения того, насколько они представляют угрозу информационной безопасности детей и подростков. Список включал темы: насилие и жестокость, наркотики, убийство, самоубийство, педофилия, наркотики, курение, алкоголь, порнография, сексуальные отношения в гетеросексуальных парах, сексуальные отношения в гомосексуальных парах, секты, террористические акты (Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В., 2016). Во второй, третьей и четвертой частях анкеты респондентам предлагались так называемые «виньетки», в каждом случае респондентам предлагалось разработать план действий в той или иной ситуации (в каждой из которых ребенок или подросток сталкивался с информацией о наркотиках, порнографии или самоубийстве). В пятой части респондентам предлагалось ответить на ряд социально-демографических вопросов.

В результате исследования было показано, что во всех группах наибольшая угроза приписывается той информации, которая касается жизни и здоровья ребенка - о насилии и самоубийстве. Порядок важности тем варьирует в группах: родители детей (группа 1) в наибольшей степени приписывали угрозу информации о педофилии, родители подростков (группа 2) – информации о самоубийстве, а респонденты в контрольной группе (группа 3) – информации о насилии.

Сравнение представлений о том, что противопоставить угрозе информационной безопасности, как защитить детей и подростков, позволяет говорить о том, что сложные планы действий были выявлены в группе 1 (родители детей), затем – в группе 2, в наименьшей степени – в группе 3 (контрольная группа). Это справедливо для ситуаций, в которых ребенок сталкивается с информацией, которая оценивается как умеренно опасная, в ситуации, в которой ребенок сталкивается с информацией, которой приписывается максимальная опасность, различий в представлениях в трех группах не было получено. Полученные результаты не позволяют нам поддержать

первое и третье предположения, но дают эмпирическую поддержку второму предположению.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (15-06-10649).

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В. Информационная безопасность детей в обыденном понимании родителей и учителей // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2016. №1. С. 77-86.
2. Голоконникова А.В. Дети и Интернет: проблемы и гарантии информационной безопасности // Медиаскоп. 2015. №2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1766> (дата обращения: 15.10.2016).
3. Abric J.-C. Pratiques sociales et représentations. Paris: Presses Universitaires de France, 1994.
4. Dany L., Apostolidis T., Harabi S. Distance to the object and social representations: replication and further evidences // Spanish Journal of Social Psychology. 2014. vol.17. Pp. 1-9.
5. Internet world stats. Usage and population statistics. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm> (дата обращения: 20.09.2016).
6. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations: explorations in social psychology. S.Moscovici / Ed. By G.Duveen, N.Y.: New York Universty Press. 2000. Pp.18-77.
7. Zdanow C., Wright B. The representation of self- injury and suicide on emo social networking groups // African Sociological Review. 2012. vol.16. No 2. Pp. 81-101.

Психологический анализ воздействия, реализуемого тоталитарными сектами посредством сети интернет

Дворянчиков Н.В., Смирнова Н.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Актуальность изучения психологических аспектов манипулятивного воздействия, реализуемого тоталитарными сектами, посредством сети интернет не вызывает сомнений. Социум эволюционирует и частично смещается в кибер-пространство; одновременно с этим, в составе нетрадиционных религиозных организаций, под которыми мы понимаем некое объединение людей, имеющих схожее мировоззрение, созданное для совместного исповедания тех или иных религиозных убеждений и взглядов, а также возможного распространения системы верований (Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В., 2014), отмечается рост числа приверженцев – интернет-пользователей, руководствующихся различного рода мотивацией (Кондратьев Ф.В., Осколкова С.Н., 2000).

Наша работа является логическим продолжением изучения аспектов реализации манипулятивного психологического воздействия НРО в сети интернет (Смирнова Н.С.,

Дворянчиков Н.В., 2015), а именно – исследованием его возможных последствий. Нам представляется возможным и актуальным пошагово исследовать намерения НРО, а также психотехническую сторону манипулятивного психологического воздействия и описать состояния, характерные для каждой фазы реализации стратегии, которые НРО рассчитывают вызвать у группы неофитов, либо отдельных ее приверженцев.

Целью работы является исследование последствий манипулятивного психологического воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети интернет.

В соответствии с выделенными нами критериями, проводится содержательный анализ контент-продукции официальных сайтов НРО, включенных в список-перечень (6) и официально признанными тоталитарными сектами. Был проанализирован контент интернет-ресурсов таких НРО как Ананда Марга, Бахаи, Велесов Круг, ДЭИР, ЮСМАЛОС.

В общей сложности нами было рассмотрено 25 статей (по 5 с каждого ресурса) объемом от 3 до 11 страниц.

Полученные результаты позволяют нам судить о наличии определенных тенденций: можно говорить о том, что наиболее часто и активно подвергается индукции мотивационно-потребностная сфера человека. Параллельно с этим, НРО транслирует адептам состояния диссоциации (деперсонализационные паттерны) – с прошлым опытом, прошлой личностью набором привычных поведенческих шаблонов и реакций. Кроме того, в сознании адептов закрепляются установки на изоляцию от ранее привычных социума и окружения. Вместе с тем, ведется воздействие на эмоционально-волевую сферу, а также вменяются чувства страха и чувство вины/стыда.

Литература

1. Веденева Е.В. Взаимосвязь мотивационного компонента личностной беспомощности и ведущей деятельности на разных возрастных этапах // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 186-189.
2. Кондратьев Ф.В., Осколкова С.Н. Проблема религиозных культовых новообразований (сект) в психолого-психиатрическом аспекте. Аналитический обзор. М.: ГНЦССП им. В.П. Сербского, 2000. 100 с.
3. Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В. Использование психологических манипуляций в сфере деятельности религиозных организаций в Интернете [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 2. С.111–132. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n2/69877.shtml> (дата обращения: 15.09.2016).
4. Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В. Исследование манипулятивных стратегий воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 2. С. 16–40. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n2/77051_full.shtml (дата обращения 15.09.2016).
5. Список-перечень «Наиболее известные тоталитарные, деструктивные секты и

группы действующие на территории Российской Федерации обладающие множеством признаков таковых» от 11.10.2004. URL: <http://centerpolit.ru/content.php?id=72> (дата обращения 15.09.2016).

Развитие правосознания: проблемы нормативного регулирования

Егоров И.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Более пяти лет прошло после издания Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168), но до сих пор именно Основы остаются, по сути, единственным документом, предусматривающим системные меры по развитию правосознания.

За эти годы было принято достаточно большое количество нормативных правовых актов, в той или иной мере посвященных развитию правосознания, но проблема нормативного регулирования такой важнейшей для государства, общества и каждого человека сферы сохраняется.

На сегодня среди действующих федеральных законов только два хотя бы упоминают о необходимости развития правосознания – Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации», в котором одним из основных направлений профилактики правонарушений названо повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан и Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», которым формирование и развитие гражданского правосознания определяется одной из задач общественного контроля. К сожалению, ни тот ни другой не предусматривают механизмов реализации этих норм, то есть, развитие правосознания присутствует на законодательном уровне только в виде декларативных норм.

Остальные нормативные правовые акты, содержащие нормы, в той или иной мере касающиеся развития правосознания, носят отраслевой (ведомственный) или иной характер, ограниченный некоторой областью (сферой) регулируемых вопросов, например, Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685), Программа по антикоррупционному просвещению на 2014-2016 годы (распоряжение Правительства РФ от 14.05.2014 № 816-р), Государственная программа Российской Федерации «Юстиция» (постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312), Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 17.02.2014 № 212-р) и другие.

Нельзя не отметить работу Минобрнауки России по нормативному регулированию вопросов формирования правосознания у обучающихся -

соответствующие нормы включены, к примеру, в ФГОС среднего общего образования (приказ от 17.05.2012 № 413), ФГОС высшего образования по направлению подготовки 38.04.09 Государственный аудит (уровень магистратуры) (приказ от 23.09.2015 № 1044) – здесь важно отметить, что соответствующие нормы содержатся также в принятых до издания Основ и действующих по настоящее время ФГОСах начального и основного общего образования, ряде ФГОСов высшего профессионального образования (юридических, педагогических).

Также Министерством издан ряд писем, содержащих рекомендации по воспитательной, антикоррупционной и психологической работе в образовательных организациях, в том числе направленной на развитие правосознания (от 13.05.2013 № ИР-352/09, от 23.05.2016 № ВК-1074/07, от 03.08.2015 № 08-1189), однако, только последнее, посвященное воспитанию антикоррупционного мировоззрения у школьников и студентов, содержит довольно подробные рекомендуемые меры по развитию правовой культуры и правосознания обучающихся, развитию ценностей законности и правопорядка, уважения прав и свобод граждан, а остальные вновь содержат лишь декларативные положения.

Таким образом, назрела необходимость разработки и издания на самом высоком уровне власти концепции развития правосознания в Российской Федерации и межведомственного плана ее реализации, в том числе по совершенствованию нормативного регулирования в части закрепления норм, направленных на реальное и деятельное развитие правосознания.

Выявление диагностической значимости признаков поведения различных типов серийных убийц

Жигачев А.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Серийные убийства один из сложных типов преступлений для раскрытия и поиска преступника. Раскрытие преступлений данного типа представляет собой сложную систему процессуальных и непроцессуальных действий направленных на установление всех событий преступления, а также поиск и поимку преступника. Причиной этого являются такие факторы как отсутствие видимой связи, между преступником и жертвой, отсутствие явных мотивов совершения преступления, минимальный объем информации о личности преступника и обстоятельствах преступного деяния (Дворянчиков Н.В., Логунова О.А., Решетова Д.В., 2011) и как следствие большой круг подозреваемых.

В связи с этим возникает вопрос, как можно повысить эффективность процесса поиска и поимки серийного преступника. С этой целью было решено выявить значимость признаков поведения различных типов серийных убийц. В качестве материала для работы были взяты данные (признаки серийных убийц и частота их встречаемости в выборке) из работы, положенной в основу исследования Н.В.

Дворянчикова, О.А. Логуновой, Д.В. Решетовой (2011). Авторы на основе модели Л.П. Коньшевой и О.Д. Ситковской разделяют серийных преступников на три типа «Ситуативные преступники», «Сексуальные маньяки» и «Силовики» (Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., 2002).

Для определения диагностической информативности того или иного признака применялся информационный критерий Кульбака (Гублер Е.В., 1970), так как другие критерии статистической значимости различий учитывают не только степень различий распределений, но и число членов выборки, образующей каждое распределение. В нашем случае, когда выборки представлены небольшим количеством испытуемых (10-32 человек в каждой группе), целесообразным было использовать именно данный критерий для оценки только степени различий распределений. Парно сравнивалось 3 группы серийных преступников (силовики и сексуальные маньяки, ситуативные преступники и сексуальные маньяки; силовики и ситуативные преступники) по различным блокам признаков (Девиантное сексуальное поведение, действия по сокрытию трупа, социальная категория жертв и т.д.). Переменной x_1 была выбрана частота встречаемости признака в группе 1, а переменной x_2 – частота встречаемости признака в группе 2. A_1 – размер выборки в группе 1, а A_2 – размер выборки в группе 2.

Затем рассчитывались частоты (вероятности) по формулам: $P_1=x_1/A_1$; $P_2=x_2/A_2$.

Далее вычислялись отношение вероятностей по формуле: $P(\text{отн})=P_1/P_2$.

И диагностический коэффициент (ДК) по формуле: $ДК=10\lg P_1/P_2$.

Далее вычислялся коэффициент диагностической информативности по формуле:

$I(x_1)=ДК(x_1)* [P(x_1/A_1) - P(x_2/A_2)]$.

Затем диагностические коэффициенты отдельных признаков суммировались по блокам, например блок признаков «действия по сокрытию трупа» включал в себя следующие признаки: обезображивание лица, поджог трупа, расчленение трупа и закапывание его частей по отдельности, утопление трупа в водоеме.

В результате мы получили следующие результаты:

В паре сравнения «Силовики и сексуальные маньяки» наиболее информативными оказались следующие группы признаков: Действия по сокрытию трупа (ДК= -32,7); Девиантное сексуальное поведение (ДК= -29,6); Возраст жертв (по сексуальным мотивам) (ДК= -27,3); Проявления социальной дезадаптации в подростковом возрасте (ДК= -17,8); Причины конфликтов (проблемных отношений) с сексуальными партнерами (ДК=8,2); Проявления социальной дезадаптации в трудовой деятельности (ДК=12,6).

В паре сравнения «Ситуативные преступники и сексуальные маньяки» наиболее информативными оказались следующие группы признаков: Девиантное сексуальное поведение (ДК= -54,5); Действия по сокрытию трупа (ДК= -36,6); Наличие сексуальных расстройств (ДК= -32,8); Количество эпизодов (ДК=2,2); Проявления социальной дезадаптации в трудовой деятельности (ДК=10,6).

В паре сравнения «Силовики и ситуативные преступники» наиболее информативными оказались следующие группы признаков: Социальная категория

жертв (ДК= -6,4); Наличие психотравмирующих ситуаций в детстве (ДК= -4,5); Увлечения преступника (Склонность к фотографированию) (ДК=12,9); Особенности внешнего вида жертвы (ДК=13,9); Наличие сексуальных расстройств (ДК=16,7).

В дальнейшем по значимым признакам поведения мы сможем определить к какому типу серийного убийцы можно отнести того или иного преступника и, исходя из этого, высказать предположения о его личностных характеристиках.

Литература

1. Гублер Е.В. Вычислительные методы распознавания патологических процессов. Л.: Издательство «Медицина», 1970. 319 с.
2. Дворянчиков Н.В., Логунова О.А., Решетова Д.В. Взаимосвязь некоторых личностных особенностей и характеристик криминального поведения у серийных сексуальных убийц [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39334.shtml> (дата обращения: 03.11.2016).
3. Ситковская О.Д., Конышева Л.П. Участие психолога в раскрытии и расследовании убийств. Научно-методическое руководство. М., 2002. 104 с.

Возможности применения типологического подхода при расследовании серийных преступлений сексуального характера

Журавлева Е.Р.

Главное управление криминалистики

Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Занимаясь всесторонним изучением проблем составления психологического портрета неустановленного преступника, учеными собран теоретический и практический материал, активно используемый при расследовании серийных сексуальных преступлений.

Однако существуют проблемы их практического применения при расследовании указанной категории преступлений.

В этой связи наблюдается реальная потребность в осуществлении апробирования имеющихся подходов с целью их дальнейшего практического использования при сопровождении расследования серийных преступлений сексуального характера для сужения круга подозреваемых лиц.

В целях подбора оптимального метода по составлению психологического портрета серийного преступника, совершившего преступления сексуального характера, на материалах 20 уголовных дел по раскрытым серийным преступлениям сексуального характера, расследование которых осуществлялось Следственным комитетом Российской Федерации, нами было проведено исследование посредством контент-анализа. Рассматриваемые преступники были отнесены к определённом психологическому типу на основе анализа их индивидуальных особенностей путём сопоставления с разработанной О.Д. Ситковской и Л.П. Конышевой моделью типологической дифференциации серийных сексуальных убийц на основе специфики

их мотивов (Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., 2002).

В основе этой психологической типологии серийных сексуальных убийц лежит описание особенностей, присущих определённому виду личности преступников: выбор жертвы и способ взаимодействия с нею, типичные места совершения преступлений, способы и мотивы убийства, поведение после совершения преступлений, а также биографические и психические особенности преступника (Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., 2002, с. 42-43).

Таким образом, авторами классификации были выделены следующие типы:

1. «Ситуативники», характеризующиеся недостаточной социальной опосредованностью базовых мотивов, действующие «по ситуации».

2. «Сексуальные маньяки», имеющие мотивационные отклонения, состоящие в неадекватной фиксации сексуальной потребности на садистском причинении страдания партнёру.

3. «Силовики», удовлетворяющие потребность в самоутверждении насильственным способом.

Несмотря на то, что указанная типология разрабатывалась авторами применительно к лицам, совершившим убийства на сексуальной почве, в ходе данного исследования нами была предпринята попытка экстраполировать имеющиеся выводы, в том числе и на лиц, совершивших преступления сексуальной направленности без лишения жизни своих жертв.

Помимо распределения лиц по трём вышеописанным типам («ситуативники» – 5, «сексуальные маньяки» – 5, «силовики» – 6), был выделен «смешанный» тип преступников, чьи индивидуально-психологические особенности преступного поведения сочетали признаки двух и трёх типов (4 человека).

В результате данного исследования были сделаны следующие выводы:

1. В результате проведённого анализа материалов 20 уголовных дел по раскрытым серийным преступлениям сексуального характера было получено 3 основных группы серийных преступников, соответствующих психологическим признакам, выделенным О.Д. Ситковской и Л.П. Коньшевой. Однако преступное поведение 4 из них не соответствовало какому-либо одному типу, а сочетало в себе признаки двух или трёх типов одновременно, нами они были выделены в отдельную группу.

Полагаем, что ретроспективный анализ преступного поведения лиц, проявляющих в своём поведении признаки двух и более типов, значительно затрудняет задачу следствию. Несмотря на то, что эти преступники совершили от 4 до 19 эпизодов, установить их личности оказалось очень сложной задачей.

2. У представителей различных типов преступников, совершивших серийные преступления сексуального характера, было подтверждено наличие различий личностных и поведенческих особенностей, описанных О.Д. Ситковской и Л.П. Коньшевой.

Литература

1. Ситковская О.Д., Конышева Л.П. Участие психолога в расследовании преступлений. Москва, 2002. 104 с.
2. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. Москва: Бином, 2014. 648 с.

Исследование факторов суицидального риска у лиц с однократными и многократными попытками самоубийства

Журавлева Т.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Ениколопов С.Н.

ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья» (г. Москва, Россия)

Дворянчиков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Черная М.И.

ГБУЗ «Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского Департамента здравоохранения города Москвы»
(г. Москва, Россия)

В работе исследованы факторы суицидального риска у 39 стационарных пациентов отделения кризисных состояний и психосоматических расстройств НИИ скорой помощи имени Н.В. Склифосовского, совершивших от одной до пяти попыток самоубийства. Группа сравнения – 150 человек без суицидальных наклонностей.

Методологическая основа исследования: шкала «Безнадежность» А. Beck; шкала «Душевная боль» R.R. Holden et al.; опросник «Причины для жизни» M.M. Linehan, J.L. Goodstein et al.; опросник «Отношение к смерти» P.Wong, J. Reker и J. Gesser; шкала «Страх личной смерти» V. Florian и S. Kravetz; опросник «Смыслы попытки суицида» D. Johns, R.R. Holden.

Все суициденты разделены на две группы в зависимости от количества совершенных попыток самоубийства.

В группу пациентов, совершивших одну попытку, вошли 23 человека, из них 16 мужчин и 7 женщин. Средний возраст по группе 29,5±1,71 лет. У лиц с одной попыткой суицида баллы по шкале «Душевная боль» был в 1,2 раза ($p<0,05$) ниже баллов контрольной группы. При этом баллы по всем шкалам «Причин для жизни» превышали баллы лиц без суицидальных наклонностей: по шкалам «Способность к выживанию и совладанию», «Ответственность перед семьей» и «Забота о детях» в 1,1 раза ($p<0,001$; $p<0,01$; $p<0,001$), по шкале «Боязнь суицида» в 1,3 раза ($p<0,01$), а по шкалам «Боязнь общественного осуждения» и «Моральные запреты» в 1,6 раза ($p<0,001$) и в 1,5 раза ($p<0,001$) соответственно. Баллы по шкале «Принятие-приближение смерти» были выше, чем у лиц без суицидальных наклонностей, в 1,2

раза ($p < 0,05$), по шкале «Избегание темы смерти» в 1,4 раза ($p < 0,001$) и по шкале «Страх смерти» - в 1,3 раза ($p < 0,001$). Баллы по шкалам «Последствия для личности», «Последствия для тела», «Последствия для личных стремлений» и «Последствия для близких» превышали данные контрольной группы в 1,3 раза ($p < 0,001$), в 1,4 раза ($p < 0,01$), в 1,4 раза ($p < 0,001$) и в 1,2 раза ($p < 0,01$) соответственно.

В группу пациентов, совершивших многократные попытки, вошли 16 человек, из них 6 мужчин и 10 женщин. Каждый из них совершил от двух до пяти попыток самоубийства. Средний возраст по группе $25,9 \pm 1,43$ лет. У лиц с многократными попытками баллы по шкалам «Боязнь общественного осуждения» и «Моральные запреты» превышали данные лиц без суицидальных наклонностей в среднем в 1,7 раза ($p < 0,001$). Баллы по шкале «Принятие-приближение смерти» превышали таковые у контрольной группы в 1,3 раза ($p < 0,01$), а по шкале «Избегание темы смерти» в 1,2 раза ($p < 0,01$). По шкалам «Последствия для личности», «Последствия для тела» и «Последствия для личных стремлений» баллы так же были выше, чем у лиц без суицидальных наклонностей, в 1,3 раза ($p < 0,001$), в 1,4 раза ($p < 0,05$) и в 1,2 раза ($p < 0,01$) соответственно.

Таким образом, у лиц, совершивших одну попытку самоубийства, в постсуицидальном периоде наблюдалось критическое отношение к своим действиям, суицидальный конфликт терял актуальность из-за снятия напряженности и нивелирования негативных переживаний. Суицидальные тенденции исчезали на фоне испытываемого острого чувства вины перед близкими и окружающими людьми за последствия совершенного акта, возросших морально-нравственных ограничений на совершение суицидальных действий в будущем и выраженного страха смерти, что в целом минимизирует риск совершения повторной попытки самоубийства.

У пациентов с многократными попытками самоубийства наблюдалось формирование суицидально-фиксированного паттерна поведенческих реакций с ослаблением суицидального конфликта и сохранением суицидальных тенденций на фоне полного отсутствия критического отношения к своим действиям, что обуславливает высокий риск повторной попытки самоубийства.

Литература

1. Журавлева Т.В., Ениколопов С.Н., Зубарева О.В., Черная М.И. Клинико-психологические особенности аддиктов с незавершенными суицидальными попытками [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 4. С. 49–70. doi:10.17759/psylaw.2015050405.
2. Черная М.И., Холмогорова А.Б., Зубарева О.В., Журавлева Т.В. Клинические и социально-психологические характеристики пациентов с суицидальными попытками // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 3. С. 69–88.

Факторы риска агрессивного криминального поведения у несовершеннолетних с органическим поражением головного мозга

Зубкова А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Ошевский Д.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии
и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

В последние годы при работе с подростками, обвиняемыми в агрессивных правонарушениях, широко применяются методы структурированной оценки факторов риска и прогнозирования вероятности совершения повторных аналогичных деликтов. Они могут быть включены в целостную систему многопрофильного сопровождения несовершеннолетних правонарушителей, в т.ч. страдающих психическими расстройствами. Однако проблема заключается в том, что методы структурированной оценки, как правило, не учитывают вклад психопатологического фактора, имеющего патопсихологические корреляты. Перечисленными выше аспектами, а также высокой представленностью среди подростков-правонарушителей лиц с органическим поражением головного мозга (ОПГМ), обусловлена актуальность проведенного исследования.

Цель исследования – выявление факторов риска агрессивного криминального поведения у подростков с ОПГМ, совершивших агрессивные деликты.

Материал и методы исследования

Обследовано 113 несовершеннолетних мужского пола в возрасте от 15 до 17 лет. Средний возраст испытуемых составил $16,1 \pm 0,7$ лет. Основную группу составили подростки обвиняемые в агрессивных деликтах ($n=46$) и страдающие ОПГМ различной степени выраженности (F07.08, F07.88 по МКБ-10). Критерием отнесения стали решения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). В выборку с умеренной выраженностью ОПГМ вошли подростки с решениями, не исключающими вменяемость. Группу с выраженной психической патологией составили несовершеннолетние, признанные невменяемыми.

Использовались методы исследования, применяемые в рамках КСППЭ и методика структурированной оценки риска противоправного поведения – «Оценка рисков и возможностей» (ОРВ), математико-статистические методы.

Результаты эмпирического исследования

У подростков с ОПГМ обнаруживаются специфические характерологические особенности. В качестве факторов риска может выступать высокий уровень проактивной и реактивной агрессивности, при недостаточной сформированности механизмов сдерживания агрессивных побуждений; эмоциональная неустойчивость, при повышенной чувствительности к внешнесредовым воздействиям. По мере усугубления органической недостаточности перечисленные свойства подростков имеют тенденцию к заострению, что повышает риск агрессивного криминального

поведения. Однако они не могут рассматриваться изолированно, а опосредуется сложными социальными факторами риска.

Структурированные методы оценки риска позволяют выделить факторы противоправного агрессивного поведения у несовершеннолетних с ОПГМ. Среди них наибольшее значение имеют те, которые связаны с социальным неблагополучием подростков. Негативный семейный контекст, трудности адаптации в образовательной среде нарушают социализацию таких подростков. Общение несовершеннолетних с ОПГМ в основном происходит в диссоциальных референтных группах, где легко усваиваются агрессивные и криминальные модели поведения и в которых характерно злоупотребление психоактивными веществами.

Выявленные особенности должны учитываться при разработке профилактических и реабилитационных программ. Существенное заострение индивидуальных свойств подростков-правонарушителей с ОПГМ, связанное с органической недостаточностью, предполагает комплексный клинико-психологический подход при их сопровождении. Использование методов структурированной оценки риска агрессивного криминального поведения является перспективным направлением, однако эти инструменты не позволяют дифференцировать факторы риска в зависимости от степени выраженности ОПГМ, в связи с этим данный класс методик целесообразно дополнить такими возможностями.

Саморазрушающее поведение, как одна из причин повышения уровня преступности

Козырева И.Е.

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (г. Уфа, Россия)

Саморазрушающее поведение – явление широко распространенное на всех этапах исторического развития человечества. Спектр его достаточно широк: от хорошо известных (алкоголизма, наркомании, анорексии, булимии) до весьма причудливых форм, описанных в литературе. Саморазрушающее поведение проявляется в причинении вреда посредством различных факторов, является разновидностью аутоагрессии и является ведущим мотивом поведения, приносящим реальное удовлетворение реализующему его субъекту.

Попытаемся рассмотреть причины саморазрушающего поведения и его опасности для других членов общества в определенных жизненных ситуациях. Проблема поиска подлинного смысла жизни стояла перед человечеством на всем протяжении его развития. Огромное количество авторов философских, литературных и психологических работ пытались ответить на этот вопрос, озвученный, в том числе, и В. Шекспиром в знаменитом монологе Гамлета «быть или не быть», то есть состояться или не состояться как личность, найти свое жизненное призвание, самому написать сценарий своей жизни, а не прожить её, подчиняясь давлению общества, близкого окружения, обстоятельств, прожив жизнь, не встретившись, образно говоря, с самим собой. Каждый человек решает этот вопрос по-своему, но для того, чтобы его осознать,

разрешить, нужна огромная духовная работа, осилить которую может далеко не каждый.

Ощущение невозможности реализации жизненного потенциала, неопределенность целей, неумение наполнять свою жизнь смыслом подводит индивида к существенному снижению самооценки, и человек как бы мстит самому себе за собственную несостоятельность, заглушая душевную боль физической, нанося себе ущерб, приводящий в определенных ситуациях к полному самоуничтожению. Саморазрушающее поведение обуславливает подмену истинных целей получения удовлетворения от жизни фиктивными, реализующимися в деструктивных моделях поведения. Это балансирование в сложных случаях на грани смерти, игры со смертью вырабатывают у человека привычку не бояться её.

Это состояние является и мотивом совершения многих преступлений. Не испытывая жалости по отношению к себе, человек и по отношению к другим не испытывает сострадания, и если он решит нанести окружающим какой-либо вред, например, при совершении террористического акта, то отсутствие сострадания к жертвам делает их заложниками его внутренних нерешенных проблем.

Личности такого типа, склонные к саморазрушающему поведению обладают также повышенной внушаемостью, что делает их опасными для общества, если лидеры, которым они подчиняются, преследуют деструктивные цели. Как известно из анализа многих уголовных дел, преступления против личности часто совершаются лицами под влиянием алкоголя и наркотиков, которые не нашли свое место в жизни, путей самореализации, и преступление для них - это еще один способ саморазрушающего поведения, так как совершенное преступление - это всегда риск следующего за ним наказания.

Также важным направлением для профилактики саморазрушающего поведения, провоцирующего в определенных ситуациях и подростковый суицид, является включение в школьную программу изучение психологии. Стоит отметить, что разговоры об изучении этого курса школьниками ведутся уже давно. Так, еще в 2012 году был утвержден федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, предусматривающий право школ включить в свои учебные планы дисциплину «Психология» в качестве дополнительного учебного предмета либо курса, который ученики могут выбирать по своему усмотрению (см. Приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413), а в ближайшем будущем этот предмет может стать обязательным для всех учеников с третьего по одиннадцатый классы.

Исследование агрессивности у подростков

Кузнецова С.О., Ениколопов С.Н., Абрамова А.А.

ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья» (г. Москва, Россия)

На сегодняшний день проблема агрессивности, враждебности и их проявлений в поведении у подростков особенно актуальна, что подтверждается большим

количеством исследований в различных областях науки и практики. Как известно, в подростковом возрасте естественным является стремление к проявлению взрослости, развитие самосознание и самооценки. При отсутствии адекватных условий для реализации своего потенциала процесс самоутверждения может проявляться в искаженных формах, приводить к неблагоприятным реакциям и последствиям, к различным девиациям, возникает опасность выбора агрессивной линии поведения.

Проведенное нами исследование, направленное на изучение взаимосвязи проявлений агрессивности с типом социализации у подростков, на материале учащихся (125 человек в возрасте 13-14 лет) общеобразовательной школы №1218 и кадетского корпуса №2 города Москвы, показало, что средние показатели агрессивности и враждебности подростков общеобразовательных школ ниже, по сравнению с аналогичными показателями кадетов. Так, подростки-кадеты в большей степени склонны приписывать нейтральным объектам и ситуациям негативные качества.

Агрессивность же подростков-кадетов имеет деструктивную тенденцию, которая сопровождается личностной враждебностью и мешает социальной адаптации, а агрессивность подростков-школьников характеризуется как конструктивно направленная. При сопоставлении форм агрессивности и враждебности подростков-кадетов и школьников нами были получены статистически значимые различия ($p < 0,01$). Так, у подростков-кадетов преобладает физическая агрессия, а также отмечаются достаточно высокие показатели по шкалам: раздражение, вербальная агрессия и подозрительность. То есть, в ситуациях межличностного взаимодействия для них характерно применение физической силы и использование словесных угроз. При этом у подростков-школьников доминируют показатели вербальной и косвенной агрессии, тогда как значения физической агрессии значительно ниже, чем у кадетов. По шкале демонстративности средние показатели у кадетов выше, чем у школьников, что объясняется спецификой кадетского воспитания в атмосфере доблести и уважения к своей родине, участием в показательных выступлениях и парадах. Желание подростков-кадетов показать себя с лучшей стороны позволяет им завоевать авторитет в своей референтной группе. Кроме этого, однородный по полу состав коллектива усиливает конкуренцию и требует постоянных доказательств своих притязаний на право лидерства. В группе подростков-кадетов отмечаются также высокие показатели безличной активности, по сравнению со школьниками, причиной тому служат особенности воспитания, так как у кадетов сфера проявления активности ограничена и определяется заданными, заранее оговоренными рамками и внутренними порядками кадетского корпуса. Вследствие этого активность, которая должна направляться на людей, выражается в деятельности и совместных занятиях, то есть в безличной форме. Следует отметить, что у подростков-кадетов также преобладают реакции с фиксацией на самозащите (защита себя, своего «Я») и резкое агрессивное порицание кого-то другого. При этом у подростков-школьников отмечаются реакции с «фиксацией на удовлетворении потребности», они не склонны к резким, обобщенно-агрессивным ответам деструктивного характера, у них значительно менее выражены самозащитные личностные реакции.

Таким образом, нами была установлена корреляционная связь между особенностями проявления агрессивности у подростков и той социальной средой, в которой они воспитываются. Следует отметить, что проблема выявления факторов и причин формирования девиантного поведения в подростковом возрасте остается актуальной и требует дополнительных исследований.

Агрессия и когнитивная сложность насильственных преступников

Курбатова Т.Н., Краснов В.В.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Существенной детерминантой, определяющей поведение личности, является самосознание как способность осознавать себя, переживать это осознание и управлять собой. В качестве главной производной самосознания выступает когнитивная сложность (КС) – содержательная характеристика самосознания, которая определяется как мера дифференциации и связанности независимых категорий, с помощью которых субъект формирует представление о себе и о реальности (Келли Дж., 1955; Бьери Дж., 1955). КС определяет зрелость личности, ее умение доводить до сознания свои, а значит и других, глубинные мотивы. Описательно-оценочные конструкты КС играют существенную роль в механизме самоконтроля как сличения наличной и эталонной ситуации, что позволяет субъекту лучше управлять своим агрессивным поведением. Можно предположить, что низкая когнитивная сложность преступников, совершивших насильственные преступления, сопряженная с низкими показателями самоконтроля, является фактором, способствующим совершению насильственных противоправных действий. В настоящем исследовании эта гипотеза эмпирически доказывается.

Была поставлена задача провести сравнительный анализ когнитивной сложности, уровней агрессии и самоконтроля осужденных, совершивших насильственные преступления (N=125), с совершившими ненасильственные преступления (N=125). Все респонденты на момент исследования отбывали наказание в учреждениях УФСИН по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Использовались следующие методики: Hand-test Э. Вагнера; опросник склонности к агрессии Басса-Перри в адаптации С.Н. Ениколопова; шкала социального самоконтроля в общении М. Снайдера в адаптации Н.В. Амяга; опросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении Г.С. Никифорова, В.К. Васильева, С.В. Фирсовой (Никифоров Г.С., 1989); метод свободного самоописания И.М. Палея – Т.Н. Курбатовой, позволяющий осуществлять количественный и качественный анализ когнитивной сложности личности (Курбатова Т.Н., 2000).

Сравнение уровня склонности к агрессии двух выборок показало статистически значимые различия по субшкалам «физическая агрессия» и «интегральный показатель агрессии» опросника Басса-Перри. У осужденных за насильственные виды преступления эти показатели ниже. Также оказался значимо ниже уровень

самоконтроля «насильственных» преступников по сравнению с «ненасильственными».

Для сравнения уровня когнитивной сложности двух выборок применялся критерий равенства дисперсий Ливиня, который показал неравенство дисперсий ($p=0,000$, t -критерий для равенства средних = $-14,59$). Уровень КС осужденных за насильственные преступления по параметру "число названных конструктов" значимо ниже ($M=11,52$) по сравнению с показателями осужденных за ненасильственные преступления ($M=18,40$).

Таким образом, преступники, осужденные за ненасильственные преступления, демонстрируя больший уровень склонности к агрессии, когнитивно-сложнее, обладают развитым самоконтролем, что позволяет им выбирать ненасильственные способы совершения преступлений. В свою очередь преступники, осужденные за насильственные преступления, имея невысокие показатели склонности к агрессии, будучи когнитивно-простыми, с менее выраженным самоконтролем, совершают, как правило, насильственные виды преступлений.

Итак, есть основание считать когнитивную сложность одним из факторов динамики агрессии, который предоставляет субъекту больший диапазон возможностей для управления своим поведением. Полученные данные могут не только использоваться в психотерапевтической и психокоррекционной практике с осужденными, но и с широкими слоями населения, нуждающимися в психологической поддержке.

Литература

1. Курбатова Т.Н. Когнитивная сложность как объект психотерапевтического воздействия // Психологические проблемы саморегуляции личности / Под ред. Е.Ф. Рыбалко. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та, 2000. Вып. 4. С. 182-191.
2. Никифоров Г.С. Самоконтроль человека. Л. 1989. 193 с.
3. Bieri J. Cognitive complexity-simplicity and predicative behavior // J. of Abnormal and Social Psychology. 1955. Vol.51.
4. Kelly G. The psychology of personal constructs NY. 1955. Vol. 1-2.

Личностные особенности и самоотношение у лиц юношеского возраста с проблемами гендерной идентичности

Макавьева В.Н., Дегтярев А.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Человек в силу своей социальной природы стремится к включению в социум, но в то же время к выделению из него, то есть к реализации своей индивидуальности. Социальная идентичность выполняет важную адаптивную роль для функционирования человека в обществе. С одной стороны, принадлежность индивида к группе обеспечивает успешное функционирование общества в целом, а с другой, дает индивиду групповую защиту, а также критерии для оценки и самооценки своей деятельности. С этой точки зрения изучение социальной идентичности и, в частности,

гендерной идентичности предстает важной проблемой, поскольку напрямую связана с проблематикой социализации человека, его адаптацией в обществе и саморегуляцией его поведения.

Гендерная идентичность – это базовая структура социальной идентичности, характеризующая человека с точки зрения его принадлежности к тому или иному гендеру. В настоящее время науке известно более двух вариантов гендерной идентичности, такие как маскулинность, феминность, андрогинность и гендерная недифференцированность (Ильин Е. П., 2010).

Юношеский возраст – ключевой возрастной период для становления индивида как личности, осознания своей идентичности, достижения социальной зрелости (Обухова Л.Ф., 2010). Одной из важных проблем в юношеском возрасте выступает формирование гендерной идентичности. Достижение социальной зрелости предполагает формирование гендерной идентичности, что в свою очередь выступает базисом для создания полоролевых отношений, как основы взаимодействия между мужчиной и женщиной. Этот базис служит условием дальнейшей включенности личности в общественные и семейные отношения. Несформированность гендерной идентичности может приводить к таким последствиям, как повышенная тревожность, коммуникативные трудности, проблемы в межличностном взаимодействии, страх перед контактами с противоположным полом и, в конечном счете, к социальной дезадаптации (Эриксон Э., 2006). Именно поэтому вопрос о гендерной идентичности так остро встает именно в юношеском возрасте.

Настоящее исследование направлено на изучение личностных особенностей и самоотношения у лиц юношеского возраста с проблемами гендерной идентичности. В исследовании приняли участие 15 человек, из них 2 юноши и 13 девушек в возрасте от 18 до 25 лет. Выборка формировалась на основании поведенческих и внешних особенностей юношей и девушек, таких как общение от лица противоположного пола, переодевание в одежду противоположного пола, предпочтение в качестве стиля одежды стиль унисекс и т.д., а также на основании последующего интервьюирования. Для оценки личностных особенностей использовалась форма А Многофакторного личностного опросника 16PF (Капустина А.Н., 2001). С целью выявления уровней самоотношения использовался Опросник самоотношения (Столин В.В., Пантилеев С.Р., 1988). В дополнение к данным методикам использовались: методика «МиФ», модифицированная Н.В. Дворянчиковым, позволяющая установить индивидуальную степень выраженности феминности, маскулинности, андрогинности, определить субъективное отношение личности к своему уровню развития этих черт; методика «Рисунок мужчины и женщины», направленная на изучение гендерных установок и аттитюдов; методика «Автопортрет», направленная на выявление индивидуально-типологических особенностей человека, его представлений о себе, своей внешности, личности и отношения к ней.

У группы лиц с гендерными особенностями наблюдается преобладание маскулинного типа гендерной идентичности, а сексуальные предпочтения характеризуются преобладанием андрогинного типа образа реального и идеального

сексуального партнера и соотносятся с образом женщины.

По результатам исследования в среднем по выборке испытуемых можно характеризовать как людей скрытных, обособленных, настороженных по отношению к людям. В контактах с людьми испытуемые проявляют доминантность, агрессивность, неуступчивость, стремление к независимости от чужого мнения, несогласие с общепринятыми нормами. Данные характеристики входят в состав коммуникативных свойств. Можно выдвинуть предположение, что лица с гендерными проблемами испытывают некоторые трудности в общении с людьми в силу смещения полоролевой идентичности по маскулинному типу. Склонность к упрямству, агрессивности, независимости могут выступать факторами, осложняющими контакты с окружающими людьми. Согласно результатам исследования самоотношения, обращают на себя внимание низкий уровень ожидаемого отношения от других. Данные результаты согласуются с представленными ранее результатами и подтверждают предположение о наличии трудностей данной выборки в общении с окружающими людьми.

На результатах исследования был применен метод ранговой корреляции Спирмена. В ходе исследования выявлено, что у испытуемых преобладает маскулинный тип гендерной идентичности, что позволяет сделать предположение о высокой значимости маскулинных качеств для данной выборки, чем можно объяснить полученные взаимосвязи. В результате исследования обнаружена прямая взаимосвязь между показателями маскулинности и уровнями самооценки, самоуважения и аутосимпатии. Обнаруженная прямая взаимосвязь между маскулинным Я-реальным и самопониманием, вероятно, объясняется тем, что маскулинная гендерная идентичность является для данной выборки наиболее понятной и приемлимой.

Мы видим дальнейшую перспективу работы в расширении выборки, в частности, в дополнении выборки лицами биологически мужского пола с гендерными проблемами, а также в направлении подтверждения или опровержения полученных взаимосвязей путем расширения выборки. Кроме того, одним из важных направлений работы представляется сравнение полученных результатов с группой нормы, исходя из чего будет возможно дальнейшее развитие работы с применением методов коррекции гендерных проблем, а также разработки программ, направленных на профилактику гендерной дезадаптивности.

Литература

1. Ильин Е.П. Пол и Гендер. Санкт-Петербург: Питер, 2010. 688 с.
2. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кэттелла. Санкт-Петербург: Речь, 2001. 112 с.
3. Обухова Л.Ф. Возрастная психология: учебник. Москва: Высшее образование: МГППУ, 2010. 460 с.
4. Столин В.В., Пантилеев С.Р. Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы / В.В. Столин, С.Р. Пантилеев. Москва: Издательство Московского Государственного Университета, 1988. С. 123-130.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва: Флинта, 2006. 342 с.

К вопросу о негативных аспектах креативности

Мешкова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Креативность – феномен, изучаемый благодаря позитивным результатам, которые он приносит в жизнь. В то же время из фокуса внимания большинства исследователей выпадают негативные аспекты креативности. Они проявляются в результатах деятельности людей: в создании нового продукта или оригинального решения проблемы. Особенность этих результатов состоит в том, что они приносят вред одному человеку/ группе/ целому обществу.

Зарубежные психологи, изучающие осуществленные оригинальными способами преступления, проводят различия между двумя видами креативности: «вредоносной» (malevolent) и негативной (Cromptley, et al., 2010). Вред может наноситься намеренно: террористические акты, мошенничество, вандализм. О негативной креативности говорится в случае принятия оригинального решения, приведшего к негативным последствиям, хотя в планы инноваторов не входило нанесение вреда.

Особый интерес представляет изучение и объяснение причин негативных аспектов креативности. За рубежом ощущается недостаток исследований в этой области, а в России они попросту не проводились. Тем не менее, можно выделить «ядерные» характеристики, стимулирующие использование креативного потенциала для нанесения вреда другим людям и объектам: взаимодействие ситуации и личностных особенностей (Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., 2016).

Один из подходов - функциональный подход к вредоносной креативности, касается осмысления продукта дивергентного мышления. Согласно модели креативного продукта, креативным может считаться продукт, обладающий определенными характеристиками. Авторы полагают, что антитеррористические стратегии должны быть направлены на снижение его эффективности, ценности, генерализуемости и ускорение устаревания (Cromptley et al., 2008). Иными словами, основная идея состоит в своевременном информировании о продукте, что предотвращает его дальнейшее использование. Однако осуществление создания и внедрения вредоносных продуктов/идей разными людьми, разбивает проблему, например, терроризма на несколько, в числе которых 1) креативность лидера-генератора идей и креативных решений по «вербовке» исполнителей и 2) почему какая-то группа людей легко принимает креативные идеи лидера - не затрагиваются в функциональной модели.

У Дж. Плуккера и М.Ранко есть рассуждения о том, что, открытость опыту и антагонизм к конвенциональным ценностям являются общими характеристиками для креативности и девиантности (Plucker J, Runco M, 1999). Рассуждения данных авторов проливают свет на понимание проблемы восприимчивости к антисоциальным «творческим» идеям: оно находится в большей степени в плоскости личностных характеристик, нежели характеристик продукта креативного мышления.

Литература

1. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Направления исследований креативности в социальном взаимодействии // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 118-128.
2. Cropley D.H., Kaufman J.C., Cropley A.J. Rejoinder to Commentaries on Malevolent Creativity: A Functional Model of Creativity in Terrorism and Crime // Creativity Research Journal. 2008. Vol. 20:2. Pp. 134-136.
3. Cropley D.H., Cropley A.J., Kaufman J.C., Runco M. (Eds.). The dark side of creativity. New York, NY: Cambridge University Press. 2010.
4. Plucker J., Runco M. Deviance. In: M. A Runco, S. Pritzker (Eds.) Encyclopedia of creativity. San Diego, CA: Academic Press. 1999. Pp. 541-545.

Буллинг в студенческой жизни: причины, возможности преодоления

Морозикова И.В.

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» (г. Смоленск, Россия)

Процессы, происходящие в современном обществе, влияют на ценности и эталоны современной российской молодежи и проявляются в межличностных отношениях, особенностях взаимодействия (Морозикова И.В., 2012, Савотина Н.А., 2014). Буллинг рассматривается как притеснение, дискриминация, травля. Формы буллинга могут быть различными: систематические насмешки, вымогательство, физические и психические унижения, бойкот и игнорирование, порча личных вещей и др. (Кон И.С., 2016, Мюллер В.К., 2016). Данное явление имеет возрастные, социальные и гендерные закономерности.

Наше исследование имело цель выявить причины и особенности проявления буллинга у студентов вуза. В нем приняли участие студенты социологического и филологического факультетов СмолГУ (60 человек). Были использованы следующие методы: теоретический анализ, анкетирование, беседа.

Все студенты отрицательно относятся к насилию и отмечают, что чаще всего причиной буллинга является желание самоутвердиться. Среди возможных причин они выделяют – вымещение злобы на других и месть, при этом девушки также выбрали варианты ответов: «обижаемый является любимчиком у преподавателя», «желание скрыть свои недостатки», «видимое отличие обижаемого от остальных». 87, 5% студентов не испытывают психологического давления со стороны одноклассников.

Ранее не сталкивались с агрессией по отношению к себе 62,5% студентов филологического факультета, остальные столкнулись с агрессией к себе в возрасте от 9 до 17 лет (средний возраст – 13 лет). Среди студентов социологического факультета 50% не сталкивались с агрессией по отношению к себе, оставшиеся столкнулись с агрессией к себе в возрасте до 12 лет.

Наблюдали буллинг по отношению к другим 62,5% студентов социологического факультета, при этом большинство испытывало чувство злобы. Среди студентов филологического факультета – 87,5%, при этом большинство испытывало ненависть, стыд и никто не чувствовал безразличия.

Одинаковое количество респондентов (75%) с двух факультетов не совершали буллинг по отношению к другим. 62,5% опрошенных из числа студентов социологического факультета вставали на защиту обиженного человека, а на филологическом факультете – 37,5%.

Половина всех респондентов с двух факультетов сталкивались с кибербуллингом, чаще всего в форме анонимных оскорблений через интернет, при этом юноши в отличие от девушек не сталкивались с кибербуллингом.

Большинство опрошенных могут рассказать друзьям/одногоруппникам о жестоком обращении одногруппников/преподавателей. Только девушки могут поделиться этой информацией с преподавателем, специалистом (психолог, социальный работник и т.д.), посторонним человеком. 13,5% студентов социологического факультета оказывали ситуативно психологическое давление на одногруппников, из респондентов филологического факультета – около 50%. Они делали это потому, что «он много о себе возомнил», «меня раздражал этот человек», «он попал под горячую руку», «желание повысить своей статус в глазах окружающих», «он провоцировал меня».

Все респонденты считают, что пресечь буллинг могут родители. Молодые люди отмечают также правоохранительные органы и преподавателей в качестве авторитетных лиц. Девушки расширяют список и включают в него также специалистов (психологи, социальный работник и т.д.) и администрацию.

Таким образом, буллинг в студенческой среде имеет свои особенности, что отражается в поведении, особенностях выстраивания межличностных отношений на факультетах. Изучение форм психологического давления позволит выявить условия и факторы возникновения буллинга, оптимизировать процесс обучения в высшей школе, организовать психолого-педагогическое сопровождение в школе, подготовить студентов-будущих учителей к предупреждению ситуаций, провоцирующих психологическое давление.

Литература

1. Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться? // Сексология. Персональный сайт И.С. Кона. [Электронный ресурс] URL:: <http://www.pseudology.org/kon/Zametki/ChtoTakoeBulling.htm> (дата обращения 12.10.16).
2. Морозикова И.В. Духовный потенциал личности будущего преподавателя изобразительного искусства как составляющая воспитательного компонента образования // Материалы международной научно-практической конференции «Социальный институт воспитания в современной России: модернизация, динамика и стратегия развития»: в 2 т. Т. 1. М.: Институт семьи и воспитания РАО, 2012. С. 219-222.
3. Савотина Н.А. Проблемы и перспективы технологического подхода в сфере воспитания // Материалы 11 международной научно-практической конференции «Социально-психологические проблемы ментальности. Вып.11. Смоленск: СмолГУ, 2014. С. 206-212.

Особенности защитных механизмов и копинг-стратегий у лиц с рискованным поведением (на примере зацеперов и руферов)

Поздняков Я.И., Делибалт В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В последнее время среди современной молодежи наблюдается распространение увлечений, связанных с рискованной деятельностью (руфинг, зацепинг, дигерство, сталкинг, опасное селфи и другие). Это подтверждается рядом статистических данных, например, по данным МВД в 2011 году сотрудниками транспортной полиции было задержано 239 участников неформального движения «зацеперов», в 2012 году уже 345, в 2013 году 424, а за первые три месяца 2014 года 107 молодых людей практикующих проезд на пригородных электричках снаружи вагона. Также можно наблюдать стремительный рост количества сторонников различных рискованных увлечений в социальных сетях (vk.com, Instagram, youtube) (Диденко К.В., Каратаева О.Н., 2014).

Социальные сети стали не только ресурсом для демонстрации своих «успехов» опытными представителями опасных увлечений, но и базой для популяризации и вовлечения в подобную деятельность новых участников, ведения активного обмена информацией касательно способов проникновения на крыши строящихся зданий, приобретения универсальных ключей для открытия дверей между вагонами метро, организации массовых акций, связанных с рискованной деятельностью.

В связи с данной проблемой со стороны правоохранительных органов был принят ряд мер по предотвращению правонарушений, связанных с подобной деятельностью. Например, установка защитных накладок между вагонами метро, организация оперативно-профилактических мероприятий («Внимание – поезд!», «Безопасность», «Подросток», «Семафор», «Вокзал» и пр.), установка камер наблюдения на станциях метро, мониторинг социальных сетей сотрудниками правоохранительных органов с целью выявления готовящихся массовых акций, ведение информационно-разъяснительной работы и другое. Тем не менее рост числа правонарушений и популяризация рискованных увлечений свидетельствует о недостаточной эффективности подобной деятельности (Диденко К.В., Каратаева О.Н., 2014).

Существенным пробелом является отсутствие специализированных методов работы направленных на профилактику рецидивов с уже выявленными нарушителями. Разработка психологических программ по работе с людьми, проявляющими подобное специфическое рискованное поведение требует изучения психологических особенностей представителей указанных выше неформальных движений.

Одной из важнейших направлений психологической работы с молодыми людьми которым свойственно систематическая практика рискованного поведения, должна быть работа по развитию качеств, способствующих адаптации личности и выработку стратегий совладания с стрессовыми состояниями, тревогой и травматичным опытом. Для решения этой задачи необходимо изучение характерных

защитных механизмов и уже имеющихся копинг-стратегий у склонных к рискованному образу жизни представителей молодежи.

Методологической основой исследования послужили общепсихологический подход к определению психологических защит (З. Фрейд, А. Фрейд, Ф.Б. Бассин, Б.Д. Карвасарский, А.А. Налчаджан, Е.С. Романова, Е.А. Сергиенко, Л.Ю. Субботина, В.А. Штроо).

Выборка исследования представлена участниками неформального движения «зацепинг» и руферов в возрасте от 18 до 23 лет. Контрольная группа будет представлена молодыми людьми в возрасте от 18 до 23 лет не занимающимися видами спорта и досуговой деятельностью связанными с риском и не имеющими приводов в полицию.

Как показало исследование для людей склонных к риску характерны следующие защитные механизмы: отрицание, замещение, проекция, компенсация, рационализация и сублимация.

По итогам работы можно сделать вывод о не полном осознании возможных негативных последствий своей деятельности со стороны зацеперов и руферов, а также о склонности оправдывать свои действия используя псевдо-логичные рассуждения и зависимости от социального окружения.

Результаты данной работы демонстрируют важность рассмотрения неформального движения «зацепинг» и «руферов», как самостоятельную субкультуру, для чего необходимо провести исследование особенностей ценностно-смысловой сферы, а также уделить внимание исследованию мотивационного компонента личности участников этих движений.

Данные полученные в ходе исследования могут быть применены для разработки программы профилактики рискованного поведения среди молодежи, а также позволяют разработать эффективную программу психологической работы с молодыми людьми, регулярно совершающими правонарушения, связанные с зацепингом и руфингом.

Литература

1. Диденко К.В., Каратаева О.Н. Предупреждение правонарушений, совершаемых несовершеннолетними на объектах железнодорожного транспорта // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. №2. С. 88-91.

Эмоциональные аспекты вовлечения личности в криминальную деятельность

Романова Н.М.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Расширение областей пересечения личности с неправовыми криминальными практиками является актуальной проблемой для нашего общества. В условиях изменяющейся социальной реальности возникают новые источники криминализации

личности. Для социально-неустойчивой, латентно–криминальной личности появляются возможности выбора жизненных смыслов, не связанных с ограничениями нормативно – правовых рамок. Вовлечение личности в криминальную деятельность может происходить как под влиянием иных социальных субъектов (личности или группы), так и вследствие процессов самодетерминации.

Для объяснения социально-психологических детерминант преступного поведения в современном обществе понятие «вовлечение» является весьма перспективным. С помощью данного понятия становится возможным рассматривать приобщение личности к криминальной деятельности не только в плане внешнего воздействия, но и с точки зрения учета ресурса личностной потенциальности. Анализ данного ресурса рассматривается в контексте возможностей субъекта к изменению, самодетерминации и саморазвитию.

Традиционно вовлечение в деятельность рассматривается с точки зрения осуществления действий одной личности по отношению к другой; реализации функции активности вовлекающего в отношении вовлекаемого; совершение действий вовлечения с применением таких способов, как использование силы, убеждение, принуждение, обольщение, угрозы, подкуп и другие.

Речь идет о «затягивании» вовлекаемого, приобщении его к преступному поведению путем оказания на него психологического или иного (физического) воздействия со стороны вовлекателя. Действия вовлекателя направлены на сознание, эмоции и волю вовлекаемого.

Результатом деятельности вовлекателя является возникновение у объекта вовлечения мыслей о преимуществах, выгоды и необходимости, а также ценности и желательности криминального поведения.

При изучении феномена вовлечения личности в криминальную деятельность как процесса мы выделяем одну из его разновидностей: эмоциональное вовлечение. Возможность выделения данной разновидности вовлечения связана с особенностями регуляции деятельности человека. Известно, что такая регуляция происходит посредством действий когнитивного, регуляторно-волевого и эмоционального аспектов. Эмоциональный компонент отвечает за глубину и качество отражения мотива и цели деятельности субъектом. Следует отметить, что детерминанты поведения становятся психологически действенными только в том случае, когда они проникают в сферу эмоциональных отношений. В связи с этим эмоциональная регуляция деятельности является особой, исключительной.

Эмоциональное вовлечение личности в криминальную деятельность рассматривается с точки зрения учета влияния эмоций и чувств на криминальный выбор субъекта. Эмоциональные аспекты вовлечения личности в криминальную деятельность, с нашей точки зрения, предполагают учет не только элементарных эмоций, но и о высших социальных чувств, нередко играющих важную роль в генезисе отдельных преступлений.

Нами выделены следующие разновидности вовлечения личности в криминальную деятельность: а) «вынужденное» – под влиянием интенсивных

негативных эмоций, «захлестывающих» человека, с которыми он не может «совладать»; б) вследствие некритического восприятия ситуации личностью (в случае совершения группового преступления, вследствие группового эффекта, повышающего энтузиазм, оптимизм, веру в безнаказанность; переживания субъектом «групповых чувств»); в) в условиях информационного влияния, включающего привлекательные эмоциональные составляющие (при вовлечении отдельных личностей в террористическую деятельность, в асоциальные сетевые сообщества и др.); г) под влиянием высших социальных чувств (любовь, сострадание, альтруизм).

Психологическая природа агрессивности и жестокости

Ситковская О.Д.

ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»
(г. Москва, Россия)

Исследования агрессивного поведения на контингенте насильственных преступников показало значительный рост агрессивной и жестокой мотивации преступлений против личности, ее неоднородность, развитие в ее структуре особо жестоких, интенсивных и извращенных форм.

Эта проблема особенно актуальна для несовершеннолетних преступников в связи с повышенной вероятностью ситуационного поведения в силу личностной незрелости, активного усвоения агрессивных образцов поведения, наблюдаемых в микросреде. Именно в этом возрасте особенно высока латентность первых менее значительных проявлений отклоняющегося поведения, связанного с агрессивной мотивацией – драки, применение силы в различных ситуациях, унижение достоинства и издевательства над слабыми, младшими. Анализ различных форм проявления допреступного насильственного поведения показал неблагополучие исследованного контингента на всех этапах жизненного пути, повышенную конфликтность в общении, неумение устанавливать доброжелательные отношения с другими людьми, склонность прибегать к агрессивным способам выхода из различных ситуаций. Влияние субкультуры на формирование агрессивного поведения связано с наличием образцов различных форм агрессии, ее поощрением референтной группой, что способствует усвоению насильственных норм, формированию и закреплению агрессивных стереотипов и навыков агрессивного поведения.

Изучение особенностей семейного воспитания и обстановки в семье показало, что в семьях агрессивных преступников распространенным является систематическое злоупотребление родителями спиртными напитками, ссоры, скандалы и драки между родителями. В основе искаженной социализации ребенка в этих семьях лежит также наличие снисходительного отношения со стороны матери к проявлениям агрессивного поведения подростка, что препятствует формированию внутреннего, основанного на интернализированной системе норм и ценностей самоконтроля, исключая агрессивность в качестве выхода из той или иной ситуации.

Большое распространение имеет агрессивное поведение отца по отношению к

другим членам семьи, его враждебность в сочетании с применением по отношению к ребенку жестоких физических наказаний. Наблюдение и подражание поведению отца способствует формированию навыков агрессивного поведения, враждебной позиции по отношению к людям вообще. Достаточно быстро формируются и развиваются черты личности, связанные с эмоциональным безразличием к переживаниям других людей, отсутствием эмпатии. Формируются и интериоризируются ценностные ориентации, связанные с допустимостью и предпочтительностью жестоких и агрессивных действий, как способов эмоциональной разрядки, выхода из конфликтных ситуаций, достижения других значимых для субъекта целей. Важный путь формирования агрессивности, жестокости заключается в приобретении агрессивных навыков в результате наблюдения агрессивного поведения в семье.

Таким образом, генезис агрессивно-жестокоего поведения связан с дефектами социализации личности, когда под влиянием семейного и бытового окружения, референтной группы формируется система установок, взглядов, норм, допускающих агрессию в качестве эффективного способа разрешения возникающих конфликтов либо для самореализации. На ранних этапах социализации агрессия может возникать и спонтанно, случайно, а в случае успешного достижения цели агрессивным способом может появиться стремление вновь использовать такие действия для выхода из различных ситуаций. При наличии же соответствующей личностной почвы важным становится не агрессия – способ достижения, а агрессия – самоцель. Агрессия становится самостоятельным мотивом поведения, он начинает побуждать самостоятельную деятельность, обуславливая враждебность по отношению к другим людям при низком уровне самоконтроля.

Психодиагностика. Ее роль в разработке мер предупреждения преступности

Собчик Л.Н.

ООО «Институт прикладной психологии» (г. Москва, Россия)

Методы психологической диагностики приближают психологию к основным научным направлениям, которые предполагают измерительную точность и статистическую достоверность. Психодиагностика предусматривает большую объективность данных и независимость результатов обследования от опыта и личностных особенностей экспериментатора. Однако любые опросники даже при наличии шкал достоверности не могут быть полностью свободными от мотивационных искажений и установочных тенденций. Поэтому к таким СМЛ (адаптированный тест ММРІ), Индивидуально-типологический опросник ИТО, вербальный фрустрационный тест ВФТ и диагностика межличностных отношений ДМО (модификация тест интерперсональной диагностики Т. Лири) в наш комплекс включены невербальные проективные тесты – метод портретных выборов МПВ (модифицированный тест восьми влечений Л. Сонди), восьми-цветовой тест МЦВ (модификация тест М. Люшера) и усеченный, удобный для массовых исследований вариант теста Роршаха. Результаты обследований разных групп лиц, преступивших закон, а также контингента

молодежных групп и подростков обнаружили высокую, спонтанно проявляющуюся агрессивность, черты эмоциональной незрелости, низкий самоконтроль и примитивно-потребностную иерархию ценностей на статистически достоверном уровне.

Работа по изучению криминальных наклонностей, которая проводилась автором совместно с лабораторией профессора А.Р. Ратинова (Институт предупреждения преступности) показала, что условно обозначенные по характеру совершенного ими преступления группы: «хулиганы», «грабители», «разбойники», «убийцы» и «расхитители государственной собственности» отражают личностные особенности представителей этих групп, что позволяет их объединить по общим для всех признакам и разделить на основании достоверных различий. Научным коллективом под руководством профессора Б.В. Шестаковича (Собчик Л.Н., 1985) совместно с автором доклада на базе ГНЦССП им. В.П. Сербского выделена группа лиц со склонностью к сексуальному насилию. Среди них наибольшую опасность представляют лица с патологией влечения, когда испытуемый переживает свое состояние как некую болезненную одержимость, противиться которой не в его силах, что выявляется показателями теста СМИЛ и результатами обследования по Роршах-теста. Компьютерный вариант этого теста представляет собой автоматизированный обсчет данных, полученных при обследовании с помощью пятен Роршаха вручную, и значительно облегчает работу психолога: исключает возможность математических ошибок и позволяет сравнить полученные результаты с нормативами и с диагностическими таблицами, отражающими взгляды видных ученых, имеющих большой опыт применения теста Роршаха.

Признаки социальной дезадаптации у подростков проявляются негативным отношением к окружающим взрослым, бунтарскими тенденциями с отрицанием любых авторитетов, что отражается в показателях психодиагностических тестов: высокий профиль по шкалам импульсивности, индивидуалистичности, ригидности, в методике СМИЛ, асоциальность мотивационной направленности, отражающаяся в высоких шкалах спонтанности, агрессивности и экстраверсии в противовес шкалам, отражающим конформность, сензитивность, эмоциональную гибкость по ИТО, в высоких баллах по конфликтности, независимости и лидированию в ДМО), в избыточной агрессивности в Вербальном фрустрационном тесте ВФТ, в признаках неустойчивой самооценки, воинствующего индивидуализма и обостренного упрямства в выборе цветов (73 на первых позициях), показателями высокой агрессивности $s+!!m-!!!$ по тесту Сонди и оппозиционного настроения по ответам типа S – в тесте Роршаха. Полученные данные предупреждают о том, что можно ожидать непредсказуемых поступков. Это позволяет выделить группу риска на противоправное поведение и разработать превентивные меры психолого-педагогического и социального характера (Собчик Л.Н., 2014). Психодиагностика является эффективным инструментом при изучении криминальной predisпозиции и дает ключ к научно обоснованному подходу для разработки превентивных мер, направленных на снижение уровня преступности.

Проявление агрессии при разных уровнях когнитивного развития подростка

Сорокина Ю.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Проблема агрессивного поведения подростков – одна из центральных социально-психологических проблем, которая затрагивает практически все сферы жизни общества. Целью агрессии может быть как собственно причинение страдания (вреда) жертве (враждебная агрессия), так и использование агрессии как способа достижения иной цели (инструментальная агрессия). Агрессия бывает направлена на внешние объекты (людей или предметы) или на себя (тело, личность).

Агрессивность – это набор преимущественно межличностных действий, вербальных или физических по форме, деструктивных и вредоносных по отношению к другим людям или предметам (Берковец Л., 2011). Надо признать, что время от времени почти все подростки проявляют агрессивное поведение, но беспокойство подростковая агрессивность вызывает, как правило, в тех случаях, когда она становится хронической или ярко выраженной. Причины агрессивности кроются как в особенностях самой личности, так и в воздействии на неё окружающей действительности.

На основе исследования, которое посвящено определению особенностей агрессивного поведения у подростков разных уровней развития, можно сделать следующие выводы. Агрессивное развитие подростка опосредованно биологическими и психологическими факторами. Для нормально развивающегося подростка в качестве предпосылок агрессивного поведения преобладающие значение имеют биологические факторы (Смирнова Е.О., Хузева Г.Р., 2008). Нормально развивающиеся подростки недоверчиво и с осторожностью относятся к людям, проявляя высокий уровень подозрительности, недовольство чаще всего выражают в вербальной форме, в общении со сверстниками они склонны к конформизму. Значимыми психологическими факторами для умственно отсталых подростков являются: интеллектуальная недоразвитость, неадекватно завышенная самооценка, тенденция к эмоциональной нестабильности (Шпек О., 2013). Для таких подростков характерны такие комплексы, как эмоциональные напряжения, тревога в отношениях со сверстниками и с взрослыми, конфликтность со сверстниками, неусидчивость. Подросткам с ОВЗ (умственная отсталость) присущи высокий уровень агрессии, раздражения, самооценки, нейротизма, директивности и демонстративности, разрешение конфликтных ситуаций у них чаще всего происходит при помощи физической силы.

Одним из главных факторов, определяющим проявление агрессивности, являются условия проживания подростка. Дети, проживающие в учреждениях интернатного типа, вынуждены адаптироваться к большому числу сверстников (Стребелева Е.А., 2008). Их контакты с окружающими людьми поверхностны, нервозны. Подростки подозревают друг друга, ждут какой-то подвоха и в любой неприятной ситуации выражают агрессию физически. Для подростков с ОВЗ

(умственная отсталость), проживающих в условиях семьи, становится характерным выражать агрессию вербально. Стоит отметить возможность коррекции агрессивного поведения у подростков с умственной отсталостью, при условии их проживания в семье и при социально-психологической помощи специалистов интернатных учреждений или социальных служб.

Литература

1. Берковиц Л. Агрессия: Причины, последствия и контроль. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2011. 512 с.
2. Смирнова Е.О., Хузева Г.Р. Психологические особенности и варианты агрессивности // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 17-26.
3. Стребелева Е.А. Дети-сироты: консультирование и диагностика развития. Москва: Полиграф сервис. 2008. 336 с.
4. Шпек О. Люди с умственной отсталостью: Обучение и воспитание: пер. с нем. А.П. Голубева; науч. ред. рус. текста Н.М. Назарова. Москва: Академия, 2013. 432 с.

Особенности смысловой сферы и правосознания у подростков с отклоняющимся поведением

Стазаев А.В., Делибалт В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Целью настоящего исследования является выявление особенностей смысловой сферы и правосознания у подростков с отклоняющимся и нормативным поведением. Компоненты смысловой сферы, при взаимодействии, создают процесс смыслообразования и смысловой регуляции поведения (Леонтьев Д.А., 2005). Правосознание же, в свою очередь, формируется на основе составляющих смысловой сферы. Большое внимание уделяется роли ценностных ориентаций и установок по отношению к праву (Ясюкова Л.А., 2000).

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что существуют различия в особенностях правосознания и смысловой сферы личности у подростков с отклоняющимся поведением и несовершеннолетних с просоциальным поведением, а также различия в компонентах правосознания и смысловой сферы у подростков с девиантным и делинквентным поведением. Для проверки гипотезы нами были применены следующие методики: Тест правового и гражданского сознания (Л.А. Ясюковой); тест «Уровень правового развития» (О.А. Гулевич); методика «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел); Смыслжизненные ориентации (Д.А. Леонтьев); опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова); методика ценностного спектра (Д.А. Леонтьев); метод «Незаконченные предложения»; сочинение «Закон в моей жизни». В исследовании приняли участие 60 человек, которые представляли три группы: подростков с девиантным поведением, подростков с делинквентным поведением, подростков с просоциальным поведением.

Согласно результатам исследования смысловой сферы у группы испытуемых с отклоняющимся поведением существует высокая мотивация к поиску смысла жизни. Исследование методикой ценностного спектра показало, что трем группам испытуемых свойственны гедонистические ценности. Однако существуют содержательные различия, согласно которым группу испытуемых с девиантным поведением характеризует инфантильное восприятие образа будущего, в то время как испытуемым с делинквентным поведением свойственно гедонистическое восприятие образа прошлого. Вместе с тем, подростков с делинквентным поведением оценивают прожитый отрезок жизни как результативный, положительно эмоционально окрашенный. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что у данной группы испытуемых сформированы устойчивые асоциальные ценности, аффективно положительно подкрепленные.

Исследование правосознания показало, что подростков с просоциальным поведением отличает сравнительно высокие показатели по шкале «Правовые знания». Мы считаем, что данный результат свидетельствует о хорошей базе для дальнейшего развития правового сознания подростка. Группу испытуемых с делинквентным поведением характеризует правовой нигилизм, пренебрежение к общепринятым нормам и правилам, ориентация на собственные морально-нравственные позиции. Все группы, согласно данным теста «Уровень правового развития» О.А. Гулевич, находятся на стадии правоподдержания, что характеризует их восприятие закона, как необходимого для поддержания порядка в обществе.

Исследование саморегуляции поведения показало, что у подростков с отклоняющимся поведением общий уровень саморегуляции выше, чем у подростков с просоциальным поведением. Мы можем объяснить полученные данные средовым фактором: подростков с отклоняющимся поведением отличает более конфликтная среда, которая требует большей мобилизации внутренних ресурсов для адаптации, в то время как подростки просоциальной группы используют ориентацию на имеющиеся нормы и правила.

Таким образом, результаты исследования особенностей смысловой сферы и правового сознания у подростков с нормативным и отклоняющимся поведением позволяют подтвердить существование различий в данных сферах у рассматриваемых групп, а также, различий в компонентах правосознания и смысловой сферы у подростков с девиантным и делинквентным поведением.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Москва: Смысл, 2005. 512 с.
2. Ясюкова Л.А. Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. 2000. №4. С. 1-13.

Особенности виктимного поведения в юношеском возрасте (на примере студентов юридического факультета)

Стуколова Л.С.

Стерлитамакский филиал ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
(г. Стерлитамак, Россия)

Как в прошлом, так и в настоящем времени особенно остро стоит проблема виктимизации молодого поколения. В России по данным Росстата на 2015 год зарегистрировано более двух миллионов преступлений, число которых превышает на 16% данные 1990 года. Обращаясь к факторам и условиям виктимизации, рассматривают ситуационные и личностные аспекты, последние из которых целиком зависят от человека, его психологических качеств и свойств.

Особую группу риска в отношении виктимной предрасположенности составляют лица юношеского возраста, что обусловлено их возрастными особенностями, новообразованиями данного возраста. Юношеский возраст является сензитивным для становления самооценки и самоутверждения личности, кроме того юноше приходится решать задачи сепарации, формирования эго-идентичности, налаживания взаимоотношений со сверстниками, освоения новых социальных ролей, вместе с тем особенно остро проявляются коммуникативные трудности: застенчивость, импульсивность и бескомпромиссность в суждениях.

Кроме того, особый интерес для исследования представляют студенты юридического факультета, так как их дальнейшая профессиональная деятельность непосредственно будет связана с различного рода преступлениями.

Виктимное поведение представляет собой явление, связанное с потенциальной или реализованной предрасположенностью лица становиться жертвой преступления.

Анализируя социально-психологические факторы, детерминирующие склонность к виктимному поведению, можно заключить, что большинство авторов выделяют неадекватный уровень самооценки, что в свою очередь может вести к неадекватному типу самоутверждения или отказу от него (Баширова Т.Н., 2013; Дубовицкая Т.Д., Киреева Е.А. 2011 и др.).

В экспериментальном исследовании участвовали студенты юридического факультета 17-19 лет Башкирского государственного университета в г. Стерлитамак, в количестве 70 человек, из которых 31 юношей и 39 девушек.

В результате исследования склонности к виктимному поведению было выявлено, что у 43% испытуемых склонности к виктимному поведению выявлено не было, однако у 57% была выявлена склонность к виктимному поведению, что свидетельствует о возможной склонности попадать в неприятные и опасные для жизни и здоровья ситуации.

Относительно отдельных видов виктимного поведения было диагностировано, что 14% испытуемых склонны к агрессивному поведению. К самоповреждающему и саморазрушающему поведению склонны 23% испытуемых. Склонность к гиперсоциальному поведению была выявлена у 34% респондентов. Склонностью к

зависимому и беспомощному поведению характеризуются 14% принявших участие в исследовании. К некритичному поведению склонны 13% испытуемых от общего числа респондентов.

Согласно методике вербальной диагностики самооценки личности, было выявлено, что для 21% принявших участие в исследовании характерен средний уровень самооценки. Для 79% респондентов характерен низкий уровень самооценки. Высокого уровня самооценки у респондентов выявлено не было.

Для проверки гипотезы исследования необходимо было проверить наличие взаимосвязи между склонностью к виктимному поведению и уровнем самооценки студентов юридического факультета; между склонностью к виктимному поведению и типом самоутверждения студентов юридического факультета.

Исследование показало, чем ниже уровень самооценки студентов юридического факультета, тем выше склонность к агрессивному, самоповреждающему и саморазрушающему, зависимому и беспомощному, некритичному виктимному поведению. Кроме того, чем выше уровень самооценки у студентов юридического факультета, тем выше склонность к гиперсоциальному виктимному поведению.

Таким образом, чем более проявлен тип деструктивного самоутверждения студентов юридического факультета, тем выше реализованная склонность к виктимному поведению.

Литература

1. Баширова Т.Н. Противоречивость социально-психологических характеристик личности как основа виктимного поведения студентов // Современные проблемы науки и образования. 2013. №6. С.26-33.
2. Дубовицкая Т.Д., Киреева Е.А. Методика диагностики типа самоутверждения // Экспериментальная психология. 2011. Т.4. №2. С.115-124.
3. Кузнецова Л.Э. Психологические особенности проявления виктимного поведения у современной молодежи // Материалы II международной научной конференции «Актуальные вопросы современной психологии» (г. Челябинск, февраль 2013 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 73-75.
4. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2006. 1008 с.
5. Andronnikova O.O. Research of psychological factors emergence Victim Behavior of teenagers // International Journal of Academic Reserch. 2010. Vol. 2, No. 3. Pp.241-245.

Влияние переводчика на проведение следственного интервью и распознавание обмана: результаты международного исследования

Халеева М.В., Гранская Ю.В., Шаболтас А.В.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

В современном мире процессы глобализации затронули многие сферы общественных отношений, в том числе и правовую сферу, в частности расследование

преступлений. Все чаще и чаще участники следственных и судебных процессов не говорят на одном языке. В таком случае, в соответствии с нормами законодательства, пользуются услугами переводчиков. Безусловно, присутствие переводчика оказывает свое влияние. Цель данного исследования заключалась в изучении влияния участия переводчика на ход следственного интервью (допроса), выявлении вербальных характеристик обмана, а также оценке эффективности метода, поощряющего интервьюируемого к более подробному рассказу.

Впервые проблема языкового барьера в следственном процессе нашла свое отражение в кросс-культурных исследованиях лжи Бонда и Рао (Bond&Rao, 2004). Однако, новизна данного исследования заключается в изучении роли переводчика как участника допроса.

Данное исследование является этапом совместного международного проекта университета Портсмута и СПбГУ, которое проводится в Великобритании, России, США и Корее.

В исследовании приняли участие 246 человек (90 мужчин и 156 женщин), в возрасте 17-41 год (средний возраст 24,5 лет), в основном студенты вузов. Российская выборка составила 65 человек, Корейская выборка – 80 человек, Латиноамериканская – 41 человек. Выборка в Великобритании (контрольная группа) составила 60 человек.

Процедура исследования состояла в просмотре участником видеоролика и последующем интервью о его содержании с интервьюером (на родном для обоих английском языке – 60 участников, неродном для участника английском языке – 61 человек, или с помощью переводчика – 125 участников). Предварительно участников инструктировали говорить правду или обманывать о содержании видеоролика (122 участника говорили правду, 124 обманывали во время интервью). В качестве метода, поощряющего участников говорить больше, использовалась аудиозапись-образец – подробная история на отвлеченную тему, которая предьявлялась половине испытуемым. В завершении участники заполняли опросники, оценивая свое состояние во время интервью.

Все интервью были записаны на видео- и аудио-носители для последующего анализа.

Результаты исследования показали, что в условиях беседы на неродном языке и с участием переводчика интервьюируемые сообщают гораздо меньше информации, хотя во втором случае они говорят на родном для себя языке. Демонстрация аудиозаписи-образца показывает свою эффективность в условиях проведения интервью на родном языке и с помощью переводчика.

Средняя продолжительность интервью с участниками, говорящими правду, превышала этот показатель с обманывающими участниками (23мин. 26 сек. и 18мин. 47сек соответственно). Интересно, что аудиозапись-образец стимулировала как говорящих правду, так и обманывающих участников к более подробному рассказу. Таким образом, значимых различий между говорящими правду и обманывающими по количеству сообщенных в ходе интервью деталей рассказа в нашем исследовании обнаружено не было. Возможным объяснением этому служит когнитивная простота

задания (исказить имеющуюся информацию – содержание видеоролика, а не создать собственную ложную историю).

Результаты данного исследования могут иметь важное практическое значение для сотрудников правоприменительных служб, а также могут способствовать расширению знаний в области распознавания лжи и юридической психологии в целом.

КЛИНИЧЕСКАЯ И СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

К вопросу об оценке следователем и судом результатов судебно-психологической экспертизы

Абдрахманова Е.В.

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Одним из прикладных направлений в использовании психологических знаний в деятельности органов следствия и суда является судебно-психологическая экспертиза (СПЭ – в дальнейшем). Если заключение СПЭ судом признано полным и обоснованным, то оно может являться доказательством по рассматриваемому делу.

Проверка и оценка заключения СПЭ является составной частью процесса доказывания и осуществляется в совокупности с проверкой и оценкой всех других доказательств по делу (ст. 87, 88 УПК), куда входит: проверка соответствия содержания и формы заключения СПЭ нормативно-правовым требованиям и оценка научного уровня заключения СПЭ (Лазарева В.А., 2016). Таким образом, при оценке заключения СПЭ необходимо применять два критерия: правовой и научный.

Правовой критерий позволяет оценить содержание, форму заключения судебно-психологической экспертизы, порядок проведения с точки зрения соответствия их нормативно-правовым требованиям. Так, в ст. 25 Федерального Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» и ст. 204 УПК говорится о том, что в заключении экспертов должны быть отражены содержание и результаты исследований с указанием применяемых методов, а материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и являются его составной частью.

При несоблюдении экспертами перечисленные выше требования, вступает в действие ст. 75 УПК о недопустимых доказательствах и положения Конституции РФ о недопустимости использования в правосудии доказательств, полученных с нарушением Федерального закона (п.2 ст. 50).

Оценка экспертного заключения с использованием научного критерия позволяет ответить на вопрос, насколько качественно и полно проведены экспериментально-психологические исследования с точки зрения определения их относимости и допустимости к делу, достоверности в целом содержащейся в заключении доказательственной информации, достаточности ее для получения ответов на целый ряд вопросов, содержащихся в ст. 73 УПК, ст. 55 ГПК.

Итак, оценка следователем и судом заключения судебной экспертизы на основе применения правового и научного критериев позволит повысить качество судопроизводства.

Литература

1. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2016. 295 с.

Возможности психокоррекционных лечебных мероприятий в отношении лиц с аномальным сексуальным предпочтением

Бабина С.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Наличие социальной опасности, которую представляют лица с аномальным сексуальным предпочтением, является одним из оснований для создания максимально эффективных схем лечения сексуальных расстройств. Основная задача состоит в решении вопроса, какая схема лечения аномалий сексуального поведения эффективна для каждого конкретного заболевания и в чем ее основание.

Для лечения расстройств сексуального поведения преимущественно применяют три метода: психофармакологическое лечение, когнитивно-бихевиоральная терапия, психотерапия и психокоррекция.

Медикаментозное лечение имеет большее преимущество над другими способами лечения парафилий, так как результат, как правило, возникает быстро, а использование не затруднительно. Основной недостаток при этом – угнетение половых функций пациента и уменьшение вероятности успешной социальной и сексуальной адаптации.

Использование когнитивно-бихевиоральной терапии проходит с опорой на индивидуальные потребности пациента, его чувствительность и уровень риска. Оценка факторов риска позволяет подобрать максимально эффективную терапию. Однако данный процесс долговременный и трудоемкий. По окончании лечения пациенту необходима психосоциальная поддержка для коррекции возможных рисков рецидива.

В психотерапии существует широкий набор методик, направленных на когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты идентичности, но, в связи с уменьшением фиксации на сексуальной сфере может возникнуть либо глубокая депрессия, либо эйфория.

Отдельным важным пунктом в составлении программ лечения расстройств сексуального предпочтения является отношение лица к своему аномальному сексуальному поведению: эго-дистония, эго-синтония (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., 2015).

Фетишизм подразумевает использование какого-либо значимого предмета или ритуала в качестве стимула для сексуального возбуждения и удовлетворения. Так как в проявлении фетишизма прослеживается механизм прикрепления реакции к определенному действию или объекту, наиболее эффективным будет использование когнитивно-бихевиоральной терапии.

Под эксгибиционизмом понимается склонность человека демонстрировать собственные половые органы в общественных местах незнакомым людям, что нередко сопровождается сексуальным возбуждением. В основе данного заболевания часто лежит органическое поражение мозга, эпилепсия, и в связи с этим медикаментозное лечение и психотерапия не будут исключать возможность рецидива. Целесообразно проведение длительной когнитивно-бихевиоральной терапии при эго-синтонном течении болезни.

Вуайеризм характеризуется возникновением у человека сексуального возбуждения при навязчивом желании подглядывать за сексуальными актами других людей или прочими их манипуляциями интимного характера. Преимущественно применяется долгосрочная антиандрогенная терапия, снижающая, в том числе, риск рецидива.

Педофилия выражается в сексуальной тяге к детям. Риск повторного совершения преступлений после осуществления лечебных мероприятий остается велик. Помимо лишения свободы и принудительного лечения необходимо отслеживать состояние больного в течение длительного времени. Целесообразно при этом психотерапевтическое воздействие.

При садомазохизме половое удовлетворение достигается путем причинения душевного или физического страдания партнеру или самому себе. Подход в терапии концентрируется в основном не на изменении поведения больного, а на социальной и психологической адаптации и носит характер профилактики возникновения преступного поведения.

При проведении психокоррекционных работ и лечения сексуальных расстройств, необходимо придерживаться стержневого принципа сексопатологии – лечение должно быть комплексным.

Литература

1. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология: руководство для врачей. М.: Бином, 2015. 648 с.

Место строгих и нестрогих методов судебно-психологической экспертизы в уголовном и гражданском процессах

Беломестнова Н.В.

Санкт-Петербургский союз ученых (г. Санкт-Петербург, Россия)

Полувековой опыт практической психологии в России предложил два основных подхода к анализу свойств человека – строгий стандартизованный (тесты и полустандартизированные методики) и дескриптивно-аналитический (анализ нарратива, психобиография, клиничко-психологический анализ, характерология и т.д.). Также полувековой опыт производства судебно-психологических экспертиз (СПЭ) в уголовном процессе (сфера практической психологии очень высокой профессиональной и социальной ответственности) показал, что в этом направлении наиболее эффективен синтез обоих глобальных подходов (Беломестнова Н.В., 2012).

Но последние двадцать лет интенсивно развивается СПЭ в гражданском процессе, где начинающие психологи пытаются основывать свои заключения на показателях множества тестов и полустандартизованных методик. Эту практику можно понять, так как первоначально основой работы психолога в СПЭ являлось патопсихологическое обследование. В этой сфере (клинико-психологическая диагностика) уже созданы тесты и методики, прицельно диагностирующие нарушения психики. Но даже в практике СПЭ в уголовном процессе оказалось, что помимо строгих методов требуются и нестрогие методы, так как в анализе общественно-опасного деяния (ООД) необходим учёт как психических, так и психологических свойств (Беломестнова Н.В., 2011).

Практика СПЭ в гражданском процессе показала крайне низкую достоверность работы строгих методов (тестов), которые, к тому же предназначены для диагностики тех свойств человека, которые являются малосущественными для понимания жизненных ситуаций. В структуре индивидуальности человека с 70-х годов XX века Б.Г. Ананьевым, В.С. Мерлиным и другими исследователями индивидуальности выделяются разнокачественные и разноуровневые индивидуально-типологические свойства: биологические, когнитивные, темпераментальные, характерологические и личностные (Беломестнова Н.В., 2003). И если при клинико-психологическом анализе нарушений или изменений психических (биологически детерминированных) свойств важно и даже принципиально исследование с помощью строгих методов (патопсихологическая оценка, психометрия интеллекта, диагностика темперамента и характера и т.д.), то для анализа свойств и прогноза поведения подэкспертного в гражданском процессе, где не ожидаются какие-либо психические нарушения, наиболее существенны именно личностные свойства, т.е. психологические черты, сформированные в процессе социализации в микро-, мезо- и макросоциуме («воспитанные» свойства). А именно эти черты эффективнее всего и достовернее всего диагностируются по поступкам человека, а не тестами (совесть, мораль и нравственность, и даже истинные, а не декларируемые, ценности личности тестами не измерить). Отсюда следует (а практика СПЭ показала), что нарратив, психобиография, поведенческие проявления в процессе экспертного собеседования, клинико-психологический анализ в гражданском процессе должны занимать преобладающее место, а тесты могут играть только вспомогательную роль, причём исключительно и категорически после верификации их эффективности и достоверности в «полевых» условиях, т.е. непосредственно в ситуации СПЭ.

Литература

1. Беломестнова Н.В. Индивидуальность человека как интегративная категория // Интегративный подход в психологии. Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С.70-90.
2. Беломестнова Н.В. Дифференцировка понятий «психический» и «психологический» в теоретической психологии и как методологическая основа практической психологии // Акмеология. 2011. № 3. С.247-251.

3. Беломестнова Н.В. Теория и практика в профессии психолога – синтез Московской и Ленинградской психологических школ // Материалы международной научно-практической конференции «Преемственность психологической науки в России». СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С.20-25.

Детерминанты криминальной агрессии у психически здоровых лиц

Васильченко А.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Дубинский А.А., Проничева М.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В зарубежной дифференциальной психологии и отечественной судебной и юридической психологии подчеркивается необходимость изучения влияния индивидуально-типологических особенностей, которые выступают основой функциональной структуры (операционально-технический уровень) саморегуляции, являющейся базисом для реализации содержательно-психологического аспекта деятельности.

В зарубежной судебной психологии доминируют модели понимания криминального поведения как «индивидуального стиля», обусловленного психофизиологическими особенностями. Так, теория J.A. Gray (1975) послужила основой для биологической модели регуляции D.T. Lykken (1995), которая включила 2 основных компонента: «BAS» – поведенческая активационная система и «BIS» – поведенческая ингибирующая система. Указывалось, что BAS вызывает поведенческое реагирование, в то время как BIS приводит к избеганию прямого поведенческого ответа и отвечает за переживание происходящего в виде чувства страха и волнения, предотвращая нежелательное и опасное поведение.

Для выделения предикторов вовлечения в криминальную активность психически здоровых лиц исследованы индивидуально-типологические особенности саморегуляции лиц, совершивших правонарушения. Было обследовано 66 мужчин: из них основную группу составили 19 мужчин с наличием криминальной активности в прошлом, группу сравнения составили 47 мужчин с нормосообразным поведением.

Диагностический комплекс, включал в себя методики, предназначенные для анализа индивидуально-типологических особенностей и саморегуляции: 1) опросник самоконтроля (Грасмик Х., 1993, адаптация Булыгиной В.Г., Абдраязковой А.М., 2008); 2) опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова В.И., 1989); 3) опросник BIS/BAS (Карвера Ч., Уайта Т., 1994, стандартизированный Князевым Г.Г. и Слободской Е.Р., 2007); 4) опросник А. Басса и М. Пери (адаптация Ениколопова С.Н., Цибульского Н.П., 2007).

Статистическая обработка проводилась с расчетом средних значений переменных, использованием t-критерий Стьюдента для независимых выборок, корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона) и процедур множественного регрессионного и ROC анализа. Критерием статистической достоверности считалась общепринятая в психологии величина $p \leq 0,05$.

Анализ полученных данных выявил следующее. Предикторами криминального поведения являются: низкие значения параметров «предпочтение простых задач»; «самостоятельность»; «моделирование», и более высокие параметра «BIS». При построении ROC кривых для оценки качества предикативной модели было обнаружено что, только параметр «BIS» обладает удовлетворительной прогнозной ценностью возможности классификации значений предикторов относительно криминальной активности.

Лиц с криминальной активностью отличает: меньшая способность к моделированию значимых условий достижения цели; сцепленность этапов саморегуляции; связь физической агрессии с импульсивностью; отсутствие согласованности в параметрах системы BAS; выраженность параметра торможения поведения (BIS) в силу большей нагрузки на сдерживающие ресурсы, предотвращающие агрессивное и импульсивное реагирование.

Лиц с нормосообразным поведением отличает: сформированность и взаимосвязь регуляторных звеньев саморегуляции; подчиненность различных выполняемых активных физических действий процессу саморегуляции; связанность поведенческой активирующей системы (BAS), при более сбалансированном функционировании активационной системы; избегание прямого поведенческого ответа, препятствующего нежелательному и опасному поведению посредством когнитивной переработки.

Литература

1. Gray J.A. Elements of a two-process theory of learning. London, UK: AcademicPress, 1975.
2. Lykken D.T. The antisocial personalities. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1995.

Проблемы экспертного психологического исследования видеозаписей следственных и оперативных действий: достоверность показаний

Волохова Л.А.

ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России
(г. Москва, Россия)

Исследование видеозаписей следственных действий (допроса, проверки показаний на месте и др.), является в настоящее время одним из наиболее востребованных направлений экспертных исследований. Среди вопросов, которые ставятся перед экспертами, нередко имеется вопрос о достоверности показаний (имеются ли признаки «сознательного утаивания, искажения информации, конструирования ложных сообщений», «скрываемых обстоятельств» и др.).

Согласно результатам обобщения экспертной практики, выполненного ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России в 2015 году, решение данного вида экспертных задач не обрели однозначного подхода, среди экспертов отсутствует единая методология исследования, четкое определение предмета психологического исследования показаний, не определены пределы компетенции эксперта-психолога. Выявлено использование некоторыми экспертами методик, не являющихся судебно-экспертными (например, «Методики «Оценка правдоподобности утверждений, представленных в устной форме (гипотеза Удо Ундойча, 1989 г.) – оценка валидности утверждений (ОВУ)»), разработанных для решения других задач, не позволяющих получить достоверные, верифицируемые данные, которые бы могли иметь доказательственное значение (Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г., 2015; Ратинов А.Р., Адамов Ю.П., 1976; Секераж Т.Н., 2012). Не разработан диагностический комплекс психологических признаков «достоверности» (система общих и частных признаков, их характеристики, информативность и др.), критерии экспертной оценки. Отсутствуют надежные речевые и невербальные индикаторы лжи, недостоверности сообщаемой информации, фантазирования, заученности показаний. Взгляды разных авторов (работы которых приводятся экспертами в списках литературы) нередко не совпадают или противоречат друг другу, а сами авторы указывают на вероятностную информативность выделяемых ими признаков.

Таким образом, в настоящее время выводы эксперта о наличии в показаниях допрашиваемого признаков недостоверности, скрываемых обстоятельств и т.п. не могут быть категорическими, а само заключение эксперта не может иметь доказательственного значения. Полученные данные могут только ориентировать следователя при анализе имеющихся у следствия версий (Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н., 1992; Секераж Т.Н., 2012; Ситковская О.Д., 2006). Обнаруженные признаки недостоверности показаний нуждаются в тщательной проверке, в том числе криминалистическими методами (Ситковская О.Д., 2006; Шаповалов В.А., 2013).

Литература

1. Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних // Современная зарубежная психология. 2015. Т.4. № 3. С. 47-56.
2. Ратинов А.Р., Адамов Ю.П. Лжесвидетельство. Происхождение, предотвращение и разоблачение ложных показаний. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1976. 135 с.
3. Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н. Экспертиза «правдивости» показаний (Возможности психологической экспертизы) // Законность. 1992. № 2. С. 13-14.
4. Секераж Т.Н. Экспертные ошибки при производстве судебной психологической экспертизы // Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С.183-225.

5. Ситковская О.Д. Психология свидетельских показаний. Научно-методическое пособие [Электронный ресурс]. М., 2006. 86 с. URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/sitkov/01.htm> (дата обращения: 20.09.2015).
6. Шаповалов В.А. Методика определения психологических признаков достоверности/недостоверности показаний в юридической практике: методическое пособие. Киев: Кафедра, 2013. 178 с.

Апробация рисуночной методики «Незаконченные предложения»

Дозорцев В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический Университет»
(г. Москва, Россия)

Методика «Незаконченные предложения» (SSCT), разработанная Джозефом М. Саксом и Синди Леви (Sachs J.M. Levy S., 1950), является вариацией техники словесных ассоциаций. Данная методика направлена на оценку характера межличностных взаимоотношений. При разработке, авторы опирались на более ранние исследования в данной области, направленные на определение возможностей техники словесных ассоциаций, а так же на поиск максимально эффективного подхода к применению данной техники.

Принято выделять следующие достоинства SSCT, по сравнению с аналогичными подходами к применению техники словесных ассоциаций:

- уменьшение количества ассоциаций, вызываемых отдельным словом;
- появление возможности лучше определять контекст, проникать в тон, качество установок и специфические объекты или области внимания;
- предоставление большей свободы индивиду и большей вариативности ответов;
- отражение большей площади поведенческого мира респондента.

Однако, несмотря на выделяемые достоинства, данная методика обладает рядом существенных недостатков. Во-первых, в виду однозначности большинства стимулов данной методики, испытуемые прибегают к различного рода ухищрениям при ответах. В поведении испытуемых зачастую преобладает установка на социально одобряемые ответы, что влияет на результаты методики. Во-вторых, несмотря на заявление автора SSCT, данная методика не отражает динамику установок испытуемого.

Введение дополнительного наглядно-образного материала способно повысить качество содержания ответов испытуемых. При помощи картинок, создается стимульная ситуация, в которой испытуемый разворачивает мысль от третьего лица. Также, стимульная ситуация, при определенном составлении, позволяет отразить динамику установок испытуемого. Так, в ходе процедуры проведения методики, у испытуемого появляется возможность отразить свои мысли и чувства, обращаясь непосредственно к явлению, косвенно, и внутренне, при отсутствии явления на стимульной ситуации. В подобном случае, ответы испытуемых будут различаться не только по эмоциональному окрасу, но и по степени глубины ответа.

Видоизменяются так же и такие аспекты методики, как: инструкция; бланк ответов; контакт с экспериментатором. Неизменными же остаются такие аспекты, как: длина вводного предложения; выявляемые установки; время процедуры; письменная форма заполнения ответов.

Использование наглядно-образного материала позволит применять методику «Незаконченные предложения» в таких областях, как судебно-психологическая экспертиза, пенитенциарная психология и т.д.

Рисуночная методика «Незаконченные предложения», разработанная Ф.С. Сафуановым, состоит из 33 рисунков, на которых изображены персонажи, находящиеся в бытовых ситуациях, отражающих 11 установок (отношение к себе, к половой жизни; к товарищам и знакомым; к семье; к женщинам; к матери; к будущему; к прошлому; к отцу; желания и цели; страхи и опасения). Вводная часть предложений представлена в стимульном материале в сжатом виде.

Также, стимульные ситуации, представленные в рисуночной методике «Незаконченные предложения», можно разделить на 3 основные группы по контексту на следующие группы:

«Прямое» отношение. Высказывание персонажа на стимульной ситуации обращено непосредственно к явлению.

«Косвенное» отношение. Высказывание персонажа на стимульной ситуации непосредственно не обращено к явлению, однако, данное явление присутствует на картинке.

«Внутреннее» отношение. Высказывание персонажа на стимульной ситуации обращено к явлению в условиях его отсутствия на картинке

Бланк ответов испытуемых представляет собой пустой лист формата А4. Испытуемых просят продолжать предложение, не переписывая вводную часть.

Процедура проведения данной методики занимает от 30 до 60 минут, в зависимости от особенностей испытуемого.

В апробации рисуночной методики «Незаконченные предложения» приняли участие 22 студента различных ВУЗов в возрасте от 18 до 23 лет. Исследование носило индивидуальный характер. В соответствии с выдвинутыми нами гипотезами, использование наглядно-образного материала в методике «Незаконченные предложения» повышает степень ее защищенности, а также контекст стимульной ситуации влияет на снижение фактора социальной желательности в ответах испытуемых. Результаты рисуночной методики «Незаконченные предложения» сравнивались с результатами методики ТАТ.

Далее, было проведено исследование, направленное на оценку эффективности применения рисуночного варианта методики «Незаконченные предложения» по сравнению с классическим вариантом. Результаты методики «Незаконченные предложения» так же сравнивались с результатами методики ТАТ. В исследовании приняли участие 10 человек из набранной ранее группы студентов. По результатам исследования, только у половины испытуемых прослеживается взаимосвязь между ответами к предложенным им стимульным материалам по большинству тем. Следует

отметить, что в большинстве тем, в ответах испытуемых преобладала сжатость, а так же формальность.

Гипотеза об эффективности использования наглядно-образного материала в методике «Незаконченные предложения» нашла свое подтверждение: было установлено, что у 20 из 22 испытуемых прослеживается взаимосвязь между ответами к предложенным им стимульным материалам по большинству тем.

Однако гипотеза о снижении фактора социальной желательности в ответах в зависимости от контекста стимульной ситуации подтвердилась лишь частично: лишь в 2 из 11 темах отмечается снижение направленности ответов от более социально приемлемого и формального к менее формальному. Дальнейшая работа над качеством стимульного материала способна исправить сложившуюся ситуацию.

Литература

1. Sachs J.M. Levy S. The sentence completion test // Bellak L. (ed.) Projective psychology. N.Y.: Knopf. 1950. Pp. 357-397.

Актуальность исследования защитных факторов и факторов риска насилия у лиц с расстройствами личности

Дубинский А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Проблема превенции совершения правонарушений лицами с психическими расстройствами, продолжает оставаться актуальной. Общая динамика преступности за последние 7 лет характеризуется ежегодным ростом количества повторных преступлений: с 29,8% в 2006 году до 49,6% в 2013 (Волконская Е.К., 2014). По распространенности среди психических аномалий лиц, совершивших правонарушения, расстройства личности занимают 2-е место, после алкоголизма (Бураева С.К., 2002). Отмечено, что за период 2003–2013 гг. количество лиц с расстройствами личности, совершивших различные правонарушения, значительно возросло (с 12683 человек – в 2003 г, до 16500 – в 2013 г.). Абсолютный рост составил 23,1%, относительный – 2,3%. Отмечается ранняя криминализация (ранее 25 лет), высокая рецидивность (правонарушения преимущественно средней степени тяжести и особой тяжести) и минимальный интервал рецидивности (менее года) у лиц с расстройствами личности (Пережогин Л.О. 2001). По данным отечественных криминологов удельный вес лиц с расстройствами личности среди рецидивистов составляет 75–90%, в то время как показатель среди всех преступников варьируется от 16 до 65% (Назаренко Г.В., 2002).

Разнообразие клинических проявлений у лиц с личностными расстройствами, зачастую сочетающихся с органическими нарушениями и низким когнитивным функционированием, злоупотреблением алкоголя и ПАВ, значительно ухудшает прогноз реадaptации. Высокая резистентность к фармако- и психотерапии, стойкость антисоциальных установок указывает на более тяжелый личностный дефект и высокую общественную опасность лиц с расстройствами личности.

К факторам, препятствующим ресоциализации лиц с личностными расстройствами, относят: выраженную мотивацию противоправного поведения, асоциальную направленность личности, сочетанность и выраженность психопатических и органических расстройств, высокую агрессивность, эгоцентризм и неадекватность самооценки, возбудимость, конфликтность, импульсивность, эмоционально-волевой дефицит, а также нарушения процессов саморегуляции (в частности планирования и целеполагания) и самоконтроля.

Необходимо отметить, что проблема генеза агрессивных действий и механизмов их реализации у лиц с расстройствами личности, в том числе и органического генеза, интенсивно разрабатывалась в судебной психиатрии и психологии на протяжении последних 40 лет. Начиная с конца 1990-х гг. изучение психологических факторов риска насилия, в сочетании с протективными (защитными) факторами является мировым трендом в судебно-психиатрической зарубежной практике (de Vries Robbé M., 2014). Указывается, что комплексный подход обеспечивает сбалансированную оценку общественной опасности лиц с различными психическими заболеваниями, позволяет повысить точность прогноза и разрабатывать более эффективные психореабилитационные тактики.

Однако в отечественной практике до настоящего времени не было предпринято попыток по систематизации и комплексному учету психологических факторов, способствующих реализации и сдерживающих агрессию у лиц с расстройствами личности. Внедрение в судебную и судебно-психиатрическую практику валидных инструментов и алгоритмов оценки факторов риска насилия и защитных факторов позволит усовершенствовать оценку потенциальной общественной опасности и разрабатывать дифференцированные превентивные мероприятия. Исходя из вышеизложенного, изучение психологических факторов риска насилия и защитных факторов у лиц с расстройствами личности представляет актуальную научно-практическую задачу.

Литература

1. Бураева С.К. Уголовная ответственность лиц с отклонениями в психике, не исключаяющими вменяемости: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. 34 с.
2. Волконская Е.К. Современные тенденции рецидивной преступности // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 63-68.
3. Назаренко Г.В. Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния. СПб, 2002. 207 с.
4. Пережогин Л.О. Судебно-психиатрическая оценка расстройств личности с учетом положений ст. 22 УК РФ: дисс. ... канд. мед. наук. М., 2001. 195 с.
5. De Vries Robbé M. Protective factors Validation of the Structured Assessment of Protective Factors for violence risk in forensic psychiatry. Doctoral Thesis, 2014. 199 p.

Исследование особенностей родительского отношения у матерей, больных шизофренией, в отечественной и зарубежной психологии

Журавлева Е.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время проблема материнства у женщин, страдающих шизофренией, остается малоизученной. Большинство зарубежных и отечественных исследований XX века были направлены на изучение агрессивного и жестокого поведения матерей в отношении детей, в том числе детоубийств (L. Bender, J. Ph. Resnick, K. Niedermeyer, R. Famularo, В.П. Мартыненко, Н.В. Вострокнутов, М.А. Качаева и др.). Как показала В.П. Мартыненко, изучая женщин, совершивших убийство своего ребенка, наиболее часто агрессию по отношению к детям проявляют матери, страдающие шизофренией. В качестве ведущего синдрома при этом выделялся аффективно-бредовой синдром в его депрессивно-параноидном варианте (Мартыненко В.П., 1974). К. Niedermeyer (1971) считал, что ведущей причиной жестокости матерей в отношении детей является отсутствие у них «развитых материнских установок».

В последние годы интерес исследователей сместился с выявления клинических факторов, определяющих опасность страдающих шизофренией женщин для своих детей, на клинко-психологическую оценку качественных особенностей такого родительства. В.И. Брутман и К.В. Морозова (2003) показали, что при шизофрении на способность выполнять родительские функции большое влияние оказывают следующие факторы: возраст начала заболевания (чем раньше появились первые признаки шизофрении, тем менее сформирована родительская функция у женщины); форма и тип течения заболевания; клиническая картина как в периоды обострений, так и во время ремиссий; критичность; наличие или отсутствие социальной поддержки.

Наибольшего развития проблема выполнения родительских функций лицами, страдающими психическими расстройствами, получила в странах Англии и США (Goodman Sh.H., Brumley H.E., 1999; Seeman M.V., 2010; Taylor V., 2011; Gearing R.E., 2012; Alonzo D., 2012; Marinelli C., 2012). В исследовании Sh. H. Goodman (1999) было установлено, что качество родительства у матерей, страдающих шизофренией, ниже, чем у здоровых матерей и женщин, страдающих депрессией. Согласно результатам исследования молодых людей, воспитывавшихся больной шизофренией матерью (Taylor V., 2011), у них имелись личностные и социальные нарушения, являвшиеся результатом психотравмирующего детского опыта.

Результаты некоторых зарубежных исследований показывают, что страдающие шизофренией женщины способны выполнять свои родительские функции без вреда психическому и физическому здоровью ребенка. M.V. Seeman (2010) установила, что негативные последствия воспитания ребенка такими матерями часто бывает связан не с имеющимся у нее психическим расстройством, а с другими рисками: бедностью, домашней жестокостью, сексуальным насилием, социальной изоляцией, условиями проживания и т.д.

Австралийские исследователи M. Lagan, K. Knights, J. Barton выяснили, что при наличии адекватной социально-психологической поддержки женщин риск развития девиантных форм материнского поведения в этой группе населения снижается (Морозова К.В., 2009). Английский специалист A. Diaz-Caneja, на основании исследования 22 больных шизофренией матерей, выявила отсутствие существенных нарушений в материнском функционировании в тех случаях, когда присутствовали социальная поддержка и участие в уходе за детьми со стороны супруга (Морозова К.В., 2009). Согласно результатам исследований Healy Dr.S. (2016), Lewin Dr.J. (2016), Seth-Smith Dr.F. (2016) при соответствующей поддержке специалистами мать, страдающая шизофренией, способна выполнять свои родительские функции фактически наравне со здоровой матерью.

Таким образом, зарубежные авторы подчеркивают огромную роль в успешности материнства женщин, страдающих шизофренией, социальных факторов и социальной поддержки. В то же время отмечено, что матери, страдающие шизофренией, уклоняются от обращения за помощью, так как они боятся быть лишены родительских прав (Hearle J., Plant K., Jenner L., Barkla J., McGrath J., 1999).

Вывод: проблема оценки особенностей воспитания детей в семьях, где матери страдают шизофренией, является актуальной для клинической психологии, судебной психологии, судебной психиатрии и требует дальнейшего исследования. Искажение материнского поведения может быть обусловлено как продуктивной симптоматикой, так и развивающимися вследствие болезни эмоционально-волевыми и личностными нарушениями. Одним из условий эффективного материнства больных шизофренией является адекватная медицинская, психологическая и социальная поддержка.

Литература

1. Брутман В.И., Морозова К.В. Состояние материнской сферы у больных шизофренией // Журнал практического психолога. 2003. № 4–5. С. 158-169.
2. Мартыненко В.П. Общественно опасные действия женщин, больных шизофренией, направленные против детей: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 1974. 19 с.
3. Морозова К.В. Материнство и шизофрения. Психологические аспекты материнского поведения у больных шизофренией // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9. С. 32-35.
4. Goodman Sh. H., Brumley H. E. Schizophrenic and depressed mothers: Relational deficits in parenting // *Developmental Psychology*. Jan 1999. Vol 26(1). Pp. 31- 39.
5. Hearle J., Plant K., Jenner L., Barkla J., McGrath J. A survey of contact with offspring and assistance with child care among parents with psychotic disorders // *Psychiatry Serv.* 1999. Vol. 50. Pp. 1354-1356.
6. Sarah J. H., Lewin J., Butler St., Vaillancourt K., Seth-Smit F. Affect recognition and the quality of mother-infant interaction: understanding parenting difficulties in mothers with schizophrenia // *Archives of Women's Mental Health*. February 2016. Vol. 19. Issue 1. Pp. 113-124.

7. Seeman M. V. Parenting Issues in Mothers with Schizophrenia Current Women's Health Reviews // Department of Psychiatry, Centre for Addiction and Mental Health, University of Toronto, Ontario. Canada. 2010. Vol. 6(1). Pp. 51-57.
8. Taylor V. Children of Schizophrenic Parents Share this with a friend Follow Schizophrenia Support [Электронный ресурс] // Schizophrenic.com. 2011. URL: <http://www.schizophrenic.com/articles/schizophrenia/children-schizophrenic-parents> (дата обращения: 04.02.2016).

Реализация принципов судебно-психологической экспертологии

Ильина В.А.

Иркутский юридический институт (филиал)

ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»
(г. Иркутск, Россия)

Выделение специальных методологических принципов непосредственно связанных с производством судебно-психологической экспертизы, является долгожданным научным явлением в ее теории и практике.

Очевидно, что функции научных принципов должны реализоваться в каждом конкретном исследовании при производстве судебно-психологической экспертизы. Более того, по нашему мнению, их прямое или косвенное отражение в заключении эксперта-психолога является показателем научности и объективности экспертных выводов.

Нами полностью поддерживается система выделенных профессором Ф.С. Сафуановым специальных методологических принципов судебно-психологической экспертологии, представленная следующими из них:

- Психотехнический подход: знания эксперта-психолога о критериях экспертной диагностики тех или иных особенностей психической деятельности, имеющих юридическое значение и влекущих определенные правовые последствия;

- Определение «экспертных» понятий: понимание экспертом-психологом того, что доказательственное значение для суда имеют заключения экспертизы, сформулированное через «экспертные» понятия, которые могут служить основанием для правового определения обстоятельств материально-правового характера;

- Многопредметное и междисциплинарное формирование специальных знаний эксперта-психолога: сформированность специальных знаний у эксперта-психолога, включающих помимо психологических, знания по юриспруденции, суицидологии, криминологии, виктимологии и др. наук (Сафуанов Ф.С., 2014).

Экспертная практика сегодня показывает, что реализация данных принципов в большинстве случаев прослеживается в экспертных заключениях психологов. Так, эксперты-психологи мотивированно отводят выходящие за пределы их компетенции вопросы о мотивах преступления или ложности показаний. Можно наблюдать и другие положительные тенденции организационного и методологического развития института судебно-психологической экспертизы.

Однако такие руководящие начала, как выделение особенностей психической деятельности, имеющих юридическое значение и влекущих определенные правовые последствия до сих пор, по нашему мнению, остаются полностью не внедренными в деятельность экспертов-психологов, за исключением единичных случаев, очевидно выпадающих на долю профессионально смелых, уверенных и творческих психологов.

Не видна в деятельности экспертов-психологов и реализация принципа многопредметности и междисциплинарного формирования специальных знаний (помимо клинической психологии), а это как раз тот принцип, в осуществлении которого сегодня наиболее нуждаются органы, осуществляющие уголовное и гражданское судопроизводство.

Необходимость внедрения указанных принципов может быть показана на некоторых примерах из судебной практики. Так, из материалов уголовного дела следует, что обвиняемый в убийстве М. имел денежный долг перед сомнительной кредитной организацией, который за год вырос с 10 000 рублей до 100 000 рублей. Обвиняемого долгое время преследовали лица, не имеющие постоянного места работы и заработка, и затем под угрозой напугать его жену и детей вывезли за пределы города с прямыми актами устрашения (заблокировали дверь в машине, грозились убийством). Ранив ножом двух потерпевших, обвиняемый М. скрывался в лесу. Очнувшись в болоте, он трое суток прятался от преследователей, которых он по голосам и машинам распознал как сообщников потерпевших. В отношении М. была назначена комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, в постановлении о назначении которой в одном из вопросов адресованных эксперту-психологу спрашивалось об его эмоциональном состоянии. Эксперт-психолог указал, что обвиняемый М. в момент правонарушения не находился в состоянии физиологического аффекта и ни в каком ином эмоциональном состоянии, способном существенно повлиять на сознание и поведение. Однако данный ответ не удовлетворил следствие и дальнейший поиск эксперта-психолога и назначение повторной судебной экспертизы показало, что следователи и сами не сомневались в вопросе об отсутствии у обвиняемого сохранной способности понимать общественную опасность своих действий и руководить ими, а также об отсутствии у него аффекта. Однако квалификация действий М. могла подпадать под необходимую оборону, о чем следователь, выносивший постановление указал с формулировкой: «в настоящее время решается вопрос о квалификации противоправных действий М.». Таким образом, иных вариантов следственной версии эксперт-психолог при первичной экспертизе не рассмотрел и дал ответ формально. Вывод повторной судебно-психологической экспертизы выглядел следующим образом: «... обвиняемый М. находился в эмоциональном состоянии тревоги и страха, которые хотя и не могли оказать влияние на осознанно-волевой контроль в момент юридически значимого события, но могли повлиять на необходимость взятия с собой орудия преступления (ножа)».

Литература

1. Сафуанов Ф. С. Методологические принципы судебно-психологической экспертологии // Материалы научно-практической конференции «Актуальные

проблемы юридической психологии. Потерпевшие и свидетели: от научных исследований к эффективной практике» (г. Санкт-Петербург 24–27 июня 2014). СПб.: Санкт-Петербургский университет; Европейская Ассоциация психологии и права (EAPL), 2014. С. 187-188.

Субъективные оценки психически больных и их взаимосвязь со структурно-технологическим обеспечением стационарного принудительного лечения

Кабанова Т.Н.

ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Существенная роль в формировании приверженности лечению и установки на реабилитацию принадлежит субъективным оценкам ситуации пребывания в стационаре. Одной из форм оценки промежуточных показателей эффективности мероприятий является удовлетворенность ими со стороны пациентов. Определенную ценность представляют собой опросы, касающиеся содержания программы, ее длительности и других вопросов, связанных с ее организацией, способа ее осуществления, а также приобретаемых в результате навыков и отражение слабых и сильных сторон проводимых мероприятий.

Исследование проводилось в стационарах, осуществляющих две разные формы принудительного лечения (специализированного типа и специализированного типа с интенсивным наблюдением), что позволило оценить взаимосвязь субъективных оценок пациентов с рядом индикаторов эффективности судебно-психиатрической профилактики. А именно: структура (материально-техническая база, кадровое обеспечение, организации работы, сервисных условий); технологии (полнота использования методов психосоциальной реабилитации при оказании специализированной помощи).

Было обследовано 94 пациента мужского пола, находящихся на принудительном лечении в Московской ПБ № 5 и Орловской ПБСТИН.

Выявлены особенности субъективных оценок пациентами проводимого принудительного лечения в зависимости от количественных и качественных показателей его организационных характеристик. Стационар специализированного типа с интенсивным наблюдением отличало наличие лечебно-производственных мастерских, реализация бригадного подхода к ведению больных, высокий уровень кадровой обеспеченности, прошедшие дополнительное профессиональное обучение специалисты по социальной работе, культурработники и адвокат, достаточно полное использование методов психосоциальной реабилитации, включая социально-педагогическую работу.

Пациенты стационара специализированного типа с интенсивным наблюдением значимо чаще в своих субъективных оценках считают, что их состояние улучшилось, они не довольны режимом отделения, что может быть обусловлено более высоким уровнем надзора в данном типе стационара.

Значимо чаще в стационаре специализированного типа, согласно мнению больных, ухудшение состояния пациента первым замечает персонал, но лиц, доверяющих себе больше, нежели врачу. Обращает внимание значимо большее количество жалоб на множество побочных эффектов фармакотерапии и неудовлетворенность лечением.

При отсутствии ЛПМ в стационаре специализированного типа и недостаточности видов структурированной деятельности, пациентов отличает нежелание участвовать в творческих мероприятиях, при этом они активнее участвуют в решении собственных социальных вопросов, однако большая часть из них пассивно выполняют инструкции врача или социального работника.

Психологические предикторы безопасного вождения у лиц с психическими расстройствами

Калинкин Д.С.

ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 15» (г. Москва, Россия)

Актуальность исследования психологических аспектов безопасности дорожного движения диктуется особенностями социально-экономической обстановки в нашей стране, изменениями в законодательстве, а также статистическими данными, свидетельствующими о высоком уровне смертности на российских автодорогах в результате ДТП. Развернувшееся в последнее время в общественном пространстве обсуждение такого понятия, как «опасное вождение» и его введение в правовое поле ставит перед психологией задачу теоретического и прикладного исследования проблемы повышения безопасности участников дорожного движения.

Психологические исследования в этом направлении в нашей стране развивались как в рамках транспортной психологии (раздела психологии труда), так и в рамках юридической психологии (психология безопасности дорожного движения).

Обзор имеющейся отечественной научной литературы позволяет выделить в данной области несколько направлений исследований:

- использование специальных психологических познаний в решении проблем безопасности дорожного движения.
- исследование психологических характеристик участников дорожного движения.
- психологические исследования в области профессионального отбора водителей и подготовки кандидатов в водители в автошколах.

Имеющиеся исследования в области психиатрии и других областей медицины посвящены изучению психических расстройств водителей – участников ДТП и рассматривают реакцию водителей как один из способов реагирования на экстремальную ситуацию, т.е. ДТП. Авторы обращают внимание, что у водителей – участников ДТП в качестве основного психического расстройства возникает острая реакция на стресс. При этом стрессогенным фактором выступает сама ситуация совершения ДТП (Бурцев А.А., 2015; Шемчук Н.В., 2003; Шпорт С.В., 2007).

Выявляемость психического расстройства у кандидатов в водители и у водителей со стажем, а также психиатрическое освидетельствование лиц с психиатрическим диагнозом ставит перед психиатрией и клинической психологией определенную диагностическую проблему. Поскольку само наличие психиатрического диагноза не может являться противопоказанием к управлению транспортным средством, необходимо разработать алгоритм комплексного медико-психологического исследования предикторов безопасного вождения у кандидатов в водители и водителей.

Несмотря на большое количество исследований, в этой области имеется ряд неизученных вопросов. Так, отмечается небольшое количество теоретических и практических работ в области выделения предикторов безопасного вождения, психологических исследований в рамках освидетельствования водителей и кандидатов в водители при прохождении медицинской комиссии.

Литература

1. Бурцев А.А. Разработка профилактических мероприятий по снижению автодорожного травматизма, связанного с употреблением алкоголя водителями транспортных средств: медицинские и правовые аспекты: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2015. 25 с.
2. Шемчук Н.В. Психические расстройства у водителей-участников дорожно-транспортных происшествий: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2003. 23 с.
3. Шпорт С.В. Особенности течения острой реакции на стресс у женщин-водителей-участников дорожно-транспортных происшествий: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2007. 20 с.

Проблема выявления психопатологических нарушений и неврологических заболеваний у лиц опасных профессий на раннем этапе

Кипарисова Е.С., Бочеев А.П.

ФГБОУ ДПО Институт повышения квалификации Федерального медико-биологического агентства России (г. Москва, Россия)

В условиях современного общества существует огромная масса людей, именуемых «лицами опасных профессий». Пребывание лиц опасных профессий в подобных условиях вносит значительное число факторов риска (ФР) развития пограничных соматических и психических расстройств, которые нередко приводят к формированию различных клинических синдромов и заболеваний. Очевидна необходимость создания системы мер ранней диагностики, с последующей коррекцией ФР развития соматических и психических заболеваний для формирования стрессоустойчивости у лиц опасных профессий.

На протяжении последних лет созданы эффективные восстановительные программы при заболеваниях нервной системы. Однако в подавляющем большинстве все разработанные методики начинают применяться на практике лишь после верификации у пациента заболевания.

Нами разработана автоматизированная программа для скрининга ФР и ранних проявлений наиболее распространенных заболеваний нервной системы, создания индивидуальной профилактической и восстановительной программы. Скрининг представляет собой тестирование пациента на предмет наличия у него факторов труда и жизни, влияющих на формирование расстройства. При выявлении диагностически значимого числа ФР требуется консультация профильного специалиста на предмет уточнения их наличия и нуждаемости в восстановительных мероприятиях.

Программный продукт состоит из 3 модулей:

- 1) Блок скрининга ФР патопсихологических расстройств.
- 2) Блок скрининга ФР и ранних проявлений неврологических заболеваний.
- 3) Блок профилактических и реабилитационных мероприятий, которые используются для коррекции выявленных отклонений на предыдущих этапах. Вопрос об их применении решается врачом лишь после дообследования, уточнения полученных результатов скрининга.

При включении пациента в число исследуемых лиц необходимо удостовериться в отсутствии у него патологии нервной системы и психических расстройств.

Целью психологического скрининга является раннее выявление легких когнитивных нарушений, тревожно-депрессивных, невротических и патохарактерологических нарушений, расстройств мышления.

Для диагностики легких когнитивных нарушений в диагностическом комплексе используются метод запоминания 10 слов и таблицы Шульте. Указанные методики использованы для уточнения наличия когнитивных симптомов, не вызывающие затруднений в повседневной жизни, но создающие дискомфорт и снижение когнитивных функций в сравнении с нормой.

С целью скрининга тревожно-депрессивных расстройств использовались методики: WHO-5, HADS, BPAQ, SCL-90.

Изучено наличие ФР групп следующих групп неврологических заболеваний: 1) цереброваскулярная патология; 2) синдром боли в нижней части спины; 3) головная боль; 4) синдром дезадаптации.

Пациенты, у которых выявлены ФР развития заболеваний, исследуются далее для верификации/исключения органического патологического субстрата, который может быть преморбидным фоном болезни. Продолжается работа по совершенствованию программы и исследованию полученных результатов.

Патология личности и психопатология у мужчин с неограниченным сексуальным поведением

Кони́на М.А.

ГБУЗ «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой Департамента здравоохранения города Москвы» (г. Москва, Россия)

Неограниченное сексуальное поведение, то есть раннее начало половой жизни, беспорядочные половые связи, частая смена сексуальных партнеров, является

феноменом современной культуры и находится в фокусе внимания современного искусства (разные жанры литературы, публицистики, кино) (Кони́на М.А., Холмогорова А.Б., 2014) и зарубежных и отечественных исследователей (Seal, 1994; Wright et al., 1997; Schmitt, 2005, 2007; Penke, Asendorf, 2008; Westerlund et al., 2010; Owuamanam, 2013 и др., цит. по Кони́на М.А., Холмогорова А.Б., 2014, 2015а, 2015б). Распространенность неограниченного сексуального поведения в российской популяции достаточно высока: 16,7% от общего числа опрошенных (N=492, пользователи российского интернета) склонны к промискуитету, то есть вступают в сексуальные связи с пятью и более партнерами в течение года. 63,5% из числа тех, кто имеет постоянные сексуальные отношения, имеют контакты с другими партнерами, эти данные позволяют предположить, что выбор неограниченных стратегий не связан с отсутствием постоянных близких отношений (Кони́на М.А., Холмогорова А.Б., Сорокова М.Г., 2014; Кони́на М.А., Холмогорова А.Б., 2015а).

Идет поиск факторов выбора этой социальной стратегии: найдены корреляции между неограниченным сексуальным поведением и такими личностными чертами, как экстраверсия и уступчивость; импульсивность и склонность к риску. Также установлена связь с избегающим стилем привязанности, высоким самоконтролем и с антисоциальными и нарциссическими чертами. Выявлена связь неограниченного сексуального поведения и сексуального принуждения; доказано, что у мужчин эта социальная стратегия коррелирует с более высоким уровнем сексуальной агрессии, наличием состязательных установок в сексе, и более консервативным отношением к женщине, а у женщин – с фантазиями на тему сексуального доминирования и более низким уровнем сексуальной консервативности. Одним из факторов выбора подростками неограниченной сексуальности в качестве социальной стратегии является полигамный тип родительской семьи (Wright, Reise, 1997; Seal, Agostinelli, 1994; Seal, Agostinelli, 1994; Owuamanam, Bankole, 2013; Brennan, Shaver, 1995; Sakaguchi et al., 2007; Foster et al., 2006; Jonason et al., 2009; Westerlund, 2010; Yost, Zurbriggen, 2006, цит. по Кони́на М.А., Холмогорова А.Б., 2014, 2015а, 2015б).

До 2010-х гг. в нашей стране исследования промискуинного сексуального поведения были единичны, например, среди мужчин гомосексуальной ориентации, занимающихся проституцией (Максимов А.М., Холмогорова А.Б., 2009). В 2014-2016 гг. был проведен ряд исследований неограниченного сексуального поведения широкой популяционной выборки, в частности, представлены данные о распространенности такого поведения в российской популяции (Кони́на М.А., Холмогорова А.Б., Сорокова М.Г., 2014; Кони́на М.А., Холмогорова А.Б., 2015а), о связи неограниченного сексуального поведения с факторами пограничной патологии (Кони́на М.А., Холмогорова А.Б., Сорокова М.Г., 2014), изучены половозрастные аспекты промискуинного поведения (Кони́на М.А., Холмогорова А.Б., 2015б).

Одним из этапов исследований неограниченного сексуального поведения стал поиск связей между показателями промискуинности и выраженностью личностной патологии и психопатологии. Для установления связей были обследованы 50 мужчин, зарегистрированных на сайте знакомств tamba.ru. Отбор испытуемых проходил по

признаку наличия 5 сексуальных партнеров за последний год. Обследование прошли мужчины в возрасте от 22 до 57 лет (средний возраст 33,8 лет), среди которых преобладали (84%) люди, имеющие высшее и неполное высшее образование. Респонденты были обследованы очно методиками: 1) SOI-R (Опросник оценки социально-сексуальных стратегий); 2) PBQ-SF (Шкала оценки дисфункциональных убеждений при патологии личности); 3) SCL-90-R (Опросник выраженности психологического симптоматического статуса).

В результате проведенного исследования было установлено:

Наличие прямых значимых связей между показателями неограниченного сексуального поведения и показателями личностной патологии:

1.1. Показатель неограниченного поведения, отражающий наличие убеждений о приемлемости неограниченного сексуального поведения, связан с выраженностью убеждений, свойственных зависимому, обсессивно-компульсивному, антисоциальному, шизоидному и параноидному расстройствам личности.

1.2. Общий индекс социально-сексуальных стратегий связан с выраженностью показателей личностной патологии антисоциального типа.

2. Наличие прямых статистически значимых связей симптоматических показателей психической патологии с показателями неограниченного сексуального поведения:

2.1. Показатели симптоматической шкалы HOS (враждебность, агрессия по отношению к окружающим) и PAR (подозрительность, параноидное мышление) связаны с показателями неограниченного сексуального поведения.

2.2. Показатели неограниченного сексуального поведения и общий индекс социально-сексуальных стратегий связаны с одним из общих показателей уровня психопатологической симптоматики: чем в большей степени у мужчин выражена психопатологическая симптоматика, тем в большей степени он склонен придерживаться стратегий неограниченного сексуального поведения.

Литература

1. Кони́на М.А., Холмогорова А.Б. Стратегии сексуального поведения в современной культуре // Культурно-историческая психология. 2015а. С. 61-70.
2. Кони́на М.А., Холмогорова А.Б., Сорокова М.Г. Феномен неограниченного сексуального поведения в современном обществе: патологические тенденции культуры или патология личности? // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 2. С. 88-118.
3. Кони́на М.А., Холмогорова А.Б. Феномен неограниченного сексуального поведения в историческом контексте разных типов сексуальной культуры // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 3. С. 119-140.
4. Кони́на М.А., Холмогорова А.Б. Половозрастные аспекты неограниченного сексуального поведения в современной культуре. Горизонты зрелости. Сборник статей. 2015б. С. 157-164.

5. Максимов А.М., Холмогорова А.Б. Социальные и психологические аспекты феномена мужской проституции в современной культуре // Культурно-историческая психология. М. 2011. № 1. С. 80-89.

Нарушения мышления при локальных поражениях головного мозга у больных с афазией

Котельникова Д.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В отечественной психологии мышление рассматривается как процесс сложно-опосредованного познания объективной реальности, её связей и отношений. Мышление является деятельностью, опирающейся на систему понятий, направленной на решение задач, подчиненной цели и учитывающей условия, в которых задача осуществляется. Эти положения советской психологии о структуре мышления являются основой анализа различных форм патологии мышления.

Главной теоретической проблемой патопсихологии является изучение условий и механизмов формирования патологических психических феноменов, где нарушения психической деятельности рассматриваются как сложные структурные образования, при этом выделяются первичные и вторичные симптомы, обусловленные заболеванием. В рамках нейропсихологии рассматривается мозговая организация психической деятельности в норме и патологии. Одной из важнейших теоретических предпосылок нейропсихологии является понимание психической функции как функциональной системы, состоящей из иерархически связанных между собой звеньев.

В мышлении, как и в любой психической функции, выделяют структурные и динамические характеристики, однако, для осуществления функционирования как динамического, так и операционального компонента необходима сохранность эмоционально-мотивационной сферы. Л.С. Рубинштейн рассматривал мотивационную сферу в тесной связи с понятием личности, и мышление понимается им как деятельность субъекта при взаимодействии с внешними условиями.

Представляется перспективным совмещение пато- и нейропсихологического методического аппарата изучения мыслительной деятельности и речи для составления наиболее целостной картины структуры дефекта и совершенствования существующих технологий коррекционно-реабилитационной работы с пациентами. В связи с этим, нами было проведено пилотажное исследование на базе Центра патологии речи и нейрореабилитации имени В.М. Шкловского. Выборку исследования составили 15 человек: 7 человек с поражением поражения II функционального блока мозга и 8 человек – II и III функционального блока мозга.

Подбор методического аппарата осуществлялся с учетом ряда ограничений. Методики необходимо было подобрать таким образом, чтобы материал был доступен больному с любым видом афазии и средней степенью выраженности речевого дефекта.

В связи с этим, стимульный материал включал в себя «невербальные» методики: «Кубики Кооса», «Последовательность сюжетных картинок»; «вербальные» методики: «Толкование пословиц и метафор», «Существенные признаки», в которых материал был представлен в виде бланка ответов или набора карточек с фразами и подразумевал выбор правильного ответа из присутствующих. Только в методике «Последовательность сюжетных картинок» испытуемым предлагалось составить рассказ или выделить главную мысль по разложенным карточкам.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что использование патопсихологического диагностического аппарата в работе с пациентами нейропсихологического профиля (т.е. имеющими очаговую симптоматику) позволяет уточнить представления о механизмах нарушения мышления как деятельности. Соотнося картину нарушений с локализацией мозгового поражения, важно учитывать характер стимульного материала (вербальные методики, наглядно-образные, словесные).

Открытым остается вопрос о выделении критериев количественной оценки мыслительной деятельности при применении патопсихологического аппарата в работе с больными, имеющими речевую патологию. Особенно актуален этот вопрос для выделения клинко-психологических критериев прогноза динамики психического состояния и разработки программ реабилитации и социальной интеграции больных, когда нейропсихологический дефект скорректирован в ходе проведения нейрореабилитационных мероприятий, с учетом особенностей вторичного дефекта, с т.з. патопсихологического подхода.

К вопросу об использовании судебно-психологической экспертизы (СПЭ) с целью выявления психического воздействия, используемого в коммерческих целях

Лисовцева В.М., Петрова Л.Г.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

(г. Саратов. Россия)

Детерминантами поведения человека являются как внутриличностные образования, так и внешние причины. Судебно-психологическая экспертиза позволяет определить, является ли поступок клиента закономерным для данной личности, обусловлен ли ее системой потребностей и ценностей, или он не соотносится с ней, а порожден мотивами, внешними по отношению к устойчивой мотивационной системе личности в юридически значимых ситуациях.

Исследование материалов судебных гражданских дел по возвращению клиентами наборов косметических средств известных брендов выявило «особенности» заключения договоров с названными компаниями. Договоры заключались вопреки планам клиентов, их финансовому и социальному положению, разуму и логике. Такой подход наглядно демонстрирует хорошо продуманную стратегию психического воздействия компаний с целью манипуляции сознанием и поведением человека:

применяемые ими приемы являются приёмами введения в заблуждение без использования явной лжи.

Стратегия работы сетевой компании включает в себя следующие элементы: звонок на сотовый номер телефона клиента и приглашение его на бесплатную процедуру для демонстрации косметических средств с обязательным наличием паспорта. Звонки осуществляются до тех пор, пока клиент не обозначит время посещения. С паспорта снимают копию, провожают в косметический кабинет. Во время процедуры обрабатывают половину лица, чтобы был виден эффект, при этом рассказывают о своем продукте красочно и эмоционально, говоря про преимущества его использования, одновременно расспрашивая клиента о месте работы, величине заработной платы, об обычно используемой им косметике. Завершается процедура вопросами: «Вы видите изменение вида Вашей кожи после применения косметических средств?», «Вам нравится то, как Ваше лицо выглядит сейчас?», «Вам хотелось бы пользоваться такой косметикой каждый день?». Затем следует предложение приобрести косметику в личное пользование «здесь и сейчас». Формулируется оно директивно, в форме требования, для клиента отвергается возможность «подумать» над совершением покупки, напор и давление усиливаются утверждениями о невозможности иным способом купить данную косметику и дополнительными бонусами (возможность докупать израсходованные средства по более низкой цене, получать консультации и пр.). Затем клиенту предлагается подписать УЖЕ готовый бланк договора с компанией и кредитный договор с банком.

Именно так происходит вовлечение клиента в специальным образом организованную деятельность с использованием различных психологических эффектов. Учитывая недостаточную осведомленность клиента, его низкий социальный статус, общую пассивность, приверженность стереотипам, а также его когнитивные ошибки (Кабатченко Т. С., 2003): манипуляция результативна – клиент подписывает договора.

По данной схеме с небольшими вариациями, осуществляют продажи своей косметической продукции и другие фирмы.

Про свое посещение косметической компании Б.В.В. рассказывает: «я пришла с паспортом..., сотрудница компании провела в кабинет. ... говорили, что все плохо, кожа — жуткая, необходимо очищать, использовать косметику, что косметика носит лечебный характер. В это время намазывали одну и ту же часть лица. Говорили, что после нанесения косметики лицо сразу посвежело и оживилось. Говорили это с натиском. ... Расплакалась – стало себя жалко, они приводили примеры с бомжами, у которых синее лицо, что, если не вмешаться, то и сердце будет болеть, все лицо будет синим. Тоже и на левой ноге, которую я им показала – на ноге после операции остались рубцы и кожа имеет темный цвет. Они сказали, что уйдет темный цвет кожи, уйдут рубцы. ... Очень быстро обработали вторую часть лица. Потом отвели в другой кабинет, сказали, что дадут парфюмерию и дали подписать бумаги (смысла бумаг я не поняла), думала, за два года сумму 4 тысячи 600 р. надо оплатить. Кредита я не брала, думала, что эти бумаги – квитанции для оплаты».

Поведение сотрудников, оказывающих психологическое воздействие, скрытно способствует возникновению у другого человека намерений, не совпадающих с его существующими желаниями, является манипулятивным (Доценко Е.Л., 2004) и противоречит интересам человека.

Литература

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. Санкт–Петербург, 2004. 23 с.
2. Кабатченко Т.С. Психология в управлении человеческими ресурсами. Санкт-Петербург: Питер. 2003. 104 с.

Индивидуально-типологические особенности как маркеры криминальной активности

Лысенко Н.Е., Булыгина В.Г.

ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Москва, Россия).

Актуальным вопросом юридической психологии остается исследование психологических механизмов, определяющих индивидуальную предрасположенность к криминальному поведению. Многие авторы отмечают необходимость изучения психобиологических факторов, участвующих в генезе криминальной агрессии, для прогнозирования повторных общественно-опасных деяний (ООД), а также для организации эффективных превентивных мер повторных правонарушений (Менделевич В.Д. 2005, Булыгина В.Г. 2016 и др.).

Целью исследования было выделение индивидуально-типологических характеристик, которые оказывают влияние на противоправное поведение.

Было обследовано 211 человек. Первая группа – лица мужского и женского пола, совершившие агрессивно-насильственные ООД (24 психически здоровых и 62 психически больных). Вторая группа – совершившие корыстные ООД (55 человек, из которых 14 психически здоровых и 41 психически больных). Контрольная группа – лица, с нормосообразным поведением (68 человек).

Методический комплекс включал опросники: формально-динамических свойств индивидуальности Русалова В.М., самоконтроля Грасмика, тревожности Спилбергера-Ханина, соотношения процессов активации и торможения Кавера-Уайта.

При выполнении многофакторного дисперсионного анализа были выявлены достоверные различия между группами правонарушителей, совершивших агрессивно-насильственные и корыстные ООД, и испытуемыми контрольной группы. Группу лиц, совершивших корыстные правонарушения, по сравнению с контрольной группой значимо отличал низкий показатель коммуникативной пластичности и высокие показатели личностной тревожности, торможения поведения и предпочтения физической активности. Совершившие корыстные ООД отличались от лиц с

агрессивно-насильственными ООД более высокими показателями скорости интеллектуальных процессов и более низким уровнем личностной тревожности.

Было выявлено, что индивидуально-типологические показатели могут быть дифференциально-диагностическими маркерами предрасположенности к совершению агрессивно-насильственных или корыстных ООД независимо от фактора психической патологии. Полученные данные позволяют предположить, что именно биологические predispositions, такие как низкая скорость мыслительных процессов и слабая вовлекаемость в мыслительную деятельность, лежат в основе нарушений социальной апперцепции, которая проявляется в нарушении способности продуцировать альтернативные варианты развития ситуации с последующим выбором конструктивных способов ее разрешения. И чем ниже скорость познавательных процессов, тем более вероятен выбор агрессивного способа реагирования.

Литература

1. Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Белякова М.Ю., Лысенко Н.Е. Психологические предикторы интервала рецидивности // Прикладная юридическая психология. 2016. №1 (34). С.34-52.
2. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие. СПб.: Речь, 2005. 445 с.

Прикладные методы повышения валидности и надежности криминалистических исследований с использованием полиграфа

Макаренко И.А.

АНО ДПО «Академия Детекции Лжи» (г. Москва, Россия),
«Экспертного бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа»
(г. Калуга, Россия)

Термин «криминалистическое диагностическое исследование» (КДИ) в теорию и практику производства специальных психофизиологических исследований введен профессором Ю.И. Холодным с выделением в качестве объекта диагностического процесса идеальных следов юридически значимого события. В криминалистической науке под идеальными следами преступления, понимается уголовно-релевантная информация, воспринятая и запечатленная человеком в виде мысленных образов, которая может быть им воспроизведена в вербальной или иной форме либо извлечена из его памяти средствами, допустимыми для использования в уголовном судопроизводстве, в том числе с помощью полиграфа. Психофизиологически, запечатление, хранение и воспроизведение окружающей действительности является сложным комплексным нейрофизиологическим процессом, связанным со сложным синтезом модально-специфических когнитивно-познавательных и аффективных категорий, специфики высших психических функций (ВПФ). Соответственно первостепенные требования к валидности и надежности КДИ обусловлены необходимостью исследования именно специфики ВПФ гнозиса, когнитивно-мнестической и эмоционально-волевой деятельности для диагностики потенциальной

способности и актуальной возможности к адекватному отображению окружающей действительности в момент рентного события, сохранении идеальных следов события и передачи сведений, известных носителю непосредственно или опосредованно.

В соответствии с методическими рекомендациями ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ и ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава РФ потенциальная способность определяется нормальным функционированием сенсорных систем, обеспечивающих восприятие объектов и нормативностью психической деятельности подэкспертного, в том числе психических функций памяти, внимания, мышления, речи, а также социальных навыков. Актуальная возможность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, представляет собой конкретную реализацию потенциальной способности в различных ситуационных условиях. Данный этап детекции специфики ВПФ целесообразен при любом целевом КДИ и эффективен при реализации его в период предшествующий предтестовой беседе.

Задача логично решается средствами нейропсихологического обследования по методологическому подходу А.Р. Лурия с элементами мнестической коррекции в виде реализации ретроспективного когнитивного (сенсорного) интервью по рентному блоку. Практически значимо, что нейропсихологическая диагностика занимает 30-60 мин. в зависимости от состояния обследуемого лица, что существенно не утяжеляет КДИ, может проводиться как самим специалистом-полиграфологом, так и в рамках комплексных исследований.

Апробация данного подхода к КДИ в рамках профессиональной научно-исследовательской деятельности АНО ДПО «Академия Детекции Лжи» и практической деятельности «Экспертного бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа» диагностировала прямую положительную корреляцию со снижением вероятности ошибки специалиста как по типу ложного обвинения, так и по типу пропуска цели.

Специфика психологических защит у лиц с высоким уровнем тревожности

Макеева К.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Актуальность затрагиваемой темы продиктована тесной связью изучаемых явлений с механизмами социальной адаптации.

Целью данного исследования являлось изучение специфики психологических защит и копинг-стратегий у лиц с высоким уровнем личностной тревожности. Определялись следующие показатели: распределение психологических защит (опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля»), распределение ведущих механизмов совладающего поведения (опросник «Личностный опросник «SACS») и уровень личностной тревожности («Шкала проявлений тревоги Тейлора TMAS», вар. Немчинова). Выборка состояла из 39 испытуемых: 32 мужчины в возрасте от 19 до 40 лет, и 7 девушек в возрасте от 19 до 31 года. По результатам, полученным с

помощью шкалы проявлений тревоги Тейлора, испытуемые были разделены на две группы: люди, имеющие очень высокий, высокий, средний с тенденцией к высокому уровню тревожности – 24 человека; во вторую группу были отнесены испытуемые с очень низким, низким и средним, с тенденцией к низкому уровнями личностной тревожности – 15 человек. Для обработки эмпирического материала был использован статистический пакет SPSS, критерий U-Манна-Уитни.

В исследованной выборке по показателю соотношения ведущих психологических защит различия обнаружались в использовании механизма регрессии ($p=0,041$) и механизма реактивного образования ($p=0,002$). В обоих случаях упомянутые механизмы чаще встречаются в группе испытуемых с повышенной личностной тревожностью. Возможно, это объясняется тем, что данные механизмы напрямую связаны с социальной оценкой, и у людей, которые на нее ориентированы особенно сильно, расширяется кластер потенциально угрожающих личности ситуаций. (Прихожан А.М, 1998)

Часть исследования, посвящённая связи ведущей копинг-стратегии и уровня личностной тревожности, не выявляет специфики предпочтения вида совладающего поведения в обеих группах.

Таким образом, исследованные механизмы неодинаково связаны между собой: выявляется связь между уровнем тревожности и психологическими защитами, но не между уровнем тревожности и копинг-поведением. Возможно, это объясняется тем, что выбор стратегии преодолевающего поведения больше обусловлен внешними условиями и отношением субъекта к ситуации, чем его индивидуальными особенностями, не меняющимися на протяжении жизни. (Набиуллина Р.Р., Тухтарова И.В., 2003)

Литература

1. Набиуллина Р.Р. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом: учебное пособие. Казань: Казанская Государственная Медицинская Академия, 2003. 101 с.
2. Прихожан А.М. Причины, профилактика и преодоление тревожности // Психологическая наука и образование. 1998. № 2. С. 11-17.

Нейропсихологическая диагностика как профилактика девиантного поведения

Матюхина И.В., Рузаева С.В.

ГБОУ «Курчатовская школа» (г. Москва, Россия)

Во время мониторинга среди дошкольников часто встречаются дети, которые быстро отвлекаются на занятия, не удерживают инструкцию взрослого, нарушают правила игры, дети эмоционально не устойчивые у таких дошкольников в основном есть сложности с третьим блоком мозга программирования и контроля.

Гиперактивные и гипоактивные дошкольники уходят от произвольного поведения, говоря на нейропсихологическом языке так может выглядеть негативная компенсация, когда дошкольник берет на себя роль «Шута». Выставляя себя

«клоуном»), дети легко отвлекаются и ведутся на дурашливость сверстника. Чаще всего таких детей не любят, стараются на время устранить, например, отсадив на отдельный стульчик. По началу кажется самый хороший вариант, сидит один и не мешает. Но есть моменты если с ним поговорить одним, а не коллективом детей, его поведение – из-за не знания материала и его не усидчивости. Таким образом проводя мониторинг педагогом – психологом и учителем – логопедом, соединив игровые приемы направленные на психологические и логопедические аспекты.

Развитие фонетико–фонематического слуха узнавание не речевого звучания были предложены муз инструменты (5 предметов), а для речевого материала использовались голоса одноклассников «Кто тебя позвал». Со стороны психолога было наглядно, есть ли трудности вхождения в задание, трудности ориентировки в задании, что преобладает у ребенка инертность или импульсивность, есть ли трудности контроля. Ребенку было предложено стать ведущим, эта роль для него была новой. На нем ответственность, собраться, сконцентрироваться. Затем предложили и другим детям побыть ведущими, а ему угадывать. Сначала таких детей это настораживает, а что если он не угадает, не сможет. Но для него самого становится ново когда, получается, побороть в себе страх, и угадать звучащий муз инструмент, а потом и голос. У таких детей появляется интерес к знаниям, что он смог и у него получилось. В разделе связная речь детям предлагаются составление рассказа по серии картинок. Со стороны учителя-логопеда отслеживается подбор антонимов, использование предлогов простых и сложных, составление предложений, плавности рассказа сохранение временного пространства в рассказе. А педагог – психолог исследует функций программирования и контроля, действий понимания смысла серии картинок. Предложить ему показать каждый кусочек из серии картинок, но с одним условием сначала слушаем несколько вариантов рассказов. Ребенок развивает и обогащает свой словарь, так же извлекаем опыт из памяти, что запомнил, а что предложил свое.

Методика «Четвертый лишний» направлена на исследование вербально-логического мышления, возможности выделять категории и производить вербальные обобщения. Данная проба позволяет оценить ориентировочную деятельность и процесс принятия решений — педагог — психолог. Предлагаются 4 картинки, где надо назвать одним обобщающим словом, затем дети закрывают глаза и одну из картинок меняют. Но не сразу просят назвать, что лишнее, а меняем направление. Спросив, что изменилось? Какой картинке не стало? Где была? Между какими стояла? И только потом спрашиваем: что лишнее и почему?

В дальнейшем у детей все меньше будет желание одевать маску Шута, так как будет нарастать багаж знаний, будет больше усидчивость и в школьные годы будет легче, если применять индивидуальный подход в дошкольном и раннем школьном возрасте.

Представляется целесообразным распространить нейропсихологический подход в дошкольном отделении, внедрить его в мониторинг, профилактику и коррекцию. Снизить риск дошкольников встать на путь девиантного поведения. Выявить сильные

и слабые компоненты высших психических функций ребенка, построить гипотезы об эффективных стратегиях коррекционного воздействия.

Частные вопросы психологической экспертизы по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка

Морозова Т.А.

Некоммерческое партнерство «Южный экспертный центр» (г. Волгоград, Россия).

Опыт производства и рецензирования судебно-психологических экспертиз по судебным спорам между родителями о воспитании, месте жительства ребенка, свидании с ним родителя, с которым ребёнок не проживает, свидетельствует о наличии в работе экспертов ряда проблем, которые, на первый взгляд, представляются частными, но решение которых во многом определяет аргументированность, полноту, объективность выводов эксперта.

Нередко при исследовании отношения ребёнка к родителям выявляется амбивалентность позиции ребёнка. Эксперт отмечает данный факт, подробно описывает, в чём конкретно выражается амбивалентность, в ряде случаев, иллюстрируя примерами из материалов обследования.

Вместе с тем, экспертом нередко не анализируются психологические причины амбивалентности. Не рассматриваются во взаимосвязи индивидуально-психологические особенности ребёнка и индивидуально-психологические особенности родителя, к которому сформировалось амбивалентное отношение, не анализируются взаимоотношения ребёнка и родителя, обусловленные индивидуально-психологическими особенностями каждого из них. Только констатируется, но не рассматривается и не анализируется психологическая природа иного отношения к другому родителю, не связывается данное отношение с индивидуальными особенностями ребёнка и родителя.

Недостаточная обоснованность выводов эксперта может объясняться также отсутствием в экспертном заключении анализа содержания внушённой ребёнку одним из родителей и выявленной в процессе обследования негативной информации о другом родителе. То есть факт лишения ребёнка возможности самостоятельного формирования отношения к тому, о ком внушается негативная информация, остаётся вне поля внимания эксперта.

Как правило, в заключении не объясняется психологическая значимость диминутивной формы сообщаемой информации («бабка», «дедка», дядька, тётка). Не обращается внимания на эмоционально-оценочную функцию суффикса «к», в частности подчёркивание уничижительности оценки, неприятие, неодобрение, осуждение, пренебрежение.

Существенные сложности при производстве экспертизы по судебным спорам о воспитании и месте жительства ребенка возникают при отказе родителя, с которым проживает ребёнок, от предоставления на экспертизу ребёнка для исследования взаимодействия ребёнка с другим родителем. Тем не менее, определённую

информацию об отношении ребёнка к другому родителю можно получить из материалов дела. В ряде случаев об индивидуально-психологических особенностях ребёнка, о его отношении к каждому из родителей можно получить из характеристик ребёнка, данных ему в детском саду либо из характеристик, данных школьным психологом. В материалах дела, в частности в протоколах судебных заседаний, может содержаться информация, которую эксперт-психолог также сможет использовать для анализа детско-родительских отношений. В материалах дела по судебным спорам о воспитании и месте жительства ребенка нередко содержатся материалы обследования ребёнка в различных психологических организациях, специализирующихся в консультировании родителей по вопросам семьи, развития и воспитания детей, коррекции их поведения, по вопросам детско-родительских отношений. Не смотря на не исключённую тенденциозность этих материалов, они, после критического анализа, могут быть использованы для оценки индивидуально-психологических особенностей ребёнка, родителей, детско-родительских отношений.

Исследование образа Я у лиц с расстройствами половой идентичности как дополнительный критерий дифференциальной диагностики при экспертизе спорных половых состояний

Новикова З.Д.

Московский Городской Психондокринологический Центр (г. Москва, Россия)

Дворянчиков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Несмотря на то, что современное понимание проблемы дифференциальной диагностики полового самосознания находится на достаточно высоком уровне, понимание стандартов психологического обследования требует более углубленного изучения. Общая осведомленность пациентов, обращающихся за помощью при расстройстве полового самосознания и расплывчатость критериев при постановки диагноза, вызывает определенные сложности. Требуется формализовать критерии психологического тестирования, эксплицировать интуитивный опыт, используемый при дифференциальной диагностики лиц с расстройствами половой идентичности. По нашему мнению, необходимо дополнять стандартные методики исследования уровня выраженности маскулинности и фемининности дополнительными методами, подтверждающими результаты или ставящие их под сомнения, требуя дополнительного дальнейшего обследования.

Мы предлагаем использовать в качестве дополнительного критерия дифференциальной диагностики типов расстройств половой идентичности, исследование образа Я и его анализ и взаимосвязь с другими полученными результатами. Для этого нами был выбран дополнительный метод диагностики «Психосемиотический анализ текста». Суть метода заключалась в том, что испытуемым предлагалось написать два текста – один от своего лица (реальный),

второй – от лица вымышленного персонажа, «антипода». Темой обоих текстов было «Самое яркое воспоминание моего детства». Наряду с этим были использованы стандартные методы выявления уровня маскулинности, фемининности, андрогинности («МиФ») и Цветовой тест отношений, для выявления эмоциональной оценки фемининных и маскулинных черт и их взаимосвязи.

В качестве базы для анализа образа Я-реальное и других психологических критериев, представлены 4 группы испытуемых с расстройствами половой идентичности при расстройствах личности, заболеваниях шизофренического спектра, органических поражениях головного мозга и транссексуализме. Отдельно представлен для анализа случай расстройства половой идентичности у испытуемого с диагнозом «множественная личность».

Наиболее результативным исследование проявило себя в группе больных с заболеваниями шизофренического спектра. Особенности образа Я в представленных текстах характеризуются отсутствием эмоций, формальным отношением себя к образу противоположного пола, «Я» не представлено в тексте – безагенсные конструкции. В текстах проявляется эгоцентрическая позиция испытуемого, без взаимодействия с окружающими людьми и пониманием их чувств. Также проявляется логическое желание соответствовать гендерной роли противоположного пола, при полном отсутствие интериоризации на эмоциональном уровне. Несмотря на то, что в некоторых случаях тексты не выявляют предполагаемых нарушений, не выявленных также при помощи других методик, с помощью текста можно заметить специфический выбор испытуемого, отдаленный от актуального настоящего и от актуальных переживаний.

В группе расстройств половой идентичности при расстройствах личности, проявляется особенность Я в виде принятия на логическом уровне половой роли, соответствующей своему гендеру и желанием соответствовать противоположному гендеру. Выявлена недифференцированность полоролевых ролей на эмоциональном уровне. Проявляется семантическая близость образов Я-реальное и Я-идеальное на эмоциональном уровне, принятия гендерной роли, что вступает в противоречие с логической идентификации. По результатам анализа текста испытуемого проявляется отсутствие «Я» в тексте, эмоциональная негативная оценка образа противоположного пола и отсутствие логического и эмоционального принятия роли противоположного пола.

При расстройствах полового самосознания у лиц с органическим поражением головного мозга проявляется образ Я сопоставимый с образом Я противоположного пола и на логическом и на эмоциональном уровне, тем не менее, интериоризация носит поверхностный характер и противопоставление может иметь другие тенденции, по принципу «я-другие люди», а не «я-мужчина/я-женщина».

При расстройствах полового самосознания при транссексуализме выявлен образ Я испытуемых соответствующий образу противоположного пола. Проявляется интериоризация поведения и личностной специфики, характерной для

противоположного полоролевого поведения как на эмоциональном, так и на логическом уровне.

При расстройстве полового самосознания у больного с множественной личностью, образ Я характеризуется логической интериоризацией черт и поведения, свойственных для противоположного пола. На эмоциональном уровне отсутствует принятие полоролевых черт противоположного пола. Анализ текста при данном расстройстве не выявляет диагностически-значимых черт, проявляется принятие характерного для противоположного пола полоролевого поведения.

По результатам проведенного анализа с использованием дополнительного метода обследования «психосемиотического анализа текста» можно сделать выводы о целесообразности более глубокого анализа расстройства идентичности в целом у лиц с расстройствами полового самосознания. Используя более глубокий анализ «Я-образа» при решении дифференциально-диагностических задач при экспертизе спорных половых состояний, можно выявить дополнительные диагностически значимые аспекты, помогающие прояснить картину нарушений.

Роль механизмов саморегуляции для экспертных критериев сделкоспособности лиц с психическими расстройствами

Переpravина Ю.О.

ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Москва, Россия).

Последние годы в судопроизводстве отмечены активным ростом и выраженной актуальностью судебных дел в гражданском процессе в отношении лиц, совершивших сделку. К нововведениям, значимым для юридической психологии, относится также вопрос ограниченной дееспособности (как прогностической возможности совершения сделки), вступивший в силу на правовом уровне и активно внедряющийся в практику судебных комплексных психолого-психиатрических экспертиз. Наиболее распространённым является назначение КСППЭ по ст.177 ГК РФ, что подразумевает «недействительность сделки, совершенной гражданином, неспособным понимать значение своих действий или руководить ими». Нарушение юридического критерия, «способность понимать значение своих действий или руководить ими», является первостепенным, а также не предопределяется каким-либо медицинским критерием. Нарушение способности к пониманию смысла своих действий автоматически означает расстройство способности к их регуляции, поскольку целенаправленное действие (совершение сделки) определяется целью – осознанным предвосхищаемым результатом. В рамках модели В.В. Николаевой саморегуляция (Николаева В.В., 1991) описывается как система, состоящая из трех уровней, которые на смысловом уровне соответствуют трем функциональным блокам мозга: 1. уровень психической саморегуляции, или регуляции состояний; 2. операционально-технический уровень,

или уровень регуляции деятельности; 3. личностно-мотивационный уровень (уровень регуляции мотивации и потребностей).

Были проведены многочисленные исследования, рассматривающие сделкоспособность, дееспособность, а также ограниченную дееспособность, со стороны юридического критерия (Зейгер М.В., Шейфер М.Ф., Юдин А.В. 2012; Малкин Д.А. 2004; Корзун Д.Н., Ткаченко А.А. 2013; Сафуанов Ф.С., Шишков С.Н. 2015; Харитоновна Н.К., Сафуанов Ф.С., Малкин Д.А. 2005), однако не рассматривался медицинский критерий для оценки сделкоспособности, дееспособности и ограниченной дееспособности (как прогностическая возможность совершения сделки).

Целью нашего исследования выступает изучение механизмов саморегуляции (трех уровней саморегуляции в соотношении с тремя функциональными блоками мозга), лежащих в основе нарушения осознанности своих действий и контроля над ними, у лиц с психическими заболеваниями, как предполагаемого медицинского критерия для оценки сделкоспособности.

Методы: комплект базовых нейропсихологических и патопсихологических методик, Мельбурнский опросник принятия решений в русскоязычной адаптации Т.В. Корниловой (2013).

По предварительным результатам нашего пилотного исследования, как и предполагалось, решающую роль в нарушении осознанности своих действий и контроля над ними, как юридического критерия при оценке сделкоспособности, у лиц с психическими заболеваниями играет личностно-мотивационный уровень саморегуляции, по смысловому критерию соотносящийся с третьим функциональным блоком мозга. Нарушения преимущественно выражаются в снижении контроля за реализацией программы деятельности, трудностях целостного планомерного анализа, импульсивности, дезорганизации в ситуации неуспеха, субъективно сложной ситуации. При выполнении подэкспертными Мельбурнского опросника принятия решений наиболее сложными для таких лиц, что проявилось как в процессе выполнения, так и в конфликтности результатов, были вопросы, относящиеся к шкале «сверхбдительности» (не включает интеллектуальную ориентировку), предполагающей импульсивное принятие решения, обещающее избавление от ситуации.

Литература

1. Корнилова Т.В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013, Т. 6. № 31. С. 4.
2. Николаева В.В. О психологической природе алекситимии // Телесность человека: междисциплинарные исследования. М., 1993. С. 84-93.

7 проблем судебных экспертиз по спорам о воспитании

Русаковская О.А.

ФГБОУ ВО «Московский городской психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Памяти Н.В. Вострокнудова

Последние 4 года комплексные психолого-психиатрические и судебно-психиатрические экспертизы по спорам о воспитании составляют более 50% от всех экспертиз по гражданским спорам, проводимым в отделе судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского». Разрабатывается методология проведения данных экспертиз, опубликовано достаточное количество работ, в которых рассматриваются их правовые основания, теоретические и методологические основы проведения, организационные вопросы (Вострокнудов Н.В. и др., 2004; Сафуанов Ф.С. и др., 2010; Русаковская О.А., 2011; Харитонов Н.К. и др., 2014). За 2003-2015 гг. в центре Сербского были проведены более 1000 КСПЭ и СПЭ по 357 гражданским делам об определении места жительства детей при разводе родителей, порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно, а также по искам об ограничении и отмене ограничения родительских прав. Анализ экспертной практики позволяет выделить следующие проблемы:

Проблема 1. Сложность, которая связана:

- с тем, что они затрагивают личностно-значимые для всех, не исключая экспертов, вопросы семейных взаимоотношений, с риском субъективизма и переноса собственных переживаний, оценок и убеждений на экспертную ситуацию;
- с их полиобъектным и полипредметным характером;
- с комплексным характером, требующим эффективного взаимодействия на всех этапах нескольких экспертов-психиатров и нескольких экспертов-психологов с необходимостью формулировки интегративных выводов.

Проблема 2. Иные требования к профессиональным компетенциям экспертов-психиатров, которые должны владеть, наряду с обычными профессиональными компетенциями, знаниями в области детской и социальной психиатрии, возрастной и семейной психологии, социальной педагогики.

Проблема 3. Организационная.

Экспертизы по спорам о воспитании являются амбулаторными. В большинстве случаев продолжительность очного исследования всех членов семьи ограничена 8-часовым рабочим днем, в связи с чем, с учетом необходимого объема исследований, к ним привлекается несколько экспертов-психиатров и несколько экспертов-психологов.

Проблема 4. Неоднозначность трактовки основных экспертных понятий.

Правовой контекст предъявляет особые требования к четкости и однозначности трактовки основных экспертных понятий. Использование общепсихологических понятий часто представляется невозможным. Так, психологическое понятие

«привязанность», непосредственно связанное с теорией привязанности Дж. Боулби, не соответствует правовому понятию «привязанность», под которым подразумевается психологическое отношение ребенка к родителю. Подмена правового понятия психологическим часто приводит к вынесению заключений, не отвечающих требованиям объективности и научной обоснованности. Та же ситуация возникает с такими психологическими и психиатрическими понятиями как «воспитание», «родительское отношение», «родительские установки», «стиль воспитания», «родительство», «патологизирующее воспитание». В настоящее время существует огромное количество психологических теорий и концепций, касающихся семейного воспитания, однако изолированное применение одного из подходов, равно как эклектичное использование нескольких, часто не позволяют прийти к научно обоснованному, объективному заключению.

Проблема 5. Недостаточная разработанность судебно-психиатрического понятия «опасность родителя для ребенка».

По мнению А.М. Нечаевой (2015), «в семейно-правовом контексте опасность – нечто, грозящее бедой, катастрофой, большим злом, несчастьем для ребенка, губительным для здоровья, развития, воспитания...». Она же пишет: «Не всякого рода просчеты, имеющие признаки злоупотребления родительским правом, могут быть достаточным основанием для лишения родительских прав. Они могут быть использованы при рассмотрении судом споров о месте жительства ребенка с одним из родителей и тем самым не останутся вне правового поля зрения». Расширение критерия опасности за счет «трудностей исполнения материнских обязанностей, направленных на воспитание ребенка», с нашей точки зрения, приводит к необоснованному расширению оснований ограничения родительских прав.

Проблема 6. Отсутствие реального межведомственного взаимодействия в профилактике общественно-опасного поведения родителей, страдающих психическим расстройством, в отношении детей, а также отсутствие механизма выполнения данных в рамках экспертизы рекомендаций каких-либо мер медицинского или социально-психолого-педагогического характера.

Проблема 7. Недостаток теоретических знаний. До настоящего времени в России не проводились масштабные исследования ни семей, переживших высококонфликтный развод, ни семей, в которых родитель страдает психическим расстройством. Отсутствуют лонгитюдные исследования. При исследовании семей групп риска оценка способности выполнять родительские обязанности часто превращается в редуцированный и операционализированный список задач. Однако «быть родителем – значительно более широкое понятие, чем способность выполнять конкретные задачи, которое включает обеспечение эмоциональной поддержкой, руководство и любовь, являющиеся значительно более важными и трудными для оценки и исследования» (Tyano S. et al., 2010).

Литература

1. Вострокнутов Н.В., Харитоновна Н.К., Сафуанов Ф.С. Методологические основы экспертного подхода к правовой защите детей (судебно-

- психиатрический и судебно-психологический подходы): методические рекомендации. М., 2004. 28 с.
2. Нечаева А.М. Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних. М.: Проспект, 2016. 128 с.
  3. Русаковская О.А. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза в судебных спорах о воспитании и месте проживания ребенка. Дисс. ... канд.мед.наук. М., 2011. 205 с.
  4. Сафуанов Ф.С., Русаковская О.А. Методологические проблемы комплексной психолого-психиатрической экспертизы по делам воспитания детей при раздельном проживании родителей // Психологическая наука и образование. 2010. №2. С. 54-62.
  5. Харитонов Н.К., Сафуанов Ф.С., Вострокнутов Н.В., Русаковская О.А. Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей. Методические рекомендации // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. №3. С. 93-106.
  6. Tuano S., Keren M., Herrman H., Cox J. Parenthood and mental health. 2010. 484 p.

Особенности самоконтроля и агрессивности лиц с психическими расстройствами, совершившими правонарушения с различным интервалом рецидивности

Токарева Г.М.

ГБУЗ МО «Центральная клиническая психиатрическая больница»

(г. Москва, Россия)

Понимание причин общественно опасных деяний, прогноз вероятности совершения повторного правонарушения психически больными, периода времени между отменой принудительного лечения и совершением повторного общественно опасного деяния (интервала рецидивности) по-прежнему являются актуальными проблемами судебной психиатрии, медицинской и юридической психологии. Отечественные и зарубежные исследователи, говоря о личностных факторах, отмечают существенное влияние на поведение таких систем как самоконтроль и агрессия (Грасмик Х, 1993; Gottfredson M.R., Hirschi T.A., 1990).

С исследовательской целью были изучены особенности самоконтроля и профиля агрессивности у 126 мужчин, страдающих психическими расстройствами, совершивших повторные ООД. Для этого были использованы опросник Самоконтроль (Грасмик Х., 1993, адаптация Булыгиной В.Г., Абдраязковой А.М., 2009) и опросник А. Басса и М. Пери в адаптации Ениколопова С.Н., Цибульского Н.П. (2007).

Испытуемые были разделены по группам в зависимости от интервала рецидивности: 1 группа – интервал рецидивности менее года, 2 группа – от 1 года до 3 лет, 3 группа – от 3 до 5 лет, 4 группа – от 5 до 10 лет, 5 группа – более 10 лет. Статистическая обработка материала проводилась с использованием пакета

прикладных программ Statistica 20.0. Для выделения показателей, которые вносят значимый вклад в отнесение пациентов в группы в зависимости от интервала рецидивности, был проведен однофакторный дисперсионный анализ. В результате были получены следующие данные.

Для лиц с минимальным интервалом рецидивности характерен низкий уровень самоконтроля в виде высокой раздражительности и предпочтения простых задач в деятельности. В структуре агрессии – высокий уровень интеллектуальной составляющей агрессии (враждебность) и склонности к проявлению физической агрессии.

Для лиц, совершавших повторное ООД с интервалом рецидивности от 1 года до 3 лет, характерен низкий самоконтроль с предпочтением решения простых задач при более умеренных составляющих агрессии, таких как враждебность и физическая агрессия.

У лиц, совершавших ООД с интервалом от 3 до 5 лет, при выраженной раздражительности не определяется склонность к решению простых задач, но сохраняются повышенная враждебность и склонность к проявлению физической агрессии.

Для лиц, совершавших повторные правонарушения с интервалом от 5 до 10 лет, характерны низкий уровень враждебности и физической агрессии. Также, несмотря на выраженную тенденцию к решению простых задач, определяется достаточный уровень самоконтроля в виде низкой раздражительности, что указывает на развитую способность сдерживать аффект.

Для лиц, совершавших повторные правонарушения с интервалом рецидивности более 10 лет характерны низкий уровень враждебности, физической агрессии, достаточный уровень самоконтроля, который характеризуется низким уровнем раздражительности при умеренном предпочтении простых задач.

Полученные данные показывают, что минимальный уровень развития самоконтроля и высокий уровень агрессивности характерны для лиц с наименьшим интервалом рецидивности. С повышением уровня самоконтроля и уменьшением уровня агрессивности пациентов увеличивается интервал рецидивности.

Литература

1. Булыгина В.Г., Макурина А.П., Жумагалиева М.Ю., Кабанова Т.Н. Проблема создания новых экспериментальных методов для решения прикладных задач в патопсихологии и судебно-психиатрической практике // Психология и право. 2012. № 4. С. 1-14.
2. Ениколопов С.Н., Цибульский Н. П. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 115-124.
3. Gottfredson M.R., Hirschi T. A General Theory of Crime. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990.

**Патопсихологические симптомокомплексы у лиц с органическими психическими расстройствами при судебно-экспертной оценке делкоспособности:
диагностическая информативность признаков**

Черненко А.Д.

ФГБОУ ВО «Московский городской психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Ныне действующие ГК РФ и ГПК РФ, по сравнению с предыдущими, расширили возможности граждан распоряжаться своим недвижимым имуществом. Однако лица, страдающие органическими психическими расстройствами, не всегда способны воспользоваться своими правами без ущерба для себя. Увеличение числа проводимых экспертиз по делам о признании сделки недействительной, развитие теоретических основ патопсихологии и необходимость повышения эффективности диагностики при указанном виде экспертиз обуславливает необходимость уточнения критериев оценки делкоспособности. Знание о диагностической информативности отдельных показателей снизит вероятность экспертной ошибки, а также позволит повысить транслируемость и унифицируемость судебно-экспертных оценок делкоспособности.

Материал и методы исследования

Выборку составили 72 подэкспертных, проходивших КСПЭ по делам о признании сделок недействительными в ФМИЦПН им В.П. Сербского в период с 2006 по 2014 годы, страдающих следующими расстройствами: синдром зависимости от алкоголя, органическое расстройство личности, органическое эмоционально-лабильное расстройство. Исследовались архивные экспертные заключения по результатам ЭПИ. Определение диагностической информативности признаков осуществлялась с помощью информационной меры Кульбака, в модификации Е.В. Гублера (Гублер Е.В., 1970).

Результаты исследования

Диагностическая информативность признаков при сравнении лиц с синдромом зависимости от алкоголя (СЗА) способных и неспособных к совершению сделки. Наиболее информативными признаками, свидетельствующими в пользу делкоспособности, являются следующие: мышление (динамический аспект) лабильное; объем опосредованного запоминания снижен; обобщение: функциональный уровень.

Наиболее информативными признаками, свидетельствующими в пользу неделкоспособности, являются следующие: мышление (динамический аспект) инертное; неадекватность эмоциональных реакций; объем непосредственного запоминания грубо снижен; объем опосредованного запоминания грубо снижен; пренебрежение (недоучет) общепринятыми нормами и ориентация на субъективные нормы; концентрация внимания снижена; недоступность условного смысла; истощаемость психических процессов.

Диагностическая информативность признаков при сравнении лиц с органическим расстройством личности (ОРЛ) способных и неспособных к совершению сделки. Наиболее информативными признаками, свидетельствующими в пользу неспособности, являются следующие: распределение внимания снижено; недоступность условного смысла; объем опосредованного запоминания грубо снижен; нарушение произвольного контроля поведения.

Кроме того, в целях повышения точности дифференциальной диагностики были проведены вычисления диагностической информативности признаков между нозологическими группами.

Диагностическая информативность признаков при сравнении групп ОРЛ и СЗА (без учета их сделкоспособности; только нозология). Наиболее информативными являются следующие признаки: конкретно-ситуационный уровень обобщения; обстоятельность; непоследовательность/нецеленаправленность; недоступность условного смысла; неспособность к абстрагированию; распределение внимания снижено; объем непосредственного запоминания грубо снижен; неспособность устанавливать логические связи. Наличие этих симптомов с большой вероятностью указывают на принадлежность обследуемого к группе больных ОРЛ.

Диагностическая информативность признаков при сравнении ОРЛ и органического эмоционально-лабильного расстройства (ОЭЛР). Наиболее информативными признаками являются следующие: неспособность устанавливать логические связи; нарушение произвольного контроля поведения; темп психической деятельности замедленный; конкретно-ситуационный уровень обобщения; истощаемость психических процессов; объем непосредственного запоминания грубо снижен; недоступность условного смысла; обобщение: неспособен к абстрагированию; снижение критико-прогностической функции; распределение внимания снижено. Наличие этих симптомов с большой вероятностью указывают на принадлежность обследуемого к группе больных ОРЛ.

Таким образом, при проведении экспериментально-психологического обследования следует особое внимание уделить оценке именно этих характеристик, как наиболее информативных. На наш взгляд, такой подход позволит использовать данные психологического обследования более прицельно, что повысит точность судебно-экспертного вывода о способности или неспособности подэкспертного к совершению сделки.

Основные направления психотерапевтической работы с больными шизофренией Шапиро У.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Эффективным подходом к реабилитации больных шизофренией является комплексная помощь – психофармакологическая и психосоциальная. Фармакологическими методами купируются проявления продуктивной симптоматики

психического заболевания. Тем не менее, фармакологическое лечение не может напрямую влиять на уже измененные заболеванием личностные установки, мотивы, а также личностные смыслы больного шизофренией. В связи с этим возникает необходимость оказания психотерапевтической помощи. В психотерапии выделяется несколько различных направлений. Одним из них является психодинамическое/психоаналитическое. Однако его использование не приводило к стойкому положительному эффекту, отмечались случаи ухудшения состояния больных шизофренией. Современный психоанализ находится в поиске более эффективных техник психотерапевтического воздействия. Другой подход – когнитивно-бихевиоральная терапия. Эффективность этого подхода заключается, прежде всего, в краткосрочности оказания психотерапевтической помощи, где мишенью работы в первую очередь выступают поведенческие паттерны, препятствующие социализации больного. Но главным минусом данного направления является его ориентированность на выработку новых моделей поведения без воздействия на сферу личностных смыслов как высших регуляторов поведения. Основным методом оказания психотерапевтической помощи больным шизофренией является арт-терапия. Существует большое разнообразие техник этого направления, в число которых входит песочная терапия.

Следует отметить, что коррекция мотивационно-смысловой сферы (в том числе и тех ее составляющих, которые принято относить к внутренней картине болезни) больных шизофренией является важной задачей психотерапевтической работы, однако чаще в качестве мишеней воздействия выступают эмоциональная сфера и особенности поведения, что во многом определяется спецификой используемого метода психотерапии. Песочная терапия позволяет решить поставленную задачу. Особенность этого метода заключается в том, что в основе его лежат концепции арт-терапевтического и психоаналитического (а именно юнгианского) подходов. Арт-терапевтическая методология предполагает возможность эмоционального и чувственного самовыражения пациента. Юнгианская песочная терапия обеспечивает доступ к таким глубинным мишеням, как переживание психического заболевания и его последствий (в части семейных и социальных взаимоотношений, эмоциональной жизни больного, его мотивационно-потребностной сферы). Учитывая нозологически специфичные для шизофрении особенности (обеднение эмоциональной сферы, нарастание аутистичности, характерные изменения смысловой сферы), песочная терапия создает субъективно безопасное психотерапевтическое пространство, где пациенты способны визуализировать и проецировать собственные переживания и мысли, работать с ними. Песочная картина является некой метафорой жизни больного, с помощью которой и вокруг которой разворачивается психотерапевтическая работа. Однако важно отметить некоторые ограничения в применении данного метода психотерапии, которые заключаются в следующем: 1) больной не должен находиться в психотическом состоянии; 2) продуктивная симптоматика к моменту начала песочной терапии должна быть купирована фармакологически; 3) личность больного должна быть относительно сохранной. Иначе процесс песочной терапии будет

неэффективным, а в определенных моментах может привести к негативным последствиям, таким как, например, обострение психотического состояния.

Таким образом, преимуществом песочной терапии в работе с больными шизофренией является возможность опосредованного выражения переживаний и мыслей, что позволяет в субъективно безопасной атмосфере для больного выстраивать психотерапевтическую работу, направленную на коррекцию смысловой и мотивационно-потребностной сфер личности.

Экспертная оценка поведения человека при выполнении им своих профессиональных функций в экстремальной ситуации в уголовном процессе

Шипшин С.С.

ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Впервые в России вопрос о возможности использования судебно-экспертного психологического исследования при расследовании преступлений, связанных с управлением техникой, в советский период поднял М.М. Коченов. В 1991 г., давая классификацию судебно-психологических экспертиз (СПЭ), основанную по предметно-процессуальному принципу, М.М. Коченов определил предмет перспективного вида СПЭ как «психические состояния и мотивационная готовность к выполнению человеком своих профессиональных функций в ситуации, приведшей к аварии или катастрофе, и влияния этих состояний на совершение вынужденных «навязанных» ситуацией действий или, наоборот, отказ от выполнения некоторых операций». Следует констатировать, что существующие в настоящее время классификации СПЭ включает различные варианты обозначения этого вида СПЭ с акцентом на происшествиях/преступлениях, связанных с управлением транспортом.

Такой акцент на начальном этапе развития экспертизы представлялся оправданным, поскольку большинство дорожно-транспортных происшествий (до 70 – 80% случаев), а также ряд резонансных авиакатастроф произошли в результате ошибок человека, управлявшего транспортными средствами. В восьмидесятых годах прошлого столетия начала развиваться инженерно-психофизиологической экспертизы, как ни парадоксально, в рамках судебной автотехнической экспертизы водителя автотранспортного средства, а в конце девяностых годов – к СПЭ психического состояния водителя по делам о ДТП. В этот же период разрабатываются методические подходы инженерно-психологического экспертного исследования, которые продолжают совершенствоваться в настоящее время. Однако «ошибки управления» встречаются и в других сферах – при управлении сложными технологическими процессами, управлении коллективами, в том числе в экстремальных условиях деятельности. Кроме того, возможны ошибочные действия при принятии решения о применении оружия в рамках исполнения своих профессиональных функций и т.д.

К настоящему времени сформировались различные подходы к СПЭ, назначаемой в тех случаях, когда правонарушение совершается человеком при

исполнении своих профессиональных функций, в ситуациях, предъявляющих к нему повышенные требования, на грани индивидуальных психологических возможностей (либо их превышающих).

Представляется необходимым рассмотреть возможный вариант приведения существующих методических подходов к единому, позволяющему определить предмет и объект экспертизы, очертить пределы компетенции, сформулировать экспертные задачи, определить адекватные им методы психологического исследования (из уже существующих), разработать специальные, и, наконец, разработать экспертную методику (технологию) проведения данного вида СПЭ.

Полагаем, что наиболее полно отражает предмет исследования и сферу решаемых вопросов наименование экспертизы как «Судебная психологическая экспертиза психического состояния лица при выполнении профессиональных функций».

Предметом такой экспертизы является способность субъекта к адекватному отражению особенностей конкретной ситуации, их осознанию, принятию адекватного решения по предотвращению негативных последствий и его реализации. Объектом экспертного исследования является психическая деятельность человека при выполнении им профессиональных функций в юридически значимой ситуации. Психическое состояние субъекта в юридически значимой ситуации является одним из центральных объектов исследования, равно как и устойчивые профессионально значимые индивидуальные психологические особенности (психофизиологические, типологические, личностные, мотивационные), так и особенности юридически значимой ситуации.

Существует настоятельная необходимость в разработке экспертных понятий, описывающих феномен опасности и риска и критериев их оценки.

Также является необходимым определение задач экспертного исследования и, в том числе, включение экспертной оценки риска как обоснованного, адекватного ситуации, психическому состоянию и индивидуально-психологическим особенностям подэкспертного, в качестве частной экспертной задачи в рамках СПЭ психического состояния лица при выполнении профессиональных функций.

Роль психологических механизмов в реализации аномального сексуального влечения у лиц с педофилией

Юшина Н.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Интерес исследователей к проблеме формирования аномалий сексуального влечения сохраняет свою актуальность на протяжении длительного времени. Высокой степенью криминогенности преступлений сексуального характера в отношении детей обладает педофилия. Она представляет собой расстройство сексуального предпочтения, которое выражается в сексуальной тяге к детям любого пола

предпубертатного или раннего пубертатного возраста. Предполагается, что для педофилов реальный возраст ребенка является условным показателем, так как их привлекает образ ребенка. Затруднительно говорить о распространенности данной девиации по причине того, что существуют люди, не реализующие свои педофильные фантазии (HALL R., HALL R., 2007). Стоит отметить, что при реализации своей сексуальной девиации можно говорить о высокой вероятности дальнейших рецидивов.

В рамках данного исследования интерес представляют механизмы, реализации аномального сексуального поведения. Целью является их изучение и описание, что дает возможность говорить о причинах данного поведения и сформировать представления о видении сексуально привлекательного объекта.

Выборка представлена 49 мужчинами, которые образуют две равные группы испытуемых: лица в возрасте от 19 до 62 лет, имеющие расстройство сексуального предпочтения в форме педофилии, проходившие комплексную стационарную сексолого-психолого-психиатрическую экспертизу в «Федеральном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации; группа статистической нормы, образованная лицами от 25 до 45 лет.

Методический инструментарий представлен такими методиками как «МиФ» (Маскулинность и Фемининность), «ЦТО» (цветовой тест отношений) и «Кодирование» (модифицированный вариант «проективного перечня» З. Старовича).

Были образованы подгруппы лиц с недифференцированным и дифференцированным образом сексуально привлекательного объекта; с наличием и отсутствием связи между «образом Я» и «образом ребенка».

Гипотезы:

Более сексуально привлекательным «образ ребенка» представляется для подгруппы, имеющей взаимосвязь между «образом Я» и «образом ребенка».

Образ ребенка является более привлекательным для той подгруппы, где образ сексуально привлекательного объекта является дифференцированным.

Для лиц с расстройством сексуального предпочтения в форме педофилии не обязательным является привлекательность «образа ребенка».

Результаты исследования. Сравнительный анализ полученных данных позволяет говорить о том, что для большинства подэкспертных образ сексуально привлекательного объекта является недифференцированным. При этом более сексуально привлекательным «образ ребенка» является для подгруппы, у которой присутствует взаимосвязь между «образом Я» и «образом ребенка». Оба образа носят в большей степени фемининный характер и связаны между собой. Так у подэкспертных, для которых «образ ребенка» является сексуально привлекательным, показатель фемининности «образа Я» выше, чем у подэкспертных, для которых привлекательным является иной образ.

Следует отметить, что, не для всех подэкспертных «образ ребенка» является сексуально предпочтительным. Возможны варианты, когда в качестве сексуально привлекательного выступает только «образ женщины».

Результаты исследования дают возможность описать три вида механизмов реализации аномального сексуального поведения: замещение, деперсонификация и идентификация. В первом случае ребенок является объектом, замещающим иного сексуального партнера, при его отсутствии. Второй механизм позволяет говорить об обезличивании, недифференцированности образа сексуального объекта. В данном случае ребенок становится привлекательным ввиду того, что его тело не обладает очевидными признаками принадлежности к определенному полу. Механизм идентификации делает «образ ребенка» для педофила более доступным по причине сокращения реальной разницы в возрасте.

Литература

1. HALL R. A Profile of Pedophilia: Definition, Characteristics of Offenders, Recidivism, Treatment Outcomes, and Forensic Issues [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://www.abusewatch.net/pedophiles.pdf> (дата обращения: 25.02.2016).

Связь психических расстройств и преступлений в контексте истории и СМИ

Якушенко А.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Процент психически больных людей, совершающих преступления составляет 0,9% (СД при ВС РФ). Более 96% изнасилований, и более 97% особо тяжких преступлений совершается психически здоровыми людьми. Исследование, проведенное в Миннеаполисе, показало, что две трети преступников, совершивших преступления, непосредственно связанные с симптомами психического заболевания, совершили их по другим причинам, например, бедность, безработица и т.д. (Peterson J.K. et al., 2014). Очевидно, что прямой связи между психическими расстройствами и преступностью – нет.

В данной работе нами была предпринята попытка анализа вопроса существования взаимосвязи образа преступника и образа психически больного человека в контексте истории и СМИ.

Психические заболевания и криминальное поведение на протяжении столетий трактовались при помощи схожих объяснительных моделей. Возникновение обоих виделось врожденным либо приобретенным, объяснялось с религиозной точки зрения – реинкарнация, одержимость. Также психическое расстройство могло фигурировать в качестве наказания за аморальное противоправное поведение. Обращение с преступниками и с психически больными людьми строилось по одной схеме. Обе категории подвергались изоляции, казням. Психически больные люди никогда не содержались совместно с соматически больными, но содержались совместно с преступниками (Юдин Т.И., 1951).

В истории был период расцвета «карательной психиатрии». А. Подрабинек указывает, что «...карательная медицина – орудие борьбы с инакомыслящими,

которых невозможно репрессировать на основании закона за то, что они мыслят иначе» (Подрабинек А., 1979).

Термины из области психиатрии фигурируют в СМИ в политическом контексте. Так, министр С.Шойгу официально заявил, что «утверждения Киева о причастности российского Спецназа к событиям на юго-востоке смахивают на паранойю» (Новостная лента). Или, например, как утверждает эксперт С.Михеев: «...ЕС сейчас раздваивается. У него своего рода «шизофрения», «раздвоение личности» (РИА Новости). В данном случае, «больной» отождествляется с теми, чьи политические взгляды противоречат мнению автора, либо с теми, кто находится в политической оппозиции.

Исследование Ястребова В.С. показало, что по частоте встречаемости упоминаний о психических болезнях в СМИ – лидирующие позиции занимает такая категория, как убийца, насильник, извращенец – жестокий, изворотливый, упорный, нелогичный, непредсказуемый. Четверть публикаций касается насильственных действий, совершаемых психически больными людьми (Ястребов В.С., Трущелов С.А., 2009).

Благодаря проведенному обзору становится очевидно, что, несмотря на то, что в реальности психические заболевания имеют мало общего с преступным поведением – в контексте СМИ и истории они зачастую фигурируют как взаимосвязанные понятия.

Литература

1. Белая книга России // Международное общество прав человека. Франкфурт-на-Майне: Издательство Международного общества прав человека, 1994. 267 с.
2. Новостная лента [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2014/04/17/shoigu/> (дата обращения: 19.10.2016).
3. Подрабинек А. Карательная медицина. Хроника, 1979. 477 с.
4. РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/radio_brief/20140714/1015879078.html#ixzz388bIDtrJ (дата обращения: 19.10.2016).
5. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Судебная статистика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?Id=5/> (дата обращения: 19.10.2016).
6. Jillian K. Peterson, Jennifer Skeem, Patrick Kennealy, Beth Bray, Andrea Zvonkovic. How often and how consistently do symptoms directly precede criminal behavior among offenders with mental illness? // Law and Human Behavior. 2014. 153 p.

Корреляция проективных показателей и диссимуляции у подростков

Адмакина Т.А.

НОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Беломестнова Н.В.

Санкт-Петербургский союз ученых (г. Санкт-Петербург, Россия)

Как показывает практика судебно-психологической экспертизы (СПЭ), диагностика психологических особенностей детей наиболее достоверно осуществляется посредством метода наблюдения и беседы. А традиция несудебных исследований предполагает применение проективных методик. Но даже рисунки детей поддаются сознательному искажению со стороны ребенка (Беломестнова Н.В. и др., 2013). Можно ли по характеристикам рисунка оценить неискренность ребенка? Ведь судебный эксперт должен учитывать вербальные высказывания ребёнка, которые могут оказаться индуцированными одним из родителей.

Цель исследования – выявить параметры рисунка, которые могут являться референтом неискренности подростка.

Для исследования применена проективная методика «Несуществующее животное». Ранее была оценена степень согласованности независимых мнений трех экспертов по 39 изобразительным признакам, каждый эксперт оценивал 905 рисунков (Адмакина Т.А. и др., 2013). Признаки с высоким коэффициентом конкордации: наличие определённых частей тела животного (ноги, крылья, руки, голова), органов чувств (зубы, глаза, нос), тип животного («фигура круга», «антропоморфное животное»). В качестве численного референта возможной диссимуляции был взят показатель «Диссимуляция черт характера» в известном опроснике ПДО. Нужно уточнить, что исследование происходило не в рамках судебно-экспертной практики, а в рамках обычного научного исследования. Другими словами, у подростков отсутствовал фактор сильной заинтересованности в искажении ответов на вопросы методики.

В исследовании приняли участие 229 подростков, учащиеся школ, ССУЗов и 1 курса ВУЗов г. Санкт-Петербурга (возраст варьирует от 12 до 17 лет), 46,9% – мальчики, 53,1% – девочки. Группирующая переменная шкала «Склонность к диссимуляции» в методике ПДО. В 1 группу испытуемых вошли те, которые продемонстрировали наличие искажения ответов – 54 человека. Группа 2 имела низкие значения по этой шкале – 175 человек. Применён критерий U-Манна-Уитни.

Достоверные различия получены по трем рисуночным шкалам: «Наличие зубов» ($U=1099$, $p<0.0001$), «Наличие референтов агрессии (рога, когти)» ($U=1173$, $p<0.003$), «Закрашенные глазницы» ($U=1538$, $p<0.02$); в группе 1 эти показатели выше. Все три

признака обладают высокой степенью согласованности мнений экспертов, в связи с чем можно говорить об объективности этих рисуночных параметров.

Интерпретация этих результатов возможна в разных дискурсивных парадигмах. Во-первых, сама агрессивность у конкретного подростка может являться свойством характера в структуре определённого характерологического типа в генетической детерминации, а может быть ситуационно сформированным (по сути психогенным) свойством (в ответ на хроническую угрожающую ситуацию) или генерированным по механизму социального подражания, то есть социально-детерминированным свойством. Связь показателей агрессивности с диссимуляцией может быть понята как высокая степень самозащитных реакций, а может быть проявлением естественных для «закрытых», интровертных типов характера врождённых черт.

В любом случае, в ситуации СПЭ появление в рисунках детей признаков агрессивности даёт не решающий, но дополнительный аргумент в пользу индуцированности мнения ребёнка.

Литература

1. Адмакина Т.А., Басыгысова Т.А., Золотов И.Е. Степень согласованности мнений экспертов при оценке субъективных признаков рисуночного теста «Несуществующее животное» // Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей» (г. Санкт-Петербург, 3-4 апреля 2013г.). СПб, 2013. С. 50-57.
2. Беломестнова Н.В., Адмакина Т.А. Достоверность рисуночных методик в судебно-психологической экспертизе в гражданском процессе // Материалы 4-й Межд. науч.-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 30-31 января 2013 г.). М.: Проспект, 2013. С.34-37.

Особенности ценностно-смысловой сферы и морального сознания у подростков

Алмаева Е.А., Делибалт В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящий момент особую актуальность приобретает изучение особенностей ценностно-смысловой сферы и морального сознания подростков. Это обусловлено тем, что сформированные представления в подростковом возрасте еще недостаточно интериоризованы, вследствие чего на данном этапе коррекция ценностно-смысловой сферы и морального сознания происходит более эффективно.

Большинство авторов определяют моральное сознание как форму общественного сознания, представляющего систему взглядов, суждений и мнений о поведении, соответствующем социальным требованиям (Харитоновна Ю.Ю., 2009). Ценностно - смысловые ориентации – система личностных установок по отношению к существующим материальным и духовным ценностям (Серый А.В., Яницкий М.С.,

1999). Ценностные ориентации и уровень морального сознания обуславливают выбор действий в соответствии с идеалами и идеями человека. Задача психолога состоит в направлении развития личности на приобретение и выработку социально приемлемых принципов.

Целью исследования является выявление особенностей ценностно-смысловой сферы и морального сознания личности подростка. Гипотезами послужили следующие предположения: 1) существует связь между особенностями ценностно-смысловой сферы и уровнем морального сознания; 2) для подростков с девиантным поведением в отличие от подростков с просоциальным поведением характерны низкие уровни развития морального сознания – доконвенциональный уровень по Колбергу; 3) коррекционная работа в форме тренинга повышает уровень развития морального сознания и формирует соответствующие данному уровню особенности ценностно-смысловой сферы.

Выборку в нашем исследовании составили 28 учащихся 13-15 лет, составивших группу подростков с просоциальным поведением, 33 учащихся 14-15 лет – с девиантным поведением. Каждой группе подростков предъявлялись следующие методики: «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» А.Н. Орел, «Индивидуально-типологический опросник» Л.Н. Собчик, «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева, «Опросник ценностных ориентаций» С.С. Бубнова, Методика «Справедливость – забота» С.В. Молчанова.

В результате было выявлено связи доконвенционального уровня с ценностью здоровья, познания, конвенционального уровня с общением, самоуважением с благосостоянием. Обнаружено, что у девиантных подростков преобладают показатели доконвенционального уровня. Их поведение в большей степени определяется воздействием внешних факторов, ожиданием собственной выгоды и пользы. Для них менее важны ценности: поиск прекрасного, проявление милосердия к другим людям, стремление к познанию нового в мире, получению признания другими людьми, проявлению социальной активности для принесения прогрессивных изменений в обществе. Подростки с девиантным поведением в меньшей степени считают свою жизнь интересной и наполненной смыслом, эмоционально насыщенной, верят, что у человека есть возможность самостоятельно регулировать свою жизнь.

Следующим этапом в нашем исследовании было проведение формирующего эксперимента с группой подростков с девиантным поведением на базе переведенной американской методики Defining issues test 2 (Алмаева, Е.А., Делибалт, В.В., 2016).

В результате проведения эксперимента для подростков стали иметь более важное значение взаимоотношения с другими людьми и проявление милосердия к окружающим.

Литература

1. Алмаева Е.А., Делибалт В.В. Особенности теста «DIT 2» для изучения ценностно-смысловой сферы и морального сознания подростков [Электронный ресурс] // Материалы межвузовской научно-практической интернет-конференция по юридической психологии. 2016.

URL: <http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=160.msg371#msg371> (дата обращения: 10.10.16).

2. Серый А.В., Яницкий, М.С. Ценностно-смысловая сфера личности: учебное пособие. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. 92 с.
3. Харитонов Ю.Ю. Проблема изучения морального сознания в психологии // Вестник Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Московский государственный агроинженерный университет им. В.П. Горячкина. 2009. № 5. С. 57-58.

Особенности веры в справедливый мир у несовершеннолетних правонарушителей и правопослушных подростков

Астанина Н.Б.

Воронежский филиал АНО ВПО «Московского гуманитарно-экономического института» (г. Воронеж, Россия)

Исследование посвящено изучению веры в справедливый мир у несовершеннолетних правонарушителей в сравнении с правопослушными подростками. Вера в справедливый мир (ВСМ) представляет собой мировоззренческую установку, согласно которой мир является упорядоченным местом, где его жители получают награды и наказания в соответствии с их заслугами (Lerner, 1980).

В исследовании были использованы следующие методики: 1) Шкала веры в справедливый мир (General Belief in a Just World Scale, M. Schmitt, L. Montada, C. Dalbert); 2) Шкала веры в несправедливый мир (ВНСМ) (General Belief in a Unjust World Scale, J. Maes); 3) Шкала веры в имманентную справедливость (ВСМимм) (Belief in Immanent Justice Scale, J. Maes); 4) Шкала веры в конечную справедливость с двумя субшкалами: веры в итоговую компенсацию страданий жертв (ВСМЖконеч) и шкала веры в итоговое наказание нарушителя (ВСМНконеч) (Belief in Ultimate Justice Scale, J. Maes).

В исследовании приняли участие 186 подростков мужского пола, возраст – от 13 до 18 лет. Контрольную группу составили 89 подростков, учащихся школ и среднеспециальных учебных заведений г. Воронежа. В состав экспериментальной группы вошли 97 правонарушителей, являющиеся воспитанниками спецшколы для детей с девиантным поведением (19 человек), воспитательной колонии (35 человек), содержащиеся в следственном изоляторе (28 человек), стоящие на учете в ПДН (15 человек) г. Воронежа и Воронежской области.

Согласно результатам сравнения ВСМ в обеих исследуемых группах по критерию Манна-Уитни, у правонарушителей все виды ВСМ выражены значимо выше: ВСМимм, ВСМЖконеч, ВСМНконеч. Значимых различий ВНСМ не обнаружено.

Полученные результаты согласуются с результатами ранее проведенных нами исследований, которые устойчиво указывают на повышенную значимость для правонарушителей темы заслуженного распределения благ и наказаний (Астанина Н.Б., 2011).

В результате изучения соотношения ВСМ и ВНСМ выявлено, что в группе правонарушителей вера в несправедливый мир значимо положительно связана со всеми видами ВСМ. В группе правопослушных подростков коэффициенты корреляции видов ВСМ и ВНСМ слабо отрицательны или стремятся к нулю. Корреляционный анализ осуществлялся с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты свидетельствуют, что для правонарушителей характерна следующая установка: чем больше в мире справедливости, тем одновременно больше несправедливости. В отличие от правопослушных подростков, которые воспринимают справедливость как нечто, существующее для всех в равной степени (если есть для всех, значит, существует и для каждого), правонарушители воспринимают справедливость аддитивно, как то, что на всех не хватает, и за что нужно бороться. Такая установка может порождать стремление «разворачивать к себе мир справедливой стороной», а другую – жестокую и несправедливую сторону – оставлять для тех, кто не способен добиться справедливости.

Вероятно, что специфика ВСМ у несовершеннолетних правонарушителей может являться одновременно как фактором, повышающим психологическое благополучие подростков, дающим надежду на позитивный исход и компенсацию негативных жизненных переживаний, так и фактором противоправного поведения, легализующим право добиваться желаемого, ущемляя интересы другого человека под лозунгом борьбы за справедливость.

Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 15-36-01233.

Литература

1. Астанина Н.Б. Особенности феномена доверия у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011. 209 с.
2. Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. New York, 1980.

Ограничения оборота информации в целях защиты детей как мера профилактики их девиантного поведения

Афанасьева И.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Профилактика девиантного поведения – это такие меры, которые позволяют снизить возможности для совершения нежелательных противоправных поступков. Особенно это важно в отношении несовершеннолетних. В научной литературе выделяют профилактику по объектам воздействия: первичную, вторичную и третичную. Первичная профилактика включает в себя факторы, оказывающие влияние на возможности для совершения противоправных действий, и направлена на снижение воздействия условий среды на несовершеннолетних. Вторичная профилактика направлена на несовершеннолетних или их группы, которые потенциально имеют риск

стать правонарушителями. Третичная нацелена на несовершеннолетних, которые уже совершили правонарушение, и ее цель – удержать от рецидива.

Мы остановимся только на первичной профилактике девиантного поведения несовершеннолетних, то есть на факторах, которые могут снизить возможность совершения нежелательных неправомерных поступков. Нами предлагается в качестве меры профилактики девиантного поведения – защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и нравственному развитию.

Одним из первых международных документов, который был сконцентрирован именно на защите прав и интересов детей, стала Декларация прав ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН. Данный документ содержит лишь общие принципы, которые признаются государствами, её поддерживающими, и реализуются в национальном законодательстве. Развитие принципов, заложенных в Декларации, было осуществлено при принятии Конвенции о правах ребенка 20 ноября 1989 года. Россия ратифицировала её в 1989 году.

Ключевым положением Конвенции для понимания возможностей ограничения оборота информации в целях защиты детей является ее статья 17, в которой подчеркивается важная роль средств массовой информации и концентрируется на поощрении доступа ребенка к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к такой информации и материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка. Данная норма послужила отправной точкой для разработки национального законодательства, защищающего ребенка от информации, которая может рассматриваться как наносящая вред психологическому, физическому и нравственному развитию ребенка. Первоочередным обстоятельством, имеющим значение для рассмотрения анализируемой нормы, является то, что в ней в самой установлены пределы ее реализации. Установление принципов защиты детей от вредной информации должно происходить в обязательном порядке таким образом, чтобы не было ущемлено или несоразмерно ограничено право ребенка на свободу выражения мнения, включая право на получение и передачу информации в любой форме независимо от границ (статья 13 Конвенции). Кроме того, государство не может вторгаться в права и обязанности родителей по обеспечению воспитания и развития ребенка, так как такая обязанность предусмотрена статьей 18 Конвенции. Основная функция государства, согласно этой статье, состоит в том, чтобы оказывать помощь родителям и законным опекунам ребенка в их воспитании.

Правовое регулирование этой проблемы в РФ осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – Закон), вступившим в силу с сентября 2012 года. Законом информация, причиняющая вред здоровью и развитию детей, делится на два основных вида: 1) информация, запрещенная для распространения среди детей; и 2) информация, распространение которой среди детей ограничено.

В первую группу входит информация: а) побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству; б) способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством; в) обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным; г) отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи; д) оправдывающая противоправное поведение; е) содержащая нецензурную брань; ж) содержащая информацию порнографического характера; з) о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего. Данный перечень является закрытым.

К информации, ограниченной для детей возрастными рамками, относится информация в виде изображения или описания: а) жестокости, физического и (или) психического насилия, преступления или иного антиобщественного действия; б) в унижающей человеческое достоинство форме ненасильственной смерти, заболевания, самоубийства, несчастного случая, аварии или катастрофы и (или) их последствий; в) половых отношений между мужчиной и женщиной; г) содержащая бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани.

Федеральный закон, по-нашему мнению, не ставит цели защитить детей от проблем и сложностей современной жизни и создать впечатление, что мир состоит только из позитивных моментов без насилия и смерти. Но дети должны знакомиться с такого рода информацией постепенно, когда они могут ее воспринять, чтобы она не причинила вред их здоровью и нравственному развитию. Нужно и рассказывать о насилии, но сострадая к жертве, а резюмируя, как в сказках, всегда добро побеждает зло.

Также, большое значение в этом вопросе должно придаваться школе. Например, включение в школьные программы курсов по обучению навыкам здоровой и безопасной жизни, самообороны, предупреждение насилия и издевательств в школе. Для этого, например, во Франции, привлекают безработных выпускников школ, которые получают статус помощников-воспитателей, а целью их работы является уменьшение драк и насилия в школе, обеспечение безопасности дороги в школу и из школы, помощь учителям в проведении внеклассной работы. Кроме этого, эффективным является объединение интересов семьи и школы. Например, такая программа в США предусматривает обучение родителей, уроки по общению для детей, контроль на

игровых площадках, установление контактного телефона «семья – школа». Результатом этих мер является сокращение агрессивных проявлений и хулиганского поведения подростков, консультации по вопросам курения, потребления алкоголя и наркотиков, сексуальных отношений, решения конфликтов.

Характер семейных конфликтов как причина злоупотребления родительскими правами в спорах об определении места жительства и порядке общения с ребенком

Баранская Л.Т., Новиченко А.Ю.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ (г. Екатеринбург, Россия)

Особенностью современного этапа в области развития гражданского правосознания стало тесное переплетение юридической информированности населения и обыденных представлений о тех или иных сторонах жизнедеятельности, основанных на социальных, культурных, национальных традициях. Все это не могло не отразиться на институте семьи, как основополагающей структуре формирования будущего общества. С одной стороны, разводящиеся супружеские пары, имеющие несовершеннолетних детей, стремятся более ответственно подходить к решению вопросов об определении места жительства и порядке общения с ребенком при раздельном проживании родителей. Однако, с другой - родители зачастую прибегают к разного рода юридическим «уловкам», препятствующим эффективному судебному решению.

В течение 2014-2015 года авторы участвовали в 26 судебных процессах по защите прав и интересов ребенка, в качестве эксперта или специалиста. В целом, можно выделить две группы разводящихся семейных пар, не способных решить вопросы, касающиеся воспитания их детей самостоятельно, путем переговоров, или посредством процедуры медиации. В 30% случаев (8 судебных решений) местом жительства ребенка определено проживание с отцом, имеющим более чем у матери развитую функциональную способность к обеспечению индивидуальных потребностей формирования личности ребенка и с учетом особенностей воспитательной позиции. Важной характеристикой этих семейных пар является то, что все они проживали отдельно от старших родственников (родителей и прародителей), самостоятельно строили семейно брачные отношения, были независимы материально. Возраст супругов был примерно одинаков, либо отмечалась разница в возрасте: муж старше не более чем на 5 лет. В тоже время, указанные случаи схожи тем, что, в большинстве случаев, брак был заключен между лицами, изначально имеющими разный социально-культурный и образовательный уровень. Однако даже в ситуации сходства указанных уровней (3 семейные пары), папы проявляли большую ответственность в вопросах воспитания несовершеннолетних детей. Источником семейных конфликтов, как правило, было поведение мамы несовершеннолетнего ребенка, направленное на поиск «нового» спутника жизни и/или употребления алкоголя и стремления к развлечениям,

вопреки выполнению родительских обязанностей. В одном из случаев мама двух несовершеннолетних детей, мальчика 6-ти лет и девочки 3-х лет, «в поисках счастья» выехала за пределы страны в дальнее зарубежье.

В тоже время, при определении места жительства несовершеннолетних детей, женщины данной группы настаивали (с помощью адвокатов) на том, что ребенок должен проживать именно с матерью, по причине более тесного эмоционального контакта, а также акцентировали внимание на вероятном повторном браке бывшего мужа и появлении у ребенка мачехи. Лишь некоторые из них достаточно откровенно требовали удовлетворения материальных потребностей взамен на согласие проживания ребенка с отцом. В 2 случаях (1%) суд принял решение об определении местом жительства ребенка с матерью, хотя, на наш взгляд, существенных доводов и достаточного психологического обоснования в пользу такого решения в ходе судебных разбирательств представлено не было.

Для второй группы семейных пар наиболее актуальным являются вопросы определения порядка общения с ребенком при раздельном проживании родителей. Большинство отцов – представителей данной группы (60%), готовы «судиться» бесконечно, изматывая бывшую жену судебными тяжбами, обращениями к судебным приставам за доказательствами неисполнения матерью, воспитывающей ребенка, решения суда. Наиболее распространенным является сбор «компрометирующих» личность фактов. При этом нами отмечено, что в этих семьях, именно отцы (и/или бабушки ребенка со стороны отца) своими действиями, зачастую обусловленными патологией характера, способствовали развитию семейных конфликтов и распаду семьи.

Правовое сознание молодежи

Безносков Д.С.

СПбГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы» (г. Санкт-Петербург, Россия)

В России актуальным является формирование нормальных правовых отношений. Такие отношения складываются при условии развития зрелого правового сознания, высокой гражданственности и правовой активности людей. Построение правового государства в России сталкивается с определенными психологическими проблемами. Первая проблема связана с тем, что в советской и постсоветской России до недавнего времени господствовало сложившееся еще в средневековье этатическое понимание права, то есть приравнивание права к государственному указу. Это привело к тому, что граждане самостоятельно не создавали правовые отношения, не принимали активного участия в строительстве государственности в России.

В европейских странах законы создавались гражданами в процессе групповых дискуссий. Закон – это объективированная справедливость. Каждый человек может понимать справедливость субъективно. В результате договоренности людей субъективно понимаемая справедливость объективируется. Закон становится

обязательной нормой, при этом возникает и норма равенства всех членов сообщества перед законом. Нормы справедливости и равенства были созданы жителями Европы в течение нескольких столетий. Борьба за справедливость, равенство перед законом, избирательные права сформируют особое отношение к праву: уважение к закону (правовой реализм), веру в справедливость социального мира, отстаивание равноправия, ответственность за свое поведение, социальную солидарность.

В историческом развитии России ее граждане не прошли путь самостоятельного законотворчества. Законы всегда создавались и принимались правящими верхами, мнения рядовых граждан не принимались во внимание. Поэтому не правовая гражданственность, а правовой этатизм укоренились в России. Отстраненность граждан России в процессе законотворчества сформировала особое отношение к праву: правовой нигилизм или цинизм, неверие в нормы справедливости и равенства, отсутствие социальной солидарности. У граждан России нет опыта и навыков правового решения общественных проблем, возникает правовая аномия.

Вторая проблема связана с деформацией правовых отношений. Норма равенства всех граждан России перед законом не всегда соблюдается. События последних месяцев, обнаружившие невиданную коррупцию, свидетельствуют о колоссальной деформации правового сознания некоторых чиновников, о явных проявлениях правового нигилизма и цинизма.

Актуальной становится проблема психологического обеспечения процесса формирования правового сознания во всех социальных группах, начиная с молодежи. Правовые нормы регулируют поведение членов общества наряду с нормами морали. Основное содержание правосознания выражено в форме отношения к праву. В зависимости от объема знаний о праве, направленности и интенсивности чувств, правомерности или противоправности поведения, а также оценки значимости нами выделяются восемь видов правосознания: правовой идеализм, правовой реализм, правовой конформизм, правовой фетишизм, правовой инфантилизм, правовой скептицизм, правовой цинизм и правовой нигилизм.

Мы провели психологическое исследование правового сознания курсантов университета МВД, сотрудников МВД, студентов СПбГУ и РГПУ им. А.И. Герцена, не имеющих юридического образования. Обнаружено, что на правовой реализм как нормальный вид правового сознания оказывают влияние четыре фактора: знание юридических законов, личностные особенности, система ценностей и базовых убеждений. Люди, получившие юридическое образование, в большей степени проявляют правовой реализм как нормальное позитивное отношение к праву, чем люди, не имеющие юридического образования. Высокий уровень субъективного контроля способствует чувству ответственности за свое поведение и формированию позитивного отношения к праву. Люди, имеющие низкий уровень агрессивности, умеющие сдерживать свои эмоции и чувства, импульсивные реакции на раздражители, также склонны проявлять правовой реализм. Люди – носители негативного правосознания, имеют в целом искаженную систему ценностей.

Социальные риски современных подростков в контексте изучения жизненных траекторий

Бочавер А.А.

Центра исследований современного детства, Институт образования НИУ ВШЭ
(г. Москва, Россия)

Хломов К.Д.

ГБУ «Городской психолого-педагогический центр Департамента образования города
Москвы» (г. Москва, Россия)

Хломов И.Д.

Некоммерческое Партнерство содействия развитию детей и подростков «Перекресток
Плюс», ГБУ «Городской психолого-педагогический центр Департамента образования
города Москвы» (г. Москва, Россия)

Али-заде А.С.

Некоммерческое Партнерство содействия развитию детей и подростков «Перекресток
Плюс» (г. Москва, Россия)

Традиционный взгляд на подростковый период включают в себя идею перехода от детства к взрослости, включающий в себя планирование последующих шагов на жизненном пути, через категории образа будущего, самоопределения, профориентации, выбора и в целом поиск потенциальной социальной ниши для себя-взрослого. Сейчас мы наблюдаем удлинение подросткового возраста (Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д., 2016; Wallis L.). Люди до 18 лет не успевают справиться с возрастными задачами: выбор профессионального пути, сепарация от родителей, формирование самостоятельности. Длительный и становящийся самоценным подростковый период перестает быть этапом подготовки и занимает более значимую часть жизненного пути. Характеристики транзитивного общества усложняют задачу проектирования собственного жизненного пути (Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д., 2016).

В рамках проекта по исследованию траекторий жизненного пути современных подростков был проведен опрос, в котором приняли участие 200 подростков 13-18 лет ($M_{возр}=16.3$), 105 девушек, 95 юношей. Им предлагались вопросы об идеях насчет их будущего у ближайшего окружения, их собственных идеях и пожеланиях, и также о наличии вокруг них людей, которые живут так, как хотели бы жить респонденты.

Результаты опроса показывают, что поиск или выбор ролевой модели – образца, которому можно было бы в чем-то следовать, является сложностью: из 200 респондентов всего лишь 43 (22%) подтверждают, что вокруг них есть люди, которые живут так, как хотелось бы жить респондентам. При этом, изучая характеристики привлекательности жизни этих людей, у подростков скорее поверхностное, чем сущностное понимание; основными факторами успеха видятся достаток и учеба/упорство. Но почти 80% респондентов не могут назвать людей, жизнь которых могла бы быть образцом.

Отвечая на вопрос об образе будущего, респонденты демонстрируют неопределенную картину, выбирая такие слова, как «хорошим» (31 упоминание), «успешным» (28), «счастливым» (19), «светлым» (11). 33 человека говорят о в общем виде о семье и 35 о работе. 22 участника называют конкретные профессии или области деятельности, в которых хотят работать.

Рассказывая об источниках идей об их будущем, подростки в основном перечисляют сообщения, исходящие от матери (114 человек из 200), гораздо реже – от отца (44), бабушки (24) и дедушки (10), 23 подростка не привели ни одного ответа. В целом можно говорить о том, что тема будущего подростков в семьях обсуждается. Что касается содержания этих обсуждений – в них доминирует слово «должен/должна» (78 раз), что, отчасти задано и особенностями языка, и модальностью долженствования.

Полученные результаты представляют собой пилотные данные, демонстрирующие, что обсуждение будущего представляют собой сложную задачу и для подростков, и для их родителей. Социальная ситуация второй половины XX века и начала XXI сильно различается, профессионализация строится по-разному: советские линейные карьеры с совпадением профиля образования и дальнейшей работы сильно отличаются, и от радикальных и изменчивых траекторий 1990-х годов, и от требующих гибкости и постоянного повышения квалификации в 2010-х годах.

Тезисы подготовлены при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект № 15-36-01317).

Литература

1. Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д. Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 31–38. doi:10.17759/jmfp.2016050204
2. Поливанова К.Н. Практики развития: взросление в современном мире [Электронный ресурс] // Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство». 2012. URL: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292.shtml> (дата обращения: 12.04.2016).
3. Wallis L. Is 25 the new cut-off point for adulthood? [Электронный ресурс] // BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-24173194> (дата обращения: 08.06.2016).

Роль педагога в формировании правосознания детей-сирот

Бутко Н.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Формирование правового сознания в детском и подростковом возрасте у воспитанников интернатных учреждений является актуальной проблемой современности. Дети, лишенные родительского попечения, наиболее склонны к

бродяжничеству, подвержены опасности стать жертвами насилия и преступлений или быть вовлеченными в преступную деятельность. Дети сироты находятся в зоне потенциального риска повторения судьбы своих неблагополучных родителей.

Правосознание является необходимым для реализации правового поведения, оно предполагает наличие правовых знаний и юридической информации на доступном для усвоения ребенком уровне. Развитие правосознания происходит в процессе формулирования суждений о правовых нормах как о социальной ценности и развивает правовую культуру личности, оказывая влияние на восприятие права и перевод нормативных предписаний в социальное поведение (Есикова Т.В., 2012).

Ребенок, в условиях интерната, во взаимодействии с педагогическим составом, получает правовые знания, на основе которых у него возникает определенное образное понимание правовой действительности, усваиваются нормы, развивается правовое сознание и модели правопослушного поведения. Обязательными компонентами правосознания выступают формирование личностных убеждений и ценностных ориентиров в сфере правового регулирования общественных отношений.

Специфика правосознания воспитанников интерната предполагает грамотное оперирование правовыми нормами при реализации законных интересов в сфере жилищного права, получения социальных прав и гарантий, а так же умение противостоять негативному влиянию со стороны других лиц и средств массовой информации.

Система организации интернатных учреждений, имеющая в своей основе обособленный, закрытый характер, по сути, определяет тип взаимоотношения педагог-воспитанник. Работа в детском доме отличается от работы в других образовательных учреждениях. Кроме преподавания предмета в обязанности педагогического состава входит организация досуга, коррекционная работа, контроль за поведением, и т.д. Однако особенное место занимает личность педагога во взаимодействии с воспитанниками.

Дети признают властные полномочия взрослого и во многом именно из-за этого рассматривают его мнение в качестве значимого ориентира при выработке тактики и стратегии своего поведения. Модель значимости педагога для воспитанников интернатных учреждений совпадает с основной моделью «значимого другого».

Педагог в условиях дома-интерната во взаимоотношениях с воспитанниками выступает в качестве: морально-нравственного ориентира; регулятора поведения; эксперта, оценивающего ребенка; партнера по взаимодействию и общению.

Перед педагогом в условиях интерната стоит задача сформировать у ребенка представления о самом себе, правах и обязанностях, причем не только сообщать доступные правовые знания, но и формировать оценочное отношение к правовой действительности и уважительное отношение к правовым нормам.

Одну из ведущих позиций в процессе формирования правосознания у детей-сирот занимает профилактическая работа педагога по созданию условий, обеспечивающих возможность нормального развития детей, своевременного выявления типичных кризисных ситуаций, что может дать значительные

положительные результаты и тем самым исключить необходимость применения более суровых мер, в том числе и уголовно-правового характера.

Уровень развитости правосознания проявляется в позитивном отношении к законам, как к непреложным ценностям правового государства, применении правовых знаний в повседневной жизни, избирательном отношении к информации, поступающей из СМИ и умении ее ранжировать в процессе самостоятельного присвоения знаний.

Литература

1. Есикова Т.В. Развитие правовых представлений: история и современность [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n3/54061.shtml> (дата обращения: 20.10.2016).

Сравнение мотивов вандальных действий у школьников и студентов

Веневская И.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Вандализм как комплексная социально-психологическая проблема российского общества сформировался в связи со сложным кризисным временем в стране. Вандализм можно отнести к одному из видов девиантного поведения, однако он более специфичен. В УК РФ вандализм определяется как «осквернение сооружений или зданий, порча имущества в общественных местах или транспорте» (ст. 214). Большинство актов вандализма совершается молодыми людьми, не достигшими 25 лет (пик вандализма 11-15 лет).

Для изучения возможных детерминант подросткового вандализма в 2010 г. была проведена диагностика вероятных мотивов вандального поведения у 218 подростков (93 мальчика и 125 девочек) от 11 до 16 лет, обучающихся в общеобразовательной школе. Был использован авторский опросник «Мотивы вандального поведения» (Воробьева И.В., Кружкова О.В., Острикова С.А., 2010). Дифференциация по мотивам вандального поведения показала преобладание следующих видов: экзистенциальный вандализм, любопытствующий, протестующий и вандализм, вызванный скукой. Значимыми причинами являются выражение протеста и несогласия, любопытство и стремление исследовать предмет, а также стремление развлечься и испытать острые ощущения. Наименее значимыми мотивами совершения вандальных действий являются эстетический (стремление изменить среду и получить эстетическое удовольствие) и неудобство окружающей среды (потребность в более удобной организации пространства) (Воробьева И.В., 2012).

В нашем исследовании мотивационной сферы совершения вандальных поступков среди студентов приняли участие 60 человек, 30 из которых юноши и 30 - девушки. Студентов также спросили, какое отношение они выражают по отношению к людям-вандалам и самому феномену вандализма как такого. По данным открытой анкеты 34% (22 чел.) респондентов к феномену вандализма относятся отрицательно,

27% (16 чел.) выразили равнодушное отношение. Вероятно, это свидетельствует о достаточном уровне понимания морально-этических норм общества и социально-правовых ориентиров.

Студенты, заполнившие анкету, были опрошены на предмет того, что, по их мнению, подталкивает людей к совершению вандальных действий. Опираясь на классификацию мотивов вандализма Д. Кантера (Canter D., 1983), можно сделать вывод, что около половины респондентов считают, что основным мотивом вандализма является экзистенциальное исследование, то есть вандализм как средство самоутверждения, исследования возможностей своего влияния на общество, привлечения внимания к себе. Другая половина основным мотивом выделила скуку, желание развлечься. И только два человека определили основным мотивом – гнев. Студентов спросили, совершали ли они вандальные действия, а конкретно – рисовали ли они на стенах, партах, в лифтах, так как данная форма вандализма является наиболее распространенной. 53% (32 чел.) опрошенных положительно ответили на этот вопрос. Однако всего 10 студентов из 32 признали это актом вандализма. При ответе на вопрос что было причиной совершения вандальных действий опрошенными, 100% из 32 ответивших основным мотивом назвали скуку.

Таким образом, можно сделать вывод, что вандализм в студенческой среде, так же как и в школьной – распространенное явление. Однако если взглянуть на характер мотивов совершаемых вандальных действий, то можно выявить, что в большинстве своем студентами движет скука, отсутствие интересного и занимательного вида деятельности, а не желание доказать окружающим свою смелость, решительность и др. и не выражение несогласия с чем-либо, проверка собственных возможностей, что свойственно школьникам.

Литература

1. Воробьева И.В. Подростковый вандализм: мотивы и возможные личностные детерминанты // Вестник Тюменского государственного университета [Электронный ресурс]. 2012. № 9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/podrostkovyy-vandalizm-motivy-i-vozmozhnye-lichnostnye-determinanty#ixzz3kbri8woh> (дата обращения: 20.10.2016).
2. Canter D. Vandalism: Overview and prospect // Vandalism: Behavior and motivation / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.

Особенности интеллектуального развития подростков, подвергавшихся жестокому обращению в семье

Гаямова С.Ю., Глазуноват М.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Одна из причин плохого благополучия общества – это жестокое обращение с детьми. В последние годы в связи с общим кризисом российского общества интерес к проблеме жестокого обращения с детьми значительно возрос, что обусловило

необходимость более тщательного исследования причин, форм, динамики видов жестокого обращения, а также поисков профилактики по данному вопросу.

Жестокое обращение с детьми рассматривается с точки зрения теорий девиантности, поскольку именно в жестоком обращении с детьми многие отечественные и зарубежные психологи видят причину отклоняющегося поведения детей и подростков (Алексеева И.А., 2010).

Особое внимание в подростковом периоде уделяют развитию интеллектуальной сферы. Именно влияние жестокого обращения на интеллектуальное развитие подростков имеет важное значение.

Целью нашего эмпирического исследования являлось выявление особенностей интеллектуального развития подростков, подвергавшихся жестокому обращению в семье.

Проведенное исследование доказывает негативное влияние физического насилия на развитие интеллекта подростков. В ходе исследования были получены результаты: у подростков, подвергавшихся физическому насилию в семье, наблюдается снижение интеллекта; уровень интеллекта у подростков, переживших только психологическое насилие, выше, чем у подростков, переживших физическое насилие в семье. Также, в ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что у подростков, подвергавшихся психологическому насилию, интеллект ниже, чем в благополучных семьях, однако не нашла подтверждения – можно сделать вывод, что психологическое насилие оказывает значительно меньшее негативное воздействие, чем физическое.

В целом же, в той или иной степени, по мере возрастания тяжести насилия наблюдается меньшее количество подростков с высоким уровнем интеллекта, при этом количество подростков с низким интеллектом – возрастает. Насилие и жестокое обращение приводит к глубокому нарушению интеллектуального развития, снижая как уровень познавательной мотивации, внимания так и непосредственную способность интеллекта к анализу проблемной ситуации и целенаправленному поиску необходимого решения, трудностям запоминания и концентрации внимания.

Литература

1. Алексеева И.А. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Генезис, 2010. 272 с.

Анализ рецензий на заключения судебно-психологических экспертиз о праве на воспитание детей

Горьковская И.А.

ГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»,

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России (г. Санкт-Петербург, Россия)

В последние годы наблюдается рост высококонфликтных семей, которые не могут самостоятельно решить вопрос о воспитании и месте жительства ребенка. В

итоге, отдельно проживающие родители пытаются разрешить возникшие разногласия в судебном порядке. В целях соблюдения интересов всех членов семьи, возможности полноценного развития ребенка, исходя из системы детско-родительских отношений и отношений между родителями, мотивов поведения, индивидуально-психологических особенностей каждого из родителей и способности оказывать положительное или негативное влияние на ребенка при условии постоянного проживания ребенка с отцом или матерью или при определенном порядке свиданий суды все чаще привлекают психологов в качестве экспертов или специалистов для дачи консультативного заключения. Как показывает практика участия в рассматриваемых судебных разбирательствах все чаще предпринимаются попытки оспаривания выводов заключений судебно-психологических экспертиз (СПЭ).

При анализе 18 рецензий на заключения СПЭ об определении места жительства и/или определении порядка свиданий с ребенком обнаруживаются одинаковые пункты, которые отмечают все, кроме одного, рецензенты: 1) обсуждение использованных психодиагностических методов исследования ребенка и родителей; 2) указание на превышение пределов компетенции эксперта-психолога; 3) предвзятость при анализе материалов гражданского дела или указывание на отсутствие психологического анализа и перечисление отдельных жизненных ситуаций.

При обсуждении примененных экспертом психодиагностических методов рецензенты, за исключением одного случая, всегда отмечают негатив: применяемые методы не соответствуют возрасту, их недостаточно для сделанных выводов, интерпретация результатов проведенного тестирования представлена недостаточно полно и предвзято в отношении одного из родителей и т.д.

В итоге, следует отметить, что в 50 % анализируемых случаев рецензенты правы и достаточно аргументировано отстаивают свою точку зрения, по крайней мере, относительно недостатков применения и интерпретации полученных данных по результатам использованных психодиагностических методов. Также следует отметить серьезные, научно обоснованные претензии к экспертам-психологам в указании на ошибочные выводы из-за отсутствия психологического анализа имеющихся сведений не только на момент производства СПЭ, но и в ретроспективе.

Весьма спорным, с нашей точки зрения, является оценка рецензентами пределов компетенции эксперта-психолога по направлению семейный, детский, социальный, клинический, педагог-психолог. По крайней мере, кроме трех рецензий, претензии не обоснованы. Например, употребление в заключении слов «психотравмирующее воздействие», «повышенная тревожность», «наличие страхов, по количеству превышающее возрастные нормы по А.И. Захарову» и т.д. вызывают критику у рецензентов, так как они считают, что подобные термины могут употреблять только клинические или детские психологи, психиатры, неврологи и т.д.

Обращает на себя внимание, что только одна (5,5%) из всех 18 анализируемых рецензий положительная, в которой отмечают достоинства и высокая научная обоснованность сделанных экспертом-психологом выводов.

И последнее, 14 (77,8%) рецензентов работают в системе образования в ППМС центрах, приютах, в детских образовательных учреждениях со стажем работы от 2 до 12 лет. Оставшиеся 4 (22,2%) работают в ВУЗах, имеют научную степень кандидата или доктора наук. По имеющимся данным, практический опыт производства СПЭ у 16 (88,9%) рецензентов отсутствует или ограничивается производством 2-4 экспертиз в составе комиссии.

Ксенофобские установки и индивидуально-психологические особенности в структуре личности подростка-правонарушителя

Гурина О.Д.

ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»

(г. Москва, Россия)

Ксенофобские установки у подростков могут являться одним из факторов совершения правонарушений, мотивированных национализмом. Совершение подобных преступлений сопряжено с вовлечением подростков в различные группировки, идеи и взгляды которых связаны с идеологиями нацизма, фашизма, расизма. Подкрепленные подобного рода взглядами подростки легко идут на совершение тяжких преступлений, в том числе и убийств на национальной почве.

Исследования ксенофобии, экстремизма среди подростков посвящены, в первую очередь, характеристикам поведения таких подростков, их индивидуально-психологическим особенностям, при этом остается малоизученным место ксенофобских установок в структуре личности подростка.

Цель исследования – выявление выраженности и характера ксенофобских установок и связанных с ними личностных особенностей (смысловых конструктов, индивидуально-психологических особенностей, уровня развития моральных суждений) у подростков с противоправным поведением.

Гипотеза исследования - установки подростков с противоправным поведением по отношению к лицам, не относящимся к их этносу (мигрантам), связаны с определенными смысловыми и индивидуально-психологическими особенностями в структуре их личности.

В исследовании приняли участие 254 подростка в возрасте 14–18 лет (средний возраст – 15,65±0,71).

В рамках исследования была разработана шкала оценки характера и степени выраженности ксенофобских установок подростков по отношению к лицам других национальностей. Для оценки личностных особенностей подростков использовались такие методики как Цветовой тест отношений (ЦТО) в варианте психосемантической методики Е.Г. Дозорцевой (2004) и Д.С. Ошевского (2006); личностный опросник агрессивности А. Басса и М. Перри С. Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского (2007); индивидуально-типологический детский опросник (ИТДО) Л.Н. Собчик (1997). Для оценки уровня развития моральных суждений использовалось интервью, разработанное Д.С. Ошевским (2006). В том числе проводился анализ личных дел

подростков для выяснения их семейных обстоятельств.

По результатам проведенного исследования было установлено, что совокупность факторов, связанных с наличием ксенофобских установок, становлением идентичности за счет солидаризации с идеологией национализма и идентификацией с националистическими группировками, низким уровнем развития моральных суждений в сочетании с агрессивностью, враждебностью, спонтанностью усиливают риск совершения правонарушений на национальной почве и способствуют их совершению при наличии соответствующих ситуационных условий. Отсутствие выраженной националистической направленности, относительно высокий уровень моральных суждений, способность к эмоциональной идентификации с близкими и эмоциональная чувствительность (сензитивность, тревожность) служат внутренними преградами для совершения асоциальных поступков и факторами защиты, сдерживающими совершение правонарушений на национальной почве.

Литература

1. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением: монография. М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2004. 352 с.
2. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Социально–психологические и правовые аспекты ксенофобии. М.: Academia, 2005. 46 с.
3. Ошевский Д.С. Негативные социальные установки и смысловые конструкты у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве // Сборник тезисов конференции Коченовские чтения «Психология и право в современной России». М.: МГППУ, 2012. С. 264-266.
4. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. М.: Институт прикладной психологии, 1997. 480 с.
5. Солдатова Г.У., Макарчук А.В. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М.: Генезис, 2006. 256 с.
6. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. 172 с.

Психологическая оценка побуждений несовершеннолетних к действиям сексуального характера в сети Интернет

Гурина О.Д.

ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»

(г. Москва, Россия)

Преступления сексуального характера в отношении детей в сети Интернет становятся широко распространенными. Наиболее часто встречающаяся ситуация – переписка детей и подростков в социальных сетях с малознакомыми лицами, предлагающими сняться и переслать фотографии в обнаженном виде, вступить с ними в сексуальные отношения, в том числе виртуального характера. Подобные действия преступников могут сопровождаться шантажом, угрозами, иными видами

психологического насилия в отношении несовершеннолетних. В уголовном кодексе РФ за описанные выше деяния предусмотрены ст.133 «Понуждение к действиям сексуального характера» и ст.135 «Развратные действия».

В рамках производства судебных психолого-лингвистических экспертиз по указанным делам ставятся вопросы о наличии побуждений несовершеннолетних к действиям сексуального характера, а также о признаках психологического воздействия, например: Содержит ли представленная электронная переписка признаки побуждения несовершеннолетних к каким-либо действиям?; Содержит ли предоставленная электронная переписка признаки психологического воздействия на несовершеннолетнего? Решение этих вопросов позволяет определять совершаемые в отношении несовершеннолетних действия, как побуждающие к сексуальным действиям, а также устанавливать, каким образом эти действия реализуются. Экспертные выводы по указанным вопросам позволяют квалифицировать действия в рамках статей 133 и 135 УК РФ.

На примере переписки пользователей в социальной сети «ВКонтакте» при решении указанных вопросов устанавливаются совместно с лингвистом: темы общения, коммуникативные роли, кто является инициатором переписки, возраст пользователей, если указан в переписке, осведомленность пользователей о возрасте друг друга. Темы общения в переписке указывают на заинтересованность пользователей в каких-либо вопросах, в том числе относящихся к сексу, интимным отношениям. В исследовании устанавливается степень заинтересованности и участия пользователей в вопросах пола, секса и т.п. Наличие побуждений выявляется также совместно с лингвистом. Эксперт-психолог определяет характер побуждающего воздействия, формы психологического воздействия, оказываемого на несовершеннолетнего. Например, в переписке пользователь «Н» склоняет несовершеннолетнюю «С» к пересылке своих фотографий в обнаженном виде, ссылаясь на то, что она является представителем модельного агентства и ей необходимо понять, какими модельными данными обладает «С». В онлайн-режиме пользователь «Н» побуждает «С» раздеться, сначала до трусов, затем снять и их, демонстрируя обнаженные ягодицы, половые губы. В дальнейшем пользователь «Н» обучает пользователя «С» мастурбировать в онлайн-режиме, убеждая, что это приятно и так делают все взрослые девочки. При отказе «С» от выполнения описанных выше действий «Н» начинает угрожать тем, что вышлет фотографии «С» в обнаженном виде её одноклассникам. Таким образом, пользователь «Н» использует различные типы воздействия на несовершеннолетнюю: убеждение, одобрение, поощрение, используя мотивацию девочки быть взрослой, красивой, нравится мальчикам; формируя доверительный контакт с ребенком, учитывая ее интересы и увлечения; в дальнейшем используя эмоциональный шантаж и угрозы в отношении «С».

Стоит отметить, что эксперт-психолог не устанавливает в подобных экспертизах последствия воздействия, его влияния на несовершеннолетнего, так как им не проводится очного обследования ребенка.

Подобная психологическая оценка побуждений несовершеннолетних к

действиям сексуального характера, а также в целом психолого-лингвистическая экспертиза описанных деяний позволяет более точно устанавливать степень вины преступника и квалифицировать характер совершенных действий.

Проблемы девиантного поведения подростков в современном обществе и пути решения

Гут Ю.Н.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород, Россия)

Проблема отклоняющегося поведения подростков тесно переплетается с проблемой социальной адаптации молодежи, которая является фактором стабильности общества и его развития, поскольку перспективы развития любого общества, любого государства в большой степени зависят от уровня социализации и образованности молодого поколения. Таким образом, рост масштабов и форм отклонений в поведении современной молодежи ставит перед обществом задачу построения эффективной системы их профилактики.

Изучение условий развития личности современных подростков повлекло за собой необходимость обращения к социальному управлению в сфере предупреждения девиантного поведения и к поиску эффективных механизмов профилактики в подростковой среде. Наиболее полное определение профилактики девиантного поведения дано Я.И. Гилинским. В работах автора данное понятие определяется как воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на причины девиантного поведения и факторы, ему способствующие, которые приводят к сокращению или прекращению совершения девиантных поступков (Я.И. Гилинский, 2014).

Предпочтение профилактике наказанию известно еще со времен Аристотеля и Платона. С.Н. Ениколопов, Е.В. Змановская, М.Е. Позднякова и др. современные ученые также подчеркивают эффективность превентивной деятельности в сравнении с наказанием.

Сегодня предупредительно-профилактическая работа, которую ведут учреждения и организации, входящие в систему профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, во многом не эффективна. Многочисленные службы нацелены на борьбу с последствиями девиантного поведения, а не с предпосылками (Гут Ю.Н., 2015).

С нашей точки зрения, важным направлением превентивной деятельности является развитие практики прогнозирования сложного причинно-факторного комплекса, обуславливающего развитие девиантного поведения, выявление характера взаимодействия различных факторов риска девиантного поведения и реализации соответствующего социально-педагогического сопровождения детей, склонных к отклоняющемуся поведению.

В исследовании Гут Ю.Н., Кабардова М.К. «Личностные и

нейропсихологические предпосылки девиантного поведения подростков» было выявлено, что подростки с левым показателем моторной пробы перекрест рук по А.Р. Лурия ориентированы в прошлое, обособлены, необщительны, пренебрегают общепринятыми нормами и ценностями, склонны к аддиктивному поведению. У испытуемых с левым перекрестом рук с такими характеристиками эмоционально-волевой и коммуникативной сфер как: импульсивность, возбудимость, беспечность, эмоциональная неустойчивость были обнаружены различные склонности к девиантному поведению.

Испытуемые с правым показателем – ориентированы в будущее, они более динамичны, адекватны и эффективны в ситуациях общения, склонны демонстрировать соблюдение социальных норм.

На наш взгляд, при обнаружении временной перспективы, направленной в будущее – показателя личностной зрелости, возможно упреждение развития склонностей к девиациям подростков с латентной леворукостью, путем создания условий для реализации их творческих способностей, связанных с доминированием правополушарных функций, а также изменения внутренних установок, развития волевых качеств, предоставления простора для социально-полезной активности подростков, определяющей наиболее прогрессивный вектор эволюционного развития общества. Сдерживание активности молодежи, а именно ей в большей степени присуща инновационная деятельность, серьезно затормозит социальные процессы развития современной России. А авторитарные воспитательные меры в отношении подростков со склонностями к девиациям вообще только лишь усугубляют последствия.

Литература

1. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. СПб.: Юридический центр Пресс, 2014. 520 с.
2. Гут Ю.Н. Личностные и нейропсихологические детерминанты девиантного поведения к подростков: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Москва, 2015. 28 с.

Спектр технологий помощи несовершеннолетним с проблемным и девиантным поведением в контексте юридически значимых ситуаций

Делибалт В.В., Богданович Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Актуальной проблемой в области практической помощи несовершеннолетним и семьям, находящимся в юридически значимых ситуациях, является обобщение тех технологий, которые используются в практике работы отечественных и зарубежных специалистов. Можно выделить следующие технологии:

1. Технологии сбора информации о несовершеннолетнем. Данные технологии представлены различными методами структурированной оценки поведения (ОРВ,

SAVRY и др.), которые позволяют провести подробный анализ не только факторов риска (в т.ч. рецедивов) и ресурсов развития, но также составить индивидуальный план работы с несовершеннолетним. Нередко данные технологии используются для составления так называемого ювенального досье или досудебного доклада в рамках уголовного процесса в отношении несовершеннолетних правонарушителей (реже – в гражданском процессе), которое может быть дополнено классическим психологическим заключением и характеристиками несовершеннолетнего другими специалистами (педагогами, социальными педагогами, воспитателями и др.).

2. Технологии раннего вмешательства, направленные на раннее предотвращение неблагополучия как в контексте развития ребенка, так и в семейном контексте.

3. Технологии мотивирования, использующие различные модели интервьюирования, направленные на формирование готовности и мотивации к изменениям поведения, участию в программах помощи.

4. Технологии, ориентированные на работу с семьей, которые предполагают психологическое просвещение, различные тренинги родительской компетентности и семейных навыков, семейное консультирование и психотерапию, а также программы по созданию семейных групп взаимопомощи.

5. Технологии организации социальной среды используются прежде всего на основе просвещения через СМИ, а также включают программы работы с подростковой и молодежной субкультурой, различные социальные проекты и социальная реклама.

6. Технологии информирования, т.е. просвещения через использование таких форм как лекции, семинары, консультации, беседы, распространение специальной литературы и видео- и телефильмов.

7. Технологии, основанные на использовании методов активного социального обучения, целью которых является формирование социально важных навыков.

8. Технологии формирования социальных альтернатив, базирующиеся на идее о формировании альтернативной просоциальной деятельности.

9. Технологии работы со специалистами (прежде всего педагогами), направленные на создание социально-поддерживающего климата в школах, реабилитационных центрах, колониях, работу с самооценкой и Я-концепцией специалистов, профессиональным выгоранием, а также включающие тренинги личностного контроля и социальных навыков.

10. Восстановительные технологии, в основе которых лежат программы примирения и медиации.

11. Технологии создания групп социальной поддержки, направленные на формирование групп само- и взаимопомощи (среди сверстников, родителей, учителей).

12. Технологии индивидуальной и групповой психотерапии, основанные на различных психотерапевтических подходах (психодинамическом, гуманистическом, поведенческом, когнитивном, семейных систем и др.).

13. Постепенитенциарные технологии помощи несовершеннолетним и их родителям (в т.ч. родителям, освобождающимся из мест лишения свободы), направлены на социальную адаптацию и интеграцию.

14. Мультикомпонентные технологии, учитывающие индивидуальные и средовые аспекты работы с клиентами и включающие в себя различные компоненты, состоящие из вышеописанных технологий. Данные технологии являются одними из самых эффективных в процессе работы с несовершеннолетними с проблемным и девиантным поведением.

Данный перечень не является исчерпывающим, но ориентирует практиков в вариативных возможностях организации психосоциальной помощи несовершеннолетним и их семьям в правовом контексте.

Перспективы развития юридической психологии детей и подростков

Дозорцева Е.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Юридическую психологию детей и подростков в отличие от других, предметных, отраслей юридической психологии, в определенном смысле можно рассматривать как «эпифеномен», или некую надстройку, связанную практически со всеми основными сферами юридической психологии и охватывающую те их части, которые имеют отношение к несовершеннолетним. Общими для этого направления являются возрастная специфика различных предметов юридической психологии применительно к детям и подросткам, а также особый правовой статус несовершеннолетних.

Основной предметной областью юридической психологии детей и подростков является профилактика девиантного (делинквентного, противоправного) поведения и виктимности несовершеннолетних. Широкий и многоаспектный характер этой сферы свидетельствует о необходимости междисциплинарного и межведомственного взаимодействия психологов с юристами, педагогами, врачами, социальными работниками. Одной из масштабных перспективных целей специалистов в данной области, в том числе юридических психологов, может стать построение целостной концептуально обоснованной системы такого взаимодействия для решения профилактических задач.

Общий вектор развития юридической психологии детей и подростков задается происходящими изменениями в общественной жизни в стране и мире в последние годы. Информационные технологии сделали иной социальную ситуацию развития детей, изменили формы их общения, создали как новые возможности, так и новые риски и угрозы. Актуальными стали исследования девиантного агрессивного поведения детей и подростков не только в физической реальности, но и в виртуальной среде социальных сетей. Кибербуллинг, секстинг и иные формы агрессии, имеющие тяжелые последствия для жертв, требуют специальных форм профилактики. Соответственно, усилилась уязвимость несовершеннолетних в Интернет-среде, где они сталкиваются с жестоким обращением и информацией, которая наносит вред их

развитию, а порой создает угрозу для здоровья и жизни. Юридические психологи могут участвовать наряду с юристами и другими специалистами в создании системы защиты детей от подобных угроз.

Профилактика противоправного поведения несовершеннолетних должна учитывать такие современные тенденции правовой системы, как стремление применять к подросткам-правонарушителям воспитательные меры воздействия, наказания, не связанные с лишением свободы. Это требует разработки специальных реабилитационных программ, в которых значительное место должно отводиться психологической работе.

Одно из актуальных направлений современной юридической психологии – работа с несовершеннолетними потерпевшими от насильственных преступлений и преступлений против половой неприкосновенности. Психологическое сопровождение судебно-следственных действий с такими потерпевшими и оказание им психологической помощи необходимо объединить в общую систему сопровождения потерпевших.

Кроме того, задачи юридической психологии детей и подростков на современном этапе включают в себя психологическую оценку новых законопроектов, касающихся несовершеннолетних, совершенствование судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних в уголовном и гражданском процессе, защиту интересов и создание благоприятных условий для детей и их матерей в пенитенциарных учреждениях.

Особое значение для дальнейшего развития юридической психологии несовершеннолетних имеет подготовка квалифицированных кадров, способных не только решать уже поставленные задачи, но и самостоятельно находить новые проблемы и перспективные решения, уметь проектировать свою деятельность. Разработка образовательных программ и компетенций для юридических психологов, ориентированных на работу с детьми и подростками, закладывает основы для будущего этого направления науки и практики.

Риски развития социально значимых заболеваний у подростков с девиантным поведением

Должанская Н.А., Романяк Е.В.

Научно-исследовательский институт наркологии – филиал ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

По данным Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом ФБУН Центрального НИИ эпидемиологии Роспотребнадзора, в 2015 году количество детей с ВИЧ-инфекцией достигло 9776 человек. В контексте растущей эпидемии ВИЧ/СПИДа в России ВИЧ-инфекция, гепатиты В и С, инфекции, передаваемые половым путем, туберкулез чаще регистрируются в более взрослом возрасте. В тоже время риск распространения таких социально значимых заболеваний, тесно связанный с распространением различных поведенческих

рискованных практик, не всегда принимают во внимание при работе с подростками, с девиантным поведением и, частности с зависимостью от психоактивных веществ (ПАВ).

Для выявления социальных и поведенческих проблем, возникающих у молодых людей в связи с потреблением ПАВ в 2015г. в г. Санкт-Петербург при поддержке Фонда «Гуманитарное действие» и НП «ЭСВЕРО» проведен социологический опрос трех групп молодых людей:

ПН - получающие помощь в связи установленным диагнозом зависимости от психоактивных веществ (N=60);

СС - состоящие на учете в различных социальных службах (N=17);

ССУЗ - студенты средних специальных учебных заведений (N= 34);

Общий объем выборки составил 111 человек, из них мужчин - 63,1%. Средний возраст – 19 лет (15 – 23; Std. Deviation – 2).

Методики: скрининговая оценка никотиновой зависимости Тест Фагерстрема (Fagerstrom nicotine dependence test: adult version), скрининговая оценка зависимости от алкоголя (CAGE questionnaire), скрининговая оценка зависимости от наркотиков (CAGE-AID модифицированный), адаптированная из Self-Reported Delinquency (Moffitt, Silva 1988).

Результаты опроса во всех трех группах выявили относительно нормативное отношение к курению и употреблению алкоголя. В группе, которая получала помощь в связи с зависимостью от наркотиков, у 68,3% были выявлены признаки алкогольной зависимости (CAGE). В двух других группах данные показатели существенно отличались: признаки алкогольной зависимости у тех, с кем проводится профилактическая работа, выявлены у 35,3%, а у студентов ССУЗ – 26,5%. Для лиц, получавших помощь в связи с зависимостью от ПАВ – первые пробы наркотиков были выявлены с 12,9 лет; в остальных двух группах (СС и ССУЗ) – в более позднем юношеском возрасте – с 14,5 лет и 15,5 лет, соответственно.

Средний возраст первого сексуального опыта в трех группах значимо не различался и составил 14 лет. Этот показатель подтверждает необходимость при работе с подростками уделять существенное внимание сексуальным вопросам и вопросам, связанным с заболеваниями, передающимися половым путем, а также с выбором и предпочтениями различных сексуальных форм поведения. В тоже время игнорирование этих проблем может иметь серьезные последствия для дальнейшей жизни подростков.

Результаты проведенного фонового опроса, несомненно, имеют ряд ограничений, тем не менее дают определенное представление для понимания проблемы. В условиях ограниченных ресурсов именно с подростками из «групп риска» необходимо проводить всестороннюю и системную работу по проблемам аддикции и сексуальности.

Поэтому социальные педагоги и психологи должны обладать знаниями в данной сфере и учитывать возможные психологические и медико-социальные последствия поведенческих рисков для личности и общества в целом.

Службы семейного примирения в Саратовской области

Загородняя Т.Н.

Аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области
(г. Саратов, Россия)

Исходя из обстоятельств, что семья на данном историческом этапе терпит крах, две трети семей приходит к необходимости развода, дети в своем большинстве воспитываются в неполных семьях, пришла необходимость создания системы восстановительных практик для семей, стоящих на пороге развода, находящихся в крайней стадии конфликта, когда примирение уже практически невозможно.

Семья в современном мире видоизменяется. Как сделать так, чтобы ребенок остался в системе семьи, что бы не пострадала его психика, что бы он не становился разменной монетой в отношениях родителей, что бы он в изменяющихся для него условиях получил все необходимое, а родители плавно перетрансформировались из состояния СЕМЕЙНАЯ ПАРА + РОДИТЕЛЬСКАЯ ПАРА в состояние РОДИТЕЛЬСКАЯ ПАРА? Как создать структуру, которая бы взаимодействовала со всеми участниками конфликта и разрешила бы его для всех с максимальной пользой, с минимальными потерями, и в первую очередь для детей, которые невольно стали участниками данного конфликта?

Создание сети «Служб Семейного Примирения» должно стать тем оплотом, который должен максимально способствовать решению данной проблемы.

Данные службы могут располагаться как при судах, так и при ЗАГСсах, так и быть независимы. Эти службы должны иметь юридический и психологический отделы, специалиста-сексолога. При подаче заявления на развод родители ребенка обязаны будут пройти данную процедуру семейной медиации, где они не только смогут примириться или комфортно прекратить свои отношения, но и оформить все юридические стороны своего развода, такие как определение места жительства ребенка, закрепление алиментных обязательств, имущественные споры. В данные структурах возможно примирение не только супругов, бывших супругов, но и родственников, которые так же непосредственно бывают втянуты в конфликт.

Медиация широко используется во всем мире и доказала свою высокую эффективность непосредственно при разводе и в особенности, если у супругов есть дети. Но с помощью семейной медиации можно разрешать большинство конфликтов, возникающих в семейных отношениях, как например:

- споры между родителями и детьми (подростками, либо совершеннолетними);
- споры между супругами (по вопросам усыновления\удочерения, воспитания детей, уходу за пожилыми родственниками, наследования и т.п.);
- споры между супругами и детьми супругов от первого брака;
- споры между близкими родственниками (братьями, сестрами, между старшим поколением (родители мужа/жены) и молодым поколением (муж/жена/внуки).

Задача медиатора состоит не в том, чтобы вынести какое-то решение, наоборот – решение вырабатывается самими участниками конфликта. Медиатор лишь создает возможность для каждой стороны:

- 1) услышать вторую сторону конфликта, объяснить, перевести с языка одной стороны на язык другой стороны, что хотят стороны;
- 2) найти истинные интересы обеих конфликтующих сторон;
- 3) наладить контакт и укрепить связи между сторонами – участницами конфликта.

Самое главное – это научить общаться стороны друг с другом и найти для них то безопасное пространство, где они смогут находить общий язык, даже когда пара перестанет быть семейной, но останется родительской для своих детей.

Основной задачей медиации не только установить первопричину конфликта, но и получить эмоциональное удовлетворение от его разрешения. Если говорить о пользе медиации в семейных конфликтах, то медиация:

- медиация позволяет сохранить семью либо разойтись, оставшись при своих интересах, но учитывая при этом интересы детей данной родительской пары;
- медиация даст уникальную возможность в уникальной психологической обстановке обсудить серьезные вопросы, разрешить противоречия как двум супругам, так и близким родственникам;
- выработать схему дальнейших отношений друг с другом и в наилучших интересах детей.

Обоснование критериев при выявлении детей «группы риска» в условиях социально-психологического сопровождения в школе

Калинова О.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Школа является одним из основных социальных институтов, влияющих на формирование и развитие личности ребенка. Укрупнение образовательных учреждений среднего общеобразовательного уровня является инновацией, и четких структур взаимодействия специалистов по сопровождению образовательного процесса не построено. В связи с этим одна из задач руководителя социально-психологической службы большого комплекса – выделение и классификация категории детей «группы риска», создание единой базы и разработка программы сопровождения данного контингента учащихся.

Психологическое сопровождение «группы риска», в начальной школе наиболее актуально, так как на этапе вхождения ребенка в новую социальную ситуацию развития возможно возникновение факторов, влияющих на негативное формирование личности.

Целью нашего исследования было выявление и обоснование критериев для определения детей «группы риска» в начальной школе, а также подбор методического

и диагностического материала для работы с данной категорией. Как объект были выбраны индивидуально-психологические особенности поведения учащихся начальной школы, влияющие на проявление девиаций. Предмет – диагностические критерии определения детей «группы риска» в начальной школе.

Понятие «группа риска» неоднозначно. Наиболее близким для нашего исследования является формулировка – дети «группы риска с девиантным поведением». В научной литературе термин «девиантное поведение», рассматривается как «устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности (Змановская Е.В., 2004).

Нами проанализированы результаты опроса более 60 педагогов образовательных учреждений ЮАО, ЮВАО, ЗАО, которым предлагалось выделить основные проблемы в процессе работы с учащимися младшей школы.

Используя теоретический материал, а также опираясь на запросы педагогов можно обобщить, что основным при сопровождении детей «группы риска» является, выявление проблем в мотивационно-волевой сфере, межличностном взаимодействии, индивидуально-психологических особенностях, а также отслеживание динамики развития данных отклонений с последующей коррекцией.

Проявление и формирование отклоняющегося поведения у младших школьников может быть связано с определенными факторами риска. Мы выделяем как основные два фактора: психологический (влияющий на индивидуально-психологические особенности) и психолого-педагогический (социальная сторона развития личности), которые доступны для воздействия и проведения коррекционно-развивающей работы в школе.

В ходе нашей работы мы пришли к выводу, что при выделении критериев для отнесения учащихся начальной школы в «группу риска» необходимо учитывать факторы риска, знать о формах проявления девиантного поведения, понимать последствия проявлений отклоняющегося поведения. Это необходимо для обоснования выбора диагностических методов при работе с данной категорией учащихся. Важнейшим принципом (условием) подбора методик, является возможность анализа индивидуально-психологических и личностных качеств, а так же соблюдение ряда требований, которым должен отвечать диагностический инструментарий.

Апробация пройдет на выборке учащихся 2-4 х классов в количестве 350 человек. Помимо предложенного диагностического инструментария, предназначенного для выявления детей «группы риска», будет проведен сбор дополнительной информации об особенностях социальных условий учащихся (беседа с классным руководителем; беседа с родителями; сбор информации о состоянии здоровья совместно с сотрудником медицинской службы; изучение данных об успеваемости), полученные результаты проанализированы с целью подготовки рекомендаций по психолого-педагогическому сопровождению данной группы учащихся.

Литература

1. Змановская Е.В. Девиантология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Издательский центр Академия, 2004. 288 с. URL <http://libatriam.net/read/450779/0/> (дата обращения 20.05.2016 года).

Делинквентное поведение и проблема личностной неопределенности подростков

Клейберг Ю.А.

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»

(г. Москва, Россия)

Орлова Е.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Среди комплекса рисков и проблем, которые несет с собой становление глобальной социальной и психологической неопределенности в современном обществе, особое значение, с девиантологической точки зрения, имеет проблема «кросс-культурной аномизации»: процесс смешения, диффузии культур в глобальном информационном пространстве, что сопровождается разрушением традиционных ценностно-нормативных систем, вырываемых из своего культурного контекста и включаемых в процесс информационной циркуляции и информационной неопределенности.

Результатом этого процесса становится размывание представлений о дозволенном и недозволенном в индивидуальном и массовом сознании. Исчезает общий нормативный эталон, что неизбежно деформирует процессы инкультурации, социализации и социального контроля в современном обществе. Подросток лишается критериев для различения позитивного и негативного, нормы и отклонения. Господствующей становится точка зрения, согласно которой каждый решает для себя сам, что нормально, а что – нет. Человек, воспитанный в ключе подобной идеологии «свободы» и тотальной неопределенности, стремится к максимизации своего комфорта и отказывается от ценностных суждений, что приводит к качественному и количественному росту девиаций в современных обществах. В данных условиях актуализируются вопросы о границах допустимого и недопустимого в поведении человека (Хагуров Т.А., 2003; Яницкий М.С., 2012).

Становится ясным, что среди многих средств воздействия общества на формирование личности совершенно определенную роль играют социальные нормы (Клейберг Ю.А., 1997, 2008, 2014а, 2014б, 2014в). Их значение закреплено обязательностью содержащихся в них правил, требований, предъявляемых обществом, классом, коллективом, социальной группой к поведению человека в тех или иных конкретных ситуациях, а также тем, что они служат средством социального контроля. Социальные нормы являются важным звеном механизма социального управления,

регуляции и коррекции поведения человека, стимулирования его творческой и социальной активности.

В основе регуляции поведения человека находятся социальные ценности, выраженные в социальных нормах, которые представляют собой совокупность конкретных правил и требований, вырабатываемых обществом и играющих роль «хранителя» его ценностей. При этом, как отмечает М.С. Яницкий (2012), имеет место своеобразная «двойная регуляция», параллельно осуществляющаяся посредством как моральных, так и правовых норм. Моральные или этические нормы получают выражение в общих представлениях (правилах, заповедях, принципах) о том, как должно поступать в тех или иных ситуациях. Правовые нормы выражаются в сводах, кодексах законов и других нормативных актах (Яницкий М.С., 2012, с. 71).

Однако, исследуя генезис и механизм развития норм, нужно иметь в виду три способа возникновения и функционирования социальных норм:

- а) стихийный (естественный);
- б) планомерно-сознательный (целенаправленный);
- в) смешанный.

Причем, при каждом из этих механизмов могут возникнуть любые виды социальных норм, и в каждом случае обнаруживаются свои, присущие конкретному механизму, особенности генезиса норм.

Основными свойствами социальной нормы являются: объективность отражения действительности; однозначность (непротиворечивость); историчность (преемственность); обязательность воспроизводства; относительная устойчивость (стабильность); динамичность (изменчивость); формальная определенность (внешняя завершенность); степень распространенности, обращенность в будущее; оптимальность; возможность ее измерения; организующая, регулирующая способность; превентивность; коррекционно-реабилитационная способность (Клейберг Ю.А., 2014а).

В ситуациях неопределенности усвоение подростком социальных норм может идти несколькими путями:

- ознакомительно-познавательным – это когда в процессе социализации дети знакомятся с общепринятыми в сообществах, в которых им придется жить, нормами; у них формируются первичные понятия о том, что хорошо, а что плохо;

- формального усвоения. Формальное усвоение норм не гарантирует адекватное (нормопослушное, позитивное) поведение. Часто поведение людей с такой установкой осуществляется как «конформистское»: «поступаю как все», «так же, как и у других», «ворую как все» и т. п. Подросток может сам не нарушать социальных норм, но быть равнодушным к подобным проявлениям, если они не касаются лично его (по принципу «моя хата с краю, ничего не знаю»);

- уровень убеждений – глубинное осознание и принятие социальных норм, превращение их в личные убеждения. Усвоение норм подростком с высоким уровнем самосознания помогает регулировать поведение в сложных ситуациях. Более того, он готов активно противостоять нарушителям норм. Однако для такого противостояния

нужны не только глубокие убеждения, но и воля к борьбе, к отстаиванию своих убеждений (Клейберг Ю.А., 2014а, 2014б).

Делинквентное поведение подростков и молодежи в условиях социальной неопределенности – это модификация или изменение формы или структуры, образа жизнедеятельности лиц, объединившихся в группы социального риска, придерживающихся определенных законов и традиций и имеющих определенные признаки. В подростково-молодежной субкультуре делинквентной (криминальной) ориентации благодаря наличию в ней определенной доли романтики, таинственности, необычности, привлекательности, сравнительно легко усваивается специфическая система норм, ценностей, установок. Немаловажную роль играет и то, что данной субкультуре свойственен эпатажный, игровой и эмоциональный характер.

Одна из типологий подростково-молодежных объединений с делинквентной ориентацией и антиобщественным сознанием выглядит таким образом:

- случайная группа – например, затевающая драки на дискотеках, стадионах и в других местах, имеющая свои неписанные групповые нормы и ценности. Причем действия, совершенные индивидом в толпе, кажутся ему анонимными, как бы обезличенными (не личными) действиями;

- ретристская группа, обычное занятие которой – бесцельное времяпрепровождение, сомнительные развлечения, токсикомания и наркомания;

- агрессивная группа основана на примитивных представлениях об иерархии ценностей и минимуме культуры. Характерными особенностями агрессивной группы являются жесткая иерархическая структура, сильное групповое давление на ее участников, серьезные санкции за нарушение групповых норм, психологической основой которых является резкое противопоставление: «мы–они»;

- криминогенная группа. Для нее характерными чертами являются внушаемость и конформизм, которыми пользуются в своих противоправных целях лидеры группы. Членами криминальных групп, как правило, являются подростки из проблемных семей. Отсюда — примитивный уровень мышления (Клейберг Ю.А., 2014а, с. 88-89).

Однако не исключаем, что это своеобразная форма психологической защиты, при которой вытесненные негативные черты характера и установки в сознании человека могут превратиться в позитивные.

Литература

1. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения: монография. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014а.
2. Клейберг Ю.А. Девиантология: схемы, таблицы, комментарии: учебное пособие. М.: Изд-во МПСУ, 2014б.
3. Клейберг Ю.А. Ювенальная девиантология и пространство досуга: взаимосвязь потенциалов // Материалы VIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Феноменология и профилактика девиантного поведения» (г. Краснодар, 5 декабря 2014), 2014в. С. 116-120.

4. Клейберг Ю.А. Социально-психологические подходы к типологизации деструктивного поведения // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Феноменология и профилактика девиантного поведения»: в 2 т. Т. 1. Краснодар, 2008. С. 176-187.
5. Клейберг Ю.А. Социальные нормы и отклонения. 2-е изд., доп. М., 1997.
6. Хагуров Т.А. Дисфункции процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры (проблемы девиантологического анализа): Автореф. дисс. ... докт. соц. наук. М., 2007.
7. Хагуров Т.А. Введение в современную девиантологию: учебное пособие. Ростов - н/Д., 2003.
8. Яницкий М.С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012.

Экспертное исследование и оценка родительского отношения в судебно-психологической экспертизе по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка

Конищева А.В.

ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (г. Москва, России)

В настоящее время судебно-психологическая экспертиза (СПЭ) по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка является особо востребованной. Одной из основных экспертных задач в ходе ее производства является установление родительского отношения (РО) и определение его возможного негативного влияния на эмоциональное состояние и развитие ребенка.

В современной несудебной психологии существует большое количество исследований, в которых с разных позиций рассматриваются типы РО, проблема влияния типов РО на развитие личности ребенка и методы диагностики РО, применимые преимущественно в ситуации психологического консультирования. Категории РО, используемые многими авторами, не могут быть применены в СПЭ как не соответствующие критериям научной обоснованности и объективности и не разрешающие экспертные задачи СПЭ.

На основании результатов анализа и обобщения существующих подходов к исследованию РО, а также с учетом специфики судебно-психологического экспертного исследования нами были выделены параметры РО, имеющие экспертное значение (оказывающие негативное влияние на эмоциональное состояние и развитие ребенка). К ним были отнесены следующие: эмоциональное отвержение, непринятие, амбивалентное отношение к ребенку; выраженная противоречивость и неадекватность требований (завышенность, несоответствие возрасту, индивидуально-психологическим особенностям, состоянию); непоследовательность воспитательного воздействия либо недостаточная требовательность к ребенку, вседозволенность, размытость границ; негативное психологическое обращение с ребенком (унижение, запугивание, излишняя

критика; чрезмерное ограничение ребенка, его изоляция (в том числе от отдельно проживающего родителя или родственников); жесткость границ; чрезмерность санкций или их полное отсутствие; отказ ребенку в эмоциональной отзывчивости, игнорирование). Нередко проявление данных особенностей РО сопровождается проявлением жестокого обращения с ребенком.

В ходе проведенного нами исследования были проанализированы 54 заключения эксперта, выполненные в государственных судебно-экспертных учреждениях и иных учреждениях (негосударственных экспертных учреждениях, неэкспертных учреждениях), частными экспертами за последние 10 лет. Были обобщены данные о методах и методиках, используемых экспертами для диагностики РО, выявлены основные ошибки в их применении, интерпретации и оценке: недостаточность используемых методов диагностики (использование только самоотчетных методик, пренебрежение проективными методами диагностики и пробой на совместную деятельность); вынесение результатов тестов и опросников (АСВ, ОРО, PARI и др.) в выводы без должной корректировки; голословная интерпретация результатов; констатация негативного влияния отдельных индивидуально-психологических особенностей родителя на эмоциональное состояние и развитие ребенка; отсутствие интегративной оценки полученных результатов; выход за пределы компетенции эксперта-психолога.

Предложен комплекс методов для судебно-психологической экспертной диагностики РО, включающий в себя психологический анализ материалов гражданского дела и медицинской документации, направленную беседу, экспериментально-психологическое исследование с использованием методов психологической диагностики (тестовые опросники в сочетании с проективными методиками) и пробы на совместную деятельность родителя и ребенка. Обязательной является интегративная оценка всей совокупности полученных с помощью данных методов данных. Использование данного комплекса методов, на наш взгляд, позволит избежать необоснованности и неполноты исследования при производстве СПЭ, ведущих к экспертным ошибкам, будет способствовать повышению качества выпускаемых заключений.

Вторичное сиротство: Выявление и предотвращение на этапе обучения в Школе приемных родителей

Кулакова У.А.

ООО «Рациональ» (г. Саратов, Россия)

Вторичное сиротство – это феномен, при котором приемные родители или усыновители отказываются от принятых в семью детей и возвращают их обратно в государственные учреждения. Такая ситуация становится серьезной травмой для психики ребенка и приводит к необратимым последствиям. Брошенный повторно, ребенок окончательно теряет доверие к людям. Мир за стенами учреждений для детей-сирот, еще до недавнего времени светлый и надежный, становится для него жестоким и

лживым. Это ведет к нарушениям в эмоциональном плане, гасит интеллект, познавательную активность, приводит к проблемам с привязанностью к людям, и в будущем сказывается на их восприятии себя, как родителей.

В 2012 году количество возвратов детей существенно возросло – приблизительно 13% детей (почти 1/6) из всех принятых в семьи были возвращены обратно. Затем ситуация в среднем по России стабилизировалась.

Как правило, приемные родители стараются взять ребенка дошкольного возраста. Такие дети, как принято считать, легче адаптируются к новым условиям жизни в новой семье. Большинство случаев отказа – от детей подросткового возраста, причем чаще возвращают девочек (приблизительно в 65% случаев).

Причин отказов множество. Среди них часто выделяют следующие:

- недостаток знаний особенностей физического и умственного развития ребенка;
- неоправданные ребенком идеализированные ожидания родителей;
- эмоциональное выгорание приемных родителей;
- болезнь ребенка – как физическая, так и психиатрическая;
- кризис переходного возраста ребенка;
- материальные затраты на ребенка больше тех льгот, которые получают от государства родители.

Но самой главной причиной является непонимание родителями того, что усыновленные дети особенные, поскольку уже пережили сильнейшую психологическую травму, лишившись в разных обстоятельствах любви и заботы родных по крови. Многие приемные родители не осознают масштабы этой проблемы. Они воспринимают усыновленного ребенка как обычного, такого же как и остальные, «нормальные» дети. Часто их шокирует нестандартное поведение ребенка. Капризы, непослушание, драки, упрямство, брань, воровство, ложь, агрессивность, эмоциональная неуравновешенность – это то немногое, с чем сталкивается практически каждый приемный родитель в период адаптации ребенка в семье.

Одним из актуальных тем на сегодняшний день стоит подготовка будущих приемных родителей. Прохождение «Школы приемных родителей» стало обязательным условием с сентября 2013 года и входит в список необходимых документов для оформления опеки или усыновления. Обучение во всех школах приемных родителей происходит по программе, утвержденной Министерством образования РФ.

При этом одному из самых важных разделов – мотиву приема ребенка в семью – уделяется совсем мало времени в программе. Так, большинство отказавшихся от приемного ребенка родителей, были мотивированы не помочь конкретному ребенку, а наоборот – пытались с помощью усыновления (удочерения) решить свои личные проблемы.

Можно выделить следующие мотивы: потребность в продолжении рода (например, бесплодие одного из супругов), мотив «смысла жизни» (ребенок придаст осмысленность существованию родителей), преодоление одиночества (ребенок как партнер и друг, который предположительно поддержит в старости), мотив

компенсации утраты собственного ребенка, мотив стабилизации супружеских отношений, прагматический мотив улучшения материального положения, альтруистическая мотивация (желание защитить ребенка). Из них лишь последний наименее подвержен риску последующего отказа.

Все остальные мотивы эгоистичны. Большинство психологов, работающих в «Школах приемных родителей» считает, что брать ребенка нужно не для себя, а для него. Для того, чтобы помочь именно этому человечку обрести семью, любовь и веру в людей.

Необходимо уделять гораздо больше внимания выявлению истинной мотивации будущих приемных родителей, чтобы еще на этапе подготовки скорректировать процесс обучения для данных конкретных усыновителей. В этом случае данные приемные родители будут заранее готовы к возможным сложностям, подстерегающим именно их, и в решающий момент смогут с этими сложностями справиться.

Психолого-педагогическое сопровождение адаптации к обучению в начальной школе учащихся из семей трудовых мигрантов

Куприянова В.Н.

ГБОУ Школа № 2121 города Москвы (г. Москва, Россия)

В ранее опубликованных работах нами были подробно рассмотрены уровни адаптации младших школьников: физиологический, психофизиологический, психический, личностный, а также изучены стратегии адаптации в различных группах. Разработаны методические рекомендации по развитию личностного адаптационного потенциала учащихся (Куприянова, 2013; 2014).

Целью настоящей работы является изучение особенностей адаптации школьников первого класса из семей трудовых мигрантов с разной стратегией аккультурации.

Объем выборки – 78 чел. Выделены две подгруппы: контрольная («К», 28 учеников их московских семей) и основная («М», состав – 25 учеников из семей трудовых мигрантов и их родители – 25 чел.). Исследование проведено в 2015 г.

Для оценки уровня общего адаптационного потенциала (ОАП) детей применялась авторская методика. Стратегии аккультурации трудовых мигрантов выявляли с помощью методики, разработанной Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко.

Полученные в исследовании данные были подвергнуты математической обработке.

Результаты исследования. Общий адаптационный потенциал (ОАП) у учащихся из контрольной группы оказался значительно выше по сравнению с основной группой (различия достоверные).

Следует отметить, что группы существенно различаются между собой по диапазону различий в выраженности показателей ОАП. Так, в контрольной группе диапазон различий незначительный. В основной группе выявлены е различия по степени выраженности данного показателя: от высокого до низкого значения. Эти

данные позволили выдвинуть предположение о том, что на формирование ОАП учеников могут оказывать влияние особенности поведенческих стратегий родителей, как основных участников воспитательного процесса, формирующего личность учащегося.

По результатам опроса родителей из основной группы выявлено следующее распределение (в зависимости от выраженности стратегий аккультурации): «ассимиляция» – 20 %, «сепарация» – 25%, «интеграция» – 30%, «маргинализация» – 25 %. Затем, в каждой из выделенных подгрупп (по типу стратегии аккультурации) были подсчитаны усредненные показатели ОАП у детей, которые соответствовали следующим значениям: 3.5 ± 1.1 («ассимиляция»), 3.8 ± 0.6 («сепарация»), 6.2 ± 0.7 («интеграция»), 2.6 ± 0.6 («маргинализация»).

С точки зрения теорий социокультурной и психологической адаптации, к наиболее успешным поведенческим стратегиям в процессе аккультурации, относится «интеграция», а к наименее успешным – «маргинализация».

Стратегия «сепарации» способствует успешной психологической адаптации, а стратегия «ассимиляции» – успешной социокультурной адаптации. Полученные нами результаты подтверждают данную точку, а также показывают, что стратегии аккультурации родителей влияют на формирование адаптационного потенциала детей младшего школьного возраста.

Выявленные закономерности могут быть использованы при разработке программы содействия трудовым мигрантам в их социокультурной и личностной адаптации в новой среде и профилактики развития девиантного поведения у их детей в процессе адаптации к обучению в начальной школе.

Литература

1. Куприянова В.Н. Об индивидуальном подходе к обеспечению эффективной адаптации младших школьников к образовательному пространству // Материалы I Международной научно-практической конференции «Социальная психология в образовательном пространстве» (г. Москва, 16-17 октября 2013 г.). М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. С. 64-66.
2. Лебедева Н.М. Этнопсихология. М.: Издательство Юрайт, 2016.
3. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Издательский дом высшей школы экономики, 2011.

Психологическое воздействие информационной среды на поведение несовершеннолетних детей

Левченко Т.В.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

В настоящее время необходимо привлечь самое серьезное внимание к проблеме влияния информационной среды на формирование мировосприятия и модели социального поведения несовершеннолетних.

Пропаганда насилия, жестокости с экранов телевизора через фильмы и даже мультфильмы, причинение различного рода вреда со стороны сети интернет, засилье торговых прилавков игрушками монстрами, зомби, куклами с вспоротыми животами – с самого нежного возраста калечит психику детей и, как следствие, способствует формированию у детей асоциального поведения.

Еще в 2002 году Министерство образования Российской Федерации направляло в Правительство Российской Федерации предложения по созданию органа, который бы занимался социальной, психологической и педагогической экспертизой настольных, компьютерных и других игр, которые способны провоцировать агрессию, страх и преждевременные проявления сексуальности у детей. Однако ни в России, ни за рубежом пока не разработаны методы проведения подобных экспертиз. Не существует и критериев для их проведения.

Контроль над детскими игрушками осуществляется лишь по параметрам физической и химической безопасности для ребенка.

В целом по стране отмечается рост преступлений в отношении детей, пользующихся социальными сетями и иными ресурсами в глобальной сети Интернет.

Учащаются случаи вступления детей в группы и сообщества по интересам в социальных сетях, пропагандирующих нетрадиционную сексуальную ориентацию среди подростков или призывающих к разному рода правонарушениям и суициду.

По данным Всемирной организации здравоохранения, по числу суицидов среди несовершеннолетних наша страна занимает 1-е место в Европе.

В сети Интернет работают сайты, которые прямо склоняют детей к самоубийству, сайты, романтизирующие смерть. У детей с так называемой интернет-зависимостью, при запрете происходит своеобразная «ломка». У ребенка снижается самоконтроль, что также может спровоцировать у ребенка суицид.

В 2016 году в Саратовской области Уполномоченным по правам ребенка в Саратовской области и АНО «Центр развития гражданского общества» реализуется совместный проект «Информационная гигиена», который направлен на проведение в школах родительских собраний по вопросам обеспечения информационной безопасности детей, необходимости особого внимания со стороны родителей к поведению детей в реальной и виртуальной жизни.

В целях предотвращения негативного влияния информационной среды на психическое здоровье детей на уровне государственных органов власти Уполномоченный по правам ребенка в Саратовской области предлагает проведение комплекса мероприятий.

1. Продолжить практику проведения уроков медиабезопасности.
2. Организовать проведение исследования влияния мертвых игрушек, негативной символики на школьных принадлежностях, засилья сцен жестокости в игровой среде на психику детей и подростков с участием Управлений Роскомнадзора и Роспотребнадзора, психиатров и психологов в регионах
3. Разработать формы государственного регулирования информационного воздействия игрушек и иной детской продукции на психическое здоровье детей.

Таким образом, в целях сохранения психического здоровья детей, профилактики правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних, необходима комплексная работа всех органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений области по усилению информационной пропаганды среди населения и использования законодательных ресурсов по блокированию опасной информации и продукции в информационной среде.

**Клинико-психологические факторы риска агрессивного поведения у
несовершеннолетних с делинквентным поведением, не достигших возраста
уголовной ответственности**

Мартынова И.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В соответствии с Российским законодательством статистические показатели по правонарушениям, совершенными подростками, учитывают контингент в возрастном интервале от 14 до 18 лет. В связи с этим часто в поле внимания специалистов не попадают лица, не достигшие возраста уголовной ответственности. Между тем именно эта группа несовершеннолетних в силу возрастных особенностей является наиболее перспективной для профилактических и коррекционных мероприятий.

Исследования показывают, что уровень психической патологии у несовершеннолетних правонарушителей существенно выше, чем у их сверстников с нормативным поведением (Макушкин Е.В., 2009, Grisso Т. 2004). Это указывает на важную роль клинических факторов в генезе делинквентного поведения (Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г. 2014). Вышесказанное свидетельствует о необходимости включения в программу диагностики несовершеннолетних с делинквентным поведением методики скрининга психического здоровья.

Цель исследования – выявление клинико-психологических факторов риска проявления агрессивного поведения у несовершеннолетних с делинквентным поведением, не достигших возраста уголовной ответственности.

Описание групп: основную группу составили несовершеннолетние с делинквентным поведением, не достигшие возраста уголовной ответственности (n=60, средний возраст 12,95±0,58). В группу сопоставления вошли подростки-правонарушители, которые достигли возраста уголовной ответственности (n=60, возраст 15,80±0,75). В качестве контрольной группы выступили несовершеннолетние с условно нормативным поведением, не достигшие возраста уголовной ответственности (n=20 возраст 12,95±0,57).

Методы: опросник для скрининговой оценки психического здоровья MAYSI-2; индивидуально-типологический диагностический опросник; опросник Басса-Перри для измерения склонности к агрессивному реагированию. Для верификации данных использовались непараметрический критерий Манна-Уитни (U), критерий Краскела-Уоллиса (H), проводился регрессионный анализ.

Результаты: В основной группе были выявлены сниженный фон настроения, тревожность, эмоциональная неустойчивость, ощущение соматического неблагополучия, чувствительность к внешним воздействиям, ранимость в социальном взаимодействии, сопровождающаяся коммуникативными проблемами, что приводит к росту психического напряжения и может рассматриваться в качестве предиспозиции к агрессивному реагированию. Повышенная враждебность, склонность к продуцированию реакций раздражения и гнева при недостаточной сформированности механизмов сдерживания непосредственных побуждения усиливает действие факторов, о которых говорилось выше. При этом агрессивные побуждения могут быть направлены не только вовне, но и на себя.

Проведенное исследование позволяет предположить, что несовершеннолетние с делинквентным поведением, не достигшие возраста уголовной ответственности, имеют ряд серьезных проблем, которые повышают риск агрессивного поведения. В связи с этим необходима своевременная многопрофильная оценки факторов риска агрессивного поведения. Ее элементом может быть скрининговая диагностика психического здоровья.

Литература

1. Макушкин Е.В. Агрессивное криминальное поведение у детей и подростков с нарушенным развитием. М.: МИА, 2009. 240 с.
2. Ошевский Д.С., Дозорцева Е.Г. Перспективы использования структурированных методов оценки риска повторных деликтов при психологическом сопровождении несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами // Психическое здоровье. 2014. №. 7 (98) С. 3-11.
3. Grisso T. Double jeopardy: Adolescent offenders with mental disorders. Chicago, 2004. 200 p.

Особенности смысловой сферы несовершеннолетних, осужденных за агрессивно-насильственные преступления

Назарова Н.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Ошевский Д.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии
и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Дрейзин А.А.

ГБУЗ «Московский научно-практический центр наркологии
Департамента здравоохранения города Москвы» (г. Москва, Россия)

Смысловая сфера является высшим уровнем регуляции социально значимого поведения, системообразующим основанием личности. Нарушения ее развития

нередко влекут за собой потерю интереса к жизни, что может спровоцировать активный поиск новых стимулов и сделать подростков более уязвимыми перед негативным влиянием групп антисоциальной направленности. В условиях пенитенциарной системы, где наблюдается скопление криминализованных лиц, у несовершеннолетних происходит вторичная асоциализация, усиливается деформация смысловых конструктов. Оценивая смысловую сферу несовершеннолетних правонарушителей, ее деформацию, можно выделить некоторые аспекты в качестве факторов риска противоправного поведения. В то же время изменение смысловых ориентиров может способствовать исправлению осужденного. Перечисленными выше аспектами обусловлена актуальность проведенного исследования.

Цель исследования – выявление особенностей смысловой сферы несовершеннолетних осужденных мужского пола, совершивших агрессивно-насильственные и имущественные преступления.

Материал и методы исследования. Обследовано 50 подростков мужского пола в возрасте 16 – 17 лет, отбывающих наказание в Можайской воспитательной колонии. Средний возраст испытуемых составил $16,9 \pm 0,9$ лет. В первую группу вошли несовершеннолетние (N=25), осужденные за совершение агрессивно-насильственных деликтов (ст.ст. 105; 111; 114; 161; 162 УК РФ). Вторую группу составили подростки (N=25), отбывающие наказание за имущественные преступления (ст.ст. 158; 166 УК РФ).

В качестве исследовательского инструментария были выбраны такие диагностические методики, как «Тест Руки» Э. Вагнера и цветовой тест отношений (ЦТО), математико-статистические методы.

Результаты исследования. У подростков, отбывающих наказание в воспитательной колонии, обнаруживаются специфические особенности смысловой сферы. Оценки несовершеннолетних независимо от характера совершенного деликта, как правило, категоричны и полярны, а смысловая сфера обладает слабодифференцированной, недостаточно иерархизированной и малореалистичной структурой смыслов. Подростки обеих групп испытывали трудности в налаживании доверительных отношений, не принимались просоциальными сверстниками. У них плохо сформированы представления о своей гендерной и психосоциальной роли.

Подростки, совершившие агрессивно-насильственные деликты, и подростки, имеющие высокие показатели проактивной агрессии, склонны осознавать негативный характер и общественную опасность совершенных деяний, что может рассматриваться в качестве ресурса при проведении с ними коррекционной работы. Понимание важности получения образования и устройства на работу как необходимых средств для возвращения в просоциальное общество и налаживания позитивного будущего также можно рассматривать в качестве существенного ресурса.

Среди несовершеннолетних, осужденных за имущественные преступления, особую настороженность вызывает отсутствие раскаяния, недифференцированное и конфликтное отношение к совершенному деликту, а также эмоциональная привязанность к криминальной референтной группе, в которой культивируются идеи,

связанные с получением материальных благ противозаконными методами. Указанные особенности могут рассматриваться в качестве фактора, существенно повышающего риск совершения повторных правонарушений.

Исходя из полученных результатов, следует отметить, что при назначении и исполнении наказания, проведении профилактической и коррекционной работы, прогнозировании риска рецидивного поведения необходимо учитывать не только сам характер совершенного деликта, но и индивидуальные особенности каждого конкретного осужденного.

Характеристика психического и психологического состояния девочек-потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления

Нуцкова Е.В.

ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

По официальной статистике СК РФ, данные начала 2015 г. свидетельствуют о росте числа посягательств на половую неприкосновенность детей и подростков. Сексуальное насилие и злоупотребление (СНЗ) без сомнения является травматическим событием, которое может вызвать негативные психологические реакции, психогенные состояния, а в особо тяжелых случаях приводит к аномальному развитию личности. Диагностика и экспертная оценка последствий пережитого сексуального насилия и злоупотребления имеют значение при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы потерпевших.

Цель исследования – выявить и описать психологические последствия СНЗ по отношению к несовершеннолетним для дальнейшей разработки критериев их диагностической и экспертной оценки.

Материалом исследования стала выборка из 200 несовершеннолетних потерпевших женского пола, экспериментально-психологическое исследование которых было выполнено в Лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ в рамках судебных экспертиз в 2010 – 2016 годах. Возраст потерпевших от 3 до 17 лет.

По результатам психологического обследования несовершеннолетних потерпевших нами были выделены 29 негативных психологических признаков последствий СНЗ в отношении детей и подростков. Методом экспертных оценок все признаки были распределены в 6 основных сфер психической деятельности и поведения: эмоционально-волевой, мотивационно-смысловой, самосознания, психосексуальной, психосоматической и поведенческой.

Проведенное исследование количественных характеристик посттравматических реакций в группах психически здоровых потерпевших и потерпевших с психогенными состояниями позволило выделить 4 группы последствий, различающихся по степени выраженности: психогенное состояние в форме расстройства (14,5% от общей выборки потерпевших) (1) и психогенное состояние в форме реакции (7,5%) (2) (клинический

уровень); неблагоприятное психологическое состояние (27%) (3) и минимально неблагоприятное психологическое состояние (11,5%) (4) (психологический уровень). У большой группы потерпевших (39,5%) на этапе проведения КСППЭ не было обнаружено никаких последствий СНЗ.

Выделенные четыре группы состояний имеют качественно, количественно и структурно специфические психологические характеристики последствий СНЗ.

В группе девочек-потерпевших с психогенными расстройствами нарушения охватывают все 6 сфер психической деятельности и поведения. Для данной группы потерпевших характерны эмоциональная неустойчивость, повышенный уровень тревожности, эмоциональная охваченность ситуацией насилия, сексуализированное поведение, психосоматические жалобы, амбивалентное отношение к ситуации насилия и обвиняемому, посттравматические личностные изменения.

При психогенных реакциях клинического уровня нарушения охватывают до 4 сфер, до 6 признаков в эмоционально-волевой сфере, до 6 признаков в сфере отношений и смыслов, и по два признака в поведенческой и сфере самосознания. У девочек-потерпевших выявляется повышенная чувствительность, эмоциональная охваченность ситуацией насилия, неуверенность в себе, негативное отношение к мужскому полу.

На психологическом уровне неблагоприятное состояние потерпевших отличается проявлением последствий не больше, чем в 4-х сферах, наблюдается до 4-х признаков в эмоционально-волевой сфере, до 4-х признаков в сфере отношений и смыслов, и по одному признаку в поведенческой и сфере самосознания. Характерна эмоциональная неустойчивость, пониженный фон настроения, повышенный уровень тревожности, ограничение социальных контактов, чувство стыда.

Минимально неблагоприятное состояние психологического уровня характеризуется 1-2 отдельными негативными признаками, преимущественно эмоционально-волевой сферы.

Использование структурной-содержательной модели психических состояний, включающее выявление пораженных сфер и входящих в них признаков, повысит эффективность и надежность критериев экспертной оценки последствий СНЗ.

Особенности агрессии в ситуации фрустрации у детей

Онянова В.В.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Научный интерес к проблеме детской агрессии растёт с каждым годом, что обусловлено неуклонным и стабильным ростом агрессии во всех возрастах. Особенно актуальны экспериментальные исследования.

С целью изучения особенностей проявления агрессии у детей дошкольного и младшего школьного возраста, было проведено исследование. Проверялась следующая

гипотеза: в ситуации фрустрации у детей обнаруживаются типичные для возраста проявления агрессии.

Объектом исследования стали мальчики, ученики второго класса одного из лицеев Санкт-Петербурга в возрасте 8 лет (20 человек) и мальчики, ученики коррекционного центра в возрасте 6 лет (20 человек).

Были поставлены задачи изучить особенности проявления агрессии у двух групп и сравнить их. В качестве основных параметров, которыми можно охарактеризовать проявления агрессии, была принята классификация А. Басса. Уровень склонности к агрессии между двумя группами исследовался с помощью теста руки Э. Вагнера. Формы проявления агрессии изучались с помощью эксперимента.

Результаты теста руки Э. Вагнера показали, что уровень склонности к агрессии у детей двух групп приблизительно равны. Математический анализ результатов по критерию t-Стьюдента для независимых выборок не показал статистически важных различий.

В эксперименте для исследуемого создавалась ситуация фрустрации, вследствие чего проявлялась агрессия. Мальчикам предлагалось решить несколько лёгких заданий, за выполнение которых они получают вознаграждение. Однако, по окончании, вознаграждение выдавалось лишь двум, третий (наблюдаемый) не сразу получал приз, а лишь спустя некоторое время. Он проявлял несогласие в виде агрессии. Особенности агрессивных реакций фиксировались в протоколе. Подсчитывалось общее количество баллов по каждой группе, сравнивались особенности форм агрессии, производились вычисления по статистическому критерию Манна-Уитни для независимых выборок.

Количество агрессивных проявлений в двух группах практически равное (28 и 29 баллов), но по форме проявления различающееся.

У детей в возрасте 6 лет, наименьшее значение по шкале «прямая агрессия» (3%), «пассивная агрессия» (10%), «косвенная агрессия» (14%), «физическая агрессия» (21%), «активная агрессия» (24%). Самое высокое значение соответствует шкале «вербальная агрессия» (28%).

У детей в возрасте 8 лет, наименьшее значение по шкале «прямая агрессия» (3,6%), «активная агрессия» (10,7%), «физическая агрессия» (10,7%), «косвенная агрессия» (14,3%), «вербальная агрессия» (21,4%). Наибольшее значение в шкале «пассивная агрессия» (39,3%).

Таким образом, оказалось, что для 8летних мальчиков самой распространенной формой реагирования оказалась пассивная агрессия, т.е. молчаливое несогласие. А для шестилетних- вербальная, сочетающаяся с активными формами проявления агрессии. Получается, что переход ребенка в школьный период сопровождается сменой ведущих форм проявления агрессии. И, если в шестилетнем возрасте они выражают ее преимущественно открыто, то уже в восемь лет дети перестают, как правило, выражать агрессию прямо, предпочитая скрытые формы реагирования.

Изменяющаяся социальная реальность: модели современной семьи

Пестикова Е.В.

Аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области
(г. Саратов, Россия)

В современном обществе, претерпели изменения семейные ценности и модель семьи. Семья всегда занимала одно из важнейших мест среди ценностей человеческой жизни. Развитие семьи и изменение ее функций постепенно меняют ценностное отношение к ней людей.

В 21 веке произошли глобальные изменения в институте семьи. Изменилось отношение к регистрации брака, что юридически влияет на дальнейшие отношения членов семьи при ее распаде. Изменилось отношение молодых мам к воспитанию ребенка, ответственность за его развитие и даже в некоторых позициях за здоровье и жизнь самого близкого тебе еще маленького человека. И когда в семье назревает кризис, и они не могут справиться с конфликтной ситуацией, они обращаются в государственные органы за помощью.

В адрес Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области приходит большое количество обращений, наибольший процент которых относится к вопросам детско-родительских отношений в части разводов родителей, конфликтных ситуаций по порядку общения, определения места жительства ребенка. В настоящее время родители осведомлены о своих правах, но не всегда помнят об обязанностях и забывают, что в семейных конфликтах страдает прежде всего ребенок. В результате нерешенных проблем все чаще родители идут и по криминальному пути, обманным путем отбирая ребенка и вывозя его за пределы города, региона, иногда и страны. В практике аппарата Уполномоченного часто встречаются случаи по защите прав детей, которых умышленно вывез один из родителей и скрывает ребенка, препятствуя общению с мамой или отцом.

Одной из социально-педагогических проблем современного времени является жестокое обращение с детьми. По данным МВД РФ, ежегодно около 2 миллионов детей в возрасте до 14 лет избиваются родителями. Для 10 % этих детей исходом становится смерть, а для 2 тысяч детей - самоубийство. Более 50 тысяч детей уходят из дома, спасаясь от собственных родителей. В 1,7 раза возросло число случаев умерщвления грудных младенцев матерями. По исследованиям Центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, жестокое обращение в семье терпят в основном дети 6-7 лет; 60-70% таких детей, постоянно избиваемых своими родителями, отчимами (мачехами), сожителями матери (отца). Они отстают в развитии, страдают различными физическими и психо-эмоциональными расстройствами. Многие дети являются жертвами «пьяной педагогики», которая подчас приводит к трагическим для ребенка последствиям.

Шокируют данные органов следственного управления, как РФ, так и нашего региона, которые фиксируют рост показателей преступных посягательств со стороны собственных родителей и членов семьи к детям. Дети страдают от сексуального

насилия в семье не только со стороны отчимов, но и самое страшное – при содействии матери. Это самый жуткий показатель изменившейся социальной реальности, когда мать является не только свидетелем, но и участником сексуального насилия собственного ребенка.

В современном обществе многие семейные ценности утрачивают свою значимость для подрастающего поколения. В связи с особой воспитательной ролью семьи возникает вопрос о том, как сделать так, чтобы максимизировать положительные и свести к минимуму отрицательные влияния семьи на воспитание ребенка. Для этого необходимо точно определить внутрисемейные социально-психологические факторы, имеющие воспитательное значение.

Охрана материнства и детства, укрепление института семьи – это приоритетные социальные государственные задачи в России. Они имеют ключевое значение для настоящего и для будущего нашего государства и требуют системной, согласованной работы органов власти всех уровней, общества и граждан, работы, которая должна иметь единые цели и четкие, понятные критерии их достижения.

Профилактика школьной дезадаптации у пятиклассников

Прохорова М.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Сложность задач адаптационного периода в средней школе, изменения в развитии детей увеличивают риск школьной дезадаптации в пятом классе. Для того чтобы ребенок смог избежать дезадаптации, которая может стать предпосылкой девиантного поведения, необходимо проводить психопрофилактические работы. Некоторые авторы рассматривают понятие «психопрофилактика» как специальный вид деятельности детского психолога, который направлен на укрепление, сохранение и развитие психологического здоровья детей на всех этапах дошкольного и школьного возраста (Дубровина И.В., 2004). Психопрофилактика школьной дезадаптации – это комплексный и системный подход, целенаправленная работа психолога, учителей и родителей. Необходимо ознакомить педагогов и родителей с основными задачами и трудностями периода адаптации учащихся пятого класса, с тактикой помощи и общения с детьми для успешной адаптации детей (Коблик Е.Г., 2007). Однако зачастую можно увидеть, что большая часть школьников остается без должного внимания, поскольку проводится работа только с теми детьми, у которых есть ярко выраженные психологические проблемы, с целью предупреждения рецидивов. Актуальность нашей работы заключается в том, что мы рассматриваем психологическую профилактику не только как коррекцию уже имеющихся проблем, но и в большей мере как работу по предупреждению возможного неблагоприятного психологического состояния детей. Также мы разработали профилактическую тренинговую программу, предназначенную для улучшения адаптации детей в пятом классе.

Целью нашего исследования являлась профилактика школьной дезадаптации пятиклассников. Мы предположили, что профилактические мероприятия эффективны для предотвращения школьной дезадаптации детей в пятом классе.

Выборку исследования составили младшие подростки (10-11 лет), учащиеся пятого класса. Для исследования были использованы следующие методики: «Методика изучения мотивации обучения школьников при переходе из начальных классов в средние»; «Методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса»; «Исследование самооценки личности» (Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан); методика «Социометрия» (Дж. Морено); проективная методика «Кактус» (М.А. Панфилова).

Для работы по профилактике дезадаптации в пятом классе нам потребовалось провести первичную диагностику пятиклассников в сентябре и повторную в марте; была составлена программа тренингов, целью которой является профилактика и коррекция дезадаптации у подростков, перешедших из начальной школы в среднюю. Также в школе были проведены различные мероприятия с родителями, педагогами, которые направлены на профилактику дезадаптации пятиклассников.

Исходя из результатов исследования, мы увидели, что процент детей с низким уровнем адаптации после профилактических мероприятий стал меньше, чем в начале учебного года. Процент детей с высоким уровнем адаптации увеличился во втором полугодии после профилактических мероприятий. У детей, которых в начале учебного года мы выделили в группу «склонных к дезадаптации», после профилактических мероприятий заметны значимые улучшения по некоторым показателям. Ярко выраженных дезадаптированных пятиклассников в конце учебного года не выявлено. Мы сделали вывод, что профилактические мероприятия в целом эффективны для преодоления дезадаптации в пятом классе.

Литература

1. Коблик Е.Г. Первый раз в пятый класс: Программа адаптации детей к средней школе. 2-е изд., стер.: М.: Генезис, 2007. 122 с.
2. Практическая психология образования: учебное пособие / под ред. И.В. Дубровиной. 4-е изд.: СПб: Питер, 2004. 592 с.

Связь привязанности к отцу и матери и особенностей формирования «Я-концепции» в младшем подростковом возрасте

Сочнева В.Ю., Гаврилова О.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Привязанность определяется как устойчивая психологическая форма эмоциональной связи между младенцем и значимым взрослым, основанная на удовлетворении потребностей ребенка в безопасности, любви, ласке и заботе (Боулби Дж., 2003).

«Я-Концепция» представляет собой совокупность всех представлений индивида о себе, включая убеждения, тенденции поведения и оценки. В силу этого, «Я-концепцию» принято рассматривать как свойственный каждому индивиду набор установок, направленных на самого себя (Бернс Р., 1986).

Цель пилотного исследования: выявление связи между привязанностью младших подростков к отцу матери и особенностями формирования их «Я-концепции» можно сделать следующие выводы.

База исследования: ОЧУ «Пироговская школа» г. Москвы. Участники исследования: учащиеся в возрасте от 12 до 15 лет - 29 девочек и 22 мальчика.

Методики: опросник «Изучение особенностей Я-концепции» (Е. Пирс, Д. Харрис) в мод. А.М. Прихожан; методика измерения самооценки по Дембо-Рубинштейн в мод. А.М. Прихожан; «Опросник на определение типа привязанности к родителям в подростковом возрасте» М.В. Яремчук; опросник «ASQ» (Feeney, J.A.) на определение качества безопасной привязанности.

Проводился качественный анализ данных. На основе результатов исследования можно сделать следующие выводы. Дети младшего подросткового возраста с надежным типом привязанности к отцу и матери чаще характеризуются очень высоким уровнем самоотношения (в среднем в 42,5% случаев); чувствуют наибольшую уверенность в отношениях, имеют высокую самооценку (30%), а также чаще высоко оценивают себя по таким критериям как «поведение», «интеллект», «ситуация в школе», «внешность», «успешность в общении», «удовлетворенность жизнью» и «удовлетворенность положением в семье», а также в меньшей степени, чем другие оценивают себя как тревожных.

Дети младшего подросткового возраста с тревожно-амбивалентным типом привязанности к родителям чаще обладают низким уровнем самоотношения (в среднем в 23,5% случаев), в отличие от детей с надежной привязанностью к родителям (0%); при этом дети чаще обладают более высоким уровнем самоотношения при тревожно-амбивалентной привязанности к отцу (44%), чем к матери (25%). Также они наиболее склонны получать дискомфорт от близости, испытывать наибольшую потребность в поддержке, наиболее озабочены отношениями, а при тревожно-амбивалентном типе привязанности именно к матери младшие подростки наиболее склонны воспринимать отношения как второстепенное. Также младшие подростки с тревожно-амбивалентным типом привязанности к отцу имеют наиболее низкую самооценку (44%), чем к матери (25%). Младшие подростки с тревожно-амбивалентной привязанностью к родителям, чаще низко оценивают себя по таким критериям как: «поведение», «интеллект», «внешность», «успешность в общении», «удовлетворенность жизнью» и «уверенность в себе», а также оценивают себя более тревожными (28%), чем подростки с надежной привязанностью (7%).

Дети младшего подросткового возраста с избегающим типом привязанности к родителям чаще обладают высоким уровнем самоотношения при привязанности к матери (67%), чем к отцу (43%), а низким уровнем самоотношения обладают в среднем 12,5% детей. Дети с данным типом привязанности склонны получать

дискомфорт от близости. Также младшие подростки с избегающим типом привязанности к матери имеют наиболее низкую самооценку (33%), чем при избегающей привязанности к отцу (14%). Помимо этого, они наиболее низко оценивают себя по таким критериям как: «ситуация в школе», «успешность в общении», «удовлетворенность положением в семье».

Литература

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитании: пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 421 с.
2. Боулби Джон. Привязанность / Пер. с англ.; общ. ред. и вступ. статья Г.В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 480 с.

Взаимосвязь читаемой информации в Интернет-сети и развития полоролевой идентичности в подростковом и юношеском возрасте

Султанова А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Принятые в 2012-2013 годах ФЗ №139-ФЗ и №135-ФЗ о дополнениях к закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» внесли новые нормы права, касающиеся ограничений информации в сети Интернет и пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Исследования взаимосвязи развития полоролевой идентичности, на которое может воздействовать запрещенная информация, и СМИ рассматривали ее до 90-х годов, когда сеть Интернет начинала зарождаться. Интернет как СМИ отличается от периодики, книг, радио- и телекоммуникаций активностью в выборе информации, возможностью менять эту информацию, привносить новую, расширяются географические рамки распространения информации. Некоторые исследователи отмечают, что сеть Интернет – это отдельная среда, в которой человек может удовлетворять потребности: в коммуникации, в отдыхе и досуге, в информации и др. (Плешаков В.А., 2010).

Целью исследования являлся анализ взаимосвязи когнитивной и эмоциональной составляющих полоролевой идентичности и качества проводимого времени в Интернете.

Выборку исследования составили подростки (13-14 лет) и юноши (15-17 лет) женского и мужского пола, учащиеся средней и старшей школы.

Методики исследования: 1. Методика «МиФ» в модификации Н.В. Дворянчикова, изучающая когнитивную составляющую полоролевой идентичности. (Дворянчиков Н.В., 2011). 2. Цветовой тест отношений Эткинда А.М в модификации Е. Г. Дозорцевой, направленный на изучение эмоционального компонента полоролевой идентичности. (Дворянчиков Н.В., 2011). 3. Анкета для оценки качества времени проведенного в сети Интернет, составленная нами. Анкета учитывала темы, на которые читают и общаются респонденты в сети Интернет, социальные сети, предпочитаемые

подростками, а также функции Интернет-сети, используемые подростками (коммуникативная, развлекательная, информационная). 4. Опросник Кимберли Янг, адаптированный В.А. Буровой, направленный на выявление интернет-зависимости.

На основании результатов исследования мы сделали следующие выводы:

1. Интернет-зависимость взаимосвязана с содержанием когнитивного и эмоционального компонентов полоролевой идентичности мальчиков подросткового возраста. Интернет-зависимые мальчики меньше соотносят реальный образ себя и демонстрируемый образ девочкам, а также не соотносят реальный и идеальный образ себя с мужскими фигурами на эмоциональном уровне.

2. Девочки подросткового возраста, использующие сеть Instagram, оценивают фемининные качества как более ценные для себя, чем девочки, не пользующиеся этой сетью.

3. У девочек подросткового возраста, использующих сеть Instagram, образы чаще соотносятся с понятием референтной группы, а у не использующих данную сеть более соотносящийся с образами представителей своего пола, принятием себя, жизнеутверждающими категориями.

4. Девочки юношеского возраста, использующие сеть Instagram, имеют более дифференцированные представления о функциях и поведении, характеризующих представителей каждого пола, чем девочки не использующие эту сеть.

5. Чтение информации о похудении и диетах девочками-подростками, о спорте, бодибилдинге и автомобилях мальчиками-подростками, а также о спорте девочками юношеского возраста в сети Интернет взаимосвязана с различиями в эмоциональном и когнитивном компонентах полоролевой идентичности внутри каждой из групп.

Литература

1. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и методы его диагностики. М.: Наука, 2011. 216 с.
2. Плешаков В.А. Интеграция, киберсоциализация и социальное воспитание: студент и преподаватель в информационном пространстве // Педагогическое образование и наука. 2010. № 1. С. 27-31.

Актуальные проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы психического состояния несовершеннолетних, совершивших самоубийство

Сыроквашина К.В.

ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Одной из актуальных проблем практики судебно-психологической экспертизы является методологическое и методическое обеспечение проведения экспертиз психического состояния несовершеннолетних лиц, совершивших самоубийство. Высокая частота суицидов несовершеннолетних, внимание общества и СМИ к данным случаям, возникающие у следствия вопросы, требующие привлечения специальных

психологических познаний – все это обуславливает значимость проведения таких экспертиз.

Основы методологии проведения экспертиз психического состояния лиц, окончивших жизнь самоубийством, были разработаны в ряде научных экспертологических трудов (Кудрявцев И.А., 1999; Сафуанов Ф.С., 2009). Вместе с тем, специфические особенности, сопряженные с несовершеннолетним возрастом, значительное увеличение количества такого рода экспертиз, а также расширение круга вопросов, интересующих следствие, ставят перед экспертами следующие задачи: разработка методов оценки психологических феноменов психических и эмоциональных состояний в период, предшествовавший смерти несовершеннолетнего; оценка необходимости включения факторов, оказывающих влияние на формирование психического состояния суицидента; разработка методов формулирования заключений и ответов на вопросы следственных органов.

Основное экспертное значение оценки психического состояния подэкспертного – его связь с действиями обвиняемого и возможная квалификация 110 статьи УК РФ, однако в уголовных делах по факту суицидов несовершеннолетних крайне редко встречаются конкретные обвиняемые. Наряду с этим вопрос о психическом состоянии суицидента продолжает оставаться одним из основных в данном виде экспертизы. Оценка психического состояния предполагает дифференцированный подход к квалификации тех переживаний, которые испытывает подросток в период, предшествующий совершению суицидальных действий.

Разработка принципов формулирования заключений и ответов на вопросы следственных органов особенно значима в контексте новых вопросов, которые задаются следователями, касающихся влияния информации, полученной в сети Интернет. В случае формулировки, относящейся к действиям конкретного лица посредством сети Интернет, методика ответа остается аналогичной традиционно принятой. Однако все чаще ставится вопрос относительно собственно влияния информации, полученной в сети Интернет, и ответ на этот вопрос затруднен как с точки зрения современных методологических основ экспертизы, так и с позиции актуальной проработки проблемы.

Следует отметить тенденцию к интеграции ответов на вопросы следствия психиатрами и психологами. Наша практика показывает, что одна пятая заключений содержит интегративные ответы, преимущественно на вопрос о квалификации психического состояния несовершеннолетнего, совершившего суицид, что позволяет объединить феноменологическое описание симптомов состояния и объяснение механизмов совершения суицида.

Актуальность решения экспертологических вопросов, возникающих при проведении судебной психолого-психиатрической экспертизы психического состояния несовершеннолетних, совершивших самоубийство, подчеркивает ценность именно этого вида экспертизы как источника, позволяющего выявить широкий спектр психологических и клинических факторов, обуславливающих суицидальное поведение в подростковом возрасте.

Литература

1. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 497 с.
2. Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза лица, окончившего жизнь самоубийством // Медицинская и судебная психология. Курс лекций. 3-е изд. М.: Генезис, 2009. 606 с.

«Наилучшие интересы ребенка» в ситуации развода родителей и проблемы их защиты в современном гражданском судопроизводстве

Терехина С.А.

ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Защита прав и интересов несовершеннолетних в России в настоящее время провозглашена одним из приоритетных направлений государственной политики. Среди многочисленных категорий несовершеннолетних, чьи права и интересы государство берет под свою защиту, недостаточное внимание уделяется детям и подросткам, переживающим развод родителей. И это происходит, несмотря на то, что в связи с серьезной трансформацией в современном институте семьи их число, согласно прогнозам, в ближайшие годы будет расти.

Вопросы правовой защиты этой категории несовершеннолетних становятся наиболее актуальными в ситуации судебного рассмотрения семейных споров о детях при разводе. Обеспечение необходимого уровня защиты несовершеннолетних в условиях современного гражданского судопроизводства следует признать недостаточно эффективным. Косвенными признаками этого являются: большая длительность судебных процессов по данной категории дел, многочисленные повторные иски противоборствующих сторон, частота применения исполнительного судопроизводства. В качестве факторов, ограничивающих эффективность судебной системы, в данном случае выступают: принцип «состязательности сторон», отсутствие в судебном процессе компетентного независимого лица, определяющего «наилучшие интересы ребенка» и осуществляющего контроль за их приоритетным соблюдением, преимущественная ориентация судебных органов на оценку способности каждого из родителей к обеспечению «интересов ребенка», нежели на «интересы ребенка» как таковые. Специальной проработки требует вопрос об условиях практической реализации заложенного в Семейном кодексе статуса несовершеннолетнего как самостоятельного субъекта семейного права, анализе форм и способов отстаивания им своих интересов в суде, а также оценке возможных последствий непосредственного участия детей и подростков в гражданском процессе. Перечисленные проблемы требуют перестройки правовых и организационных основ гражданского судопроизводства с учетом включения в него несовершеннолетних.

Важной составляющей для обеспечения эффективной защиты прав и интересов несовершеннолетних в гражданском процессе является изменение имеющейся

практики использования специальных психологических познаний. Проведенный анализ показал, что в настоящее время деятельность психологов в этой сфере характеризуется фрагментарностью, недостаточно высоким профессиональным уровнем подготовки, отсутствием четкой правовой регламентации. Отсутствие возможности у судебных органов самостоятельно оценить качество психологических заключений, распространение практики избегания назначения экспертных исследований, а также отсутствие возможности привлечения независимых, профессионально грамотных и компетентных специалистов-психологов существенно затрудняют принятие взвешенных и обоснованных решений по семейным спорам.

В целях повышения эффективности деятельности судебных органов необходимо продолжение работы по содержательному наполнению понятия «наилучшие интересы ребенка» и анализу возможных механизмов его практической реализации в рамках гражданского судопроизводства. Для достижения этой цели требуется проведение междисциплинарных исследований, а также привлечение современных научных данных в области психологии детства.

Как отцепить зацепера от беды

Тихомиров С.Н.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»

(г. Москва, Россия)

Склонность к рискованному поведению – одна из характеристик молодежи. В ней многое, представляющее угрозу здоровью и жизни, включая опасный досуг (экстрим-спорт), а также паркур, велофристайл, роупджампинг. При этом реализованы значимые потребности – в автономии, свободе, аффилиации, компетентности, значимости. Эти увлечения имеют выше статус чем употребление психоактивных веществ, делинквентное поведение, участие в сектах, асоциальных и антисоциальных группах. Но их реализация часто невозможна ввиду дороговизны услуг и экипировки, возраста, отсутствия физической подготовки. Подростки находят другие увлечения, не требующие капиталовложений, тренировок и профессиональных инструкторов. Одно из них – «зацепинг». Увлечение приводит к гибели на железных дорогах страны и в метро сотен подростков (в центральной России за 2015 г. погибли 50 несовершеннолетних).

В XX веке трейнсерфинг был вынужденным способом перемещаться для тех, кто не мог оплатить билет (популярен в США и на Востоке). Проезд снаружи различных транспортных средств нередко демонстрируется в кинематографе (боевики, приключения, фильмы-катастрофы), компьютерных играх, современных железнодорожных симуляторах (Trainz или Railworks). У нас озорники на дорогах были, есть и будут. Вспомним историю и литературную классику – за извозчиков цеплялись, за конки, за трамвай, троллейбус, но, взрослея, про подобные развлечения забывали. Современная ситуация куда серьезнее, чем видится железнодорожникам, депутатам, правоохранителям и обывателям. Зацепинг, трэйнхоп, руфрайд, битвинвагонрайдинг – не просто

подростковые шалости, преходящая возрастная потребность в адреналине, а складывающаяся молодежная субкультура.

Поиск «ВКонтакте» показывает на запрос «зацепинг» 356 сообществ, еще 141 сообщество экстремалов с названием, в котором есть слово «зацепер», еще 22 со словом «электричкинг». Число участников – от 1-2 человек до нескольких сотен и тысяч в каждом (есть группа любителей «покатушек», в которой – 14905 участников). Из них собирается толпа для проведения акций «Мидия», когда поезд атакуют 50-70 человек.

Причин зацепинга много – молодежь не находит возможностей самовыражения, нет доступак экстремальным видами спорта, зацепинг практически не наказуем и слишком доступен, можно отметить в социальной сети с «подвигом». Ученые видят причины зацепинга в дефиците позитивных эмоций, которые обязательно должны присутствовать в жизни каждого человека. Сегодня одной из доминирующих тенденций стал поиск позитивных/негативных ощущений, позволяющих вырваться из обыденности, выделиться из толпы, проявить себя. Ряд психотерапевтов видят в этом скрытый суицид.

Среди зацеперов не только подростки, но и взрослые люди. Так, по данным комиссии по безопасности Общественной палаты РФ в Москве 6-8 тысяч зацеперов в возрасте от 10 до 43 лет. Среди зацеперов «бродяги-романтики» бескорыстно влюбленные в красоту и просторы Родины, мощь и скорость локомотивов, дали голубые, и то чувство свободы, о которой они часто говорят, выкладывая фото и описывая ощущения. Есть и циники, которые под размещенным на форуме фото погибшего мальчишки-зацепера пишут комментарии пугающие более, фото: «жареное мяско», «готовый горячий пирожок», «фарш». Есть те, кто не прочь подзаработать. «Зацеперы» определили правила безопасности, выдали сами себе лицензии, инструктируют новичков – как «оседлать» вагон, где находится контактный рельс, и что случится, если до него дотронуться. Они делят всех катающихся на ЗЦПЧ (зацепинг) – люди, соблюдающие правила, и УЕПЧ («плохой» зацепинг) – люди, которые правила не соблюдают.

Можно выделить два типа зацеперов. Это «Лидеры» с ярко выраженным демонстративным поведением, поощряющие «безголовость», бездумные поступки, безрассудство других, не имеющих должной эмоциональной зрелости и внутреннего стержня, легкомысленно относящихся к зацепингу. Второй тип – это в большинстве своем подростки с зависимым типом поведения и «желанием повторять» за другими без просчитывания опасностей, и идентифицирующими себя с вышеописанными героями. У них увлечение зацепингом может повлечь возникновение адреналиновой зависимости, приводит к необдуманным действиям, к травмам или гибели.

Объединяет зацеперов то, что они не получают должного признания в семье, на учебе или в коллективе. Они глубинно не ощущают себя как ценность, от тяжелой реальности уходят в сторону саморазрушения. У них отсутствуют цели в жизни, потеряны смысл жизни и сдвинуты ценностные и моральные ориентиры. Это люди избрали путь самодеструкции так как действовать по-другому они просто не могут в силу своих личностных характеристик,

интеллектуальной и духовной ограниченности. В их поступках присутствует некая внутренняя отчаянность, граничащая с ощущением вседозволенности и безнаказанности. Зацеперы эмоционально незрелы, инфантильны; значительная часть из них не умеет получать удовольствие от жизни другими способами, кроме как постоянного получения адреналина и балансирования между жизнью и смертью.

Предупреждением и коррекцией поведения зацеперов занимаются многие организации и структуры. Эффективная профилактика включает систему мер, в которой обычные официальные запреты и рейды (в 2015 г. составили более 500 протоколов об административных правонарушениях, наказали 918 человек за разные нарушения). Проведены круглые столы с привлечением специалистов и лидеров общественных объединений, внесены законодательные инициативы. Запомнилась социальная кампания со слоганом – «Цепляйся за яркую жизнь! Не цепляйся за поезд!». ПДН ведут разъяснительную работу, проводят демонстрации фильма о зацепинге. По-прежнему не забыты старые добрые нотации родителей, реализуются возможности СМИ, и интернета. Сотрудники УТ МВД России по Центральному федеральному округу создали в одной социальных сетей страничку о молодёжных движениях. Там они общаются с участниками группировок, пытаются понять их мотивы, желания и убеждения. Зацеперы, идя на контакт, преследуют цель продемонстрировать неуязвимость и доказать, что никто и ничто не заставит их отказаться от своего увлечения.

Проведены ряд административно-хозяйственных мер. Электропоезда оборудуют видеокамерами. Новые поезда сконструированы так, что попасть на крышу поезда и в межвагонное пространство затруднительно, у машинистов появились съёмные лестницы. На «Сапсаны» зацеперы могут прыгнуть только при наличии серьёзного оборудования (стоимость до 300 тыс. рублей).

Итогом проверки Московско-Курской транспортной прокуратурой стали шесть исков, по которым вынесены решения суда о признании контента запрещённым и о закрытии в соцсетях 131 группы. Ведется профилактическая работа и со взрослыми пропагандистами всевозможных зацеперских развлечений.

Участники движения «Антизацепер» проводят рейды, борются с пропагандой опасного хобби в интернете. Они под видом подростков вступают в тематические группы, пытаются убедить «сверстников» оставить опасное занятие. Они и ряд медиков применяют радикальный метод убеждения, общаясь с «зацеперами» на форумах, они выкладывает снимки жертв – жуткие кадры с детскими телами, обгоревшими под огромным напряжением и разорванными под колесами. Сложно сказать, насколько действенны такие меры для подростков, но взрослого от них бросает в дрожь.

Одним из способов борьбы с зацепингом является усовершенствование и увеличение спортивных секций, кружков и клубов. А также усиление профилактических бесед с родителями, объяснение им необходимости посещения психолога, который сможет выявить уровень склонности ребёнка к экстремальным видам спорта.

Содержание потребности как критерий классификации мотивов противоправного имущественного поведения детей

Устинов Д.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет имени Василя Стуса»
(г. Донецк, ДНР)

Значительное количество детей, совершивших преступления против собственности без видимых на то причин материального характера, обязывает учитывать фактор мотива преступления при организации профилактической работы.

Мотив преступного поведения, в контексте данной работы понимаемый как внутреннее осознанное или неосознанное побуждение к удовлетворению потребности запрещенным законом способом, определяет способом предупреждения детских имущественных преступлений деактуализацию базовой потребности, что требует систематизации мотивов преступлений на основании содержания потребности.

Ввиду отсутствия удовлетворяющей целям работы классификации, в продолжение трудов отечественных ученых (Антонян Ю.М., 2015; Васильева Н.В., 1997; Зелинский А.Ф., 1999; Коновалова И.А., 2012; Логинова Ю.А., 2014; Овчарова Р.В., 2011, Шиханцов Г.Г. 1998), с учетом консультаций с профильными психологами и правоохранителями, изучения материалов следственной проверки и уголовных дел, применения личного опыта раскрытия преступлений несовершеннолетних, предложена систематизация мотивов преступного имущественного поведения детей:

1. Корыстный мотив (побуждение к незаконному завладению чужим имуществом, направленное на обращение этого имущества в свое фактическое пользование, распоряжение либо на уклонение от обязательных материальных затрат).

2. Мотив утверждения (побуждение противоправным способом достичь или укрепить у окружающих мнение о себе, о своем социальном положении, статусе, месте в семье, сообществе).

3. Мотив повышения самооценки (побуждение, действуя запрещенным законом способом, подтвердить внутреннее мнение о себе, повысить самооценку, поднять уровень собственного достоинства).

4. Мотив безопасности (побуждение, действуя запрещенным законом способом, избежать страха, беспокойства, тревоги от грозящей или ожидаемой угрозы).

5. Гуманный мотив (побуждение, направленное на достижение пользы, добра других людей способом, запрещенным законом).

6. Игровой мотив (побуждение, действуя запрещенным законом способом, получить особые ощущения, связанные с развлечением, отдыхом, эмоциональными, интеллектуальными, физическими нагрузками).

7. Физиологический мотив (побуждение незаконно извлечь материальную пользу для удовлетворения физиологических потребностей, если их неудовлетворение несет непосредственную угрозу жизни или здоровью).

8. Мотив зависти (побуждение, действуя запрещенным законом способом, проявить негативные эмоции или враждебное отношение к другому человеку, если они вызваны его превосходством).

9. Мотив мести (побуждение причинить запрещенным законом способом неприятности в ответ на оскорбление, обиду, страдание и пр.).

С целью прикладного закрепления и реализации концептуальных положений систематизации мотивов преступного имущественного поведения несовершеннолетних была разработана проективная методика, направленная на выявление доминирующих реальных и потенциальных мотивов детских имущественных преступлений. С помощью стимулов в виде сюжетных историй о противоправном поведении несовершеннолетних и незаконченных предложений, вызывающих проявление доминирующего мотива была проведена диагностика двух выборок несовершеннолетних (14-17 лет). В первую вошли 74 законопослушных несовершеннолетних, во вторую – 93 ребенка, состоящих на учете в ОВД за совершение преступлений против собственности.

В ходе диагностирования признаки всех приведенных в классификации мотивов нашли свое проявление в реакции и правонарушителей, и законопослушных испытуемых.

Анализ количественных показателей проявленных мотивов, их взаимосвязь с личностью, интерпретация данных, разработка предупредительных мер являются объектом дальнейших исследования мотивов детского преступного имущественного поведения.

Реализованное исследование является очередным шагом к созданию современных индивидуальных программ профилактики преступлений.

Динамика возрастного развития у несовершеннолетних правонарушителей с аномальной личностной незрелостью

Федонкина А.А.

ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Исследование феномена личностной незрелости у несовершеннолетних правонарушителей в настоящее время является важной и актуальной задачей. Большое количество правонарушений совершается подростками из-за недостатка волевой регуляции, слабой сформированности прогностических функций, развлекательной мотивационной направленности, то есть в силу особенностей, отражающих слабую сформированность личностной сферы. Наряду с этим, от 40 до 70% несовершеннолетних правонарушителей имеют отклонения в психическом развитии, что обуславливает необходимость учета дизонтогенетического и психопатологического фактора при рассмотрении феномена личностной незрелости у подростков с противоправным поведением.

Исследование особенностей динамики возрастного развития у несовершеннолетних с личностной незрелостью позволяет определить влияние внешних и внутренних условий на развитие личности. При исследовании особенностей

психического развития у несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью изучались наиболее характерные варианты динамики развития при аномальном варианте личностной незрелости (54 человека). В группы сравнения вошли несовершеннолетние с нормальной личностной незрелостью (10 человек) и отсутствием личностной незрелости (29 человек). Применялись методы психологического анализа актов комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз.

Динамика психического развития несовершеннолетних правонарушителей с аномальной личностной незрелостью характеризуется задержанным типом развития с нарастанием трудностей в обучении и волевого контроля. Период раннего возраста характеризуется отставанием в развитии речи, проявляющееся в более позднем, по сравнению с их сверстниками на тот период, начале произнесения слов и способностью осуществлять общение с помощью речи. В дошкольном периоде выявляется слабое развитие игровой деятельности в виде примитивности игры, преимущественно предметно-манипулятивного уровня. В младшем школьном возрасте невысокий интеллектуальный уровень и эмоционально-волевые нарушения затрудняют процесс обучения. Несовершеннолетние правонарушители с аномальной личностной незрелостью демонстрируют, в целом, невысокий уровень учебной успешности, примерно половина таких несовершеннолетних (46.1%) в младшем школьном возрасте испытывают трудности в усвоении материала школьной программы, у 12.8% несовершеннолетних отмечались выраженные трудности в обучении, они продолжали учёбу в коррекционной школе. В подростковом возрасте наблюдаются трудности взаимодействия со сверстниками и поверхностность контактов. У несовершеннолетних с нормальной личностной незрелостью чёткой динамики психического развития не прослеживается, однако отмечается относительное нарастание проблемных состояний эмоционально-волевой сферы, связанных с девиантным поведением. Дефицитарность отдельных сфер выражена в меньшей степени, чем у несовершеннолетних с аномальной личностной незрелостью, и является парциальной. У несовершеннолетних правонарушителей с отсутствием личностной незрелости психическое развитие протекает преимущественно по дисгармоничному типу, в подростковом возрасте наблюдаются сложное течение возрастного кризиса в виде интереса во взаимодействии с асоциальными подростками и старшими по возрасту, уходов из дома, бродяжничества, начала употребления спиртных напитков, наркотических веществ.

Таким образом, наиболее характерным вариантом дизонтогенеза у несовершеннолетних правонарушителей с аномальной личностной незрелостью является задержанное развитие, при котором на каждом возрастном этапе происходит усложнение структуры нарушений за счет присоединения к дефицитам когнитивной сферы эмоционально-волевых расстройств и проблем социальной адаптации.

Некоторые аспекты изучения индивидуально-психологических особенностей детей, переживших развод родителей

Чернов В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

На протяжении веков семья была основой стабильного развития общества. В наше время институт семьи переживает тяжелейший кризис.

Каждый год половина заключенных на территории РФ браков расторгается. Такие данные приводит Росстат. Особое место в ситуации развода занимают дети, ибо они являются непосредственными участниками и свидетелями семейного кризиса. (Суринов А.Е., 2015)

Особенно тяжело переносят этот кризис дети младшего школьного возраста. С учетом несформированности когнитивных, эмоциональных, поведенческих сфер, маленького социального опыта, отсутствия большого количества жизненно важных умений и навыков, подобные потрясения оставляют в психике ребенка глубочайший след.

Семья играет важную, ведущую роль в развитии индивидуально-психологических особенностей ребенка младшего школьного возраста. От простроенности детско-родительских отношений во многом зависит процесс эмоционального, поведенческого, когнитивного, социального развития.

Спиваковская А.С. пишет, что течение детско-родительских отношений определяет тип родительской позиции по отношению к ребенку. Он оказывает определенное влияние на формирование индивидуально-психологических особенностей, личностных черт, поведение ребенка (Архиреева Т.В., 1980).

Грэйс Крайг пишет, что младшие школьники, пережившие развод родителей, чаще, чем их сверстники, воспитывающиеся в полных семьях, подвергаются стрессу, испытывают преимущественно негативные эмоции (Крайг Г., 2000).

Отсутствие одного из родителей в семье значительно ограничивает приобретение ребенком эмоционального опыта, делает его уже, с уклоном на гендерные особенности оставшегося родителя (Сафуанов Ф.С., 2012).

Последствия развода, отражающиеся на эмоциональной сфере, многообразны. Это страхи одиночества, о чем свидетельствуют исследования психологов Стенли-Хагана, Андерсана, Хезерингтона, Фигдора и др. Появление чувства вины. Дети часто считают себя причиной и виновниками развода родителей (Нартова-Бочавер С.К., 2001). Они могут проявлять гнев по отношению к родителям, одному или обоим, могут испытывать чувство стыда за то, что у него нет «нормальной» семьи, могут выказывать обиду на родителя, покинувшего семью, или на родителя, с которым остались.

В ситуации развода в развитии и воспитании ребенок лишается контроля и поддержки родителей, нарушаются процессы формирования некоторых навыков. Деформируются волевые качества его личности дисциплинированность, самостоятельность, целеустремленность и др.

Развод оказывает отрицательное влияние на мотивацию младших школьников. В начале младшего школьного возраста мотивация еще не обладает достаточным уровнем произвольности и поддерживается, прежде всего, родителями. После развода родители, находясь в состоянии стресса, не могут уделять ребенку должного внимания.

Таким образом, развод родителей негативно влияет на индивидуально-психологических особенностей детей, искажая эмоциональную сферу младших школьников, нарушая, изменяя или прерывая процессы формирования волевой и мотивационной сферы.

Литература

1. Архиреева Т.В. Родительские позиции как условие развития отношения к себе ребенка младшего школьного возраста: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1980. 196 с.
2. Крайг Г. Психология развития. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 992с.
3. Ребенок в карусели развода / С.К. Нартова-Бочавер, М.И. Несмеянова, Н.В. Малярова, Е.А. Мухортова. М.: Дрофа, 2001. 192 с.
4. Россия 2015. Статистический справочник / А.Е. Суринов, Э.Ф. Баранов, Н.С. Булгакова, М.И. Гельвановский и др. Москва: Росстат, 2015. 8 с.
5. Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительстве ребенка. 2-е изд., доп.: М.: Генезис, 2012. С. 50-157.

Коррекционно-профилактические факторы народной игры

Чернушевич В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Мы часто говорим, что дети, особенно подростки, ищут границы своих возможностей и границы возможных отношений с окружающими людьми. Поиск границ закономерно приводит к их нарушению, что и выглядит как девиантное поведение.

В то же время в традиционной культуре существуют модельные структурированные пространства, где вышеупомянутые потребности детей и подростков без вреда для окружающих и их самих могут быть удовлетворены. Это - народные игры (и сказки, и песни). Они являются моделями традиционного общения любого народа. Несколько лет мы изучаем эмоциональные реакции детей и подростков на предлагаемые им в народных играх ситуации (в рамках учебного курса «Организация досуга детей и подростков»). В игровые программы включено около 50 игр, большинство из которых имеет вокальную составляющую. Все базовые эмоции и около 100 их оттенков переживаются и зафиксированы участниками игр. И дети, и подростки чувствуют непосредственное действие национальной культурной среды, которая воссоздается в игровом пространстве и непосредственно влияет на опыт

поведения участников в сообществе людей. Прежде всего, приобретается опыт открытости, доверительности, общности сосуществования. В игре участники вдруг обнаруживают себя такими, каковы они есть на самом деле и Других.

Какие факторы в игре позволяют в сравнительно короткий срок меняться взаимоотношениям участников к себе и друг другу (вся дошкольная программа занимает 12 получасовых занятий за три месяца)? Что придает играм профилактические и коррекционные свойства?

Мы выделяем известные основные действующие факторы. Во-первых, высокая привлекательность предлагаемых игр (их большая физическая и эмоциональная активность, достижимая разве что в драках). В каждой возрастной группе предлагаются свои игровые программы.

Во-вторых, обязательное свободное самоопределение на участие в игре (этим запускается процесс самоконтроля в напряженных эмоциональных ситуациях и ответственности за свое поведение). Это – труднодостижимое в образовательных учреждениях, но обязательное условие.

В-третьих, определенные жесткие, строго выполняемые игровые правила. Это, пожалуй, в совокупности с предельной мотивацией участия, – главный формирующий поведение фактор. Максимальная привлекательность предлагаемых действий, в крайне жестких условиях правил. Это именно тот фактор, который порождает массу коллизий в играх и весь спектр эмоциональных состояний. Особенность игровых правил в народных играх – их рамочность, допускающая большие возможности импровизации и проявления индивидуальности участников.

Именно в играх реализуется предложенная концепция профилактической работы (Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В 2016), предполагающая не устранение факторов, выводящих подростков из эмоционального равновесия, а, наоборот, создание в профилактических целях таких ситуаций, где бы это равновесие испытывалось на прочность. В этих ситуациях подростки, испытывая бурю чувств и эмоций, имели бы возможность справиться с ними и закалялись, держась за игровые правила и испытывая поддержку других участников.

Четвертый фактор, обеспечивающий погружение в игровую среду – наличие ценности для участников игры и организаторов самого процесса игры, а не результата, какой бы он не мог представиться участникам, отсутствие внешней заданной цели. Т.е. в игре известная дилемма «Быть или Иметь» решается в пользу «Быть»!

Все вышеназванные факторы, как нам представляется, делают народную игру уникальным ресурсом приобщения детей и подростков к национальной культуре общения, естественным образом влияя на их жизненное самоопределение и поведение.

Литература

1. Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В. К вопросу обоснования модели профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53517.shtml (дата обращения: 18.10.2016).

Восприятие имиджа судей детьми младшего школьного возраста

Чунихина К., Валицкас Г., Навицкас В.

Вильнюсский университет (г. Вильнюс, Литва)

Эффективность судебной системы напрямую связана с имиджем судей и судов, преобладающем в обществе. Положительный имидж судей и судов влияет на законопослушность граждан, поощряет их сотрудничество с представителями закона, а также удовлетворенность своей работой самих судей. Проведенные исследования показывают, что оценка судей и судов варьирует в зависимости от разных характеристик, в том числе от возраста испытуемых, их опыта общения, информации, предоставляемой средствами массовой информации и т. п. Можно сказать, что формирование имиджа судей и судов начинается в детстве и тесно связано с правовой социализацией личности. Кроме того, как показывают полученные данные, в детском и / или в подростковом возрасте сформированные установки в отношении судей и судов могут стать основой для оценки судебной системы и особенностей поведения личности в более старшем возрасте. Но несмотря на это, проблеме формирования имиджа судей и судов в раннем возрасте исследователи пока незаслуженно уделяют мало внимания.

Целью проведенного исследования являлось установить особенности восприятия имиджа судей и судов детьми младшего школьного возраста. В исследовании приняли участие 222 школьника от 7 до 10 лет (110 мальчиков, 112 девочек; средний возраст – 8,5 лет). Особенности имиджа судей и судов детей оценивались при помощи специальной методики, основанной на модификации теста «Нарисуй ученого». Испытуемые должны были нарисовать судью на его рабочем месте, после чего они отвечали на вопросы полу-структурированного интервью. Исследование проводилось в индивидуальном порядке, средняя продолжительность исследования – 30-40 мин. При помощи анализа интервью проводилась оценка трёх аспектов имиджа: имидж окружающей обстановки, социальный имидж судьи, а также имидж услуг, предоставляемых судами. Данную оценку проводили 4 эксперта (коэффициент интраклассовой корреляции колебался от 0,84 до 0,94). Кроме того, на основании рисунков была проведена оценка реалистичности и других особенностей имиджа.

Полученные данные показали, что дети младшего школьного возраста чаще всего представляют судью как молодого мужчину, сидящего за трибуной, одетого в специальную одежду и обладающего специальными атрибутами. Имидж окружающей обстановки в суде является положительным; социальный имидж судьи – нейтральным; имидж услуг, предоставляемых судами – нейтральным. Кроме того, было установлено, что реалистичность имиджа и другие его особенности связаны с возрастом – старшие дети обладают более реалистичным и менее положительным восприятием имиджа судей и судов ($p < 0,05$). Среди других факторов, связанных с разницей восприятия имиджа, был выявлен источник информации о судебной системе – установлено, что дети, которые узнали о суде и судьях из средств массовой информации, воспринимают судей и судов более реалистично и положительно (по сравнению с теми, кто узнал о

судей и судах от членов семьи; $p < 0,05$). Проведенное исследование подтверждает важность исследований имиджа судей и судов среди детей, с целью целенаправленного его формирования.

Исследование финансировал совет науки Литвы (номер договора MIP-015/2013).

Механизмы психологической защиты подростков с деструктивным поведением

Шелонина Т.В.

ГБУ ДО Центр психолого-педагогического сопровождения Кировского района
Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург, Россия)

В широком смысле к деструктивному принято относить поведение, направленное на разрушение и причинение вреда или приводящее к насилию над личностью другого человека (Горбатов С.В., 2004).

Ц.П. Короленко под деструктивным понимают отклоняющееся поведение, причиняющее вред человеку и обществу – аддиктивное, антисоциальное, суицидное. Сюда они также относят конформистское, нарцисстическое, фанатическое, аутистическое (Короленко Ц.П., 1990).

Г.И. Каплан и Б.Дж. Сэдок, описывая у детей расстройство в виде деструктивного поведения, пишут, что оно «характеризуется поведением, включающим нарушение принятых в обществе норм; оно приносит больше вреда другим людям, чем самим лицам с такими нарушениями поведения» (Каплан Г.И., 1998).

Материалы и методы исследования. В исследовании приняли участие школьники от 10 до 15 лет общей численностью 140 человек средний возраст 13 лет. 70 подростков с нарушениями поведения, из них – 35 человек с психиатрическим диагнозом «Социализированное и Несоциализированное расстройство поведения» (F91.0, F91.1, F91.2) средний возраст 13,7 лет, 35 человек – несовершеннолетние правонарушители средний возраст 13,5 лет.

Использовались следующие методы исследования: «Индекс жизненного стиля» (LSI) Plutchik R., Kellerman H., тест определения поведения в конфликте К. Томаса, тест К-стратегий Амирхана, опросник Басса-Дарки, опросник «Импульсивность», опросник «Сила воли», методика диагностики степени готовности к риску Шуберта.

Результаты.

Подросткам-правонарушителям и деструктивным подросткам более свойственны такие малоэффективные механизмы психологической защиты как замещение, отрицание, регрессия. Они заменяют решение субъективно более сложных задач на относительно более простые и доступные в сложившейся ситуациях, это использование более простых и привычных поведенческих стереотипов существенно обедняет общий (потенциально возможный) арсенал преодоления конфликтных ситуаций.

Подростки – правонарушители и подростки с деструктивным поведением в трудных ситуациях чаще используют неэффективную, малоадаптивную копинг-стратегию как избегание проблем.

Несовершеннолетние-правонарушители в ситуациях межличностных конфликтов используют неадаптивные способы их разрешения, например соперничество.

Такие формы проявления агрессии и враждебности как обида, физическая агрессия и раздражение более свойственны подросткам-правонарушителям.

Несовершеннолетние-правонарушители характеризуются наличием нарушений в эмоционально-волевом регулировании поведения (повышенная импульсивность, низкая сила воли).

Для подростков с деструктивным поведением характерно преобладание чувства вины, что может свидетельствовать, о наличии аутоагрессивных тенденций.

Наибольшие затруднения в регуляции своего поведения деструктивные подростки испытывают в связи с высоким уровнем импульсивности, сниженной способности к волевой регуляции.

Полученные результаты подтверждают гипотезу исследования о том, что у подростков с нарушением поведения преобладает использование более примитивных видов психологических защит, малоэффективных для подросткового возраста.

Литература

1. Горбатов С.В. Изучение деструктивного поведения несовершеннолетних // Материалы научно практической конференции «Ананьевские чтения-2004» (г. Санкт-Петербург, 26-28 октября 2004 г.). СПб., 2004. С. 94-95.
2. Каплан Г.И. Клиническая психиатрия: в 2 т. Т. 2. М.: Медицина, 1998. 528 с.
3. Короленко Ц.П. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск, 1990. 224 с.

Готовность детей 6 и 7 лет к школьному обучению как профилактика дезадаптации

Шитова А.Э.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Поступление в школу – значимый этап в жизни каждого ребенка с точки зрения успешной адаптации к новым условиям, поэтому важной задачей учителей, родителей и психологов является не допустить дезадаптации первоклассника. По сей день не угасают споры о возрасте, с которого наиболее целесообразно начинать обучение ребенка в школе.

Большое количество ученых, таких как Л. И. Божович, А.Л. Венгер, Л.С. Выготский, Н.И. Гуткина, И.В. Дубровина, М.И. Лисина, Ж. Пиаже, Д.Б. Эльконин изучали явление психологической готовности к школе. В целом психологическая готовность к школе – это комплексное понятие, включающее в себя осведомленность

об окружающем мире, владение мыслительными операциями, положительное отношение к учению, подкрепленное учебной мотивацией, проявление волевых усилий при выполнении каких – либо задач, развитую мелкую моторику рук, умение общаться, умение организовывать свое поведение нужным образом, владение грамотной, выразительной и содержательной речью, любознательность, самостоятельность, адекватную самооценку себя и окружающих (Гуткина Н. И., 2006; Дубровина И. В., 1991)

Целью нашего исследования является сравнение уровня готовности к обучению в школе детей 6 и 7 лет. Мы поставили перед собой задачи изучения и сравнения компонентов психологической готовности к школьному обучению детей 6 и 7 лет.

Объектом исследования выступает уровень готовности первоклассников к обучению в школе, а предметом - различия в уровне готовности к обучению в школе у детей 6 и 7 лет.

Мы предполагаем, что у семилетних первоклассников уровень готовности к школьному обучению выше, чем у шестилетних.

Нами использовались такие методы, как наблюдение, беседа, теоретический анализ, синтез, метод проективной диагностики, метод анализа продуктов деятельности, интерпретационный метод. Для статистического анализа проводили расчет среднего арифметического и использовался метод математической статистики (критерий Манна–Уитни).

В исследовании приняли участие 34 учащихся первых классов, из которых 17 первоклассников в возрасте от 6 лет 4 мес. до 6 лет 11 мес. и 17 – в возрасте от 7 лет 4 мес. до 7 лет 10 мес.

Для комплексной диагностики применялись методики: «Лесенка» самооценки, «Графический диктант» Эльконина Д.Б., методика Керна–Йерасека, проективный тест личностных отношений, социальных эмоций и ценностных ориентаций «Домики», автор Орехова О.А., «Определение мотивов учения» Гинзбург М.Р., «Корректирующая проба» (Тест Бурдона, детский вариант) (Павлова Т.Л., 2006).

После обработки данных исследования были получены статистически значимые различия по критерию Манна–Уитни, на основе которых делаем вывод, что наша гипотеза о более высоком уровне готовности к школьному обучению у детей 7 лет подтверждается (значимые различия выявлены в интеллектуальной (методика Керна–Йерасека), произвольной («Графический диктант» Эльконина Д.Б.) и эмоциональной (показатели «суммарного отклонения» в методике «Домики» Ореховой О.А.) сферах, во внимании («Корректирующая проба»)); в мотивационной сфере, самооценке и показателях «вегетативного коэффициента» по методике «Домики» Ореховой О.А. (т. е. энергосбережение) статистически значимых различий не выявлено.

В заключении хочется отметить, что подготовка ребенка к школе является шагом на пути к его успешной адаптации. Компетентное решение данной проблемы позволит обеспечить целостное и гармоничное развитие личности каждого ребенка.

Литература

1. Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе. СПб.: Питер, 2006. 208 с.

2. Дубровина И.В., Акимова М.К., Борисова Е.М. Рабочая книга школьного психолога. М.: Просвещение, 1991. 303 с.
3. Павлова Т.Л. Диагностика готовности ребёнка к школе. М.: ТЦ Сфера, 2006. 128 с.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Удовлетворенность служебной деятельностью сотрудников отдела безопасности пенитенциарных учреждений

Алексеева П.С., Градинар Е.В.

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»
(г. Якутск, Россия)

Удовлетворенность трудом рассматривается как совокупность психологических установок по отношению к трудовой деятельности и является одним из показателей эффективности, перспективности организации, характеризует его потенциальные ресурсы.

По мнению Е. Локка, «удовлетворенность трудом является результатом оценки своей работы, позволяющей достичь определенных ценностей, связанных с работой, при условии, что эти ценности дают возможность удовлетворить потребности индивида» (Бодров В.А., 2001).

В работах С.П. Безносова, В.А. Бодрова подчеркивается трехкомпонентная структура удовлетворенности трудом: социальная, психологическая и психофизиологическая (Безносков С.П., 2004; Бодров В.А., 2001).

Тесно связанным с удовлетворенностью является показатель привлекательности трудовой деятельности для субъекта. В работах М.Ю. Кондратьева, под понятием привлекательность трудовой деятельности понимается «привлекательность для человека процесса выполнения» и условий труда, способствующих удовлетворению потребности в творческой и интересной работе, в благоприятных условиях труда, в теплых и доверительных отношениях в коллективе, в признании, в собственном развитии, в собственном материальном и социальном обеспечении, в общении (Кондратьев М.Ю., 2006).

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что категория «удовлетворенность» выступает как показатель социально-психологической адаптированности личности к профессиональной деятельности.

В данной статье мы рассмотрим показатели удовлетворенности потребностей сотрудников пенитенциарных учреждений и привлекательность для них трудовой деятельности.

Деятельность сотрудника пенитенциарной службы относится к экстремальным и деформирующим личность, так как она осуществляется в условиях закрытых исправительных учреждений, неизбежности контакта с криминальной средой, стрессогенности профессиональной деятельности, связанной с постоянной угрозой эмоциональной и физической агрессии со стороны осужденных и др.

Полагаем, что высокая удовлетворенность работой соответствует тем сотрудникам, чьи потребности в большей степени удовлетворяются, а труды

вознаграждаются. Низкий же уровень может свидетельствовать о сложном психическом состоянии, например: эмоциональное выгорание, профессиональная деформация или же дезадаптация.

В исследовании использовались методики «Интегральная удовлетворенность трудом» А.В. Батаршева и «Диагностика привлекательности труда в организации» В.М. Снеткова.

Исследование проводилась в одной из исправительных колоний УФСИН России по Республике Саха-Якутия. В исследовании приняло участие 35 сотрудников отдела безопасности. Все сотрудники мужского пола, возраст от 21 до 37 лет, имеют образование не ниже среднего общеобразовательного и прошли службу в рядах Вооруженных сил Российской Федерации.

Результаты исследования удовлетворенности трудом показывают, что сотрудники отдела охраны в целом, удовлетворены условиями как внешними, так материальными и коммуникативными.

Наиболее высокий показатель получен по шкале удовлетворенности во взаимоотношениях с коллегами, 76% сотрудников имеет высокие результаты, а 24% имеет средние результаты. Можно сделать вывод о благоприятных горизонтальных связях в коллективе, которые характеризуются устойчивостью и дружелюбностью. В отношении вертикальной власти преобладает средний уровень удовлетворенности, высокий уровень отмечен у 20% сотрудников, а у 12% низкий.

По шкале удовлетворенности профессиональной ответственностью высокие результаты отмечаются у 24% сотрудников, средний результат отмечается у 48% сотрудников, а низкий уровень у 28 % сотрудников. Высокие и средние результаты отмечаются у людей, готовых к постоянному профессиональному росту, имеющих долгосрочные перспективы, планы на будущее, а так же осознающие свое место в трудовом коллективе. Данные сотрудники готовы к активным действиям, ставят перед собой новые цели и задачи. Они отличаются исполнительностью, дисциплинированностью, требовательностью к себе, честностью, самостоятельностью, уверенностью.

Однако стоит отметить, что половине опрошенных характерны низкие показатели уровня притязания в профессиональной деятельности. Это говорит о том, что они не ставят перед собой задачи, которые требуют определенных усилий, выбирают те условия деятельности, в которых им комфортно и удобно.

Общая удовлетворенность трудом характеризуется высоким уровнем у 44% сотрудников и 56% у сотрудников среднего уровня. Данная шкала характеризует общий положительный настрой сотрудников к своей трудовой деятельности.

Анализ результатов по опроснику В.М. Снеткова показывает сниженный уровень привлекательности труда сотрудников отдела безопасности пенитенциарных учреждений. Наиболее отрицательные значения имеют показатели уровня удовлетворенности потребностей в материальном и социальном обеспечении, в организации труда, благоприятных условиях службы, в личностном развитии.

Высокий уровень расхождения значений между реальной и идеальной оценкой потребности в собственном развитии, показывает низкий уровень самоактуализации. По утверждению А. Маслоу, данная потребность характерна тем, что индивид принимает свое внутреннее «Я», развивает все персональные и видовые характеристики. Благодаря данной потребности у личности формируются определенные задатки, мотивы, взгляды на будущее, данная потребность дает возможность контроля над формированием личности индивида. Данная потребность играет ключевую роль во всех сферах жизни субъекта. Так неудовлетворенность данной потребности в одной сфере, может отразиться в другой. Низкий уровень удовлетворенности потребности в самовыражении может стать следствием дезадаптации личности в ситуациях стресса, напряжения, угрозы.

Потребность в признании, в личном авторитете связана с желанием самоутвердиться и чувством собственного достоинства. У людей, которые не удовлетворили данную потребность, возникает чувство слабости, беспомощности, тоски и уныния. Такое состояние может привести к депрессии.

Представляется, что полученные результаты исследования связаны со спецификой трудовой деятельности в пенитенциарных учреждениях, чья деятельность отвечает потребности общества в защите от преступников. Их профессиональная деятельность проходит в экстремальных, опасных для жизни обстоятельствах, что приводит к усилению напряженности, конфликтности, обострению психологических проблем личности. Среди экстремальных ситуаций работы в УИС выделяют захваты заложников, массовые беспорядки, неповиновение осужденных.

Диагностика привлекательности труда (В.М. Снетков) подтвердила специфичность условий работы в пенитенциарной системе, которая может послужить условием дезадаптации. Где под специфичностью, мы выделяем напряженную деятельность человека в экстремальных условиях, что неизбежно приводит к его нервно-психической дезадаптации, стрессовыми посттравматическим расстройствам.

Основываясь на полученных результатах исследования, можно сделать вывод, что наблюдается противоречие между удовлетворенностью работой в отделе безопасности и ее субъективной привлекательностью. Низкая привлекательность профессиональной деятельности может свидетельствовать о наличии факторов социально-психологической дезадаптации у сотрудников отдела безопасности и требует пристального внимания со стороны психологической службы пенитенциарных учреждений и о востребованности работы по повышению уровня адаптивности личности, по созданию благоприятной среды в учреждениях.

Литература

1. Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. 272 с.
2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учебное пособие для вузов М.: ПЕР СЭ, 2001. 511 с.
3. Кондратьев М.Ю. Отношения в коллективе // Мир психологии. 2006. № 4. С. 67-76.

4. Корехова М.В., Соловьев А.Г., Новикова И.А. Оценка выраженности психологической дезадаптации у сотрудников органов внутренних дел // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2011. № 3. С. 80-82.
5. Красильников И.А., Константинов В.В. Социально-психологическая адаптация личности и стратегии разрешения внутренних конфликтов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т.11. № 4(4).
6. Пряжников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства: учебное пособие. М.: Академия, 2001. 477 с.

Контент-анализ личных дел несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления группового характера против собственности и состоящих на учете в УИИ

Бокова Н.В.

ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция УФСИН России по г. Москве»
(г. Москва, Россия)

Левин Л.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Преступления против собственности – это предусмотренные ст. 158 – 168 гл. 21 УК РФ противоправные умышленные или неосторожные общественно опасные деяния (действия или бездействие), посягающие на чужую собственность и причиняющие материальный ущерб собственнику или иному владельцу материальных благ.

Основываясь на работах Агафонова П.Ю., Галиакбарова Р.Р., Дебольского М.Г., Дозорцевой Е.Г., Медведевой Н.Е., Паканича С.И., Пирожкова В.Ф., Потапова А.М. и др., исследовавших особенности групповых правонарушений подростков, объектом нашего изучения стали группы несовершеннолетних, совершивших преступление против собственности. В качестве методов исследования использовались контент-анализ 80 личных дел осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции и беседа с ними.

Особенности обследуемых лиц и совершенных ими правонарушений: 70% правонарушений были совершены подростками в возрасте 14–16 лет, а 30% в возрасте 16–18 лет. 13% преступлений совершено подростком самостоятельно, в то время как 87% – в составе группы, из них 37% совершены в паре, 47% в группе 3-4 человек и 3% в группе, численностью 5 и более человек. В 37% случаев совершена кража телефона, 17% – планшета, 13% – кошелька, 37% – других ценностей и 13% – психоактивных веществ. В 97% случаев мотивация совершения преступления – корыстная, в 3% – самоутверждение. По функциональной роли в ситуации совершения преступления 67% осужденных были организаторами и лидерами в группе, а 33% – ведомыми (исполнителями). В 83% случаев план преступления был

заранее обдуман, в 17% – преступление произошло спонтанно. При этом 67% преступлений было совершено в здравом уме, 33% – в состоянии алкогольного опьянения. В 77% случаев обследованные подростки были инициаторами преступления.

По результатам анализа личного дела осужденных установлено, что 34% подростков имеют соответствующий возрасту уровень развития, у 17% уровень развития значительно отличается от нормы, в 49% случаев уровень психического развития подростка выявить не удалось.

Отношение к совершенному преступлению: 13% правонарушителей не признают свою вину; 39% – признают частично, а 48% раскаиваются в содеянном.

Поведение ребенка со слов родителей (опекунов или сотрудников детского дома) в 33% случаев охарактеризовано как удовлетворительное, в 67% – неудовлетворительное. В 43% случаев учебные заведения, где обучался несовершеннолетний, дали на него отрицательную характеристику, в 23% – положительную. При этом 57%, правонарушителей относятся к учебе негативно, всего 10% – положительно и 7% – амбивалентно.

Ни в одном личном деле не было упомянуто о групповых ценностях.

Анализ судьбы подростков, спустя год после начала исследования показал: 57% в настоящее время достигли совершеннолетия и психологическая помощь им оказывается только по инициативе (просьбе) осужденного; 15% – проходят курс лечения в психоневрологическом диспансере; 10% осужденных сняты с учёта в уголовно – исполнительной инспекции в связи с условно-досрочным освобождением; 10% – совершили преступление повторно и наказаны условно; 8% несовершеннолетних совершили тяжкое преступление и в настоящее время отбывают наказание в воспитательной колонии.

Анализ полученных данных показал, что 86% несовершеннолетних осужденных, принявших участие в обследовании, воспитывались в неблагополучных семьях, имеют проблемы в школе, у них низкая успеваемость и конфликтные отношения с учителями, социальные притязания завышены, а возможность их реализации ограничена, что способствовало участию в преступной деятельности.

Полученные результаты обследования осужденных, совершивших преступления группового характера и состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции позволили подготовить типовую программу их ресоциализации, включая следующие мероприятия: индивидуальное консультирование осужденных; проведение социально-психологического тренинга по развитию личной ответственности за свои поступки; контроль за поведением на производстве (в учебном заведении); вовлечение в мероприятия досуга (спорт, художественная самодеятельность); мониторинг отношения с друзьями; работа с семьей и школой.

Психологическое сопровождение сотрудников УИС в рамках изучения эмпатических способностей

Борисова Д.П.

ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция УФСИН России по г. Москве»
(г. Москва, Россия)

Анализируя состояние изучения проблемы эмпатии в контексте рассмотрения особенностей деятельности сотрудников УИС, мы пришли к выводу, что возникает потребность в детальном ее изучении для организации качественного психологического сопровождения сотрудников с целью предотвращения развития эмоционального выгорания, сохранения целостности личности и поддержания психологического здоровья. Обозначим аспекты деятельности, на которые стоит обращать внимание и учитывать в работе психолога подразделения.

Характерным для всех групп сотрудников пенитенциарной системы, контактирующих с осужденными, является использование защитных механизмов, не позволяющих проработать трудные ситуации, а лишь «убирающие» проблемы на неосознаваемый план. В подобной ситуации возможно повышение тревожности, агрессивности, нервозности. Для предотвращения негативных последствий необходимо проводить мероприятия, направленные на проработку внутренних переживаний, осознание своего эмоционального состояния, испытываемых чувств и основанных на этом форм поведения. Необходимо позволять сотрудникам отреагировать все «зажатые» чувства и эмоции. Это поможет снять накопившееся напряжение, разрядить эмоциональные переживания. Для осуществления таких мероприятий целесообразно использование различных техник, направленных на выражение чувств. Наиболее эффективным будет использование телесноориентированной терапии, арт-терапии, двигательной терапии. Применение техник, направленных на вербализацию чувств также актуально, но стоит использовать эти упражнения в завершении занятий, так как у сотрудников отмечаются трудности в вербализации переживаний.

На первых этапах работы молодых сотрудников можно отметить альтруистические мотивы – направленность на окружающих, желание быть полезным, оказать посильную помощь и расположить к себе коллег и группу лиц, с которыми необходимо проводить работу.

На этом этапе необходимо организовывать качественное сопровождение этих служащих как со стороны психолога учреждения, так и со стороны начальства и наставников. Важным является в работе с ними поддержка и разъяснение особенностей пенитенциарной системы. Это необходимо для профилактики зависимого поведения, с целью предотвращения негативного воздействия со стороны спецконтингента. Дополнительным направлением работы психолога должна быть тренинговая деятельность, направленная на выработку адекватных способов совладающего поведения при возникновении негативных ситуаций.

За 5-10 лет службы происходит снижение уровня эмпатических тенденций в поведении, сотрудники могут становиться более черствыми. Достаточно длительное нахождение в ситуации проявления эмпатии по отношению к другим перестает быть актуальным, реакция на проблемы других притупляется и перестает оцениваться как требующие понимания и поддержки. Соответственно с получением навыков, необходимых для выполнения деятельности возрастает нагрузка, руководство делегирует большее количество ответственной работы. Сочетание этих факторов способствует отстранению от окружающих, центрации на деятельности. Это может провоцировать развитие синдрома эмоционального выгорания. Задача психолога в этой ситуации сопровождение сотрудника, помощь руководству в распределении нагрузки, и разработка рекомендаций по оптимизации рабочих условий. Важно при необходимости оказывать помощь в организации рабочего пространства и времени (проводить коррекционные занятия, направленные на развитие способности самостоятельно планировать свою деятельность). Важно работать с коллективом для создания оптимальной рабочей группы, чтобы формировать команду, которая сможет поддержать, подсказать в трудной ситуации. Очень важно развивать эмпатические способности для формирования навыков оценки изменений эмоционального состояния коллег, для предотвращения развития деструктивных форм поведения и оказания своевременной необходимой помощи.

Гендерные особенности проявления жизнестойкости у курсантов образовательных организаций ФСИН России

Бударина Л.В.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Как показывает практика, не все молодые специалисты по завершению обучения в образовательных организациях ФСИН России оказываются готовы к осуществлению профессиональной деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (далее УИС) вследствие наличия целого ряда стрессогенных факторов – от необходимости общаться со спецконтингентом, до «закрытости» исправительного учреждения. В соответствии с данными, полученными О.Н. Ежовой, ежегодно увольняется до 20 % новоиспеченных сотрудников. Эта проблема обусловлена затяжным характером адаптационного периода выпускников к служебной деятельности, их неготовностью к работе с осужденными (Ежова О.Н., 2015).

Обозначенная проблема указывает на необходимость проведения углубленного исследования, направленного на изучение психологических особенностей формирования жизнестойкости у курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Целью данного исследования было определение гендерных особенностей проявления жизнестойкости у курсантов образовательных организаций ФСИН России (на примере Академии ФСИН России).

Для достижения поставленной цели мы использовали следующий методический инструментарий: анкетирование, наблюдение и психодиагностические методики (тест жизнестойкости Д.А. Леонтьева и Е.И. Расказовой, тест-опросник на стрессоустойчивость Холмса и Раге; фрайбургский многофакторный опросник – FPI).

Исследование заявленной проблематики проводилось на базе Академии ФСИН России в 2015 году. В психодиагностическом обследовании приняли участие 60 курсантов психологического факультета, из них 30 курсантов первого курса и 30 курсантов пятого курса, среди них 37 девушек и 23 юноши в возрасте от 17 до 22 лет.

Проведенное исследование показало, что у курсантов наблюдается средний уровень жизнестойкости, то есть в целом они обладают достаточным уровнем жизнестойкости и ресурсными возможностями для выхода из стрессовых ситуаций, однако им не всегда удается совладать со стрессом. При сравнительном исследовании жизнеспособности курсантов-девушек и курсантов-юношей было выявлено, что итоговый показатель жизнестойкости в группе курсантов-юношей составил 100,40, а у курсантов-девушек – 83,74. Данный факт показывает, что у курсантов-девушек наблюдается более низкий уровень жизнестойкости. Достоверность полученного результата опирается на применение t-критерия Стьюдента, асимптотическая значимость которого была равна 0,02.

Кроме того, в ходе исследования было установлено, что курсанты, не способные выдерживать и эффективно преодолевать стрессовые ситуации, являются в основном представителями женского пола. Они убеждены в том, что вовлеченность в происходящие события не дает им максимального шанса найти нечто стоящее и интересное для развития личности, находятся в стороне от происходящего, имеют высокий уровень эмоциональной лабильности, то есть чересчур ранимы, не способны воспринимать критику в свой адрес, контролировать происходящие с ними события, чувствуют себя беспомощными, скованными и не уверенными в своих силах, а также постоянно ощущают угрозу со стороны окружающих. При возникновении кризисной ситуации такие люди не смогут найти выход из нее и справиться с трудностями, поскольку считают, что повлиять на исход событий невозможно и проще закрыться от общения с окружающими. В дальнейшем это может привести к различным негативным последствиям в психоэмоциональном плане для этих лиц.

В заключение следует отметить, что полученные результаты подтверждают необходимость проведения психологических мероприятий, направленных на повышение жизнестойкости у курсантов-девушек, выработку у них способности преодолевать встречающиеся на жизненном пути трудности, умения справляться со стрессовыми ситуациями.

Литература

1. Ежова О.Н. Профессиональное становление сотрудников уголовно-исполнительной системы // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5. С. 84.
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14

Личностные особенности осужденных с различным уровнем жизнестойкости, отбывающих длительные сроки лишения свободы

Быстрова Т.В.

ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Вологда, Россия)

До настоящего времени нет единого подхода в объяснении причин и особенностей трансформации личности осужденных в условиях изоляции в зависимости от длительности срока лишения свободы. Это связано с тем, что даже понятие «длительный срок лишения свободы» носит дискуссионный характер. Наша точка зрения состоит в том, что критичным для осужденных является длительность срока отбывания наказания свыше 7-10 лет.

В экстремальных условиях у осужденных возникают предпосылки актуализации как жизнестойкости, так и гибкости (resilience) и сопротивляемости (resistance).

В нашем исследовании приняли участие осужденные, отбывающие наказание в виде длительного срока лишения свободы в исправительных колониях УФСИН России по Белгородской, Вологодской, Кировской, Ленинградской, Нижегородской, Свердловской, Ярославской областям, Красноярскому краю, Республике Коми. Применялся комплекс психодиагностических методик: «Тест жизнестойкости» С. Мадди; «Тест смысложизненных ориентаций» Д. Крамбо, Л. Махолика; «Индивидуально-типологический опросник» Л.Н. Собчик; «Тест мотивации достижения» А. Мехрабиана.

В рамках эмпирического исследования было обследовано 246 осужденных мужского пола, отбывающих длительный срок лишения свободы. В местах лишения свободы они находятся впервые. Все респонденты отбывают наказание за особо тяжкие преступления, причем в большинстве своем по статье 105 УК РФ (66,3% от всей выборки) – «Убийство». Возраст респондентов составил от 20 до 58 лет, срок лишения свободы – от 10 до 19 лет.

Нами было выделено 3 группы осужденных в зависимости от признания вины в совершенном преступлении: признали вину (106 человек); не признали вину (89 человек); признали вину частично (51 человек).

По шкале «вовлеченность» «Теста жизнестойкости» значимость различий ($p \leq 0,05$) выявлена между группами осужденных, признавших вину и частично признавших вину в преступлении. По шкалам «контроль» и «жизнестойкость» выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) между группами осужденных, не признавших вину и частично признавших вину в совершенном преступлении. По шкале «принятие риска» выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) между группами респондентов, признавших вину в совершенном преступлении и не признавших вину.

По всем шкалам методики «Тест смысложизненных ориентаций», кроме «локус контроля – жизнь, управляемость жизни», выявлены значимые различия на уровне $p \leq 0,05$ между группами осужденных, признавших вину и частично признавших вину в совершенном преступлении. Показатели по шкале «локус контроля – Я (Я-хозяин жизни)» значимо выше ($p \leq 0,05$) у осужденных, не признавших вину в совершенном преступлении, по сравнению с осужденными, частично признавшими вину.

По методике «Опросник индивидуально-типологических особенностей личности» значимые различия выявлены по шкале «ригидность» ($p \leq 0,01$), показатели которой выше у осужденных, не признавших вину в совершенном преступлении, по сравнению с осужденными, признавшими вину в совершенном преступлении. Между осужденными, не признавшими вину в совершенном преступлении и частично признавшими вину, выявлены значимые различия по шкалам «спонтанность» ($p \leq 0,05$) и «лидерство» ($p \leq 0,05$).

У осужденных, признавших вину в совершенном преступлении, средний показатель по «Тесту мотивации достижения» составил 133,0 балла, у осужденных, не признавших вину – 141,0, у частично признавших вину – 157,0. Во всех группах доминирует стремление избегать неудачи.

Для осужденных с низким уровнем жизнестойкости характерны неудовлетворенность своей жизнью, замкнутость, тревожность, чувствительность к давлению окружающей среды, отсутствие личностно значимых целей, подверженность пенитенциарному стрессу и др.

Осужденным с высоким уровнем жизнестойкости присущи отчетливые цели на будущее, открытость, уверенность в себе, представление о себе как сильной личности, способной контролировать свою жизнь, жизнь воспринимается ими как эмоционально насыщенная и наполненная смыслом.

В качестве перспективных направлений важно отметить изучение жизнестойкости у других категорий осужденных, выявление личностных характеристик, оказывающих на нее воздействие, а также разработку программ коррекционно-развивающего воздействия жизнестойкости осужденных.

Социально-психологический профиль сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные преступления

Гаврина Е.Е.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Хаванова И.С.

ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН России по Нижегородской области
(г. Нижний Новгород, Россия)

Теоретический анализ научных источников по рассматриваемой проблеме обозначил необходимость более глубокого изучения психологических особенностей бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), осужденных

за преступления коррупционного характера (далее осужденные-коррупционеры), выявления истинных детерминант, лежащих в основе совершения такого вида преступлений, с целью формирования на основе полученных результатов профилактических мероприятий, направленных на предупреждение формирования коррупционного поведения.

Анализ социально-демографических данных бывших сотрудников УИС, осужденных за преступления коррупционного характера показывает, что это лица в возрасте от 31 года до 40 лет, состоящие в браке (69%), имеющие высшее образование (89%).

Результаты обследования с помощью 16-факторного личностного опросника Кеттелла показали, что осужденные-коррупционеры демонстрируют высокий уровень общительности, непринужденность, готовность к сотрудничеству, приспособляемость, безконфликтность. Более того, их можно охарактеризовать как личностей достаточно устойчивых и эмоционально зрелых, способных управлять своими эмоциями, постоянных в своих планах и привязанностях.

Изучая профессиональную нравственную надежность осужденных-коррупционеров с помощью методики «Личностный опросник нравственной надежности» (ЛО НН) Стрижова Е.Ю., мы установили, что показатели нравственной надежности находятся у них в пределах нормы.

Проведенный кластерный анализ результатов обследования осужденных по методике ЛО НН позволил выделить два кластера – к первому отнесено 41% осужденных, ко второму – 59%.

Сотрудники, отнесенные ко второму кластеру, имеют нарушения в области нравственной надежности, которые выражаются в отрицании необходимости соблюдения моральных и правовых норм, наличии склонности к авантюризму при решении моральных и правовых проблем.

У осужденных, отнесенных к первому кластеру наблюдаются высокие показатели по следующим шкалам: «признание своей ответственности перед моральными и правовыми нормами», «устойчивость к негативным нормам поведения», «одобрение честности – отрицание обмана и мошенничества», «нравственные основы отношения к труду». Вопрос в том, как такие добропорядочные граждане совершили преступление коррупционного характера? Может быть, их окружение и они сами не относят совершаемые ими коррупционные деяния к разряду чего-то противоправного?

Для установления взаимозависимости склонности к авантюризму и совершения преступления коррупционного характера осужденными мы воспользовались проективной методикой, разработанной Королевой З. «Что за странная картинка» (Королева З., 2005). Практически все обследуемые выполнили задание, и только 7% осужденных-коррупционеров не смогли «включить» свое воображение и дополнить предложенную картинку.

Анализ полученных результатов показал, что 33% обследуемых осужденных-коррупционеров стараются ограничивать свою природную склонность к авантюризму, так как считают, что эта черта характера не доведет их до добра. 25% обследуемых

можно охарактеризовать как лиц, не имеющих склонности к авантюризму, предпочитающих размеренный, упорядоченный труд, приносящий определенную прибыль. 23% обследуемых осужденных не склонны к авантюризму, прямолинейны, откровенны, последовательны и исполнительны, не любят сюрпризы, даже если они приятны. Склонность к авантюризму выявлена у 12% осужденных-коррупционеров, для которых характерно ввязываться во все сомнительные мероприятия и устраивать двоякие сделки.

Проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать вывод о том, что социально-демографические и индивидуально-психологические особенности бывших сотрудников УИС, осужденных за преступления коррупционного характера, оказывают влияние на выбор совершаемого ими преступления.

Литература

1. Королева З. «Говорящий» рисунок: 100 графических тестов. Екатеринбург, 2005. 56 с.

Предупреждение пенитенциарной преступности как одно из направлений деятельности клинического психолога

Дебольский М.Г., Чернышкова М.П., Дегтярева О.Л.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Для мест лишения свободы характерно большое сосредоточение в них подозреваемых, обвиняемых и осужденных с различными видами психических аномалий, не исключающих вменяемости, которые могут иметь криминогенное значение (Чернышкова М.П., Бовин Б.Г., 2004; Бовин Б.Г., Степанова Ю.Н., Суворина Н.Ю., Чернышкова М.П., Трубецкой В.Ф., 2009; Дебольский М.Г., Чернышкова М.П., Дегтярева О.Л., 2015).

Наиболее серьезным следствием любого пограничного психического расстройства является выраженная социальная дезадаптация личности, которая приводит к высокому уровню пенитенциарной преступности.

Анализ ведомственных статистических данных показывает, что общая численность подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в следственных изоляторах (СИЗО) с 2011 по 2015 годы и имеющих зарегистрированные психические и наркологические расстройства, находится в диапазоне от 15,87% до 13,99% и в среднем (за пять рассматриваемых лет) составляет 15,34%.

В исправительных учреждениях (ИУ) и лечебно-профилактических учреждениях (ЛПУ) встречаемость рассматриваемой категории лиц в те же временные периоды несколько меньше: от 20,76% до 11,89% и в среднем составляет 17,78%.

По мнению специалистов по юридической психологии, злостными нарушителями режима содержания и установленного порядка отбывания наказания в абсолютном большинстве случаев становятся лица, страдающие психическими расстройствами (Невский В.В., 1998).

Деадаптирующее значение вышеназванных характеристик подтверждается анализом дисциплинарной практики лиц с психическими аномалиями, который показывает, что от 55,4% до 80,7% из них являются нарушителями режима содержания и порядка отбывания наказания, от 7,5% до 31,6% наносят себе самоповреждения или совершают попытки суицида, от 2,0% до 5,1% состоят на профилактическом учете как склонные к совершению побега (Бовин Б.Г., Степанова Ю.Н., Суворина Н.Ю., Чернышкова М.П., Трубецкой В.Ф., 2009).

В местах лишения свободы распространены аффективные расстройства, которые чаще впервые выявляются в СИЗО, чем в ИУ и ЛПУ (в среднем в 2,86 раза), а также невротические, связанные со стрессом, и соматоформные расстройства – чаще в 1,89 раза.

Люди, имеющие психические расстройства и наркологические заболевания, демонстрируют криминальные модели поведения. Так, лица с расстройством личности, характеризующиеся стабильной социальной дезадаптацией, часто становятся инициаторами конфликтов в среде подозреваемых, обвиняемых и осужденных, зачинщиками и активными участниками массовых беспорядков, а, следовательно, как субъектами, так и объектами пенитенциарной преступности.

Характерные для лиц с умственной отсталостью отсутствие воображения, внушаемость, тенденция подражать окружающим, становятся причиной их участия в массовых беспорядках или соисполнительства различного рода преступлений и других правонарушений. Вследствие тенденции к стереотипизации поведения такие подозреваемые, обвиняемые и осужденные могут неоднократно нарушать режим содержания и установленный порядок отбывания наказания в местах лишения свободы.

Лица, отличающиеся своеобразием и странностями в поведении, достигшими уровня расстройства, в исправительных учреждениях также могут стать объектами преступлений.

Лица с демонстративно-шантажным суицидальным поведением являются индикаторами нарастания социальной напряженности в среде подозреваемых, обвиняемых и осужденных (Невский В.В., 1998). В случае непринятия адекватных мер по их контролю, возможно возникновение чрезвычайной ситуации. Лица, с истинным суицидальным поведением являются непосредственными объектами чрезвычайных ситуаций.

Пенитенциарная преступность является лишь частным случаем криминального поведения. Следовательно, необходимо говорить о значительной роли психических аномалий в формировании противоправного поведения человека вообще. Потому необходимо признать перспективность применения средств и методов клинической психологии в профилактике не только пенитенциарной, а преступности вообще.

Литература

1. Бовин Б.Г., Степанова Ю.Н., Суворина Н.Ю., Чернышкова М.П., Трубецкой В.Ф. Психологическая коррекция осужденных группы риска с использованием методов когнитивно-поведенческой терапии

(криминологический и психотерапевтический аспекты): учебно-методическое пособие. М.: НИИ ФСИН России, 2009.

2. Дебольский М.Г, Чернышкова М.П., Дегтярева О.Л. Психические аномалии, их распространенность среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в следственных изоляторах, и влияние психотравмирующих факторов на адаптацию к условиям изоляции // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 8-4.
3. Невский В.В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. Монография. Республиканский институт повышения квалификации работников МВД России: Домодедово, 1998.
4. Чернышкова М.П., Бовин Б.Г. Распространенность и криминогенность психических аномалий у осужденных, поступающих в исправительные учреждения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2004. № 4.

Некоторые аспекты психологического сопровождения склонных к аутодеструктивному поведению несовершеннолетних осужденных к лишению свободы

Дикопольцев Д.Е.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Проведенное ФКУ НИИ ФСИН России в течение последних нескольких лет теоретическое и эмпирическое исследование позволило обосновать модель коррекционно-профилактической работы с несовершеннолетними осужденными, состоящую из двух динамических взаимоинтегрированных модулей – диагностического и коррекционно-профилактического.

Анализ данных проведенного эмпирического исследования несовершеннолетних осужденных позволил выявить психологические особенности, оказывающие наибольшее сильное влияние на формирование аутодеструктивной мотивации и аутодеструктивное поведение.

В целом, согласно результатам эмпирической части исследования несовершеннолетних осужденных лица, склонные к аутодеструкции, отличаются повышенным эгоцентризмом, агрессивностью и наличием опыта антисоциального поведения. Им свойственны такие качества, как демонстративность поведения, импульсивность в принятии решений, деформация мотивационной и эмоционально-волевой сфер личности.

Эмпирическое исследование и анализ деятельности воспитательных колоний (ВК) позволили сделать вывод о повышенном риске проявления аутодеструкции со стороны несовершеннолетних осужденных в начальный период отбывания наказания, то есть во время адаптации к условиям исправительного учреждения. Также данное явление достаточно часто проявляется на заключительном этапе отбывания наказания,

когда происходит осмысление осужденными дальнейших жизненных планов (о жизни на свободе).

Созданная модель профилактической работы с несовершеннолетними осужденными реализуется на всех этапах отбывания наказания, начиная с момента поступления осужденного в карантин воспитательной колонии.

Фундаментом диагностического модуля является тщательное и всестороннее обследование поступающих несовершеннолетних осужденных. Оно, в свою очередь, лежит в основе рациональных коррекционно-профилактических мероприятий с ними, составляющих второй – коррекционно-профилактический модуль. Его сущность и эффективность заключается в тесном взаимодействии всех служб и подразделений ВК, а также в четкой и грамотной реализации составляющих модуль мероприятий. При этом важную роль играют психологическая и воспитательная, а также социальная и медицинская стороны процесса исполнения наказания.

Таким образом, опираясь на результаты анализа современного состояния психологической практики в отношении несовершеннолетних осужденных, склонных к аутодеструкции, можно сделать вывод, что активизация работы в указанных направлениях позволит стабилизировать психологическое состояние несовершеннолетних осужденных, адаптировать к условиям отбывания наказания. Работа с осужденными на заключительном этапе отбывания наказания, которая может продолжаться как на территории ВК, так и в реабилитационном центре за пределами колонии, позволит сделать процесс их адаптации к условиям жизни в открытом обществе более эффективным.

Психологическая устойчивость как фактор адаптации осужденного к трудным жизненным ситуациям

Дмитриева Л.Г.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия)

Шиняев К.А.

УФСИН России по Республике Башкирстан (г. Уфа, Россия)

Основываясь на анализе научной литературы, психологическая устойчивость понимается нами, как свойство личности, характеризующееся стойкостью, стабильностью, уравновешенностью, соразмерностью, сопротивляемостью (резистентностью), обеспечивающих ей волевую регуляцию к фрустрирующему и стрессогенному воздействиям, которые позволяют сохранять равновесное состояние системы психологической устойчивости за счет глубокого понимания и принятия себя при взаимодействии со средой, позитивной направленности на конструктивное общение в повседневной деятельности, гибкости и пластичности психических свойств индивида, а также его умения самоорганизовать свое поведение.

Социально-психологическая адаптация связана с психологической устойчивостью личности. Если адаптация – это всегда приспособление, то

психологическая устойчивость предполагает стойкость, стабильность, сопротивляемость и так далее. Адаптация – это пристройка к новой ситуации, а устойчивость – переносимость или сопротивляемость к неблагоприятным условиям. Эти явления могут пересекаться друг с другом, проникать одно в другое, так как адаптация, так или иначе, требует от человека устойчивости к стрессогенным факторам, а устойчивость предполагает пристройку к тем или иным условиям среды.

Ряд отечественных и зарубежных психологов (К.А. Абульханова-Славская, И.С. Кон, Г. Олпорт, Т.И. Петракова, В.Э. Чудновский др.), анализируя психологическую устойчивость, пришли к пониманию того, что в этом явлении значимы следующие компоненты: когнитивный, волевой и поведенческий.

Психологическое содержание когнитивного компонента включает в себя понимание и принятие себя и ближайшего окружения, представление о своих возможностях в различных видах деятельности. Психологическое содержание волевого компонента – стабильность, стойкость, сопротивляемость, уравновешенность. Психологический аспект поведенческого компонента характеризуется умением саморегулировать и самоорганизовать поведение в различных стрессовых ситуациях, ориентацией на конструктивное общение в повседневной жизнедеятельности, способностью разрешать межличностные и внутриличностные конфликты.

Учитывая структурную сложность психологической устойчивости личности, мы пришли к мнению, что коррекционная программа должна состоять из этапов, которые содержательно соответствуют компонентам психологической устойчивости. Каждый этап диагностируется с помощью соответствующей методики. Когнитивный компонент измерялся с помощью «Многомерного опросника исследования самооотношения» (С.Р. Пантिलеев), волевой – с помощью методики «Исследование волевой саморегуляции» (А.В. Зверьков и Е.В. Эйдман), поведенческий – с помощью «Опросника межличностных отношений» (В. Шутца, в редакции А.А. Рукавишниковой).

Данная программа проходила апробацию в Центре исправления осужденных (УФСИН России по РБ, г.Уфа), эмпирическая выборка состояла из 20-ти человек (контрольная и экспериментальная выборки, по 10 человек каждая).

Для того, чтобы выявить особенности компонентного состава психологической устойчивости осужденных проведено тестирование.

В когнитивном компоненте в экспериментальной и контрольной группах до проведения коррекционной работы имеются небольшие (незначимые) различия по шкалам «открытость», «саморуководство», «отраженное самооотношение», «самоценность». Это может свидетельствовать о том, что данные группы могут выступать в качестве контрольной и экспериментальной для проведения последующей коррекционной работы. При этом эти шкалы отличаются низкими эмпирическими показателями, что свидетельствует о тенденции испытуемых к закрытости, плохо дифференцированной идентификации. Незначимость различий мы доказываем и статистически, применив непараметрический критерий Манна-Уитни.

Результаты тестирования волевого компонента (до коррекции) также различия носят незначимый характер. Практически отсутствуют различия по шкале

настойчивости, минимальные различия получены по шкале самообладание. При этом все названные шкалы также отличались заниженными показателями. Отсутствие значимых различий также доказана статистически.

Поведенческий компонент психологической устойчивости продемонстрировал, что до коррекции практически не было различий у испытуемых в «Контроле» (Aw, требуемое поведение). Минимальные различия получены по шкале «Включение» (Ie, выраженное поведение), «Контроль» (Ae, выраженное поведение) и «Аффект» (Cw, требуемое поведение), что было доказано статистически. В целом же, по выраженности шкал в обеих выборках также были получены неблагоприятные результаты. Иными словами, испытуемые демонстрируя требуемое поведение, тем не менее, переживают состояние аффекта и стараются его скрыть в своем поведении.

В адаптации до коррекции также не обнаружено значимых различий. Все испытуемые обеих выборок продемонстрировали низкие показатели адаптированности к переживаемой ими ситуации.

Проведя коррекционные мероприятия, выявлены различия по одному компоненту – когнитивному. В экспериментальной группе, по сравнению с контрольной, в большей степени преобладают различия в шкалах «Самоуверенность» ($p = 0,00$) и «Самопринятие» ($p = 0,00$). Эти различия доказаны с помощью критерия Манна Уитни. По другим методикам значимые различия, в том числе, по адаптации, не установлены. Последнее обстоятельство объясняется, по нашему мнению, тем, что адаптация, тем более, к трудным условиям жизни, – процесс длительный. Что же касается различий по когнитивному компоненту, то, по всей видимости, осужденные начинают задумываться над тем, каким потенциалом они обладают, насколько уверены в себе, насколько принимают себя такими, какие они есть. Такая внутренняя работа на самом деле, является началом адаптационного процесса, так как без переосмысления тех обстоятельств, в которых осужденные оказались, невозможно приспособиться, пристроиться к ним, а тем более, им противостоять и преодолевать трудности.

Литература

1. Арзуманян И.Г. Неудовлетворенные коммуникативные потребности как фактор снижения психологической устойчивости личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: психология, социология, педагогика. 2009. № 2-2. С. 51-57.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
3. Гирфатова А.Р. Особенности социально-психологических качеств личности призывников и их адаптации к экстремальным ситуациям // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 3. С. 857-861.
4. Дарвиш О.Б. Психологическая устойчивость как базовая характеристика личности // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 7. С. 362-370.

Особенности проведения специальных психофизиологических исследований кандидатов на службу в уголовно-исполнительную систему

Дурова Е.А.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

В настоящее время остается актуальной задача формирования у специалистов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) высокой профессиональной компетентности.

С этих позиций к будущему сотруднику предъявляются все более высокие морально-этические, физические и интеллектуальные требования. (Нилова Л.А., Кулакова С.В., Дурова Е.А. 2016).

Исследования кандидатов на службу с использованием полиграфа может помочь в решении этого вопроса. Принцип действия специальной психофизиологической диагностики (далее – СПФИ) с применением полиграфа основывается на выявлении эмоционального дискомфорта, который испытывает человек, скрывающий или искажающий эмоционально значимую информацию. Проверки на полиграфе, используемые в интересах повышения качества служебной деятельности путем улучшения отбора кадров, называются скрининговыми. Скрининговые опросы направлены на выбраковку лиц, которые скрыли наличие «факторов риска». (Гайнуллова Т. 2001).

Использование полиграфа позволяет: выяснить, нет ли у кандидата на должность проблем, связанных со злоупотреблением алкоголя, наркотиков и/или сформированной аддиктивной зависимости, состоянием здоровья; выявить информацию о фальсификации документов, об увольнении с предыдущей работы по отрицательным мотивам, о судимости, о существовании связей в криминальной среде.

В УИС идут служить и мужчины, и женщины. Анализ заключений СПФИ кандидатов на службу в УИС показал, что существуют гендерные различия как в процедуре проведения исследования, так и в результатах.

Для анализа были отобраны 60 заключений, сделанных на кандидатов в УИС: 30 заключений на мужчин и 30 – на женщин. По возрасту кандидаты распределились следующим образом: от 20 до 25 лет – 33%, от 26 до 30 – 30%, от 31 до 35 – 33%, от 36 до 40 лет – 5%. Все обследованные имели высшее образование, опыта прохождения проверок с использованием полиграфа не имели.

Согласно результатам анализа можно сделать следующие выводы: среднее количество затраченного времени на одно исследование – 2 часа 30 мин, но на обследование мужчин полиграфолог затрачивает в среднем на 25 минут больше, чем на обследование женщин. В предтестовой беседе мужчины более откровенны, чем женщины (25% и 22% соответственно). Процент скрываемой информации – 24% у женщин, 21% у мужчин. Количество тем, скрываемых при СПФИ, также отличается: у мужчин – 3 темы, у женщин – 5 тем. Наиболее часто встречаемые факторы риска и у мужчин и у женщин – это «наличие расстройств поведения, связанных с

употреблением алкоголя» (10% – у мужчин, 5% – у женщин) и «наличие наркотической зависимости» 10% – у мужчин, 5% – у женщин). Фактор риска – «наличие игровой зависимости» – выявлен только у мужчин. Факторы риска, связанные с искажением биографических данных и наличием заболеваний, скрывааемых при прохождении военно-врачебной комиссии, встречаются в основном у женщин. Факт противодействия СПФИ выявляется чаще у мужчин.

Таким образом, использование полиграфа является быстрым и наименее затратным способом изучения человека. Но данная процедура не заменяет другие методы, которые могут использоваться в этих целях, однако существенно дополняет их и делает их применение более целенаправленным. Полиграф не должен быть единственным, исключительным и эксклюзивным методом профессионального отбора служащих.

Литература

1. Гайнуллова Т. Использование полиграфа (детектора лжи) при работе с персоналом // Управление персоналом. 2001. № 3. С. 26-28.
2. Нилова Л.А., Кулакова С.В., Дурова Е.А. Актуальные проблемы психологического отбора кадров в воспитательные колонии ФСИН России // Новая наука: проблемы и перспективы: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (г. Стерлитамак, 26 июля 2016 г.): в 2 ч. Ч.2. Стерлитамак: АМИ, 2016. 197 с.

Учет особенностей женской преступности при организации профилактической работы с осужденными в пенитенциарном учреждении

Ильин А.В.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

В западной психологии Чезаре Ломброзо был одним из первых, кто начал заниматься изучением женской преступности. Он положил начало систематическому изучению женщин-преступниц и был первый, кто поставил в центр внимания того, кто совершает преступления.

Итальянский криминолог Энрико Ферри, разделяющий взгляды Ломброзо, считал, что женщины по сравнению с мужчинами более жестокие и «упорные» рецидивистки, обнаруживающие меньше раскаяния, чем самые свирепые преступники – мужчины (Ломброзо Ч., Ферреро Г., 1994).

В отечественной психологии рассмотрение проблемы преступности среди женщин и объяснение её причин были посвящены труды М.Н. Гернета. В его работах, вышедших в конце XIX века, обращалось внимание на разницу между мужской и женской преступностью. Гернет отмечал, что она тем значительнее, чем положение женщины резче отличается от положения мужчины, и меньше там, где положение женщины в стране приближается к положению мужчины.

Другой исследователь в области женской преступности В.А. Серебрякова в своих исследованиях отмечала то, что различие преступности по полу следует искать в сложном комплексе социальных факторов, определяющих поведение мужчин и женщин. Эти обстоятельства определяют степень активности женщин, формируют особые черты в их поведении (Серебрякова В.А., 1975).

Особое внимание исследователей привлекали совершаемые женщинами убийства. Среди работ, освещающих данную проблему выделяется книга П.Н. Тарновской о женщинах-убийцах. На основании анализа эмпирического материала П.Н. Тарновская пришла к выводу о том, что имеются некоторые различия антропологического характера между преступницами и не преступницами, а также между отдельными подтипами убийц.

Современное понимание того, что, возможно, послужило причиной преступного поведения женщин, высказывает Ю.М. Антонян в своей работе «Преступность среди женщин» где выделяет причины преступности, связанные со следующими явлениями и процессами: активным участием женщин в общественном производстве; ослаблением главных социальных институтов и в первую очередь семьи, а также социального контроля; возросшей напряженностью в обществе, тревожностью людей, конфликтами и враждебностью между ними; ростом таких антиобщественных явлений как наркотизм, алкоголизм, проституция, бродяжничество и попрошайничество женщин (Антонян Ю.М., 1992).

Таким образом, женская преступность в силу особенностей, присущих ее распространенности, структуре и динамике, природе и причинам, представляет собой самостоятельный объект изучения и предупредительных усилий. Ее специфика связана с причинами как преступности в целом, так и индивидуального преступного поведения женщин, с теми отличительными личностными чертами, которыми они обладают, их местом в системе общественных отношений, социальными ролями и функциями.

Учет этих факторов необходим для организации исправительного воздействия на осужденных в процессе отбывания наказания. В учреждениях уголовно-исполнительной системы, определенных для содержания осужденных женщин, сотрудниками проводится комплекс коррекционных мероприятий, направленных на развитие у осужденных навыков правопослушного поведения. Данную работу в основном проводят сотрудники воспитательных, психологических и социальных служб. При организации комплекса мероприятий, направленных на профилактику рецидивной преступности среди женщин, необходимо учитывать значительное количество факторов: гендерные особенности, степень криминальной зараженности, личностное своеобразие, специфику социального поведения во время отбывания наказания, стремление к обучению и овладению профессиональными навыками, отношение к труду, состояние здоровья и другие. Только при организации такого воздействия на осужденную со стороны сотрудников всех заинтересованных служб учреждения возможно нивелирование причин, влияющих на совершение осужденными повторных преступлений.

Литература

1. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992.
2. Ломброзо Ч., Ферреро Г. Женщина преступница и проститутка. М., 1994.
3. Серебрякова В.А. Преступность среди женщин как объект криминологического изучения. М., 1975.

Социально-психологические особенности, оказывающие влияние на формирование виктимного поведения сотрудников УИС

Комлева Д.П.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

По данным статистики ФСИН России, на 1 октября 2015 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее УИС) содержалось 642 470 человек, совершивших преступления различной степени тяжести. В то же время штатная численность персонала УИС, финансируемого из средств федерального бюджета, составляет 295 963 чел., в том числе аттестованных сотрудников – 225 276 чел. (кроме того переменного состава – 6 662 чел.). Следовательно, в среднем на одного сотрудника, в том числе неаттестованного, идет распределение больше 2000 осужденных без учета переменного состава. Приведенная статистика заставляет задуматься о степени загруженности персонала учреждений УИС и ее последствиях.

С целью всестороннего изучения заявленной проблематики мы провели исследование, направленное на выявление социально-психологических особенностей, влияющих на формирование виктимного поведения у сотрудников ФСИН России. Всего было обследовано 50 человек, из них – 27 курсантов Академии ФСИН России и 23 сотрудника УИС, проходящих заочное обучение в Академии ФСИН России.

В процессе исследования применялись математико-статистические методы обработки результатов эмпирического исследования: корреляционный анализ, дескриптивная (описательная) статистика и Difference tests в Basic statistics.

Результаты обследования с помощью «Фрайбургского многофакторного личностного опросника» показали, что для курсантов и сотрудников характерны такие психологические особенности, как: средний уровень невротизации личности, склонность к спонтанной агрессии, депрессивности, раздражительности, экстраверсии-интроверсии, эмоциональной лабильности. С помощью t-критерия Стьюдента были выявлены статистически значимые различия между курсантами и сотрудниками – слушателями заочной формы обучения по таким факторам, как общительность, уравновешенность, реактивная агрессивность, застенчивость, открытость, маскулинность-феминность.

Результаты по опроснику межличностных отношений (ОМО) В. Шутца показали, что обследуемые и сотрудники, обучающиеся заочно, и курсанты чувствуют себя хорошо среди людей, вне общества они себя не представляют, имеют потребность быть принятыми другими и принадлежать к ним. С помощью t-критерия Стьюдента

выявили статистически значимые различия по шкалам Sw, Aw. Данный факт говорит о том, что сотрудники, обучающиеся заочно, в отличие от курсантов не принимают контроля над собой, а курсанты, наоборот, имеют потребность в зависимости и колеблются при принятии решений, для них характерно установление близких эмоциональных отношений с другими людьми, при этом для них неважно, с кем устанавливается чувственная связь. Сотрудники же, наоборот, очень осторожны в выборе лиц, с которыми создают более глубокие эмоциональные отношения

Результаты обследования по «Методике экспертной оценки предрасположенности работника к несчастному случаю (к виктимному поведению) при исполнении профессиональных обязанностей в экстремальных ситуациях деятельности» (авт. А.И. Папкин, И.А. Папкин) показали, что обследуемые имеют средние показатели по следующим параметрам виктимности: конфликтность, жестокость, повышенная тревожность, им свойственна склонность переживать тревожные состояния по незначительным поводам. Статистически значимые различия наблюдаются у курсантов и слушателей по следующим виктимным показателям: неумеренная склонность к риску, доверчивость, вспыльчивость, которые более выражены у курсантов.

Результаты обследования по опроснику М.А. Одинцовой, Н.П. Радчиковой «Тип ролевой виктимности» показали, что у обследуемых сотрудников имеются высокие показатели по игровому типу виктимности, средние – по социальному типу виктимности.

В процессе проведенного исследования нами было установлено, что существуют статистически значимые различия между курсантами и действующими сотрудниками УИС по следующим компонентам виктимного поведения: неумеренная склонность к риску, доверчивость и вспыльчивость. Проведенный корреляционный анализ показал, что в основе формирования компонентов виктимного поведения лежат следующие детерминанты: состав семьи, в которой воспитывался сотрудник, склонность к жестокости, конфликтность, агрессивность, доверчивость, вспыльчивость, недисциплинированность, физическая слабость, невыдержанность, нарушение правовых норм, тревожность, депрессивность, индивидуальная паника.

Подводя итог, отметим, что для успешной профилактики виктимного поведения необходимы правильная и грамотная психодиагностика и своевременное проведение психокоррекционной работы с сотрудниками УИС и курсантами образовательных организаций ФСИН России.

Проблемы профессионализации психологов УИС

Кулакова С.В.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

По мнению исследователей в области психологии труда (Маркова А.К., 1996), первоначально неблагоприятные условия деятельности и несоответствия между

профессиональными и психологическими возможностями работника приводят к хроническому перенапряжению организма, Это проявляется в развитии профессионального выгорания (далее – ПВ), поскольку отчасти это функциональный стереотип, предоставляющий возможность дозировать энергетические ресурсы. Вопросу выгорания посвящены многочисленные работы зарубежных и отечественных авторов, К. Маслач, С. Джексона, В.Е. Орла, Н. Водопьяновой, Е. Старченковой, В.В. Бойко, Т.В. Копыловой, Т.В. Форманюк и др., однако, проблема несоответствия личностных особенностей условиям деятельности остается до конца не разрешенной. На фоне всевозрастающего интереса к проблеме ПВ немаловажно уделить внимание особенностям профессионализации психологов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), деятельность которых связана с повседневным взаимодействием с людьми, их психофизическими и эмоциональными трудностями. Выделение профессионально-значимых качеств и определение необходимой компетентности психолога УИС (как исследователя, педагога, практика и управленца в одном лице) создаст основу профилактики развития ПВ, что важно для целенаправленного комплектования, дальнейшего формирования и успешного функционирования кадрового состава (Фадеева К.Ф., 2015). Здесь можно выделить три уровня проявления психолога УИС как субъекта деятельности в системе служебных отношений:

Нормативно-ролевой представлен служебным функционированием специалиста, это уровень мировоззренческой/идеологической и социально-ролевой нормированности труда офицера/служащего УИС.

Технологический уровень выделяет собственно пенитенциарную психологическую деятельность: как она задается, разрабатывается, усваивается и осуществляется психологом на рабочем месте (Кулакова С.В., 2015).

Субъективный уровень акцентирует моменты личного психологического восприятия действительности индивидуумом (Бондаренко А.Ф., 2001), а также моменты преломления общественных отношений или/и характера деятельности, отражаемые первыми двумя уровнями, в личности и судьбе конкретного человека – его профессиональное самосознание и идентификация.

Процесс внутренней трансформации компетенций всех уровней формирует новые структуры профессионального и личностного опыта, создается индивидуальный стиль деятельности психолога.

В целом, профилактика ПВ психологов требует совершенствования и разработки по следующим направлениям:

- создание системы наставничества молодых специалистов;
- интеграции в психологическую подготовку и повышение квалификации психологов знаний о сущности ПВ и путях его профилактики;
- организации в территориальных органах Советов супервизоров (Кулакова С.В. с соавт., 2016);
- мониторинга профессионального развития личности психолога, построенного с учетом субъектного опыта и индивидуальных особенностей.

Таким образом, для качественной профилактики ПВ психологов УИС необходима организация сопровождения процесса профессионализации психолога на всех трех уровнях функционирования, построенная с учетом индивидуальных особенностей и опыта работы.

Литература

1. Бондаренко А.Ф. Психологическая помощь: теория и практика. 3-е изд., испр. и доп.: М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 94 с.
2. Кулакова С.В. Проявления синдрома профессионального выгорания у практикующих психологов // Юридическая психология. 2015. № 2. С. 35-38.
3. Кулакова С.В., Нилова Л.А., Чурилова И.А. Супервизорская помощь психологам УИС как одно из основных направлений профилактики профессионального выгорания // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 9 (99). С. 76-79.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Издательство: Международный гуманитарный фонд «Знание». 1996. С.150-151.
5. Фадеева К.Ф., Кулакова С.В. Синдром профессионального выгорания психологов уголовно-исполнительной системы // Материалы научно-практической конференции «Научные дискуссии: тенденции и перспективы развития современного общества». Воронеж, 2015, Т.1. С. 45-50.

Анализ значимых воспоминаний дошкольного периода у несовершеннолетних, совершивших преступление группового характера и состоящих на учёте в уголовно–исполнительной инспекции

Левин Л.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Бокова Н.В.

ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по г. Москве
(г. Москва, Россия)

Одной из концепций, отводящих особую роль первым воспоминаниям человека, является концепция А. Адлера (Адлер А., 1993). По мнению Адлера, первые воспоминания – это фундамент для формирования самооценки, самоотношения и индивидуального стиля жизни. Анализ ранних воспоминаний является наилучшим способом раскрывающим ядро стиля жизни индивида – значения, которое человек придает миру и самому себе, его цели, направленность его устремлений и те подходы, которые он использует при решении жизненных проблем.

Цель исследования – выявление особенностей ранних воспоминаний у несовершеннолетних, совершивших преступление группового характера и состоящих на учёте в уголовно – исполнительной инспекции (УИИ). Выборку составило 25 несовершеннолетних осуждённых, совершивших групповые правонарушения и

состоящие на учёте в УИИ. Возраст испытуемых – от 14 до 17 лет. В полной семье воспитывались 12 человек, а 13 – в неполной семье.

Перейдём к рассмотрению содержания ранних воспоминаний осуждённых. А. Адлер писал, что особое внимание стоит обращать на самое первое воспоминание человека о себе. Среди опрошенных подростков первое воспоминание относится к периоду 3–4 года. Среди всех воспоминаний данного периода подростки отмечали празднование их дня рождения. Данное событие оценивается положительно, т.к. в эти дни собиралась вся семья и уделяла подростку внимание. Для некоторых осуждённых значимым моментом этого периода жизни была помощь родителям в украшении праздничного стола, в результате которой родные похвалили подростка. Но, тем не менее, среди всех осуждённых, 5 осуждённых (20%) в качестве первого воспоминания назвали событие, носящее отрицательную окраску. Данные воспоминания касаются тех моментов, когда подростки участвовали в спектаклях, конкурсах, соревнованиях и т.д., но их не «отметили», т.е. их не похвалили, не заняли призового места и др.

Последующие воспоминания осуждённых относятся к периоду 5-7 лет. Для 13 ребят значимым воспоминанием было посещение детского сада, о котором подростки отзывались с теплотой. Для всех подростков важным было участие в спектаклях, что доставляло им радость. Несмотря на первоначальное волнение, впоследствии все ребята с удовольствием участвовали в данном мероприятии. Остальные осуждённые сказали, что не ходили в детский сад. В этот период ребята находились дома с дедушками и бабушками, а также гуляли с друзьями во дворе. Всё свободное время занимали различные подвижные игры, а также прогулки по месту проживания подростка: двory разных домов, гаражи, спортивные и детские площадки (положительная оценка).

Наименьшую частоту имеют ещё несколько воспоминаний, но также очень значимых для осуждённых. Несколько ребят называли среди значимых событий поездки с родителями за границу (например, в Турцию). Подростки говорили, что им было важно именно то, что они проводили время с родителями, а не сама поездка. Ещё важным моментом из детства ребята называли игры вне детского сада, когда они играли с друзьями на детских площадках. В данном случае, ребята рассказывали о подвижных играх на различных сооружениях, размещённых на детских площадках: горки, качели, лестницы и т.д.

Таким образом, можно сказать, что в ранних воспоминаниях несовершеннолетних осуждённых преобладают события, связанные с родными и близкими (семьёй), а также с друзьями. Исходя из воспоминаний, можно сказать, что наибольшей ценностью для данной категории осуждённых имеют друзья, т.к. в большинстве событий присутствуют ситуации с ними. В дальнейшем авторы планируют продолжить исследование основных детерминант преступного стиля жизни данной категории правонарушителей.

Литература

1. Адлер А. Индивидуальная психология: теория и практика. СПб: Ленинградский Государственный университет, 1993. 107 с.

Лидерство среди несовершеннолетних осужденных

Лихачева С.Н.

ФСИН России (г. Москва, Россия)

Федорова Е.М.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Актуальным для нашего государства и общества продолжает оставаться выработка эффективных мер профилактики и борьбы с преступностью несовершеннолетних. Понимание социально-психологических особенностей возникновения и функционирования преступных групп, изучение социально-психологических характеристик их членов являются одним из важных условий разработки и применения наиболее эффективных приемов и методов профилактики правонарушений.

Данная проблема напрямую затрагивает деятельность уголовно-исполнительной системы. В первую очередь это относится к такой категории осужденных, как несовершеннолетние.

Особое внимание в работе с осужденными подростками уделяется феномену лидерства как одной из детерминант, влияющей на социально-психологический климат в группах несовершеннолетних осужденных и их направленность.

Личность несовершеннолетнего осужденного достаточно глубоко изучалась многими криминологами, психологами, педагогами. Однако, на наш взгляд, проблема лидерства среди несовершеннолетних осужденных исследована не достаточно.

Личностная позиция и статус подростка в исправительном учреждении складываются под влиянием ряда факторов. Нередко межличностные отношения в группах несовершеннолетних осужденных осложнены стремлением отдельных осужденных к лидерству и определяются их негативными личностными качествами, такими как эгоизм, беспринципность и т.п. Такая ситуация может привести к конфликтам, групповым эксцессам, осложняющим исправительный процесс в ВК. В связи с этим важно целенаправленное участие в профилактической работе с лидерами групп несовершеннолетних осужденных как воспитателей, так и психологов, социальных работников и других сотрудников ВК.

Для того чтобы эффективно влиять на общение несовершеннолетних осужденных в неформальных группах, сотрудникам ВК важно знать позиции всех членов группы, а так же характеристики и особенности всех «ступеней» групповой иерархии. Функция лидера в группе несовершеннолетних осужденных подразумевает планирование, определение путей и способов достижения целей группы, контроль за внешними и внутренними связями и др. Опытные сотрудники исправительных учреждений знают, что если найти подход к лидеру, можно управлять всей группой. Для выявления лидера необходимо знать психологические характеристики, свойственные таким лицам, например, наличие организаторских способностей, умение манипулировать осужденными, подчинять их своему влиянию, развитые волевые

качества и др. Переориентация лидера группы, проведение с ним индивидуально-профилактической работы может оказать положительное влияние на направленность всей группы несовершеннолетних осужденных.

Представление работников ФСИН об интерактивной позиции сотрудников и осужденных

Лукьянченко Н.В.

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева» (г. Красноярск, Россия)

В логике гуманизации Российского общества и государственности идеология пенитенциарной системы всё больше ориентируется на приоритетность не столько наказания, сколько ресоциализации. Воплощение этой миссии во многом связывается с работой сотрудников ФСИН. Предполагается что сотрудник ФСИН способен оказывать на осужденных действенное благотворное влияние.

Учитывая, что мотивация и поведение человека во взаимодействии зависят от того, на какую субъективную картину он опирается, было проведено исследование представлений работников ФСИН о типичных позициях (устойчивых характеристиках поведения и отношения), занимаемых во взаимодействии самими работниками ФСИН и осужденными.

Респонденты – 40 сотрудников отделов охраны и безопасности ФСИН Красноярского края. Методики: «Диагностика межличностных отношений» (ДМО) Т.Лири и авторский вариант методики «Незаконченные предложения», включающий 8 высказываний об особенностях взаимодействия.

Работники ФСИН заполняли методики в двух вариантах: в первом характеризую позицию сотрудников во взаимодействии с осужденными, во втором - позицию осужденных во взаимодействии с сотрудниками.

Результаты ДМО показали, что отношение сотрудников к осужденным в оценках работников ФСИН характеризуется предельно низкими показателями альтруистичности и слабо выраженным дружелюбием. Умеренно выражены подчиняемость, зависимость и авторитарность. Особенно высоки значения шкал эгоистичности, агрессивности и подозрительности. Последняя имеет экстремально высокий показатель, относящийся в нормативах методики к патологическому уровню.

В оценках, данных осужденным, показатели альтруистичности невысоки, но в 2,5 раза выше, чем в оценках, данных сотрудникам. Подчиняемость, зависимость, дружелюбие, подозрительность – выражены. Высокие, но менее, чем у сотрудников, показатели авторитарности, эгоистичности и агрессивности. Показатели авторитарности (характеризует лидерскую позицию, стремление и способность брать на себя ведущую роль во взаимодействии) в оценках осужденных, в отличие от сотрудников, высокие.

Данные проективной методики показали: в представлении респондентов, основные усилия сотрудников ФСИН направлены на удержание взаимодействия в

нормативных рамках, а поведение осужденных в значительной части провокационное. Осужденные нуждаются в понимании и поддержании чувства значимости, но эти потребности не являются основанием для того, чтобы с ними считались или использовали как опору в воспитательной работе, ведь для получения ощущения значимости осужденные используют манипулятивные средства.

Таким образом, в представлении работников ФСИН позиция сотрудников характеризуется скорее как реактивная, заостренно сконцентрированная на ограниченном числе интерперсональных тенденций, проявляющихся с высокой степенью интенсивности. Ведущей стороной, обладающей широким диапазоном вариативности интерперсональных тенденций, является сторона осужденных. Их интерактивная позиция в представлении работников ФСИН является более ресурсной, чем позиция сотрудников.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости предоставления работникам ФСИН психологической помощи, направленной на снижение уровня субъективного напряжения во взаимодействии, изменение пассивно-оборонительной позиции на более активную и действенно-воспитательную, формирование чувства коммуникативной ресурсности и способности целесообразного использования широкого диапазона средств взаимодействия.

Работа выполнена при поддержке Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности и Российского государственного научного фонда в рамках проекта №16-16-24022/16.

Пенитенциарный стресс: особенности оказания психологической помощи с учетом уровней эмоционального реагирования личности

Мельникова Д.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Проблема стресса достаточно глубоко изучена в общей, экстремальной, организационной психологии. Однако в юридической и пенитенциарной психологии проявление стресса не получило столь широкого освещения. Пенитенциарный стресс, как правило, может оказывать негативное влияние на здоровье человека, отбывающего наказание, способствовать различным деструктивным проявлениям, в некоторых случаях влиять на способность индивида адекватно оценивать ситуацию и прогноз ее развития. Соответственно, актуальным становится исследование взаимосвязанных со стрессом реакций и особенностей оказания психологической помощи в данном состоянии.

В этой связи, целью нашей работы стало выявление особенностей оказания психологической помощи осужденным при пенитенциарном стрессе с учетом уровней эмоционального реагирования личности.

Мы разделяем позицию ряда авторов (Бабурин С.В., 2014, Ермасов Е., 2009, Сандамирский М.Е., 2001, Чирков А.М., 2010), что пенитенциарный стресс – это

субъективная реакция, представляющая комплекс психологических переживаний личности, оказавшейся в условиях изоляции, на стрессоры в виде факторов пенитенциарной среды.

В проведенной исследовательской работе удалось выявить три основных уровня эмоционального реагирования: витальный, мотивационно-ценностный, рефлексивный.

На витальном уровне реагирования основной задачей станет обучение техникам самоконтроля и саморегуляции, так как реакции здесь слабо контролируются, соответственно могут легко переходить в более глубокие и сложные состояния. Психологическая помощь в этой ситуации предполагает использование приемов эмпатии. Дальнейшая работа может быть затруднена, так как осужденным, на данном уровне реагирования, проблема, как правило, не осознается. Следующей нашей задачей является развитие навыков рефлексии у данной группы осужденных. Это позволит осуществлять работу с когнициями, прорабатывать иррациональные убеждения, чувства и эмоции связанные с этим, выстроить цели и планы на будущее.

На мотивационно-ценностном уровне реагирования, реакции осужденных отличаются большей когнитивной сложностью реагирующего субъекта, поскольку на первый план выходит целеполагание и соответствующая мотивация, соответственно, здесь чаще всего проявляется состояние фрустрации. Таким субъектам, первоначально, необходимо отреагировать актуальное состояние, соответственно здесь подойдут проективные методы. Далее следует проработать систему ценностей, иррациональные убеждения, планы на будущее и эмоции, связанные с каждым из возникающих состояний.

Третий уровень – рефлексивный. Работа с такими осужденными представляется наиболее простой (в отличие от двух предыдущих уровней). В данном случае развитые навыки рефлексии позволяют приступить непосредственно к проработке установок, осознаваемых эмоциональных состояний.

Изложенные выше теоретические подходы нашли отражение в разработанной нами психопрофилактической программе оказания психологической помощи осужденным, испытывающим состояние пенитенциарного стресса.

Литература

1. Бабурин С.В. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. Вологда: Издательство Вологодского института права и экономики ФСИН России. 2014. № 1 (25). С. 46-50.
2. Ермасов Е.В. Психологический стресс в условиях изоляции // Развитие личности. 2009. №2. С. 84-99.
3. Сандомирский М.Е. Психологическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных. Уфа: Изд-во Здравоохранение Башкортостан, 2001. 88 с.
4. Чирков А.М. Пенитенциарный стресс //Актуальные вопросы психологии, педагогики, социальной работы. 2010. № 9. С. 47-55.

Направления работы по изменению «Я-концепции» несовершеннолетних осужденных

Нилова Л.А.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Сотрудники исправительных учреждений исполняющих наказания постоянно сталкиваются с трудностями формирования позитивных убеждений и социально-приемлемого поведения у осужденных. Один из психологических подходов, направленных на решение этой проблемы является изменение Я-концепции человека, нарушившего закон. Наиболее сенситивен к работе над развитием самопознания, самоотношения, саморегуляции – это подростковый возраст, так как в этот период идет активное становление личности и построение комплексного представления о себе – Я-концепции.

Если рассматривать Я-концепцию человека, как совокупность всех представлений человека о себе, то Я-образ – это результат самопознания (когнитивный компонент), который чаще всего формируется на основе сравнения себя с другими людьми. Самооценка – это эмоционально окрашенная оценка этого представления (аффективный компонент), отражающая отношение к Я-образу. Она формирует различные формы поведения и регулирует их (регулятивный компонент).

Внешнее неблагополучие (в семье и школе), отражается в искажении содержания и строения личности. Проблемы личности корнями уходят в прошлое, но решение их может быть только в настоящем (Глассер У., 1991). Поэтому для формирования компонентов личности, необходимых для ее социализации в будущем, осужденный, находясь в местах лишения свободы, должен получить то, что не имел до осуждения, например, позитивные знания о себе. Для этого вся атмосфера в колонии должна быть воспитывающей (Нилова Л.А., 2016). Эффективность коррекционного воздействия на воспитанников колонии можно увеличить, если направить его на развитие Я-образа осужденных, самопринятия и способности к саморегуляции (Раева В.М., 2000).

Развитие когнитивной составляющей Я-концепции несовершеннолетних осужденных, предполагает расширение знаний воспитанников о себе, смещение акцента с внешних параметров на личностно-характерологические качества, выполнение упражнений направленных на включение в самоописания собственного имени; проработку непрерывности психологического времени.

Развитие аффективных (эмоционально-оценочных) особенностей Я-концепции правонарушителей включает поднятие уровня самоуважения и степени самопринятия у несовершеннолетних осужденных. Кроме того, самооценку несовершеннолетних правонарушителей важно «раскрасить» эмоциями, независимо от их знака.

Коррекция регулятивной сферы Я-концепции требует значимой проработки уровня самоактуализации, замены преобладающего экстернального локуса контроля на

интернальный, усложнение и разнесение Я-образов: Я-реального, Я-идеального и Я-ожидаемого.

Внутренний образ себя и потребности управляют поведением человека (Глассер У., 1989). Воспитанник, осознавший свое право на выбор «быть несчастным» или «быть счастливым», получает опору для поиска нового поведения, приносящего удовлетворение имеющихся потребностей. Работа сотрудников над созданием и расширением положительных Я-образов у подростков, находящихся в воспитательной колонии, создает основу для их развития, как личности в период отбывания наказания и готовит к ресоциализации в обществе.

Литература

1. Глассер У. Терапия реальностью [Электронный ресурс] // ППП «Страдис». URL: www.страдис.рф/Library/Reality_Therapy_by_William_Glasser.pdf (дата обращения: 14.09.2016).
2. Глассер У. Школа без неудачников: пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 184 с.
3. Нилова Л.А., Полякова Я.Н. Некоторые проблемы исполнения наказаний в ВК // Материалы межвуз. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний» (г. Рязань, 27 апреля 2016 г.). Рязань, 2016. 392 с.
4. Раева В.М. Особенности Я-концепции несовершеннолетних правонарушителей: дисс. ... канд. псих. наук. М., 2000. 174 с.

Проблемы этнопсихологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы

Павлова М.В.

ФКУ ИК-4 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Актуальность данной темы обеспечивается несколькими факторами. Во-первых – это общие процессы усиления миграционных потоков и рост числа межэтнических контактов, на сегодняшний день еще и наращивание националистических идей и межэтнических противостояний. Второе, как следствие общих процессов, рост числа этнических осужденных в местах лишения свободы. Необходимо отметить, что некоторые из этих осужденных являются сторонниками крайних радикальных убеждений, следовательно сотрудникам необходимо обладать высоким уровнем квалификации для работы с вышеуказанной категорией лиц. «Криминальные конфликты, возникающие на почве взаимоотношений осужденных, представляющих разные национальные группы, являются мощным фактором дестабилизации обстановки в исправительных учреждениях» (Карькина Н.Н., 2010). Следовательно, третье – это особенности поведения этнических осужденных в местах лишения свободы. Так, «для этих групп характерно вызывающее поведение по отношению к остальным осужденным. 91,3% заключенных иностранцев проявляют несдержанность и неспособность идти на компромисс даже в неконфликтной ситуации. Отмечается,

что 95,5% мигрантов не поддерживают контактов с администрацией учреждения и чаще других арестантов нарушают режим и получают взыскания. 32,7% осужденных граждан из стран СНГ являются злостными нарушителями режима» (Известия, 2015). Следовательно, становится очевидным, что для сотрудников уголовно-исполнительной системы России (далее УИС) важно обладать необходимыми навыками работы с вышеуказанной категорией осужденных.

Интерес к криминально-этническим и межкультурным проблемам, связанных с деятельности правоохранительных органов, начал проявляться с 1980-х годов, т.к. в силу глобализации экономики и миграционных процессов возросла межэтническая напряженность, разобщающая людей и ведущая к росту преступности. Это повысило интерес к проблеме профессиональной этнопсихологической компетентности сотрудников полиции, а также учета межкультурной специфики в деятельности тюремного персонала (Нектор Н., 1981; Hart D., 1982; Kozielski J., Dymkowsky M., 1986; Damon W., 1987 и др.). Проблеме толерантности в деятельности органов внутренних дел и улучшения межэтнического общения посвящены работы В.И. Гладких, А.И. Овчинникова, В.И. Полетухина, С.Н. Новикова, Ж. Брука, Ж. Перена и др. Проблематика этно-национальных отношений, обуславливающих возникновение конфликтных ситуаций в среде осужденных, затрагивались в публикациях ряда юристов (Ю.М. Антонян, К.К. Горяинов, В.С. Жеребин, Н.Н. Карькина, В.М. Морозов и др.). Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления на монографическом уровне изучалась А.В. Сухаревым и А.П. Чулисовой (2013).

Этнопсихологическая компетентность сотрудников ФСИН России является частью профессиональной компетентности и включена в базовую структуру компетентностей, которые обеспечивают необходимый уровень профессионализма сотрудника. По существу, этнопсихологическая компетентность является интегративным образованием, имеющим четырехкомпонентную структурно-уровневую организацию.

В 2014-2015 годах мы проводили исследование этнопсихологической компетентности сотрудников пенитенциарной системы с целью поиска путей её оптимизации. В исследовании приняли участие около 50 регионов России, имеющие разный уровень этнической напряженности (от очень высокого до низкого). Выборка составила 928 человек – из них 50%, это сотрудники имеющие высшее образование (офицеры) и 50%, сотрудники имеющие среднее или среднеспециальное образование (рядовой состав). Сотрудники представляли направления деятельности, непосредственно связанные с контактами с осужденными – воспитательный отдел, оперативный отдел, социальные работники, психологи, отделы безопасности и режима. Из них 297 человек (32%) это женщины и 631 человек (68%) это мужчины.

Исследование базировалось на современных принципах организации и реализации социально-психологических исследований: системности, социокультурной обусловленности, целостности, детерминизма, развития.

В ходе констатирующей части вышеуказанного исследования были выявлены некоторые неблагоприятные аспекты:

- у сотрудников имеется слабый интерес к культуре других народов, выявлен низкий уровень профессиональной мотивации относительно расширения компетентности в области межэтнических отношений;

- большинство сотрудников (83%), согласно опроса, готовы работать с осужденными другой национальности, однако не способны предложить пути решения проблемы осужденного способами, не противоречащими его культуре и этническим особенностям;

- уровень своих знаний, умений и навыков в области этнопсихологии 65,7 % сотрудников имеют низкий;

- выявлен низкий уровень компетентности сотрудников УИС в области решения этнопсихологических конфликтов осуждённых, осложненных этническим компонентом.

Данные результаты подтвердили необходимость создания программы повышения и развития этнопсихологической компетентности сотрудников УИС России. При этом необходимо понимать, что данная программа должна учитывать тот факт, что сотрудникам пенитенциарной системы при развитии толерантности как элемента этнопсихологической компетентности необходимо не просто повышать общий уровень, а развить его только до момента обеспечивающего необходимый профессионализм, т.к. очень высокий уровень развития толерантности создает угрозу для повышенной эмоциональной восприимчивости осужденного сотрудником. Чем же это угрожает? Конечно риском возникновения внеслужебных связей, потому что создает угрозу манипулятивного воздействия со стороны этнических осужденных, которые могут преследовать криминальные цели.

Следовательно, среди проблем этнопсихологической компетентности сотрудников УИС основными являются отсутствие мотивации развития, низкий уровень общего развития всех элементов этнопсихологической компетентности (когнитивного, деятельного, эмотивного, оценочного) и необходимость учета профессиональных рисков при создании программы повышения уровня этнопсихологической компетентности.

Литература

1. Возженикова О.С. Переговорная компетентность руководителей органов внутренних дел и психологические пути ее совершенствования: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004.
2. Карькина Н.Н. Обеспечение безопасности осужденных-представителей этнических групп от криминальных угроз в местах лишения свободы. Рязань, 2010.
3. Петелин Г., Раскин А. К мигрантам за решеткой найдут особый подход [Электронный ресурс] // Известия, 17.02.2015. URL: izvestia.ru/news/583096 (дата обращения: 20.10.2016).

Просоциальное соучастование в механизме исправления несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях

Поздняков В.М.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (г. Москва, Россия)

В последнее десятилетие руководством ФСИН России предприняты усилия по реформированию исправительных учреждений для несовершеннолетних осужденных. Однако беседы с сотрудниками воспитательных центров свидетельствуют, что при поддержке ими гуманистической направленности реформ, выраженной в создании прежде всего «очеловеченных условий отбывания несовершеннолетними наказания», ими недостаточно осознается новая пенитенциарная идеология и соответственно предпринимаются усилия по изменению обращения с воспитанниками. Иначе говоря, создав с ориентацией на требования международных правовых актов внешне комфортные бытовые условия для воспитанников (или по А. Маслоу, обеспечив удовлетворение первичных потребностей человека), психотехнически не продуманы меры по их целенаправленному просоциально-личностному росту (или по А. Маслоу, актуализации потребностей более высокого уровня – причастности, признания, самореализации). Последнее может быть достигнуто, на наш взгляд, только с привлечением к исправительной работе с несовершеннолетними осужденными институтов гражданского общества, специалисты которых могут способствовать реализации разноплановой «направляющей просоциальной помощи», крайне важной для их исправления и ресоциализации.

Расширение форм просоциального коллективного соучастования воспитанников постоянно стремился обеспечить в пенитенциарно-педагогической практике А.С. Макаренко. На необходимость дополнительных «помогающих отношений» в исправительной работе с несовершеннолетними преступниками указывал и выдающийся психолог Карл Роджерс, имевший 12-летний опыт психотерапевтической практики в исправительном учреждении «Институт направляющей помощи детям» (г. Рочестер, штат Нью-Йорк, США). Данные ориентиры ими избраны в связи с тем, что в работе с несовершеннолетними преступниками отстаивалась необходимость обеспечения «устремленности подростков к будущему».

Так, А.С. Макаренко уже в начальный период руководства Полтавской колонией убедился, что в исправительной практике надо «не застревать» на преступном прошлом воспитанника, а создавать в их среде «пафос устремленности к будущему». В этой связи он в письме писателю Максиму Горькому писал: «Мне удалось добиться того, что нам даже характеристик и дел не присылают, просто никому не интересно... однако между хлопцами вывелись разговоры об их уголовных подвигах, всякого нового колониста встречает только один интерес: какой ты товарищ, хозяин, работник?». Разноплановые условия реализации воспитанниками «устремленности к будущему» были созданы А.С. Макаренко в Коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, когда его подопечным были предоставлены возможности участия в высокотехнологическом

труде, проявления творчества в учебе, художественной самодеятельности и пр. Как отмечают современные исследователи, А.С. Макаренко на основе создания особой социокультурной среды обеспечил процесс исправления подростков и, прежде всего, в аспекте их успешной ресоциализации – возвращения в открытое общество. Учитывая, что среди воспитанников А.С. Макаренко не было рецидива преступных деяний, крайне важно, чтобы сегодня при модернизации воспитательных колоний использовался не только силовой, основанный на праве регулятор, но и создавалась возможность расширения в них социокультурного пространства, чтобы не происходило дальнейшего «выпадения» несовершеннолетних осужденных из общества».

Как известно, методология клиент-центрированной психотерапии, разработанной Карлом Роджерсом, состоит в том, что динамические процессы глубинного изменения личности базируются на помощи со стороны психолога, отвечающей следующим условиям: безусловное, безоценочное принятие другого как индивида, имеющего ценность; эмпатийное понимание переживаний другого, которое дает возможность видеть личный опыт человека с его точки зрения; искренность терапевта, основанная на знании жизни, и содействие в личных встречах с клиентом выработке им направлений дальнейшей самореализации (общеобразовательной, профессиональной и др.).

К. Роджерс вышеуказанные условия рассматривал как «помогающие отношения в обращении с трудным подростком», т.к. они способствуют становлению последнего более социализированным и зрелым в аспекте самоуправления и самореализации.

С опорой на позиции А.С. Макаренко и К. Роджерса, а также с учетом материалов проведенных историографического и компаративного исследований нами была обоснована концепция просоциального соучастования в исправлении осужденных. Она базируется на принципах субъектно-соучаствующей методологии, разработанной в противовес объектно-деятельностной парадигме, доминировавшей в XX столетии в научных исследованиях отечественных ученых и в пенитенциарной практике, а её суть состоит в полноценном учете психологических закономерностей и механизмов просоциальной трансформации личности и групп осужденных в местах лишения свободы на основе включения их в разноплановые исправительные программы. Данные программы (режимно-дисциплинирующего, социально-правового, нравственно-духовного, образовательного, трудового, психологического, досугово-бытового и иного характера) должны разрабатываться с учетом личности осужденных и психодинамики их субъектной активности на разных этапах отбывания наказания, а осуществляться не только усилиями персонала колонии, но и путем широкого привлечения институтов гражданского общества и внешних специалистов «профессий помогающего типа».

Реализация субъектно-соучаствующего подхода в обращении с осужденными требует повышения социально-психологической компетенции сотрудников и формирования у различных категорий персонала новых профессионально-ролевых позиций, т.к. ведущей задачей их взаимодействия с несовершеннолетними

осужденными выступает гармонизация личностного подхода и традиции использования мер коллективного воспитания. В связи с этим начальники отрядов ВК при реализации организационно-управленческих функций должны выступать «партисипативными менеджерами». Социальные работники, обеспечивающие привлечение институтов гражданского общества к исправительной деятельности в ВК и к социальной реадaptации отбывших наказание в постпенитенциарный период, должны занять позицию «социального адвоката» (от лат. *advocare* – призывать на помощь). Штатные психологи должны не только реализовывать базовые мероприятия по психодиагностике и психокоррекционной работе с осужденными, но и выступать в повседневном взаимодействии в качестве «коучей», т.е. людей, способных оказывать поддержку в просоциальном личностном росте.

В заключение представляется важным отметить, что концепция просоциального соучастования в исправлении осужденных соответствует задачам, содержащимся в Концепции реформирования УИС России до 2020 года, а поэтому ее реализация, обеспечивая социокультурный аспект модернизации пенитенциарной практики с широким привлечением институтов гражданского общества, в полной мере отвечает духу международных стандартов обращения с лицами, лишенными свободы.

Самодетерминизм осужденных в процессе их самоисправления

Строева Г.В.

АНО «Центр антикриминального просвещения и социальной реабилитации правонарушителей «Криминон» (г. Москва, Россия)

Исправление осужденного предполагает позитивные личностные изменения. Однако они невозможны без активности самого индивида. Поэтому мы полагаем, что исправление осужденных осуществимо только посредством их самоисправления в специально созданных условиях. С нашей точки зрения, этот процесс может быть успешным при наличии и расширении самодетерминизма со стороны исправляющегося субъекта.

Однако вопросы самодетерминации в пенитенциарной педагогике не ставятся, за исключением наших исследований (Строева Г.В., 2015), поэтому для разработки этой проблематики мы обратились к работам в области пенитенциарной психологии.

Анализ исследований показал:

- в теоретических построениях широко представлены положения теории самодетерминации (Deci E.L., Ryan R.M., 2000), но в основном эта теория рассматривается в контексте психотерапевтической работы с осужденными, имеющими различные аномалии, и профилактики преступлений (Клымкив, Р.И. 2015; Савельева Т.И., 2015; Millward L., Senker S., 2012 и др.) и практически нет исследований относительно методологии исправительной работы с взрослыми осужденными, находящимися в местах лишения свободы;

- исследователи не всегда точно воспроизводят суть теории самодетерминации, усекая ее, тогда как в теории выделяется три компонента – автономия, компетентность, связанность с другими людьми;

- в построениях остается открытым ряд вопросов, например, является ли способность к самодетерминации врожденной или приобретенной.

Поскольку в самоисправлении необходимо добиться изменения качеств личности и состояния исправляющегося субъекта, а также расширения его деятельностной активности, то в нашей теории самоисправления осужденных более корректно использование понятия «самодетерминизм».

Морфолого-семантический анализ слов «самодетерминация» и «самодетерминизм» дает основание для вывода о том, что понятие «самодетерминация» в большей мере относится к процессу и результату, а «самодетерминизм» – собственно к теории либо к качествам, склонностям, действиям и состояниям самого субъекта. Такого рода анализ также дает основание заключить, что само слово «самодетерминизм» в большей мере соответствует педагогическому исследованию.

Самодетерминизм предстает врожденной способностью человека, которая должна развиваться в процессе самоисправления.

Условия развития самодетерминизма:

- наличие учебных материалов, в которых отражена значимость самоисправления и любых сообщаемых сведений для будущей благополучной жизни осужденного на свободе;

- создание гуманной среды в исправительном учреждении (ИУ);

- компетентность организаторов процесса, которые способны обеспечить необходимые условия;

- повышение гуманистичности позиций всех субъектов исправительного процесса, а не только сотрудников ИУ;

- формирование однонаправленности усилий всех субъектов исправительного процесса – сотрудников/работников ИУ, волонтеров, родственников осужденных, самих осужденных и иных лиц.

Литература

1. Клымкив Р.И. Особенности психокоррекционной работы с условно осужденными лицами // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015. № 10. С. 135-146.
2. Савельева Т.И. К понятию личностной автономии осужденных // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2. С. 167-170.
3. Строева Г.В. Педагогические основы самоисправления личности в образовательной практике исправительных учреждений. М.: ИД «НАУКА», 2015. 244 с.
4. Deci, E.L., Ryan, R.M. The “What” and “Why” of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11, No. 4, Pp. 227-268.

5. Millward, L., Senker, S. Self-determination in rehabilitation: a qualitative case study of three young offenders on community orders // The British Journal of Forensic Practice. 2012.Vol. 14 Iss: 3, Pp. 204-216.

Представления неоднократно судимых женщин о субкультуре мест лишения свободы

Сучкова Е.Л.

ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Вологда, Россия)

В пенитенциарной психологии подавляющее большинство исследований по изучению субкультуры мест лишения были проведены в колониях для осужденных мужчин, гендерный аспект данной проблемы, как правило, не освещался. В условиях роста рецидивной преступности становятся актуальными знания о том, каким образом неоднократно судимые осужденные женщины воспринимают субкультуру мест лишения свободы. Это позволяет разработать меры профилактики «тюремнизации» сознания данной категории осужденных.

Эмпирическое исследование проводилось на базе исправительной колонии общего режима УФСИН России по Вологодской области, в нем приняли участие 60 осужденных женщин, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы. Для сбора эмпирических данных были разработаны планы нестандартизированного интервью по изучению представлений неоднократно судимых осужденных женщин о субкультуре мест лишения свободы и нарративного интервью по изучению обстоятельств жизни респонденток, связанных с субкультурой мест лишения свободы.

Большинство (68,1%) опрошенных женщин на вопрос о том, какие существуют нормы и правила в среде осужденных женщин и чем они отличаются от норм и правил мужских колоний, заявили, что в колониях для осужденных женщин неформальные нормы и правила несколько разнятся («на мужских колониях присутствуют понятия, а на женских – нет»; «мужские колонии делятся на три вида норм: люди, придерживающиеся криминальных законов; люди, живущие по правилам внутреннего распорядка, люди, не касающиеся не той, не другой стороны. В женской колонии люди придерживаются правил внутреннего распорядка, просто есть положительно характеризующиеся, а есть отрицательно характеризующиеся...»).

Более половины опрошенных женщин (54,8%) сообщили, что к обычаям и традициям в местах лишения свободы они относят совместный досуг, проведение праздников. Треть опрошенных (34,9%) указали также правила, связанные с прибытием «новичка», взаимодействием с другими осужденными. Фрагмент интервью: «Как правило, у мужчин как за вновь прибывшим закрывается дверь, идет “прогон” – это выяснение кто он? У женщин все намного проще: зашла в камеру, как правило, тебя все знают или о тебе наслышаны». Подавляющее большинство респонденток указали на то, что в женских колониях присутствуют следующие

элементы тюремной субкультуры: использование кличек, общение на тюремном жаргоне с использованием специальных «шифровок».

В ходе нарративного интервью осужденными женщинами были рассказаны 123 истории из жизни, связанные с субкультурой мест лишения свободы. Анализ центральных тем, представленных в историях, позволил выделить чаще всего встречающуюся тему. Это истории, связанные со знакомством с тюремной субкультурой в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, которое происходило посредством взаимодействия с лицами, ориентированными на соблюдение правил и норм тюремного сообщества («мне встретились бывалые осужденные», «в колонии есть люди их называют «сидельцами», которые тебе объясняют, что можно, а что нельзя»).

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в колониях для ранее судимых женщин присутствуют элементы субкультуры мест лишения свободы, основными «трансляторами» ее традиций, норм и правил поведения являются осужденные женщины, имеющие соответствующий криминальный опыт. При этом многократно судимые осужденные женщины, как правило, не афишируют свою приверженность к тюремной субкультуре, чтобы не привлекать внимания со стороны администрации исправительного учреждения. Для противодействия криминальному заражению психолог исправительного учреждения может использовать социально-психологические методы изучения среды осужденных, позволяющие выявить лиц, ориентирующихся на ценности тюремной субкультуры. Необходима организация комплексной систематической деятельности по повышению общекультурного уровня и формированию у осужденных женщин потребности в личностном росте, осознанной смысловой регуляции жизненного пути.

Психологическая профилактика профессиональных деструкций сотрудников УИС

Федорова Е.М.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

На современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) руководство ФСИН России акцентирует внимание на необходимости своевременной профилактики деструктивных явлений среди сотрудников учреждений и органов, исполняющих наказания, возникающих в результате выполнения ими оперативно-служебной деятельности.

Проблемы психологической профилактики профессиональных деструкций, в том числе сотрудников УИС, исследовались такими учеными, как Б.Г. Бовин, А.А. Васищев, В.П. Вахов, М.Г. Дебольский, В.М. Демин, М.М. Ицкович, С.А. Калашникова, А.В. Кокурин, И.В. Колос, О.В. Крапивина, М.В. Левочкина, Н.А. Лопушанская, В.С. Медведев, А.И. Мокрецов, В.М. Поздняков, О.А. Рожков, М.А. Черкасова и др.

Профессиональные деструкции являются постепенно накопившимися изменениями сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающимися на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности. В психологии труда выделяют пять основных видов профессиональных деструкций: профессионально обусловленные акцентуации; профессиональные деформации личности; профессиональная некомпетентность; выученная беспомощность; профессиональное отчуждение.

Психологическая профилактика и коррекция профессиональных деструкций сотрудников УИС включает ряд направлений: применение личностно-ориентированных технологий; первичная психологическая профилактика; психологическое консультирование; психологическая коррекция.

Психологическая профилактика профессиональных деструкций сотрудников УИС может проводиться в форме индивидуальной и групповой работы. В групповой работе используются такие методы, как лекции-беседы, групповые практические занятия, тренинги и др. Форма тренинга выделяется как наиболее активное средство личностно-позиционного обучения. Анализ практики психологической работы в УИС показывает, что наиболее актуальным психокоррекционным мероприятием является тренинг по обучению сотрудников УИС методам осознанной психологической саморегуляции, включающий аутогенную и идеомоторную тренировку, нервно-мышечную релаксацию, приемы сенсорного репродуцирования образов, элементы суггестии, светомузыкальное воздействие и др. Эти методы позволяют обучить сотрудников самостоятельно оказывать себе помощь в стрессовых и кризисных ситуациях. Для молодых сотрудников рекомендуются тренинг профессиональной идентичности, а также тренинг по развитию коммуникативной и конфликтологической компетентности, который нацелен на формирование способностей адекватного межличностного взаимодействия, обучение психологическим техникам и приемам конструктивного урегулирования конфликтов. Также актуален тренинг антиманипулятивного поведения, направленный не только на формирование и развитие навыков антиманипулятивного поведения сотрудников УИС с низкой самооценкой и проблемами в аффективной сфере, но и на повышение антикоррупционной устойчивости персонала УИС.

Литература

1. Решение коллегии ФСИН России «Особенности организации и перспективы развития психологической работы с личным составом уголовно-исполнительной системы в рамках реализации положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года»: приказ ФСИН России от 07.12.2012 «Об объявлении решений коллегий Федеральной службы исполнения наказаний».
2. Инструкция по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы: утв. приказом Минюста России № 238 от 12.12.2005.

3. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. 240 с.
4. Предупреждение деструктивных форм поведения сотрудников УИС: методические рекомендации / Г.Б. Калманов, А.В. Кокурин, А.Н. Котляров, А.И. Мокрецов. М.: ОПС ГУИН Минюста России, НИИ УИС Минюста России, 2005. 96 с.
5. Профилактика отклоняющегося поведения и дезадаптивных нарушений сотрудников ФСИН России: монография / под общей ред. О.Г. Ковалева, доктора юридических наук, профессора. М.: НИИ ФСИН России, 2006. 278 с.
6. Организация работы практических психологов с персоналом уголовно-исполнительной системы: учебно-методическое пособие / М.Г. Дебольский, Б.Г. Бовин, А.А. Васищев, А.В. Кокурин, А.И. Мокрецов; под. общ. ред. д-ра юрид. наук, канд. психол. наук, проф. О.Г. Ковалева. М.: НИИ ФСИН России, 2005. 205 с.
7. Теория и практика психологической профилактики профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы: методическое пособие / Е.М. Федорова, С.В. Кулакова, Л.В. Мешкова, К.Ф. Фадеева; ФКУ НИИ ФСИН России; УВСПР ФСИН России. Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2015. 94 с.
8. Черкасова М.А. Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников УИС России: дисс. ... канд. психол. наук. Вологда, 2014. 187 с.
9. Мокрецов А.И. Программа тренинга сотрудников УИС по развитию навыков адаптивного поведения и разрешению конфликтов. М., 2014. 58 с.
10. Дорошенко И.С. Антиманипулятивное поведение и его формирование у сотрудников УИС // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 91-98.

Особенности работы с осужденными женщинами, состоящими на профилактическом учете

Шапоренко А.А.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

На профилактический учет ставятся осужденные у которых усматривается намерение на совершение противоправных действий, или же осужденные которые уже совершили противоправное деяние. Профилактический учет в исправительных учреждениях, прежде всего, предназначен для обнаружения противоправных действий на стадии умысла и принятия мер превентивного характера в целях недопущения реализации противоправных намерений. Профилактическую деятельность принято рассматривать в широком и узком значении. В широком смысле – это деятельность по недопущению конкретных преступлений, а в узком – деятельность по выявлению

причин и условий, способствующих совершению преступлений, проведению необходимых профилактических мероприятий. Совокупность этих значений и образует единое понятие «профилактика преступлений» (Аванесов Г.А., 1984).

Основная цель профилактических мероприятий с осужденными, склонными к правонарушениям, является склонение к отказу от противоправных намерений, а также создание условий, при которых реализация задуманных противоправных действий была бы невозможна. Мероприятия, направленные на реализацию данной цели, включают в себя проведение целенаправленной, планомерной и дифференцированной работы с учетом психологических особенностей личности, характера и степени общественной опасности, совершенных правонарушений и других особенностей, имеющих значение для правильного выбора методов и средств воспитательного воздействия.

Преступления, совершаемые осужденными женщинами в исправительных учреждениях чаще всего, носят спонтанный характер. Отсюда следует, знание психологических закономерностей, применение в процессе профилактических мероприятий определенных психологических методов облегчает труд сотрудника, помогает ему регулировать и строить взаимоотношения с заинтересованными людьми, глубже понимать мотивы поступков людей, познавать объективную действительность, правильно оценивать ее и использовать результаты познания в практической работе по склонению к отказу от противоправных намерений (Чуфаровский Ю.В., 2003).

Женщины острее, чем мужчины переживают сам факт изоляции от общества, это связано с особенностью их психологической организации, которая обуславливает повышенную возбудимость, плаксивость, раздражительность. У женщин, чаще, чем у мужчин происходят нервные срывы, возникают стрессовые состояния. У большинства осужденных женщин отмечается высокая тревожность, вызванная отчуждением родных и окружающих (Дмитриев Ю.А. Казак Б.Б., 2007). Женщины более импульсивны. Однако, осужденные женщины, более чувствительны к личностно значимым событиям, в большинстве случаев проявляют правильное отношение к правилам внутреннего распорядка и требованиям, предъявляемым со стороны администрации исправительного учреждения.

Отношения осужденной женщины с семьей и родственниками имеет большое значение. Как показывает практика, факт наличия у осужденной семьи, с которой она поддерживает постоянную связь, в некотором роде может смягчить негативные последствия. Однако, большая часть осужденных женщин не имеют семьи – брак распался по ряду причин, либо вовсе не состояли в браке. На данную категорию женщин в меньшей степени может быть оказано положительное воздействие со стороны родственников и администрации учреждения. Отчуждение со стороны семьи притупляет у осужденной чувство долга, ослабляет контроль за своим поведением. Данное обстоятельство заставляет ее искать эмоциональную поддержку и находится она зачастую в негативно настроенных группах. Такие лица более склонны к совершению противоправных действий. В беседах индивидуально-воспитательного характера, вышеуказанные осужденные, поясняют, что «ее никто не ждет и терять ей

нечего». Данные о семейном положении осужденной, представляют интерес при выборе направлений индивидуально-воспитательного воздействия, а также в организации предупредительной деятельности в отношении лиц, склонных к противоправным действиям (Веселов М.И., 2011).

В исправительных учреждениях по-разному развита культурно-массовая жизнь и досуг осужденных. В женских исправительных колониях, культурно-массовая работа на достаточно высоком уровне и в ней принимают участие зачастую до 40% осужденных женщин. Участие осужденной в досуговой деятельности определяет ее как положительно характеризующуюся. Однако, осужденные позиционируют вступление в инициативную группу, только для положительной характеристики при изменении условий отбывания наказания, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условно-досрочном освобождении. Следует отметить, что не всегда внешне положительное поведение осужденной женщины соответствует ее субъективно-личностной направленности. За период отбывания наказания, осужденные по-своему, приспособляются к условиям, в которых находятся, особенно это прослеживается у осужденных, неоднократно отбывающих наказание в виде лишения свободы. Формально выполняя предъявляемые к ней требования, она продолжает сохранять свое отношение к окружающей среде и обществу, мысленно осуждать несправедливость своего наказания, а иногда и строить планы на криминальный образ жизни после освобождения. Для выявления ложного положительного отношения осужденной необходимо глубокое изучение психологического состояния женщины, которое достигается путем психологического обследования не только психологом и начальником отряда, но и всеми сотрудниками исправительного учреждения.

Учет психологических особенностей женщины необходим и для установления оперативного контакта. Данные сведения помогут подобрать необходимый предлог для побуждения у осужденной высказываний, представляющих оперативный интерес. На наш взгляд плодотворным методом установления оперативного контакта с осужденной женщиной, является использование чувства значимости. Женщины больше чем мужчины стараются сохранить и повысить чувство собственного достоинства. Затронув это чувство, можно добиться того, что женщина, защищая (повышая) свой престиж, выскажется по вопросу, представляющему интерес для оперативного сотрудника.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что учет психологических особенностей осужденных женщин влияет на оперативную обстановку в учреждении. Знание и правильное применение психологических методов способствует правильному выбору приемов и способов организации профилактической работы с осужденными состоящими на профилактическом учете.

Литература

1. Аванесов Г.А. Криминология. 2-е изд.: М., 1984. 339 с.

2. Веселов М.И. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия преступлений в женских исправительных колониях: дисс. ... канд. Юр. наук. Владимир. 2011.
3. Дмитриев Ю.А. Пенитенциарная психология. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 681 с.
4. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учебное пособие. М.: ТК Велби, 2003. 208 с.

Инновационные технологии в диагностике эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарной системы

Ярошенко Е.И.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Проблема эмоционального выгорания широко распространена в современном мире и встречается во всех аспектах деятельности. (Carlotto M.S., 2012). Дефицит надежных, эффективных методик диагностики, профилактики и устранения эмоционального выгорания свидетельствует о недостаточном изучении проблемы, применительно к представителям социальных профессий, а особенно к сотрудникам пенитенциарной системы.

Сотрудники пенитенциарной системы подвержены риску развития эмоционального выгорания в связи со спецификой деятельности. Большое влияние на психологическое состояние сотрудников пенитенциарной системы оказывает стрессовый характер деятельности: реформы, сокращения, жесткие предписания устава, уголовно-исполнительного законодательства, контингент осужденных (Безносов С.П., 2004).

Использование технологии айтрекинга (Величковский Б.М., 2006) в изучении эмоциональных реакций на предъявляемые стимулы является принципиально новым подходом, ранее не реализованным в психологической науке. Предлагаемый подход позволит проводить психологическую диагностику признаков эмоционального выгорания, связанного с профессиональной деятельностью, что позволит выявлять и проводить его своевременную профилактику. Это будет способствовать улучшению жизнедеятельности сотрудников, послужит профилактикой суицида, профессиональной деформации среди работников и повлияет на снижение текучести кадров.

В исследовании принимали участие 34 сотрудника ФСИН России по Саратовской области. Возраст сотрудников организации от 25 до 38 лет. В зависимости от стажа работы нами были выделены группы сотрудников: стаж работы менее 3 лет; от 3 до 6 лет; от 6 лет и более.

Методы исследования: беседа; эксперимент (с помощью технологии айтрекинга); тестирование – Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко и Опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» К. Маслач и С. Джексон.

В нашем исследовании было выявлено, что специфической особенностью эмоционального выгорания является наличие определенного периода, в котором достигается его пик – максимальное значение показателей проявления симптомов эмоционального выгорания. Эмоциональное выгорание оказывает влияние на особенности глазодвигательной системы человека при восприятии эмоционально-значимых стимулов, связанных с профессиональной деятельностью. При экспонировании на айтрекере визуальных стимулов испытуемым с высокими показателями эмоционального выгорания взгляд испытуемых непроизвольно более длительное время фиксируется на негативно нагруженных изображениях.

Проведенный анализ данных эксперимента и беседы с респондентами показал, что у испытуемых с высокими показателями эмоционального выгорания фиксации на изображениях с негативными стимулами, связаны с возникающими в момент просмотра отрицательными воспоминаниями из прошлого опыта. Нейтральные стимулы вызвали ассоциации, связанные с профессиональной деятельностью.

Таким образом, рассмотрев особенности эмоционального выгорания на индивидуальном уровне, мы обнаружили психологическую составляющую данного синдрома, оказывающую влияние на восприятие субъектом стимулов, связанных с рабочим процессом.

Использование айтрекера как метода инструментальной психодиагностики позволит расширить комплекс методов и методик, позволяющих исследовать эмоциональные состояния, а также значительно ускорить процесс тестирования.

Литература

1. Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. 270 с.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т.1. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. 448 с.
3. Carlotto M. S., Marôco, J. Oldenburg Burnout Inventory – student version: cultural adaptation and validation into Portuguese // *Psicol. Reflex. Crit.* 2012. vol. 25. No. 4. Pp. 709-718.

Особенности проявления личностной беспомощности у осужденных с низким социально-психологическим статусом

Яшмолкина П.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Личностная беспомощность является малоизученным феноменом в области пенитенциарной психологии, однако, по нашему мнению, оказывает существенное влияние на процесс адаптации человека в условиях отбывания уголовного наказания, определяет готовность к выходу на свободу и дальнейшую успешность ресоциализации в обществе.

Личностная беспомощность – это системное качество субъекта, обусловленное симптомокомплексом определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними (системой семейных взаимоотношений, опытом неконтролируемых травмирующих событий), определяющее низкий уровень субъектности, т.е. низкую способность индивида преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить цели и достигать их, преодолевая различного рода трудности (Циринг Д.А., 2010).

Личностная беспомощность имеет взаимосвязанную четырехкомпонентную структуру: когнитивный, мотивационный, эмоциональный и волевой компоненты. Д.А. Циринг были выделены диагностические критерии личностной беспомощности: пессимистический атрибутивный стиль, депрессивность, тревожность, сниженная самооценка (Циринг Д.А., Галажинский Э.В., 2010). Данная проблема нашла также отражение в работе Е.А. Евстафеевой, где автором исследовался феномен личностной беспомощности у сотрудников уголовно-исполнительной системы (Евстафеева Е.А., 2015).

На основе изложенного выше теоретического подхода нами изучены особенности проявления личностной беспомощности осужденных с низким социально-психологическим статусом. Выявлено, что личностные особенности осужденных данной категории характеризуются: низким уровнем адаптивных возможностей, замкнутостью, малообщительностью, отчужденностью от окружающего мира, который воспринимают как опасный и неблагоприятный. Им свойственна заниженная самооценка, неуверенность в себе и собственной компетентности, высокий уровень личностной и ситуативной тревожности, боязливость. В ситуации стресса или фрустрации данные лица склонны реагировать по интрапунитивному типу – импульсивностью, необдуманностью действий, недовольством, гневом, направленным на самого себя.

Данная проблема требует дальнейшего изучения в сфере пенитенциарной психологии для более тщательного анализа особенностей проявления личностной беспомощности осужденных, определения мишеней воздействия, с целью коррекции их поведения, уточнения уже существующих методов и направлений работы с беспомощностью, а также для разработки новых психотехнологий оказания психологической помощи осужденным.

Литература

1. Галажинский Э.В., Циринг Д.А. Социально-психологические проявления личностной беспомощности на различных возрастных этапах // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 139-142.
2. Евстафеева Е.А. Правосознание сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными личностными характеристиками: дисс. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2015. 217 с.
3. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М.: Академия, 2010. 410 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Функции психологического моделирования при подготовке специалиста в области оперативно-розыскной деятельности

Авдеев А.Д., Калягин Ю.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Реальная практика правоохранительных органов малодоступна для внешнего наблюдения в рамках образовательного и исследовательского процесса. Однако использование психологического моделирования позволяет одновременно: минимизировать угрозу реальным оперативно-следственным мероприятиям; нивелировать недостатки, обусловленные субъективными трудностями специалиста; воспроизвести трудные и некомфортные контролируемые ситуации и в результате их проработки – приобрести необходимые знания, умения, навыки и компетенции. Психологическое моделирование в процессе подготовки специалиста может выступать в качестве эффективного средства реализации целого ряда функций.

Во-первых, это преодоление дефицита личностного ресурса, психологическое моделирование рассматриваемого процесса в образовательной практике позволяет ориентировать специалиста на достижение необходимого результата, с опорой на рациональном использовании знаний о своем личностном потенциале, умении видеть и конструктивно преодолевать свои барьеры, обусловленные личностными особенностями.

Во-вторых, ориентирование будущего сотрудника правоохранительных органов к конкретным направлениям работы. Речь идет о том, что в ходе использования психологического моделирования процесса установления межличностного контакта в условиях вынужденного взаимодействия для преподавателей, представителей практики, выступающих в роли экспертов, и для обучающихся становятся очевидными некоторые противопоказания к данному направлению деятельности. Это фактически является проявлением диагностической функции психологического моделирования, результатом которой является определение пригодности специалиста к реализации в профессии. Очевидно, что проявления полной непригодности будут маловероятными, так как обучающийся уже прошел определенный психологический отбор, более оправданным будет говорить об определении конкретного направления работы будущего специалиста. Иными словами, метод психологического моделирования в образовательном процессе позволяет дифференцировать направления работы будущих специалистов по степени наибольшей пригодности к тому или иному направлению.

В-третьих, возможность побывать в роли диадического партнера. Отрефлексированный опыт позволяет глубже понять психологические процессы, происходящие в диаде «сотрудник правоохранительных органов-гражданин».

Использование психологического моделирования позволяет расширить поведенческий репертуар будущего сотрудника, увеличить его ролевую вариативность при установлении межличностных контактов с различными категориями лиц в различных ситуациях взаимодействия.

В-четвертых, аналитико-прогностическая функция, которая выражается в высокой степени предсказуемости достижения необходимого результата. В процессе обучения специалист учится использовать и учитывать результаты анализа социально-психологических параметров ситуации, в которой ему предстоит решать учебную задачу, связанную с установлением межличностного контакта. В ходе этого формируются соответствующие умения и навыки, которые в будущем оптимизируют его работу.

В-пятых, это функция формирования профессионального мышления, которого зачастую не хватает молодым специалистам. На примере сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, можно говорить об «оперативном мышлении», под которым понимается познавательная активность специалиста, осуществляемая с учетом знания и выгодного использования элементов оперативной обстановки.

Необходимость интеграции психологического моделирования в процесс подготовки специалистов, требует серьезных мер по дальнейшему совершенствованию социально-психологического взаимодействия в процессе правоохранительной деятельности путем внедрения специальных технологий обучения, основанных на психологическом моделировании.

К вопросу о категории «амбициозность личности»

Авдеев Е.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Как показывает практика работы кадровых подразделений, в оборот специалистов по отбору персонала и руководителей давно вошло понятие «амбициозность». Отсутствие единого подхода при употреблении характеристики «амбициозность личности» позволяет признать необходимым рассмотреть данное понятие более подробно.

К настоящему времени среди трудов отечественных исследователей категория «амбициозность» рассматривается лишь в диссертационной работе Епифановой М.П. (2010) и статье Панфиловой А.В. (2014). Так, М.П. Епифанова, проанализировав исследования отечественных и зарубежных авторов, констатирует, что «понятие амбициозность ещё не рассматривалось в отечественной методике, педагогике и психологии, однако за рубежом методисты и педагоги уделяют большое значение формированию этого качества у студентов в процессе обучения» (Епифанова М.П., 2010, с. 11).

Амбициозность происходит от слова амбиции. В словаре Даля амбиции

тракуются от латинского слова *ambitio*, означающее честолюбие, тщеславие, самолюбие, спесь, чванство, требование внешних знаков уважения, почета (Даль В.И., 2003). Анализируя значения этих слов можно говорить скорее об отрицательном, чем о положительном значении амбициозности. Однако во многих европейских странах слово «амбициозность» в настоящее время имеет положительное значение, и считается основной чертой преуспевающей личности. Так, в современном словаре «Cambridge Learner's Dictionary» (2001), мы обнаруживаем следующие значения слова «амбиция»: - желание достигать успеха; - стремление к достижению. Таким образом, амбициозность трактуется в положительном смысле и характеризует амбициозного человека как имеющего высокую самооценку и стремление к достижению успеха.

Вместе с тем, в контексте проблемы «амбициозности личности» самооценку надо рассматривать (в большинстве случаев) как неосознаваемую самим человеком характеристику. Представляется, что для определения амбициозности личности необходимо к самооценке (С) добавить такую переменную как уровень притязаний (УП). Соотношение уровней самооценки и уровня притязаний дает 9 вариантов личностных характеристик:

- высокая С - высокий УП;
- высокая С - адекватный (средний) УП;
- высокая С - низкий УП;
- адекватная (средняя) С - высокий УП;
- адекватная (средняя) С - адекватный (средний) УП;
- адекватная (средняя) С - низкий УП;
- низкая С - высокий УП;
- низкая С - адекватный (средний) УП;
- низкая С - низкий УП.

Логические рассуждения приводят к тезису, что об амбициозности можно говорить применительно к человеку с адекватным уровнем самооценки и высоким уровнем притязаний. В таком случае, индивид ясно понимает границы своих возможностей и, ставя перед собой большие цели (амбиции) может прогнозировать внешние и внутренние факторы, которые мешают ему достигнуть желаемого.

Амбициозный человек выстраивает для себя список задач, выполнение которых позволит ему прийти к достижению заявленных амбиций. Однако с психологической точки зрения, такой человек не видит чего-то необычного в своём поведении и воспринимает декларируемую им модель поведения как само собой разумеющееся, недоумевая когда наталкивается на непонимание своего мировоззрения со стороны окружения с более высокой или низкой самооценкой.

Идеальной моделью амбициозности личности можно считать ситуацию, когда человек осознаёт свою амбициозность и старается не демонстрировать окружающим свой высокий уровень притязаний. Это позволяет, не выделяясь среди окружающих и не создавая предпосылок к их зависти, целенаправленно повышать свой уровень компетентности и стремиться к желаемому.

Психологически сложным для личности амбициозного человека надо считать

момент, когда он сталкивается на пути достижения своих амбиций с препятствиями, преодоление которых не зависит от его знаний и умений. В подобных ситуациях надо говорить о том, что амбиции человека превышают его реальный потенциал. Как правило это приводит к двум основным вариантам развития ситуации и зависит исключительно от морально-волевых качеств личности.

В случае высокого уровня развития моральных качеств, человек склонен несколько снизить уровень своих амбиций, соглашаясь либо на длительное ожидание желаемого, либо удовлетворяясь уровнем уже достигнутого. Происходит некоторая перезагрузка личностного мировоззрения, когда человек пытается, исходя из сложившихся обстоятельств, осознать заново свои желания (амбиции), уровень реального потенциала и сформировать для себя новый путь как внутреннего (личностного) саморазвития, так и процесс достижения более высокого внешнего уровня.

Другой вариант развития событий приводит к девиантному и даже криминальному поведению амбициозной личности. Это могут быть сплетни с целью опорочить конкурента, порча имущества или документов, и даже физическое воздействие на человека, препятствующего достижению желаемого. Такая ситуация свидетельствует что уровень притязаний представляет для человека большую ценность чем соблюдение собственных принципов и моральных норм.

Таким образом необходимо констатировать, что категория «амбициозность личности» является малоизученной характеристикой, исследования которой могут существенно расширить психологический потенциал эффективности работы кадровых подразделений.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Просвещение, 2003. 699 с.
2. Епифанова М.П. Обучение иноязычной коммуникативной компетенции на основе формирования у студентов личностного качества амбициозности: дисс. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2010. 174 с.
3. Панфилова А.В. Амбициозность личности как профессионально важное качество современного специалиста // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ambitsioznost-lichnosti-kak-professionalno-vazhnoe-kachestvo-sovremennogo-spetsialista> (дата обращения: 30.01.2016).
4. Cambridge Learner's Dictionary, Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 436 p.

Психологические аспекты юридической среды

Ананьева Н.А.

НОУ ВПО «Московский Институт Психологии» (г. Москва, Россия)

В практической деятельности психолога, как правило, всегда возникает запрос относительно анализа «среды, в которой находится человек». С психологической точки

зрения, под средой понимаются условия жизнедеятельности человека, круг лиц участников общения и взаимодействия, наиболее значимый индивид, референтная группа, а также те нормы и правила, которые выдвигаются данной средой. В связи с этим в исследовательские задачи психолога входит анализ: адаптации и дезадаптации, одиночества и отчуждения, барьеров и блокад, психологических защит, конфликтов, реакций протеста и сопротивления, безопасности и степени удовлетворенности средой. Опасность в том, что среда может продуцировать девиации. Индивид по отношению к среде находится в психических состояниях: адаптации, защиты, экспансии. Длительное «пребывание» в условиях конкретной среды порождает определенную грань личности, например, человек-преступный.

В житейском плане, гражданин в ряде жизненных ситуаций может оказаться в условиях действия закономерностей сферы юстиции. Для индивида – это особая среда – юридическая система, со своими законами, правилами и требованиями, а также кругом лиц, создающих эту среду и входящих в нее. Юридическая сфера, в которой начинает «вращаться человек», отличается собственной спецификой. Это сфера, где действуют запрещающие нормы права, то есть все регулируется деятельностью правовых органов.

Более того, в системе юридической среды как наиболее консервативной системе, начинают действовать динамические психические явления, которые испытывает каждый гражданин. К таковым относятся: эмоции и чувства, стресс и депрессия, фрустрация и аффекты, реакции агрессии. Происходит «примеривание» или «приноравливание» индивидуальных особенностей граждан к устоявшимся позициям юридической системы. С психологической точки зрения, юридическая среда приобретает характеристики экстремальности и напряженности.

В профессиональном плане психолог должен ориентироваться в различных отраслях психологии, каждая из которых имеет свою специфику и систему функционирования, и в области юриспруденции. Психологи привносят знания психических явлений относительно процессов, состояний и личностных характеристик в сферу юриспруденции. Юристы, заинтересованные в применении знаний психологии, определяют возможности ускоренного и объективного внедрения их в юридический процесс. Однако сама юридическая среда, как «живой организм», создает иные психические закономерности и механизмы. Можно сказать, что сама юридическая среда порождает новые психические закономерности. Профессиональная подготовка юридических психологов обеспечивает «сращивание» знаний юриспруденции и психологии, а также создает возможности для их адекватного «вхождения в среду».

В основную проблематику юридической психологии входят вопросы криминологии и криминалистики, предварительного и судебного следствия, пенитенциарной науки. Криминологическая психология изучает понимание преступления, причины преступности, возникновение и развитие отклонений, объяснение отрицательных черт характера и их последствий, границы поступка-проступка-преступления, пределы допустимого в поведении. В целом, – это

криминальная среда. Криминалистическая психология устанавливает способы работы со следами преступлений, раскрывает признаки и показатели лжи или скрываемого обстоятельства, предусматривает графологический анализ, предполагает анализ вербального и невербального каналов информации. Психология предварительного следствия связана с появлением напряженности и аффектов, так как здесь применяются техники установления контакта, приемы допроса. Это экстремальная среда. Психология судебного следствия предполагает судебное разбирательство, прения сторон, конфликт в суде, вынесение приговора. Это конкурирующая среда (принцип состязательности). Пенитенциарная психология связана с деятельностью сотрудников органов исполняющих наказание. Это среда осужденных.

Практика исследования психологических проблем в деятельности прокуроров

Андрианов М.С., Кроз М.В.

ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

(г. Москва, Россия)

Деятельность прокурорских работников, психологические проблемы, возникающие у них в процессе выполнения служебных обязанностей, в течение длительного времени находятся в центре внимания психологов Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (ранее – НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуры Российской Федерации). Изучение этих проблем, сложностей, возникающих в работе прокуроров, проводилось в цикле исследований, начиная с 1992 года. Основным методом в них служил анкетный опрос прокурорских работников, а в двух случаях (1992 и 2004 годы) он дополнялся углубленными интервью с прокурорами районного и приравненного к нему звеньев. В ряде исследований респондентами выступали прокурорские работники различного должностного положения, в других опросах принимали участие руководители разного уровня (1992, 2002-2003, 2004 и 2014 годы). В этих случаях основное внимание уделялось психологическим аспектам управления в органах прокуратуры, но также затрагивались и другие важные темы.

Все опросы носили комплексный характер, в каждом из них обсуждался ряд актуальных психологических проблем, значимых для прокурорских работников, влияющих на их психологическое благополучие, отношение к работе, и, в конечном итоге, отражающиеся на эффективности и качестве их профессиональной деятельности, выполнении служебных задач. Поскольку авторы не стремились «объять необъятное», изучаемая тематика различным образом сочеталась в отдельных опросах.

Основная проблематика исследований была связана с изучением:

- актуальных проблем и сложностей в организации работы прокуроров (опросы 2000-2001 и 2009 годов);

- социально-психологического самочувствия прокурорских работников, его состояния и влияния на него различных факторов, как внутриорганизационных, непосредственно связанных с деятельностью органов прокуратуры, так и внешних,

макросоциальных (опросы 1996, 2000-2001 и 2009 годов);

- удовлетворенности трудом прокурорских работников, анализировавшейся как в целом, так и дифференцировано, по ее отдельным составляющим (опросы 2000-2001 и 2009 годов);

- факторов, лежащих в основе мотивации трудовой деятельности прокурорских работников. Из всей совокупности факторов, определяющих мотивацию труда, в исследованиях анализировались относящиеся к содержанию работы и условиям труда прокуроров (опросы 2000-2001, 2009 и 2014 годов);

- восприятия прокурорскими работниками своих руководителей, оценок их авторитетности, личных, деловых, организаторских качеств, сильных и слабых сторон (опросы 2000-2001, 2009 и 2014 годов).

Кроме того, в опросах руководителей основное внимание уделялось изучению их рефлексии относительно собственной профессиональной деятельности – как они воспринимают и оценивают свою работу, насколько успешно выполняют различные управленческие функции, реализуют отдельные направления и виды деятельности, что получается лучше, а что хуже, что требует наибольших усилий (опросы 1992, 2002-2003, 2004 и 2014 годов).

Во всех опросах использовались сходные формулировки вопросов, с годами они лишь незначительно модифицировались и дополнялись. Это позволило соотносить полученные данные между собой, анализировать динамику оценок прокурорских работников на протяжении длительного периода времени. Поскольку в отдельных опросах принимали участие разные прокурорские работники, здесь нельзя говорить о лонгитюдном исследовании. Вместе с тем, можно утверждать, что в течение двух десятков лет осуществлялся мониторинг мнений и оценок прокуроров по актуальным вопросам их профессиональной деятельности.

По итогам каждого исследования готовился блок практических рекомендаций. Их результаты были опубликованы в большом числе научных и прикладных работ, в том числе в специальном разделе («Психологические аспекты деятельности органов прокуратуры») «Настольной книги прокурора», выдержавшей к настоящему времени четыре переиздания.

Коммуникативные свойства личности в условиях адаптации

Балашова В.А., Чурсина А.Д.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Процесс адаптации связан с преодолением различного рода барьеров.

Объект исследования: коммуникативные свойства личности в процессе адаптации к иным социокультурным условиям. Предмет исследования: уровень невротизации и стратегия психологической защиты в общении.

Гипотеза исследования: в процессе адаптации к иным социокультурным условиям будет происходить изменение коммуникативной стратегии поведения, а

именно: первоначально высокому уровню невротизации будет соответствовать стратегия избегания и агрессии. Затем уровень невротизации снизится, при этом ведущей стратегией общения станет миролюбие.

Цель исследования – изучение динамических особенностей проявления коммуникативных свойств личности иностранного студента в процессе адаптации к иным социокультурным условиям.

Задачи исследования:

1. Анализ научной разработанности проблемы адаптации личности.
2. Изучение результатов аналогичных исследований, посвященных адаптации иностранных граждан к российским социокультурным условиям.
3. Изучение динамических особенностей коммуникативных свойств, обусловленных состоянием невротизации личности, в процессе адаптации на примере иностранных слушателей.

Адаптация – это процесс изменения взаимодействующих сторон. Как разновидность социальной адаптации выделяется также социокультурная адаптация.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя осуществляет обучение иностранных специалистов для органов внутренних дел таких государств как Вьетнам, Никарагуа, Африка, Белоруссия, Азербайджан и другие.

Эмпирическую базу исследования составили слушатели факультета подготовки иностранных специалистов Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя: слушатели 1 курса – представители Никарагуа, Вьетнама, Узбекистана, Белоруссии; слушатели 3-го и 5-го курсов – это представители Узбекистана и Таджикистана. В рамках данного исследования также учитывались динамические особенности адаптации слушателей.

Результаты исследования выявили, что: иностранные слушатели 1-го курса обладают высоким уровнем невротизации и демонстрируют миролюбивую стратегию поведения; иностранные слушатели 3-го курса обладают средним уровнем невротизации, в общении используют различные стратегии поведения: миролюбие, избегание, агрессия; слушатели 5-го курса имеют низкий уровень невротизации, преобладающая стратегия поведения при этом – агрессия.

На основании полученных результатов следует, что иностранные слушатели, достигая успешной адаптации в процессе коммуникации переходят от стратегии миролюбия к агрессивной. Иными словами, иностранные слушатели в процессе обучения ассимилировали, но не аккумулировали внешние социокультурные условия для себя.

Успешная адаптация имеет чисто поведенческий характер и обусловлена она мотивацией слушателей получить образование. Однако, в целом они не принимают данные условия: в этом случае агрессия проявляется как внутреннее отрицание тех условий, в которых они живут. Следовательно, понижению уровня невротизации личности соответствует изменение коммуникативной стратегии поведения иностранного слушателя, а именно: от миролюбия к агрессии. Следовательно, истинной адаптации к социокультурным условиям не происходит: происходит

приспособление к ним, но не их принятие.

Рекомендации: 1. Организация факультативных занятий по изучению истории и традиций России, с целью глубокого понимания культурно-исторического аспекта нашего государства. 2. Проведение мероприятий для российских и иностранных слушателей с целью обмена информацией об особенностях культурных традиций и их морально-нравственной, социально-правовой и социально-психологической ценности.

Когнитивные стили следователей и дознавателей, определяющие эффективность их профессиональной деятельности

Белоусов А.Д.

ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Проблематика когнитивных стилей, несмотря на определенную степень противоречивости и неокончательную разработанность в современной психологии, в приложении к оценке эффективности конкретной деятельности заслуживает пристального исследования как резерв кадрового сопровождения работников организации. Это может быть особенно актуальным для психодиагностики сотрудников таких относительно консервативных организаций, как следственные подразделения правоохранительных органов, в которых методики изучения кандидатов на службу и перемещаемых на должностях сотрудников утверждаются ведомственными нормативными актами и не подвергаются частому пересмотру, следуя за современными научными разработками.

В этом смысле, не вступая в противоречие с внутренним регламентом данных служб, выявление и распространение наиболее эффективных поведенческих и когнитивных стратегий наиболее опытных следователей и дознавателей может быть успешно осуществимо в рамках плановых занятий по служебной подготовке и при реализации взаимодействия в форме наставничества.

Для выявления комплекса сцепленных когнитивных стилей, типичных для наиболее результативной части личного состава следователей и дознавателей системы МВД России, в нашем исследовании были разработаны вопросы анкеты, имеющие для респондентов форму изучения специфики их следственной деятельности, мнений об их профессионально важных навыках, а также отношения к обстоятельствам жизни, условиям службы и пр. Целям же исследования отвечали такие параметры предъявляемых вопросов, как индивидуальные особенности оценки своей деятельности, стратегии принятия решений, этапность мыслительных операций при осуществлении процессуальных действий, мотивирующие или демотивирующие убеждения, профессиональные или общие ценностные установки.

После статистической обработки полученных данных с использованием таблиц сопряженности программы SPSS было установлено некоторое несоответствие формальных и внутренних критериев профессиональной успешности в выборке. Так для оценки эффективности работы следователей в подразделении принят такой

критерий, как число дел, направленных ими в суд (70,6% ответов), а также число дел, находившихся в производстве (35,3% ответов). В то же время к собственным критериям, кроме формальных, 47,1% респондентов отнесли качество проведенного расследования и удовлетворение от проделанной работы. Этот процесс они определили, как «делать хорошо и грамотно».

Очевидно, что именно такой подход заслуживает моделирования как важный критерий подлинной эффективности работы следователя. В целом, опора на внутренние мотивы или внутренний локус контроля отмечена у 58,8% сотрудников, принявших участие в анкетировании. Налицо проявление полнезависимого восприятия (Холодная М.А., 2004), которое кроме прочего соответствует высокому уровню психического развития, ориентации на внутренние стимулирующие мотивы вместо отрицательного внешнего подкрепления (при полнезависимом восприятии).

Высокая степень самостоятельности в профессиональном мнении, выявленная у части респондентов, обнаруживает сцепленность с предыдущим мыслительным стилем и, вероятно, может интерпретироваться как проявление значительной степени дифференциации образа «Я» (Холодная М.А., 2004). Высокая дифференциация обнаруживается также в стремлении к творческому подходу при расследовании уголовных дел; признании важности коммуникации с допрашиваемыми лицами вместо строго формальной регистрации получаемых показаний; приоритете профессиональных выводов, опирающихся на специально приобретенные знания в противовес полаганию на необоснованное интуитивное мнение; расширению поля альтернативных восприятий; развитию рефлексии; открытости новому; гибкости в экстремальных условиях.

Желание приобретать смежные специальные знания и умения, убеждение в наличии неиспользованных резервов для повышения профессиональной эффективности, выявленное в исследовании, очевидно, также связано со стилевым комплексом успешности следователей и дознавателей, при встречаемости противоположной крайности – уверенности в собственной достаточной компетентности. Последний мыслительный стиль избегания нового опыта может быть проинтерпретирован как проявление полнезависимости, нетолерантности к нереалистичному опыту, адаптивности вместо инновативности, ассимилятивности в противовес стремлению к исследованию.

Своего рода динамические мыслительные стили представлены у эффективной части изученных сотрудников в виде таких биполярностей, как: а) предпочтение определений, объясняющих собственный профессиональный выбор, сформулированных как действие, процесс, например, «защита прав и интересов граждан», «работа связана с общением и людьми», «интересная и ответственная работа» и т.п. (в отличие от определений в форме застывшего явления или ситуации – «сложилось обстоятельства», «интерес», «по внутренним ощущениям», «наличие внутренних убеждений» и т.п.); и б) преимущественная ориентированность на процесс работы (и в меньшей – на формальный результат). На уровне гипотезы, требующей дополнительного изучения, в основе такой специфики интеллектуальной деятельности

может лежать когнитивный стиль по типу фиксирующего/сканирующего контроля. В настоящем же исследовании констатируется связь определений в форме действий и ориентированности на процесс с комплексом когнитивных стилей эффективного следователя.

Статистический анализ результатов опроса позволяет отнести к данному комплексу также профессиональную мотивированность в смысловых категориях «К» (стремление к достижению) (вместо «От» (стремление к избеганию)); предпочтение постепенных перемен ситуации в лучшую сторону (вместо предпочтений быстрых и частых перемен либо отсутствия всяких перемен); ориентация на сходство при сравнении значимых факторов свой деятельности.

В исследовании выявлены также признаки такой модели реагирования, как проактивность/рефлексивность, которая, вероятно, отражает ценностно-мотивационную специфику личности (содержательные переменные познавательной сферы), а также опирается на субстрат мыслительного стиля импульсивность/рефлексивность (структурные переменные) (Холодная М.А., 2004). Под проактивностью здесь понимается личностное свойство принимать на себя ответственность за собственную жизнь, большая социальная адаптивность, наличие психологических ресурсов для преодоления трудностей. Напротив, рефлексивность предполагает пассивность в принятии решений, не склонность к инициативе. Интересно, что проактивность респондентов коррелирует с комплексом стилей эффективного следователя.

К стилям, в значительной мере включающим содержательные переменные интеллектуальной сферы, очевидно стоит отнести также наличие высоких ценностных устремлений в профессиональной деятельности, таких как «социальная роль», «защищать от преступлений», «ощущение полезности в обществе» и т.п. (в противовес более примитивным профессиональным ценностям – «средства для проживания», «время», «стабильность» и т.п.). Кроме этого, для эффективной части следователей и дознавателей установлена субъективная значимость позитивной оценки их работы сотрудниками смежных подразделений, похвалы руководства, обращений за советом менее опытных коллег.

Особое место в исследовании уделено изучению развивающих/ограничивающих убеждений, в частности, по отношению к овладению профессионально-коммуникативной компетенцией. В ракурсе выявления стилей мышления, определяющих эффективность следственной деятельности, очевидно, предпочтительнее отсутствие убеждений, не ведущих к профессиональному росту. Лишь 23,5% респондентов имеют такое отношение к названной компетенции. Остальные указали следующие варианты вербальных формулировок убеждений: «это нежелательно и не стоит того, чтобы к этому стремиться»; «это в принципе недостижимо»; «то, что необходимо предпринять для достижения этого – неуместно в моих условиях»; «я не обладаю необходимыми задатками для достижения этого»; «я не заслуживаю достижения этого».

Практическим значением проведенного исследования явилось выделение

статистически обоснованного комплекса когнитивных стилей, которые будучи смоделированными у наиболее эффективной части сотрудников подразделений следствия и дознания, могут быть распространены на оставшиеся части коллектива, в частности, тренинговыми формами занятий по служебной подготовке.

Литература

1. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 384 с.

Психологические особенности профессиональной деятельности и имиджа сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения

Борисова С.Е.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова»
(г. Орёл, Россия)

В настоящее время продолжает сохранять актуальность изучение профессиональной деятельности сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД).

Это обусловлено реалиями, согласно которым повышаются требования к профессиональной компетентности сотрудников подразделений Госавтоинспекции, их способности противостоять провокационному поведению участников дорожного движения и умению совершать грамотные профессиональные действия.

В данном контексте рассмотрены психологические особенности труда государственных инспекторов дорожного надзора строевых подразделений дорожно-патрульной службы (далее – ДПС) и подразделений ГИБДД. Указанная должностная категория сотрудников прошла повышение квалификации в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова в апреле 2016 года, благодаря чему оказалось возможным проведение методов устного и письменного опроса в исследовательских целях.

Так, предлагался перечень, включающий типичные особенности профессиональной деятельности подразделений Госавтоинспекции, для осуществления их ранжирования по степени убывания характерности (для данной категории сотрудников). После письменного опроса реализован метод свободной беседы.

Обобщая результаты, рассмотрим такую особенность, как многообразие и сложность выполняемых задач сотрудниками ГИБДД, занявшую первый ранг.

По мнению опрошенных, сущность особенности заключается в том, что они постоянно сталкиваются с различными правовыми институтами, поэтому в ходе повседневной работы требуется применение знаний из разных отраслей права. Кроме того, инспекторы вынуждены выполнять не только функции дорожного надзора, но и иные, не всегда предусмотренные должностным регламентом обязанности, что требует дополнительного времени и энергетических затрат.

Следующей, логически вытекающей из предыдущей особенностью является

принадлежность к профессиям типа «человек – право». Сотрудники неоднократно подчеркнули, что отправной точкой в реализации служебных обязанностей выступает стойкое понимание, что они действуют в рамках правового поля и обширной нормативной правовой базы. При этом каждое утверждение, исходящее из уст сотрудника в диалоге с другим человеком (объектом труда), требует грамотного и своевременного подкрепления конкретной выдержкой из первоисточника.

Далее по значимости указано наличие объективных трудностей функционирования подразделений ГИБДД, а именно недостаточность материальной базы, средств фото и видео фиксации правонарушений, нехватка кадров и оборудованных рабочих мест.

В качестве примера прозвучала насущность использования так называемых дорожных реек, предназначенных для объективного и качественного исполнения должностных обязанностей (определения параметров профиля дорог, измерения неровностей дорожных покрытий и т.д.).

К слову отметим, что эффективность выполнения профессиональных действий сотрудниками во многом обуславливает комфорт и безопасность дорожного движения, предупреждает нежелательные, а иногда и трагичные последствия на дороге, связанные с недостатками обустройства улично-дорожной сети.

Немалое внимание в устной беседе сотрудники уделили и таким особенностям, как принадлежность к профессиям типа «человек – человек», интенсивность и многообразие межличностных коммуникаций, открытый и публичный характер профессиональной деятельности.

Организованная беседа предусматривала обсуждение составляющих положительного профессионального имиджа инспекторов дорожного надзора строевых подразделений ДПС и подразделений ГИБДД.

Наиболее часто отмечаемым опрошенными компонентом положительного имиджа сотрудника ГИБДД является речь, а именно – её грамотность, вежливость и доступность для понимания другими.

К числу значимых стоит отнести и такую составляющую положительного имиджа сотрудников ГИБДД как внешний вид, подразумевающий опрятность, удобную и красивую форменную одежду. Это позволяет произвести соответствующее первое впечатление на других представителей социума и выступает изначальным залогом эффективных взаимоотношений с ними.

Самостоятельная роль большинством сотрудников отведена профессиональной компетентности и образованности в юридической сфере и иных отраслевых областях знания, востребованных в их работе.

Среди активно обсуждаемых элементов имиджа участники дискуссии назвали эмоциональную устойчивость, в частности, устойчивость инспектора к критике, в том числе неадекватной и выходящей за рамки конструктивного общения, высказываемой участниками дорожного движения.

Обобщая данные опроса, стоит отметить, что анализ психологических особенностей труда сотрудников ГИБДД и компонентов их имиджа важен как для

теории, так и для решения практических задач, связанных с морально-психологической подготовкой сотрудников, формированием у них профессионально важных качеств личности.

Соответствие поведения судей требованиям процедурной справедливости: данные трех исследований

Валицкас Г., Ванагайте К.

Вильнюсский университет (г. Вильнюс, Литва)

Исследования процедурной справедливости, которые позволяют объяснить отношение людей к учреждениям и должностным лицам криминальной юстиции, в последние четыре десятилетия приобрели большую популярность среди учёных разных стран. Однако в Литве такие исследования начались относительно недавно: до сегодняшнего времени в нашей стране были проведены три исследования процедурной справедливости: в 2004, 2011 и в 2015 году. Но на результаты всех этих исследований особое внимание обратили руководители учреждений правопорядка и судьи, они также получили достаточно широкую известность среди представителей общественности.

В ходе первого и второго исследования (в 2004 г. и 2011 г.) исследователи наблюдали судебные заседания уголовных дел окружного и городских судов г. Вильнюса и фиксировали соответствие или несоответствие поведения судей требованиям процедурной справедливости в выделенных критериальных ситуациях (с начала судебного заседания до объявления приговора). Результаты первого исследования (n=103) показали большие различия между реальным поведением судей и тем, как они должны действовать согласно требованиям процедурной справедливости. Однако результаты второго исследования (n=57) выявили позитивные изменения – поведение судей в сравнении с 2004 годом во многих случаях намного больше соответствовало требованиям процедурной справедливости ($p < 0,05$). Чтобы оценить, как изменяется поведение судей, в 2015 году было проведено ещё одно исследование (применялся модифицированный вариант методики наблюдения судебных заседаний, так как в 2015 г. исследователи анализировали аудиозаписи судебных заседаний, n = 180).

В 2015 году, по сравнению с 2004, поведение судей намного больше соответствовало требованиям процедурной справедливости ($p < 0,01$), однако когда сравнивались результаты 2015 и 2011 года, было установлено, что в одних ситуациях поведение судей улучшилось (т.е. больше соответствовало требованиям процедурной справедливости), а в других – ухудшилось.

Можно указать такие позитивные изменения поведения судей (2015 г. по сравнению с 2011): они чаще спрашивали мнения обвиняемого о возможности продолжения рассмотрения дела ($p < 0,05$); перед тем, как отложить судебное заседание, они чаще опрашивали свидетелей ($p < 0,05$); они чаще спрашивали обвиняемого, не хочет ли он заявить отвод участникам процесса ($p < 0,001$) и т.п. В некоторых ситуациях (напр., первый контакт с обвиняемым или рассмотрение просьб участников процесса)

поведение судей, сравнивая с 2011 годом, осталось тем же. Однако в других определённых ситуациях соответствие поведения судей требованиям процедурной справедливости (по сравнению с 2011 г.) ухудшилось: судьи реже разъясняли обвиняемому его право на защиту как с помощью представителя защиты, так и самостоятельно ($p < 0,05$); они чаще во время опроса задавали обвиняемому суггестивные или наводящие вопросы ($p < 0,001$) и т.п. На результаты 2015 года могло повлиять то, что анализировались аудиозаписи судебных заседаний не только судов г. Вильнюса (как было в 2004 и 2011 году) но и судов других городов и регионов страны. На основании результатов проведённых исследований были подготовлены и опубликованы рекомендации судьям и руководителям, организующим работу судов.

Исследование финансировал совет науки Литвы (номер договора MIP-015/2013).

Особенности проагрессивных и ингибирующих агрессию личностных структур у сотрудников правоохранительных органов

Василенко Т.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Калашникова А.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (г. Москва, Россия)

Обеспечение правоохранительной деятельности в любой ситуации, где безопасность граждан находится под угрозой, при постоянном взаимодействии с агрессивной антисоциальной средой обуславливает неотъемлемость проявления агрессии сотрудниками органов обеспечения правопорядка (Andersen J.P. и др., 2015 г.; Garbarino S. и др., 2012 г.). При этом эффективная служебная деятельность предполагает также наличие механизмов своевременного сдерживания, ингибирования агрессивных проявлений, в том числе противоправных. Несмотря на это, имеет место значительное количество преступлений агрессивного характера, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов (Лютых В.А., Коноплева И.Н., 2016), что определяет актуальность выявления механизмов противоправного агрессивного поведения сотрудников силовых структур, основанных не только на анализе проагрессивных факторов, но и структур, тормозящих проявление агрессии (ценностные, социально-нормативные, диспозиционные, эмоциональные, коммуникативные, интеллектуальные ингибиторы агрессии и психологические защитные механизмы) (Калашникова А.С., 2009; Сафуанов Ф.С., 2003).

Цель исследования: анализ личностной структуры проагрессивных и ингибирующих агрессию факторов у сотрудников правоохранительных органов подразделения особого назначения, чья деятельность непосредственно связана с проявлением агрессии в ходе исполнения служебных обязанностей.

Гипотеза исследования: у сотрудников правоохранительных органов будут

выражены преимущественно социально-нормативные и ценностные ингибиторы агрессии, которые сдерживают в равной степени как проявления общей, так и мотивационной и реактивной агрессивности.

Проанализированы личностные особенности 149 сотрудников отряда мобильного особого назначения г. Москвы. Все респонденты – лица мужского пола в возрасте от 18 до 35 лет, средний возраст 27 лет, средний стаж работы в органах внутренних дел – 6 лет, средний стаж работы сотрудников в подразделении особого назначения – 5 лет. Для оценки личностных структур испытуемых применялись методики: личностный опросник агрессивности Басса-Перри, «Тест руки» Вагнера, тест фрустрационной толерантности Розенцвейга, методика многостороннего исследования личности (ММИЛ) в интерпретации Ф.Б. Березина, тест «Исследование волевой саморегуляции А. Зверкова, Е.В. Эйдмана, Торонтская алекситимическая шкала Тейлора, опросник эмоциональной эмпатии Мехрабиана и Эпштайна, методика «Ценностные ориентации» Рокича, опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля».

Полученные данные анализировались с помощью коэффициента корреляции Спирмена. На основе выявленных статистически значимых корреляций ($p < 0,05$) были построены корреляционные плеяды.

Данные корреляционного анализа показали, что проагрессивные факторы в структуре личности исследуемой группы преобладают над факторами, ингибирующими агрессию, являясь при этом центральным компонентом данной личностной структуры в форме враждебности и гнева. Кроме того, обнаружено, что снижению выраженности разного типа проявлений агрессии – общей, мотивационной и ситуативной – способствуют разные ингибирующие механизмы при том, что один и тот же показатель, являясь ингибирующим для одного типа агрессии, может выполнять роль проагрессивного фактора для другого. Обнаружено, что при значительной выраженности ценностных показателей в структуре личности рассматриваемой группы испытуемых только часть из них выполняет ингибирующую функцию, а механизмы психологической защиты не являются ингибирующими для показателей агрессии в данной структуре личности, при этом фактор тревоги является ингибирующим агрессию, проявляясь в форме уровня тревожности и депрессии, однако усиливает выраженность агрессивных тенденций при проявлении в форме соматизации тревоги и фиксации тревоги с ограничительным поведением.

Таким образом, полученные результаты могут быть положены в основу разработки направлений раннего выявления и профилактики психологических факторов, оказывающих влияние на возможность совершения противоправных агрессивных действий сотрудниками правоохранительных органов.

Литературы

1. Калашникова А.С. Соотношение личностных предпосылок разнонаправленной (гетеро- и ауто-) агрессии // Мир психологии. 2009. № 4. С. 258-266.
2. Лютых В.А., Коноплева И.Н. Индивидуально-психологические особенности

личности сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 128-141.

3. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
4. Andersen J.P., Papazoglou K., Koskelainen M., Nyman M., Gustafsberg H., Arnetz B.B. Applying resilience promotion training among special forces police officers. [Электронный ресурс] // Sage open. 2015. P. 1-8.
5. Garbarino S., Chiorri C., Magnavita N., Piattino S., Cuomo G. Personality profiles of special force police officers. [Электронный ресурс] // Journal of police and criminal psychology. 2012. Vol. 27. P. 99-110.

Особенности профессионального отбора сотрудников органов внутренних дел к переговорной деятельности

Вахнина В.В.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Несмотря на существование исследований по проблеме переговорной деятельности, в настоящий момент отсутствует методический инструментарий, достаточный для более точной диагностики ее психологических характеристик по субъектам переговорного процесса и социально-психологических особенностей кризисных ситуаций, поэтому возникает необходимость в обосновании научной методики, которая позволила бы определять содержание и психологические особенности проявления кризисов переговорной деятельности в практике органов внутренних дел.

На наш взгляд, в юридической психологии одним из основных методов может быть системно-ситуационный анализ. Данный метод позволяет получить более достоверные и точные результаты, чем применение других методов. Возможности разнообразного содержательного наполнения бланка ретроспективного анализа ситуации позволяют получать необходимую информацию в зависимости от тех задач, которые ставит перед собой исследователь.

Использование в качестве ведущего метода системно-ситуационного анализа для изучения кризисов переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел вовсе не означает игнорирования других методов социально-психологического исследования. Для современной психологической науки наиболее целесообразным в исследовании является комплексное использование различных методов и методик, которые дополняют друг друга и обеспечивают нейтрализацию тех ограничений и недостатков, которые присущи тому или иному методу.

В социальной психологии А.Я. Анцупов развил и успешно реализовал ситуационный подход при исследовании межличностных конфликтов в отношениях офицеров. В дальнейшем метод получил свое развитие в ряде исследований (А.И. Шипилов, 1992; Ю.И. Мягков, 1994; С.Л. Прошанов, 1995; Д.Л. Моисеев, 1996; В.В. Синеок, 1997; И.А. Ламанов, 1998). По мнению ученых, «этот подход обеспечивает

создание хорошей эмпирической базы, являющейся основой получаемых теоретических обобщений и практических рекомендаций» (Анцупов А.Я., 2015, с.152).

В качестве основы исследования кризиса переговоров была выбрана кризисная ситуация. Вопросы, в соответствии с которыми проводили ретроспективный анализ кризиса переговорной деятельности, касались преимущественно его объективных параметров: особенности профессиональной деятельности, месяц и год, когда произошел кризис в переговорах, наличие или отсутствие поддержки со стороны окружающих (начальников, сотрудников групп ведения переговоров), влияние кризисной ситуации на участников и ближайшее социальное окружение. Для снижения влияния личностного фактора на объективность получаемой информации обработке подвергались не только переговоры, описанные самими участниками, но и свидетелями, руководителями. были выделены: перечень криминальных ситуаций; факторы, влияющие на возникновение, преодоление и предупреждение кризиса в переговорах; проблемы в организации процесса переговорной деятельности; показатели, характеризующие преодоление кризиса переговоров; личностные, психологические характеристики переговорщика, важные для преодоления и предупреждения кризиса переговоров; показатели деятельности субъектов переговоров, способствующие достижению и реализации целей переговоров.

Изучение детерминант и психологических составляющих кризисных явлений переговорной деятельности позволит сформировать целостную системообразующую психологическую концепцию антикризисной переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел, разработать методическую модель для практики профилактики и преодоления кризисов переговорной деятельности сотрудниками органов внутренних дел, что будет способствовать развитию психологии антикризисной переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Литература

1. Анцупов А.Я. Конфликтология: учебник. 6 изд., испр. и доп.: СПб: Питер, 2015. 552 с.

Совершенствование профессионального общения в правоохранительной деятельности

Вишневская В.П.

ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь)

Возросшая информированность общества относительно деятельности государственных органов системы обеспечения национальной безопасности, изменившееся информационное пространство, динамика международных, экономических, межконфессиональных и других процессов, выдвигают ряд актуальных вопросов, касающихся совершенствования психологической подготовки сотрудников правоохранительных органов. В частности, направленных на повышение уровня профессионализма сотрудников, стимулирование их взаимодействия со специалистами других государств и обмена опытом, научной, методической

информацией относительно успешного решения профессионально-служебных задач.

Успех профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов во многом обеспечивается высоким уровнем профессионального общения и коммуникативной компетентности.

Рассматривая вопросы совершенствования профессионального общения у сотрудников правоохранительных органов, целесообразно обратить внимание на следующие их, аспекты:

1) совершенствование форм и методов специальной психологической подготовки сотрудников, обеспечивающих эффективное выполнение ролевой деятельности;

2) формирование ролевой компетентности сотрудников для осуществления оперативно-розыскной деятельности;

3) развитие коммуникативной компетентности сотрудников для осуществления правоохранительной деятельности;

4) совершенствование (включая тренинговые психотехнологии) этнопсихологической подготовки, переподготовки и повышение квалификации указанной выше категории сотрудников, в целях повышения борьбы с транснациональной преступностью;

5) совершенствование антиманипулятивной стратегии и тактики профессионального общения сотрудников для осуществления правоохранительной деятельности;

6) повышение уровня профессионализма сотрудников, выражающегося в частности, в устойчивости к многообразию приемов и методов информационно-психологического воздействия манипулятивного характера, которые могут быть использованы, против них;

7) формирование стрессоустойчивости.

Наряду с тем, что вопросам профессионального общения в процессе психологической подготовки сотрудников для осуществления правоохранительной деятельности уделяется большое внимание, целесообразно активно использовать тренинговые психотехнологии направленные на совершенствование этнокультурной и ролевой компетентности.

Следует заметить то, что игнорирование учета национальных особенностей общения, стереотипное восприятие сотрудниками представителей других государств, может послужить основанием создания в ходе выполнения служебных задач непреднамеренной конфликтной ситуации или иных сложностей.

В этой связи есть основания полагать то, что совершенствование этнопсихологической подготовки сотрудников для осуществления оперативно-розыскной и иной деятельности будет способствовать повышению уровня их профессионализма, эффективному взаимодействию с представителями силового блока других государств, в рамках решения служебных задач (борьбы с транснациональной преступностью, торговлей людьми и др.).

Исходя из анализа данных, представленных в научной литературе следует, что в

зарубежной практике накоплен многолетний опыт использования тренинговых психотехнологий, направленных на обеспечение эффективности профессионального общения, ролевой компетентности специалистов силового блока с целью успешного решения профессионально-служебных задач (Вишневская В.П., Сутович Е.И., 2014).

Литература

1. Вишневская В.П., Сутович Е.И. Коммуникативная компетентность сотрудников государственных органов системы обеспечения национальной безопасности (теоретические и практические аспекты): учеб. пособие. 2-е изд. перераб. и доп.: Минск: ГУО «ИПС РБ», 2014. 201с.

Психологические условия проявления гендерных различий в профессиональной деятельности сотрудников ОВД

Гончарова Е.М.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Новизна рассматриваемой темы заключается в том, что раздел гендерной психологии, изучающий взаимоотношения между представителями обоего пола и проявление гендерных различий в профессиональной деятельности только начинает складываться. Это результат того, что сама дисциплина «гендерная психология» существует как самостоятельная наука с конца 70-х годов XX в.

Актуальность темы заключается в том, что кризис, переживаемый нашим обществом, базисные изменения общественных отношений предопределили не только глобальные изменения среды функционирования ОВД, но и привели к существенным изменениям условий деятельности сотрудников.

Социальный прогресс с его демократизацией отношений полов, стиранием границ между «мужскими» и «женскими» профессиями, совместные обучение и работа изменяют и нормативные представления о мужских и женских половых ролях, нивелируют многие, казавшиеся раньше «естественными» различия.

Одновременно с этим сотрудники всех звеньев сталкиваются с негативными аспектами расширения сферы деятельности женщин в системе правоохранительных органов.

Таким образом, необходимо провести тщательный анализ проблемы гендерных особенностей в выполнении профессиональных обязанностей сотрудников ОВД, а также особенности формирования профессионально-важных качеств у женщин-сотрудников ОВД.

Целью нашего исследования является изучение проявления гендерных различий в выполнении профессиональных обязанностей женщин-сотрудников ОВД.

В исследовании приняли участие женщины-сотрудники, занимающие должности инспекторов, старших инспекторов, а также заместителей начальников инспекций по делам несовершеннолетних отделов внутренних дел г. Москвы в количестве 100 человек. Для сравнения к исследованию было привлечено 25 мужчин-

сотрудников тех же должностей. Выборка представлена инспекторским составом разных рангов и занимаемыми должностями.

При проведении эмпирического исследования профессионально-важных качеств сотрудников ОВД было выявлено: женщины, занимающие должности инспекторов по делам несовершеннолетних, более чувствительны и сдержаны в общении, тогда как мужчины, занимающие аналогичные должности, более практичны, смелы, расслаблены в общении с несовершеннолетними. Также прослеживается взаимосвязь между званием и занимаемой должностью в отношении подверженности чувствам и высокой нормативностью поведения у мужчин, то есть чем выше должность и звание, тем выше показатели нормативности поведения. Мы можем утверждать, что личные качества инспекторов подвержены изменению в связи со службой в этих подразделениях. Так выявлено, что женщины, занимающие высокие должности и имеющие звания среднего начальствующего состава и выше, больше проявляют чувства, нежели высокую нормативность поведения. Это взаимосвязано с физиологической особенностью женщин, а именно инстинктом материнства, где также проявляется более низкий самоконтроль в отличие от мужчин-инспекторов.

Кроме того, различия в поведении женщин и мужчин отражают внутренние личностные отличия, то есть различные социальные роли, которые занимают мужчины и женщины, требуют разных типов поведения и стимулируют развитие разных личностных качеств (Жорникова Е.Н., 2003).

Для получения хороших результатов в работе с несовершеннолетними, сотрудникам соответствующих подразделений необходимо адекватно оценивать свои личные качества и правильно расставлять акценты по их проявлению в профессиональной деятельности, а также необходимо на стадии подготовки инспекторского состава обращать внимание на аспекты подготовки личного состава, при этом не только на теоретическую и психологическую подготовку, но и на практико-ориентированную (Гончарова Е.М., Коренкова Е.В., 2016).

Литература

1. Гончарова Е.М., Коренкова Е.В. Условия деятельности и психологические аспекты формирования личности сотрудников инспекций по делам несовершеннолетних с учетом гендерных различий // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2016. № 7. С. 241-244.
2. Жорникова Е.Н. Личностные факторы профессиональной карьеры женщин в налоговой системе: Автореферат дисс... канд. психол. наук. М., 2003. 25 с.

Комплексный подход в проведении профессионально-психологического отбора кадров в ОВД Донецкой Народной Республики

Гостеева Т.В.

ОВД МВД ДНР (г. Донецк, ДНР)

Семенова Н.А.

ОВД МВД ДНР (г. Донецк, ДНР)

Ковальчишина С.В.

ДГУ МВД ДНР (г. Донецк, ДНР)

Служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, которая выдвигает повышенные требования к профессиональным качествам своих сотрудников. Это обусловлено интенсивностью и экстремальностью правоохранительной деятельности. В настоящее время, когда нарушена базовая потребность населения в безопасности, жители Донецкой Народной Республики (ДНР) особо нуждаются в эффективной работе полиции.

Поступая на службу в полицию ДНР, кандидаты проходят многоступенчатый отбор, особое внимание при котором отводится изучению профессионально-важных психологических качеств будущих полицейских.

С целью повышения эффективности профессионально-психологического отбора кандидатов на службу к.психол.н. полковником полиции Гостевой Т.В., главным психологом отдела психологического обеспечения ОВД МВД ДНР, была разработана и внедрена «Комплексная программа оценки и отбора кандидатов на службу в ОВД МВД ДНР». Основой данной программы является метод «Ассесмент-центра».

Концепция профессионально-психологического отбора, которую служба психологического обеспечения МВД ДНР применяет при отборе персонала на службу, предоставляет возможность установить уровень развития познавательных процессов, готовность кандидата к действиям в экстремальных условиях, определить тип профессиональной мотивации и прогнозировать успешность профессиональной деятельности, что дает более объективное представление о кандидате. Концепция подразумевает три этапа изучения.

Первым этапом характеризуется психодиагностическим изучением интеллектуальных способностей кандидатов и их мотивационной направленности.

На втором этапе используются проективная методика «Я в экстремальной ситуации» и индивидуальное интервью, во время которого определяется модель поведения кандидата в экстремальной ситуации и дается характеристика процесса принятия решений в экстремальных ситуациях.

На третьем этапе проводится психодиагностический мини-тренинг, предполагающий проведение тренинговых упражнений и экспертных процедур, с помощью которых прогнозируется профессиональная успешность кандидатов на службу в ОВД и наличие профессионально-важных для сотрудника ОВД компетенций. По итогам проведения отбора выносится суммарный вывод о профпригодности оцениваемого: «рекомендуется» для прохождения службы в ОВД МВД ДНР,

«рекомендуется условно» для прохождения службы в ОВД МВД ДНР, «не рекомендуется» для прохождения службы в ОВД МВД ДНР.

С целью проверки надежности применяемого метода нами был проведен по договоренности с руководством МВД ДНР эксперимент: кандидаты, которые получили негативный результат профессионально-психологического отбора, были приняты на службу в ОВД. В течение полугода их профессиональная деятельность находилась под наблюдением и анализировалась группой специалистов (непосредственный руководитель, психолог подразделения и главный психолог ОПО УК МВД ДНР). В эксперименте приняли участие 45 человек. В результате было установлено, что 6 (13,3%) сотрудников были уволены со службы по причине аддиктивного поведения (злоупотребление алкогольными напитками), в отношении 3-х (6,6%) были возбуждены уголовные дела по факту злоупотребления служебными полномочиями, 20 (44,4%) человек испытывали трудности в процессе адаптации, в результате руководители указывали на их низкую эффективность в работе, 16 (35,5%) не прошли процесс адаптации и были уволены по собственному желанию.

Таким образом, проведенный эксперимент подтвердил надежность «Комплексной программы оценки и отбора кандидатов на службу в ОВД МВД ДНР». По итогам эксперимента был сделан следующий вывод:

- 1) считать результат по психодиагностическому тренингу приоритетным при оценке кандидата;
- 2) профессионально-психологический отбор считать первым этапом отбора кандидатов на службу в ОВД МВД ДНР;
- 3) кандидатов, получивших негативный результат в ходе профессионально-психологического отбора по «Комплексной программе оценки и отбора кандидатов на службу в ОВД МВД ДНР» считать непригодными к службе и не допускать к следующим этапам профессионального отбора.

Анализируя вышеизложенное, отметим что только комплексный и системный подход при отборе на службу в полицию, включающий всестороннее изучение личности и ее паттернов в различных ситуациях, способен дать наиболее объективную оценку готовности кандидата к деятельности в экстремальных условиях.

Эргономический подход в образовании

Евсеева И.Г., Ульянова И.В., Никитина Е.О.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Современное педагогическое пространство образовательных организаций высшего образования МВД России отличается интенсивными реформами, в том числе интеграционными тенденциями, которые реализуются на горизонтально-вертикальном уровне, укрепляя и межкафедральные связи в области научной и научно-педагогической деятельности, и синтез теории с практикой.

В частности, кабинет педагогического мастерства формируется специалистами

кафедры педагогики Учебно-научного комплекса психология служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя как эффективная образовательная среда, где преподаватели указанной кафедры проводят занятия (лекции, семинары, практикумы), заседания научного кружка с курсантами – будущими социальными педагогами, с курсантами – будущими инспекторами по делам несовершеннолетних и курсантами – будущими психологами ОВД. Очевидно, что сама территория кабинета становится фактором объединения обучающихся разных специальностей, содействуя преодолению возможных психологических, коммуникативных барьеров между ними.

Указанный кабинет оформляется с учетом актуальных эргономических характеристик. Проблема эргономики имманентно связана с педагогическим процессом как пространственно-средовой фактор, обуславливающий эффективное взаимодействие педагога, преподавателя и обучающихся. На базе классического объекта исследования эргономики (от др.греч. ἔργον- работа и νόμος- закон) – системы «человек–машина–среда», связанного преимущественно с производственно-экономическими вопросами, позже – с психологией труда, сегодня уверенно заявляет о себе молодая, но приобретающая очевидную автономность прикладная отрасль педагогики – эргономическая. Для курсантов образовательное пространство университета не только информирующее, стимулирующее, коммуникативное, защищающее, но и профессионально формирующее, личностно развивающее, духовно обогащающее. В работах Т.С. Назаровой, Н.А. Пугал, Н.Н. Суртаевой и др. подчеркивается: без учета эргономического фактора создание качественной образовательной среды невозможно (Криулина А.А., 2003; Пугал Н.А., Трайтак Д.И., 2000).

А.А. Криулина раскрыла психологические и педагогические ресурсы эргономики, способной влиять на синтез в образовательном пространстве трех областей науки и практики: психологии, экологии, дизайна. Образовательное пространство в данной концепции включает следующие основные компоненты: искусственную рабочую среду для преподавателей и обучающихся, информационную среду, социальную среду, внутреннюю (психическую) среду всех участников образовательного процесса. В качестве психотравмирующих факторов образовательного пространства отмечаются противоречия между указанными средами, неэстетичный и малоэстетичный вид здания, мебели, учебников, конфликтные ситуации (Криулина А.А., 2003). «Одним из приемлемых способов практического воплощения...» идеи гармонизации образовательного пространства «может служить представление о нем как о единой нераздельной целостности» (Криулина А.А., 2003, с. 35).

Д.Р. Баетова теоретически и экспериментально обосновала педагогико-эргономические условия построения информационно-предметной среды учебного кабинета образовательных организаций высшего образования, обеспечивающие качество подготовки будущих специалистов и комфортность педагогической деятельности субъектов учебно-воспитательного процесса. «Педагогико-эргономические условия построения информационно-предметной среды учебного

кабинета образовательных организаций высшего образования... – это обстоятельства, которые обеспечивают формирование профессиональных знаний, умений, профессиональных компетентностей, развитие профессиональной направленности личности с учетом комплекса антропометрических, физиологических, психологических особенностей человека, проявляющихся в процессе использования возможностей информационно-предметной среды» (Баева Д.Р., 2007, с.14). Информационно-предметная среда учебного кабинета образовательных организаций высшего образования понимается как предметный контекст будущей профессиональной деятельности обучающихся.

В смысложизненно-ориентационной образовательной концепции (И.В. Ульянова) педагогическая эргономика сущностно близка дефиниции «образовательное пространство», как информативного, так и эмоционального, диалогового, этичного, эстетичного, интегративного, системного, профессионально ориентирующего. По авторскому замыслу, образовательное пространство любой образовательной организации – структурная компонента целостного педагогического процесса, в идеале – воспитательной системы, в которой помимо содержания, субъектов, условий, средств и проч., представлено идеологическое ядро образовательного процесса – концепция формирования гуманистических смысложизненных ориентаций личности. В контексте данной концепции кабинет педагогического мастерства – это учебно-профессиональный кабинет, на территории которого накладываются друг на друга пространственно-предметно-психо-физическая, деятельностно-творческая, духовно-нравственная среды образовательного процесса, представляя в целостности личностно, профессионально развивающее пространство (Ульянова И.В., 2015).

Литература

1. Баева Д.Р. Построение информационно-предметной среды учебного кабинета вуза на основе эргономического подхода: Автореф. дисс... канд. пед. наук. Омск, 2007. 23 с.
2. Криулина А.А. Эргодизайн образовательного пространства (размышления психолога). М.: ПЕР СЭ, 2003. 192 с.
3. Пугал Н.А., Трайтак Д.И. Кабинет биологии. М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2000. 192 с.
4. Ульянова И.В. Педагогика смысложизненных ориентаций: учебное пособие. Саратов: Вузовское образование, 2015. 245 с.

К вопросу о повышении эффективности допроса свидетелей

Жаринов И.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Калашникова А.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии
им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (г. Москва, Россия)

В целях повышения эффективности допроса, в рамках юридической психологии активно изучаются различные личностные особенности участников судебного процесса – обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. При этом изучению личности свидетеля в следственной практике уделяется наименьшее внимание. Авторы в большей степени склонны анализировать зависимость качества свидетельских показаний от социально-демографических особенностей допрашиваемого лица и в меньшей степени – от личностных особенностей свидетелей. Можно отметить лишь единичные работы по анализу влияния на ход допроса темперамента человека (Пиков И.Е., 2012), особенностей интеллектуального развития (Бастрыкин А.И., 2010), внушаемости и впечатлительности (Ефремов И.В., 2010). При этом в частности недостаточно изученной является такая особенность личности как локус контроля, который определяет склонность личности приписывать ответственность за свои действия внешним факторам и обстоятельствам (так называемый экстернальный локус) или же личным способностям (интернальный локус).

Целью настоящего исследования явилось определение наиболее эффективных тактик проведения допроса свидетелей с различными личностными особенностями.

Испытуемые. В исследовании принимали участие 35 студентов с экстернальным типом локус контроля и 35 студентов с интернальным типом локус контроля.

Методы исследования. Основным методом исследования явился эксперимент, в ходе которого испытуемые выступали в роли «свидетелей» – очевидцев специально разыгранного криминального происшествия – кражи, а затем стали участниками смоделированной ситуации допроса. Данные, полученные в ходе беседы, заносились в специально разработанный протокол, содержащий все объективно присутствующие в демонстрационном материале параметры. В случае, когда испытуемый затруднялся воспроизвести ряд деталей увиденного, к нему применялись различные тактические приемы допроса, такие как: 1) максимальная детализация; 2) положительная оценка допрашиваемого лица; 3) техника телесной подстройки; 4) обратный рассказ ситуации; 5) разъяснение свидетелю значимости сведений, которые нужно получить и их важности для эксперимента; 6) свободный рассказ; 7) юмор; 8) обращение к здравому смыслу свидетеля, убеждение в ошибочности его позиции; 9) интерес к личности; 10) прием ассоциации по контрасту и времени.

Кроме этого применялись методика УСК, разработанная и адаптированная Е.Ф. Бажиным и А.М. Эткингом, для изучения типа локус контроля испытуемых; методика Мини-мульти, разработанная шведским психологом Кинканном и адаптированная в русском варианте В.П. Зайцевым и В.Н. Козюлей, для анализа личностных особенностей исследованных лиц.

Результаты исследования были проанализированы с помощью статистических методов – U-критерий Манна-Уитни и коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение. Согласно полученным результатам, эффективные ответы без применения каких-либо тактических приемов дали 85.7% лиц с интернальным типом локус контроля и лишь 17.3% испытуемых с экстернальным

типом локус контроля. С помощью критерия Манна-Уитни было подтверждено статистически значимое различие между группами ($p \leq 0.05$).

В связи с необходимостью применения дополнительных тактических приемов именно в отношении лиц с экстернальным локусом контроля, дальнейшее исследование было сосредоточено на представителях данной группы. С помощью методики Минимульт среди испытуемых с экстернальным типом локуса контроля были выделены три ключевые подгруппы испытуемых с ведущими пиками в личностном профиле: «истерия» (34.28%), «психастения» (34.28%), «шизоидность» (31.42%).

Статистический анализ выявил прямую корреляционную связь между применением тактических приемов «обратный рассказ произошедшего», «свободный рассказ» и «максимальная детализация» и эффективностью проведения «допроса» в подгруппе экстерналов с пиком по шкале «истерия» ($p < 0.01$), причем самым эффективным оказался прием «свободный рассказ».

Прямая корреляционная связь была выявлена между итоговой успешностью проведения «допроса» в подгруппе экстерналов с пиком по шкале «психастения» и приемами «интерес к личности» ($p < 0.01$), «юмор» ($p < 0,01$), «положительная оценка» ($p < 0.05$) и «разъяснение значимости сведений» ($p < 0.05$), причем самым эффективным оказался прием «интерес к личности».

Среди экстерналов с пиком по шкале «шизоидность» прямая корреляционная связь была выявлена между итоговой успешностью проведения «допроса» и приемами «обращение к здравому смыслу» ($p < 0.01$), «ассоциации по времени и контрасту» ($p < 0,01$), «положительная оценка» ($p < 0.05$) и «интерес к личности» ($p < 0.05$), наиболее эффективным оказался прием «ассоциации по времени и контрасту».

Литература

1. Бастрыкин А.И. Криминалистика: техника, тактика и методика расследования преступлений. 2-е изд., переработанное и дополненное: Санкт-Петербург: Юридический центр пресс, 2010. 502 с.
2. Ефремов И.В. Полиграф как средство доказывания // Российский полиграф. 2010. №7. С. 105-107.
3. Пиков И.Е. Учет особенностей темперамента и характера человека в процессе его допроса // Известия российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2012. №133. С. 112-118.

Кадровый профайлинг как метод выявления личностных особенностей, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность кандидатов на службу в органы внутренних дел

Калашник А.А.

Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Архангельску
(г. Архангельск, Россия)

Изменения, произошедшие в правоохранительных органах за последнее время, показывают существенный рост уровня требований к кандидатам, желающим

поступить на службу в органы внутренних дел. В связи с этим при проведении профессионального психологического отбора на службу (далее – ППО) важным аспектом выступает не только выявление необходимых профессионально важных качеств, компетенций кандидата, но и личностных особенностей, не позволяющих успешно выполнять профессиональные задачи. Речь идет о лимитирующих функциях ППО, устанавливающих ту границу необходимых индивидуально-личностных, интеллектуальных, психофизиологических особенностей личности кандидата ниже которой невозможно успешное выполнение профессиональных обязанностей на должности.

Личностными особенностями, лимитирующими профессиональную психологическую пригодность кандидата на службу в ОВД, являются такие особенности личности, которые не позволяют успешно адаптироваться к новым условиям служебной деятельности, создают сложности и трудности при выполнении возложенных на сотрудника полиции обязанностей.

Анализ профессиональной деятельности и личностных особенностей сотрудников полиции показывает, что лица, которые имеют низкий уровень профессиональной успешности, обладают более выраженными деструктивными проявлениями индивидуально-типологических особенностей, регуляторных свойств, ценностно-смысловой сферы, чем успешные. Важным моментом является факт того, что сотрудник с высоким уровнем деструктивных тенденций готов к совершению не только асоциальных, но и аутоагрессивных поступков (Злоказов К.В., 2014).

Одним из перспективных способов выявления лимитирующих личностных особенностей, выступает технология кадрового профайлинга, которая позволяет определить профессиональную психологическую пригодность кандидата на должность при помощи соотнесения его характерологических особенностей личности с профилем должности, с учетом функциональных обязанностей, которые ему предстоит выполнять. Использование детекции лжи при собеседовании дает возможность оценить истинность, правдивость предоставляемой кандидатом информации, что способствует выявлению факторов риска, указанных в Правилах профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

Профилирование кандидата на службу осуществляется на основе комплексной оценки его вербального и невербального поведения, а также оценки особенностей контекста, в котором происходит профилирование, с учетом факторов, оказывающих влияние на него. Все это дает возможность при правильной подготовке составить подробный психологический портрет человека, полностью отражающий все важнейшие аспекты его личности.

Для составления профиля личности, профайлеру необходимо лишь провести анализ вербального и невербального поведения исследуемого человека через призму метапрограмм, эмоционального профилирования, пирамиды ценностей и актуальных целей, характера и его маски, лингвистического и пресуппозиционного анализа речи (Филатов А., 2016).

Полный профиль раскрывает информацию практически обо всех аспектах жизни

человека: его личностные характеристики, ценности, мотивы и убеждения, а также позволяет спрогнозировать его поведение в интересующем нас контексте или ситуации. Это представляет особую ценность при осуществлении кадрового менеджмента, поскольку позволяет не только сделать выводы о соответствии кандидата вакантной должности, но также прогнозировать его возможности осуществления профессиональных обязанностей и взаимоотношений с коллегами.

Таким образом, применение современной технологии кадрового профайлинга, в процессе специально организованного собеседования с кандидатом на службу, позволит повысить эффективность проведения профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел РФ.

Литература

1. Злокасов К.В. Эмпирический анализ типов деструктивности сотрудников правоохранительных органов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 195-201.
2. Филатов А. Профайлинг: как научиться разбираться в людях и прогнозировать их поведение. М.: Перо, 2015. 392 с.

О взаимодействии полиции и населения по предупреждению терроризма

Ковальчишина Н.И.

Ltd. "PSY-CONSULTING" (г. Хайфа, Израиль)

Современный этап развития общества характеризуется существенными изменениями в экономической, политической и социальной сферах. Мир претерпевает сегодня глобальные трансформации, что способствует значительному росту преступлений террористического характера. Количество террористических актов непрерывно растет и их снижения, как указывают эксперты, в ближайшем будущем не наблюдается. Терроризм принял беспрецедентный размах в наше время и является одной из самых острых среди целого ряда проблем, стоящих перед человечеством (Боташева А.К., 2008).

Как показывает практика борьбы с терроризмом, с помощью традиционных мер эффективно противодействовать сегодня современным террористическим угрозам невозможно. Нужен новый комплексный подход в организации системы мер на международном, общегосударственном и региональном уровнях, учитывающий новые политические, экономические, военные, а также психологические закономерности и механизмы, новейшие информационно-психологические технологии, которые использует современный терроризм (Емельянов В.П., 2002).

Взаимодействие полиции и населения – одна из перспективных возможностей противостоять терроризму. Оно должно базироваться, прежде всего, на принципах системности и добровольности, а это возможно только при высоком доверии населения правоохранительной системе государства. В государствах, где правоохранительные органы имеют высокий рейтинг доверия у населения, противоправных действий, в том

числе и терактов, совершается меньше. Как отмечает В.И. Гавриленко, эффективность власти в демократическом государстве зависит от качества её взаимодействия с гражданским обществом (Гавриленко В.И., 2006).

В странах Западной Европы и в США например, полиции доверяют приблизительно три четверти респондентов. Так наибольшее доверие полиции оказывают жители Швеции (87%) и Германии (85%). Совсем другая картина в странах Центральной и Восточной Европы, где в среднем только 47% граждан выразили позитивное отношение к этой группе. Такие данные были получены в ходе международного исследования «Индекс доверия GfK» (GfK Trust Index), ежегодно проводимого немецкой транснациональной исследовательской группой GfK в Европе и США (2008 г.).

В Израиле по данным центрального статистического бюро (2016 г.) 53% населения доверяет полиции, 26% – «не особо доверяют полиции», и еще 18% в категоричной форме заявили, что не доверяют правоохранительным органам. При этом полиция пользуется большей поддержкой еврейского населения (57%), чем арабского (34%).

В России по данным ВЦИОМ (2014 г.) 56% россиян относятся к полиции с доверием, при этом 13% доверяют ей полностью, а 43% – лишь в определенной степени. В то же время 41% россиян отмечают, что на сотрудников органов внутренних дел положиться нельзя, а 58% опрошенных считают помощь полиции в решении проблем несущественной.

Безусловно, говорить сегодня о безопасности в Европе, осаждаемой тысячами мигрантов, не приходится. Однако население там активно взаимодействует с полицией, что способствует своевременному выявлению и предотвращению возможных терактов.

В России в последнее время также наблюдается большое количество раскрытых и обезвреженных террористических угроз, что говорит о высоком профессионализме специальных подразделений полиции, хорошо поставленной оперативной работе. Однако для более эффективной работы в этом направлении необходим, по мнению многих авторов, налаженный систематический контакт с населением.

Как известно террористы ведут скрытый образ жизни, но для осуществления своей преступной деятельности им необходимо контактировать в социуме, где-то жить, чем-то питаться и т.д. Их везде окружают простые люди, которые могут, хотят и должны при правильном взаимодействии с соответствующими структурами оказывать посильную помощь.

Так в Израиле, где почти ежедневно совершаются всевозможные террористические действия, как в отношении военных, так и простых граждан, внедрен и активно используется метод задействования волонтеров, который включает в себя все прослойки населения. Часть волонтеров участвует активным образом в предотвращении террора, борьбе с преступностью и уголовной деятельностью. А часть прикреплены к различным структурам полиции и осуществляют профессиональную поддержку в выполнении их функций.

Таким образом, парадигма взаимодействия полиции и населения заключается в

тесном контакте, основанном на общих целях безопасности и взаимном доверии. Только совместная деятельность правоохранителей и простых людей сможет предотвратить распространение идей терроризма в государстве. Поэтому необходимо при правоохранительных органах создавать своеобразные мобильные волонтерские группы, которые будут работать с населением по предотвращению терроризма, проводить профилактические семинары с молодежью, разъясняя основные принципы терроризма, возможные последствия и угрозу, которую они несут всему человечеству.

Литература

1. Боташева А.К. Отличительные признаки современного терроризма: актуальные проблемы исследования // Политика и общество. 2008. № 9 (51). С. 15-21.
2. Гавриленко В.И. Гражданское общество и правовое государство: проблема обеспечения синхронного развития // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 36.
3. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. Уголовно-правовое исследование. СПб., 2002. С. 33-34.

Факторы, влияющие на успешность адаптации сотрудника полиции к условиям службы

Коноплева И.Н., Ремеева А.Ф.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Процесс адаптации сотрудника правоохранительных органов, как правило, рассматривают с двух точек зрения: как профессиональную адаптацию и как социально-психологическую адаптацию.

Профессиональная адаптация сотрудника полиции проявляется в приспособлении и привыкании к характеру труда, режиму и условиям труда, в определенном уровне овладения профессиональными знаниями, умениями и навыками, в формировании необходимых профессиональных качеств личности, являющихся условием успешного овладения данной специальностью.

Социально-психологическая адаптация предполагает включение человека в систему взаимоотношений трудового коллектива, приспособление его к этим отношениям, усвоение их норм, ценностей, традиций данного коллектива.

Адаптация в правоохранительных органах предполагает включенность в деятельность организации. Если процесс адаптации протекает успешно, это находит выражение в умении соблюдать дисциплину, в позитивно окрашенных взаимоотношениях с товарищами, руководством. Если же молодой сотрудник не может включиться в ведущую деятельность, не соответствует ролевым ожиданиям, которые ему предъявляются, переживает состояние изолированности, то можно констатировать дезадаптированность к условиям службы.

Стремление адаптироваться начинается с попыток сблизиться с коллективом в

сфере решения чисто деловых задач. Любая помощь на первых порах со стороны коллектива создает положительный эмоциональный тон, определяющий отношение молодого сотрудника к коллегам и к самой работе.

Несмотря на многообразие знаний, полученных выпускниками юридических ВУЗов, есть вероятность, что их окажется недостаточно для успешной работы. По этой причине молодой сотрудник вынужден многому учиться непосредственно в своем подразделении, у старших коллег. И вместе с профессиональными умениями и навыками часто перенимаются и внешние черты деятельности своих учителей. Так, можно невольно перенять от них манеру обращения с коллегами, манеру одеваться и т.д.

Разумеется, более опытные сотрудники не всегда становятся авторитетами для новичков, но в вышеуказанной ситуации естественный отбор эталонов для подражания, сличение себя с ними происходит не так критично, как в обычных случаях. Поэтому появляется опасность попадания под влияние одного из псевдоавторитетов или усвоения чужих профессиональных ошибок, вредных привычек, приобретения нежелательных навыков и т.д. Очень полезно, учитывая специфику этих явлений, прислушиваться к мнению большинства членов группы, наблюдающих за новичком как бы со стороны и наблюдающих его промахи.

Освоившись с особенностями работы в новом коллективе, молодой сотрудник расширяет ту сферу, в которой делает попытки к сближению с товарищами: его начинает интересовать сфера быта, досуга группы. Это более длительный и сложный процесс, но информация, получаемая при этом, чрезвычайно важна; выясняется, насколько общими у новичка и группы оказываются оценки людей, их поступков, взгляды на жизнь и моральные ценности вообще. Если эти ценности, установки, оценки совпадают, по крайней мере по принципиальным вопросам, процесс адаптации происходит быстрее и безболезненнее. Таким образом, именно начало самостоятельной работы является для молодых сотрудников трудным в психологическом отношении.

Важным фактором, влияющим на адаптацию личности, являются ее индивидуальные особенности, которые либо помогают вписаться в сегодняшние условия правоохранительной деятельности, либо ведут к дезадаптации и профессиональной непригодности. Каждая служба накладывает определенный отпечаток на психику сотрудника. У тех сотрудников, которые успешно адаптировались на данной службе, сформировался определенный набор качеств, которые благоприятно сказываются в служебной деятельности. Профессиональная адаптация затруднена, как правило, у тех сотрудников, у которых отсутствуют или недостаточно развиты профессионально-важных качеств и особенности личности, способствующие успешной адаптации.

Особенности психологического консультирования руководителей территориальных органов внутренних дел как вида психологической работы

Котенев И.О., Жуковская И.В.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Одним из ключевых направлений кадровой политики в органах внутренних дел России является повышение уровня профессионализма руководящих кадров, комплектование кадрами, способными успешно решать поставленные оперативно-служебные задачи. Назначение на руководящие должности осуществляется не только с учетом профессиональных требований, опыта, квалификации, но и индивидуально-психологических особенностей, психологического потенциала личности сотрудника (Марьин М.И., 2003). Проводя мероприятия психологической работы с данной категорией сотрудников, психолог использует целый ряд методов, одним из которых является консультирование.

Психологическое консультирование как вид психологической помощи помогает решать различный круг проблем или затруднений психологического характера (Кочюнас Р., 1999). Психологическая помощь востребована сотрудниками ОВД при выходе из кризисных жизненных ситуаций, депрессивных состояний, профилактике профессионального выгорания, разрешении служебных и семейных конфликтов и т.п. (Тюнис Л.Ю., 2016). Осуществляя управление территориальным органом внутренних дел, руководители сталкиваются с затруднениями в адаптации при вхождении в должность, профессиональном общении, стиле и методах руководства и др.

С целью выявления круга проблем и затруднений, с которыми руководители территориальных органов внутренних дел обращаются к ведомственным психологам за консультацией, был проведен анкетный опрос (опрошено 28 человек). На основании анализа полученных данных выяснилось, что за консультацией к психологу чаще всего обращаются по вопросам оптимизации социально-психологического климата в коллективе (86%), по решению конфликтных ситуаций (80%), по вопросам работы с сотрудниками, нуждающимися в психолого-педагогическом внимании (13%). Ответы респондентов свидетельствуют об обращениях за консультацией по формированию индивидуального стиля деятельности (22%) и по вопросам профессионально-личностного роста и саморазвития (11%).

Разрешение конфликтных ситуаций и оптимизация социально-психологического климата в коллективе входит в круг задач организационного психологического консультирования (Захарова Л.Н., 2012).

Оказание психологической помощи по вопросам профессионально-личностного роста, саморазвития и формирования индивидуального стиля деятельности будет входить в круг задач разрабатываемой авторами психотехнологии развивающего консультирования. На наш взгляд, такой вид психологического консультирования будет способствовать положительной динамике изменений профессионально важных качеств, профессионально-личностному росту руководителей и расширению зоны их ближайшего профессионально-личностного развития. Надо отметить, что эффективная

управленческая деятельность руководителя ОВД связана с его самореализацией в профессиональной деятельности и продуктивна при максимальном использовании как когнитивных способностей, так и индивидуально-психологического потенциала личности. Руководители территориальных органов МВД России, проходящие обучение в Академии управления МВД России, обращаются к психологам Центра психологической работы с целью разрешения внутриличностных конфликтов, развития личностно-деловых и профессионально важных качеств, оптимального использования своего психологического потенциала, но четкая системная организация проведения работы, связанная с подобными запросами, отсутствует.

Таким образом, возникает противоречие – консультаций по вопросам развития личности единицы, а стремление к профессионально-личностному развитию характерно для многих сотрудников, включенных в резерв кадров. Возможно, это обусловлено тем, что недостаточно теоретических разработок, научных исследований по вопросам развивающего консультирования, то есть запросы практики опережают теоретическую разработанность данного направления психологической работы. Нам представляется актуальной разработка и апробация технологии развивающего консультирования как эффективного метода психологического сопровождения профессионально-личностного роста руководителя ОВД.

Литература

1. Захарова Л.Н. Основы психологического консультирования организаций: учебное пособие. М.: Логос, 2012. 430 с.
2. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М.: Академический проект, 1999. 240 с.
3. Марьин М.И. Психологическое обеспечение работы с руководящими кадрами органов внутренних дел: методическое пособие / М.И. Марьин, В.Е. Петров, Ю.Г. Касперович, В.М. Поздняков, И.О. Котенев. М.: ГУК МВД России, 2003. 211 с.
4. Тюнис Л.Ю. Психологическое консультирование в процессе сопровождения профессионально-личностного развития руководителей органов внутренних дел // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. № 3. С. 38–48.

Особенности профессиональной идентичности студентов юридического университета уголовно-правовой специализации

Котлярова Л.Н.

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Структурные подразделения правоохранительных органов заинтересованы в привлечении к деятельности молодых перспективных сотрудников, а юридические университеты – в эффективном трудоустройстве выпускников. В данном контексте можно отметить, что перед службами управления персоналом правоохранительных

органов и университетскими Центрами карьеры и развития компетенций студентов, ставятся общие задачи, ориентированные на разработку и использование эффективных профессионально-ориентационных технологий. Для разработки подобных технологий необходимы психологические знания о готовности выпускников к профессиональной деятельности, стратегиях поведения в процессе выбора организации для трудоустройства и личностном потенциале, необходимом для успешной адаптации на месте службы.

Задачами исследования являлись: изучение особенностей (структуры и степени выраженности характеристик) организационной идентичности у студентов-выпускников юридического университета, специализирующихся по уголовно-правовому направлению подготовки; определение взаимосвязей между организационной идентичностью, характеристиками личностного потенциала, мотивацией учебной и профессиональной деятельности и поведенческими стратегиями в процессе выбора организации для трудоустройства; разработка инновационной технологии психологического сопровождения студентов-выпускников в процессе трудоустройства.

При планировании и выполнении исследования опирались на научные работы Tajfel H. & Turner J.C. (1985), Lipponen J. (2001), Ивановой Н.Л., Румянцевой Т.В. (2009), Липатова С.А. (2012) и других авторов, доказавших, что организационная идентичность (как составляющая социальной и профессиональной идентичности) является одним из значимых факторов психологической готовности и вовлеченности человека в трудовую деятельность, регулятором трудовой мотивации и служебного поведения.

Исследование проведено в период с 2013 г. по 2015 г., в нем участвовали студенты юридического университета. Все полученные психодиагностические данные были подвергнуты статистической обработке и математическому анализу.

Для определения уровня и структуры организационной идентичности (ОИ – в дальнейшем) разработан и использовался авторский опросник, составленный на основе методики Ф. Маэла и Б. Эшфорта. Стратегии поведения определяли с помощью авторской методики (Kotlyarova L., 2015) и опросника В.П. Ростовского. Мотивацию учебной и профессиональной деятельности выявляли с помощью методик Е.П. Ильина (2008). Применялся ряд методик по оценке личностного потенциала.

В выборке выделены три группы с различной степенью выраженности показателя ОИ и определена их структура (по компонентам: аффективному, оценочному, когнитивному). В каждой группе выявлены особенности поведенческих стратегий, мотивов учебной и профессиональной деятельности, личностного потенциала. Было установлено, что различная степень выраженности организационной идентичности, сформированной к окончанию обучения, соотносится с различными поведенческими стратегиями в процессе выбора организации для трудоустройства, мотивационными, деятельностными и адаптивными характеристиками.

Выявленные в исследовании закономерности использовались при разработке комплексной программы психологического сопровождения студентов-выпускников в

целях повышения эффективности трудоустройства в правоохранительных органах и последующей профессиональной адаптации.

Литература

1. Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во СГУ, 2009.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер. 2008. С. 458-459.
3. Липатов С.А. Проблема взаимодействия человека и организации: концепции и направления исследований // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012. С. 85-96.
4. Kotlyarova L. Influence of the personal potential on adaptation of young lawyers starting their professional activities // InPACT2015. International Psychological Applications Conference and Trends. Portugal, 2015. P. 145-149.
5. Lipponen J. Organizational identifications: Antecedents and consequences of identifications in a shipyard context. Helsinki, 2001.
6. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // S.Worchel, W.G. Austin (eds). Psychology of intergroup relations. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall. 1985. Pp. 7-24.

Сравнительное изучение уровня опасного поведения у детей, воспитывающихся в семье и в условиях детского дома

Ларин А.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

С целью выявления негативных характеристик у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, было проведено исследование, направленное на изучение опасных тенденций и наклонностей, формирующихся у детей, воспитывающихся в детском доме.

Выборка состояла из 91 человека, которые были разделены на 2 группы: экспериментальную (в нее входили дети, воспитывающиеся в детском доме) – 32 человека, и контрольную (дети, воспитывающиеся в семье) – 59 человек.

Экспериментальная группа состояла из воспитанников Лухтоновского и Покровского детских домов Владимирской области: 18 мальчиков и 14 девочек в возрасте от 12 до 17 лет.

В контрольную группу входили учащиеся 6-9 классов Покровской средней школы №1 Владимирской области: 35 мальчиков и 24 девочки, в возрасте от 12 до 16 лет.

Предполагается, что воспитанники детских домов имеют большую склонность к делинквентному, суицидальному поведению, различным аддикциям, а также более подвержены негативному воздействию внешней среды, что препятствует формированию активной жизненной позиции как фактора социальной адаптации при вступлении в самостоятельную жизнь, в отличие от детей, воспитывающихся в семье.

Исследование проводилось с помощью специально разработанной анкеты, направленной на выявление негативных и социально опасных тенденций у детей. Данная анкета имеет 2 варианта: 1) для детей, воспитывающихся в детском доме; 2) для детей, воспитывающихся в семье. Варианты анкеты имеют одинаковую направленность, но есть различия в некоторых утверждениях.

Всего в анкете содержатся 84 утверждения, сформулированные в наиболее понятной для детей 12-17-летнего возраста форме.

Испытуемым предлагалось выбрать те утверждения, с которыми они согласны. Все ответы подразделялись на 3 группы:

Социально значимые тенденции;

Условно опасные тенденции;

Опасные тенденции.

Из опасных тенденций были выявлены поведенческие особенности: суицидальные, криминальные, аддиктивные, депривационные.

Для получения статистических значений был вычислен общий процент выраженности показателей, для анализа взаимосвязей показателей использовался корреляционный анализ по Пирсону, для оценки значимости полученных результатов был взят U-критерий Манна-Уитни.

Различия в группе опасных тенденций находятся в зоне значимости ($p \leq 0.05$), что может свидетельствовать о том, что возникновение неблагоприятных последствий при вступлении в самостоятельную жизнь значимо выше у воспитанников детских домов, чем у детей, воспитывающихся в семье.

В ходе анализа полученных результатов, в экспериментальной группе была выявлена значительная разница в ответах, по сравнению с контрольной группой.

С целью структуризации результатов, опасные тенденции были распределены по видам опасного поведения, создающим сложности в социальной адаптации при выпуске из детского дома, неустойчивости жизненной позиции, а также указывающие на реальные предпосылки угрозы жизни и здоровья подростка: суицидальное поведение, криминальное поведение, аддиктивное поведение и депривация.

Полученные результаты находятся в зоне незначимости ($p \geq 0.05$), но показатели экспериментальной группы превосходят контрольную по всем видам опасного поведения, что указывает на неблагоприятное развитие структуры личности детей, воспитывающихся в детском доме и недостаточную сформированность их жизненной позиции по сравнению со сверстниками, воспитывающимися в семье. Следует обратить внимание, что у детей всех групп высок уровень суицидального поведения (между группами различий не выявлено ($p \geq 0.05$)), это может быть связано и с личностными трудностями и переживаниями, гипертрофированными особенностями подросткового возраста, а также с социальным окружением, влияющим на жизненное мировоззрение ребенка.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что воспитание в условиях детского дома накладывает существенный отпечаток на формирование активной жизненной позиции, способствующей успешной социальной

адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Подростки, находящиеся в институциональных условиях, более склонны к различным видам отклоняющегося поведения и депривации. Недостаток родительского воспитания сильно сказывается на жизненном восприятии ребенка, его моральных установках.

В связи с желанием улучшить свое материальное положение, они увлекаются азартными играми, воруют и т.д. Также остро стоит проблема алкоголизации и наркотизации выпускников детского дома. Данные виды аддиктивного поведения приводят к виктимизации и социальной деградации личности подростков, а также наносят существенный урон их здоровью и ведут к преждевременной гибели. Часто они подвергаются мошенническим действиям со стороны криминальных структур и впоследствии теряют свое имущество.

Для минимизации негативных последствий у выпускников детских домов, необходима своевременная диагностика и коррекция девиантных и делинквентных проявлений у детей посредством применения специальных психологических средств и методов.

Психологические аспекты отбора присяжных

Лефтеров В.А.

Национальный университет «Одесская юридическая академия» (г. Одесса, Украина)

Султан К.А.

Одесский государственный университет внутренних дел (г. Одесса, Украина)

Институт присяжных имеет давнюю историю и уходит своими корнями еще в античные времена. В наше время отправление правосудия с участием присяжных широко применяется во многих странах мира, в том числе в Украине и России. И хотя институт присяжных является новым для нашей страны, с каждым годом количество судебных заседаний с участием присяжных увеличивается. Это дает основания полагать, что суд присяжных, как едва ли не единственная форма участия представителей гражданского общества в отправлении правосудия, является возможностью создания действительно независимого и справедливого суда. Однако на сегодняшний день существует ряд проблем, связанных с внедрением и эффективным функционированием суда присяжных, а также отбором и подготовкой самих присяжных.

На сегодняшний день в науке обоснованы и определены принципы научного подхода к организации профессионально-психологического отбора специалистов, которые охватывают основные элементы его деятельности и требования к личностно-профессиональному уровню, а также обеспечивают их взаимосвязь. Наиболее полный перечень и содержательную сущность принципов отбора персонала приводит В.А. Бодров. На основании собственных экспериментальных исследований и данных научной литературы В.А. Бодровым выявлены основные принципы профессионально-психологического отбора, среди которых: научная обоснованность, актуальность

отбора, системность отбора, личностный подход, деятельный подход, динамичность и прогнозируемость, комплексность, активность отбора, дифференцированность, прогнозирование, практичность отбора, динамичность, адаптивность критериев отбора (Бодров, В.А., 2006). Установлено, что важным этапом в разработке системы психологического отбора является обоснование профессиональных требований к кандидатам, так как выполнение различных профессиональных задач, видов деятельности обеспечиваются различными психологическими качествами структуры личности. Каждая из этих структур соотносится с одним из трех факторов профессиональной пригодности – требованиями профессии, адекватной профессиональной мотивацией и профессиональными способностями.

Исследованию психологических особенностей суда присяжных и деятельности самих присяжных посвящен ряд работ как отечественных, так и зарубежных исследователей, в частности: Гулевич А.А., Калашникова А.С., Мороз Л.И., С.И. Nemeth, R.N. Barger (Гулевич А.А., 2003; Калашникова А.С., Левочкина Н.С., 2013). В трудах данных исследователей отмечается, что человек чрезвычайно сложное существо, особенно с точки зрения психологии и поэтому исследование присяжных должно быть комплексным. Факторы, которыми руководствуются присяжные при решении дела, делятся на внешние и внутренние. К внешним можно отнести особенности участников процесса: личностные характеристики потерпевшего, свидетелей, подсудимого, процедуру допроса. Внутренние делятся на социодемографические и психологические. К социодемографическим относят пол, расу, уровень образования и т.п. К психологическим – правосознание, нравственность, стереотипы, шаблоны. Одним из важных объектов исследования может стать моральное сознание индивида.

Действенным инструментом для определения морального сознания является методика оценки уровня нравственного сознания Л. Колберга (дилеммы Колберга). Л. Колберг выделяет три основных уровня развития моральных суждений: преконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный. Преконвенциональный уровень отличается эгоцентричностью моральных суждений. Поступки оцениваются главным образом по принципу выгоды и по их физическим последствиям. Конвенциональный уровень развития моральных суждений достигается тогда, когда человек принимает оценки своей референтной группы: семьи, рабочей группы, религиозной общины. Постконвенциональный уровень развития моральных суждений встречается редко. Его достижение возможно с момента появления гипотетико-дедуктивного мышления (высшая стадия развития интеллекта, по Ж. Пиаже). Это уровень развития личных моральных принципов, которые могут отличаться от норм референтной группы, но при этом имеют общечеловеческую широту и универсальность. На данной стадии речь идет о поиске общих оснований нравственности (Дерманова И.Б., 2002). Идеальным для присяжного является стремление к постконвенциональному уровню нравственного сознания.

В большинстве стран, в которых суд присяжных является постоянным, отбор присяжных поставлен на научный уровень. С помощью психологов осуществляют

отбор присяжных для того чтобы выбрать наиболее непредубежденных присяжных по конкретному делу. Как утверждает Шайкенова С.Т., суд присяжных должен быть поставлен на научную основу, что будет препятствовать попаданию в присяжные корыстолюбивых, истерических, маниакальных членов общества (Шайкенова С.Т., 2009).

Таким образом, суд присяжных должен быть демократическим, справедливым и действенным средством отправления правосудия. Отбор в суд присяжных должен идти путем поиска кандидатов, которые действительно способны не только осознать свою ответственность перед подсудимым и жертвой, но и рассматривать дело максимально беспристрастно и независимо от мнения судьи, не быть всего лишь придатком. Поэтому суд присяжных должен быть не только правильно и четко урегулирован нормами права, его должны дополнять еще и научно-обоснованный и практически эффективный психологический отбор кандидатов в присяжные. При разработке системы психологического отбора присяжных необходимо учитывать общие принципы научного подхода к организации профессионально-психологического отбора специалистов, а также соотношение профессиональных задач и психологических качеств присяжных, в том числе их мотивации, профессиональных способностей и уровня нравственного сознания.

Литература

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учебное пособие для вузов. 2-е изд.: М.: Per Se, 2006. С. 22.
2. Гулевич О.А. Психология в суде присяжных. Аналитический обзор. М.: Международное общество им. Л.С. Выготского, 2003. 259 с.
3. Калашникова А.С., Левочкина Н.С. Внутренние факторы, влияющие на вердикт присяжных заседателей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61013.shtml> (дата обращения: 20.10.2016).
4. Методика оценки уровня развития морального сознания (Дилеммы Л. Колберга) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. И.Б. Дерманова. СПб., 2002. С. 103-112.
5. Шайкенова С.Т. Процедура отбора присяжных заседателей в Республике Казахстан: теоретический и практический аспекты развития института народного правосудия в уголовном судопроизводстве // Право государство СНГ ЕврАзЮж. 2009. № 10 (17). С.32-39.

Роль психологических знаний о типологических особенностях преступников при раскрытии и расследовании серийных сексуальных убийств

Логунова О.А.

ФГКУ «ВНИИ МВД России» (г. Москва, Россия)

Трудности правоохранительной деятельности по борьбе с серийными сексуальными убийствами обусловлены их неочевидным характером, дефицитом

информации о личности преступника и обстоятельствах преступного деяния, затрудненностью розыска преступника в связи с неопределенностью круга подозреваемых.

При комплексном подходе к организации раскрытия и расследования названных преступлений необходимо внедрение в эту деятельность знаний из различных научных отраслей, в том числе и психологии. Правоохранительная практика нуждается в привлечении знаний о психологических и психопатологических качествах отдельных типов серийных убийц; о характере мотивации, механизмах и поведенческих проявлениях их криминальной агрессии, а также в разработке на основе вышеуказанных знаний психотехнологий, позволяющих при расследовании серийных убийств обоснованно выдвигать криминалистические версии «типового» характера с опорой на предполагаемый тип личности, разрабатываемый в рамках его психологического портрета.

Совершенствование такого рода психологического обеспечения правоохранительной деятельности связано с изучением накопленной при раскрытии отечественных серийных сексуальных убийств информации о преступниках, их типологическим дифференцированием, выявлением характерных для конкретного типа убийц признаков, установлением закономерностей проявления психологических параметров конкретного типа правонарушителя в специфике его преступного деяния.

В процессе исследования в архивах судов Москвы и Московской области, ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» изучены материалы уголовных дел по раскрытым серийным сексуальным убийствам и историй болезни 59 лиц, совершивших эти преступления. В качестве базовой типологической концепцией выбрана предложенная Л.П. Коньшевой типология серийных сексуальных убийц («ситуативник», «силовик», «сексуальный маньяк»), основанная на различии в мотивационной детерминации их поведения (Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., 2002).

В ходе исследования выделен комплекс личностных криминогенных факторов и изучена их роль в детерминации криминальной агрессии преступника определенного типа. Для «ситуативника» – доминирующим являлся фактор дефицитарности комплекса личностных структур, контролирующей реализацию агрессивных и сексуальных влечений; для «силовика» – фактор дисгармонии личностных черт, связанной с пограничной психической патологией; для «сексуального маньяка» – фактор патологии сферы сексуальных влечений, вызванной органическими нарушениями головного мозга.

Методами статистического анализа определена совокупность обусловленных влиянием конкретного криминогенного фактора личностных и поведенческих признаков, типологически дифференцирующих серийных сексуальных убийц. Они проявляются в специфике психологических особенностей: личности преступника (его биопсихических свойствах, особенностях сексуального развития и сексуальных отношений с женщинами, сфере увлечений); его докриминального поведения (характере проявлений сексуальных и несексуальных девиаций); его криминального поведения (типе выбираемой криминальной ситуации; характеристике жертв;

особенностях установления с ними контакта; степени планируемости преступления; продолжительности преступного деяния; характере сексуальных действий с жертвой, нанесений повреждений и манипуляций с телом жертвы; предпринимаемых преступником способов противодействия разоблачению).

Выявлена система признаков-маркеров, статистически достоверно типологически дифференцирующих серийных сексуальных убийц, которая может лежать в основе формирования криминалистических версий о наиболее вероятном круге лиц, причастных к совершению преступления.

На основе полученных результатов разработаны: типовые психологические портреты серийных сексуальных убийц, систематизирующие психологические особенности личности, докриминального и криминального поведения различных типов преступников; технология оценки принадлежности неустановленного преступника к определенному типу серийных сексуальных убийц на основании психологического анализа его криминального поведения.

Литература

1. Ситковская О.Д., Конышева Л.П. Участие психолога в раскрытии и расследовании убийств. Научно-методическое руководство. М., 2002. 104 с.

К вопросу о диагностике склонности сотрудников органов внутренних дел к противоправному поведению

Марьин М.И.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Бочкова А.А.

ГУ МВД России по Московской области (г. Москва, Россия)

В исследованиях профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (ОВД) нередко приводятся данные об использовании ими своего служебного положения в неслужебных целях, пренебрежении нормами морали и нравственности, и, в ряде случаев, допущении коррупционных форм служебного поведения, совершении уголовных преступлений. Согласно аналитическим данным, значительное число сотрудников органов внутренних дел привлекаются к уголовной ответственности за взяточничество и служебный подлог, превышения должностных полномочий, дестабилизирующих деятельность органов внутренних дел.

Несмотря на некоторое снижение числа преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, на которых, в первую очередь, лежит обязанность соблюдения закона, учитывая их общественную опасность, проблема профилактики преступлений, совершаемых сотрудниками, остается до настоящего времени актуальной. Особое значение она приобрела в условиях продолжающегося реформирования системы МВД России, поскольку усилия по формированию нового облика полиции, повышению доверия общества к правоохранительным органам будут сведены к минимуму при процветании этого явления и в новой структуре.

В связи с этим, значительный интерес представляют результаты исследований

особенностей правосознания сотрудников ОВД, мотивационно-ценностных детерминант их служебного поведения, обуславливающих характер и направленность личности, которые возможно помогут прояснить причины противоправного поведения сотрудников полиции, разработать методики по своевременной его диагностике, прогнозированию и профилактике. Однако без психологически обоснованных подходов здесь вряд ли что-то можно сделать, так как коррупция – только в ее последствиях правовая и экономическая проблема, а исходно – сугубо психологическая и общечеловеческая.

Безусловно, личность сотрудника, совершающего преступления, отличается от личности законопослушного сотрудника негативным содержанием ценностно-нормативной системы и некоторыми устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников. Эта специфика их нравственно-психологического облика является одним из факторов совершения ими преступления, однако необходимо учитывать, что нравственные особенности складываются под влиянием тех социальных отношений, в которые был включен индивид, т.е. имеют социальное происхождение.

Целью настоящего исследования является поиск подходов к разработке социально-психологической экспертной методики раннего выявления признаков противоправного поведения, в том числе и признаков преступлений коррупционной направленности среди сотрудников органов внутренних дел.

Одним из методов, позволяющих выявить неформальную структуру статусов в коллективе по искомым основаниям, к примеру, склонности к противоправному поведению, совершению преступлений, в частности, коррупционной направленности, является разновидность социально-психологического, экспертного метода – социометрическая методика, широко используемая в социальной психологии для измерения социально-психологических характеристик членов группы.

Социометрическая методика при социально-психологическом исследовании предъявляет особые требования к процедуре ее применения. Эти требования в полной мере были учтены при разработке модифицированного варианта социометрической экспертной процедуры, реализованный в программе «Мониторинг», позволяющий определять сотрудников ОВД, обладающих негативным статусом при адекватном отборе критериев по интересующим исследователя вопросам. Разработанная методика социометрической экспертной оценки «Мониторинг» базируется на системе межличностного выбора на основании делового и эмоционального характера межличностных отношений. Это позволяет в процессе опроса в служебных коллективах выявлять показатели индивидуальных статусов сотрудников по их отношению к правовым нормам, отношению к соблюдению ими правовых норм в рамках осуществления служебной деятельности.

Процедура программы «Мониторинг» отличается от классической социометрии неограниченным количеством выборов членов коллектива по заданным критериям (выборы осуществляются в отношении каждого, т.е. непараметрический вариант социометрической процедуры); отсутствием влияния взаимовыборов при определении

рейтинга членов коллектива; соблюдением полной анонимности опроса, что повышает достоверность полученных сведений.

На основании результатов статистического анализа обследованная выборка сотрудников ОВД была разделена на группы относительно интегральной оценки, базирующейся на двух основных показателях: «оценочное отношение к праву» и «практика применения правовых норм». Предполагалось, что высокий уровень показателей характеризует сотрудника как человека, соблюдающего правовые нормы в повседневной служебной деятельности; низкий уровень – как человека, допускающего возможность нарушения правовых норм. Лица с низким уровнем показателей социометрической экспертной методики, декларируя на словах высокие образцы законопослушного поведения, ориентируя окружающих при возникновении в профессиональной деятельности конфликта интересов на нравственный критерий, сами не в полной мере придерживаются данных позитивных ценностных ориентиров. Они демонстрируют гибкость в поступках, декларируют социально-желательные ценности, нужные образцы поведения, оптимально подстраиваясь под ситуацию, что свидетельствует о наличии, так называемых, «двойных стандартов».

Полученные критерии интегральных показателей были подтверждены объективными данными профессиональной деятельности обследованных сотрудников, в частности, их дисциплинарной практикой. Анализ статистических данных по привлечению сотрудников к дисциплинарной и уголовной ответственности в течение длительного времени после проведенного исследования показывал, что у лиц с высоким уровнем интегральных показателей дисциплинарных взысканий, количество правонарушений, включая число совершенных преступлений коррупционной направленности, более чем в два раза меньше, чем у сотрудников с низким уровнем интегральных показателей.

Применение на практике разработанной социально-психологической экспертной методики дает возможность определять сотрудников органов внутренних дел с признаками противоправного поведения, в том числе коррупционной направленности, и создавать систему внутреннего контроля среди действующих сотрудников правоохранительных органов.

Исследование феномена искажения информации в служебной деятельности сотрудников ОВД

Марьин М.И.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Ефимкина Н.В.

Главное управление МВД России по г. Москве (г. Москва, Россия)

Во многих направлениях жизни и деятельности современного общества важность своевременной, качественной и тем более достоверной информации, безусловно, неоспорима. Именно на основе направляемой с мест информации, поступающей по вертикали в высшие эшелоны законодательной,

исполнительной и судебной власти, принимаются те или иные управленческие решения в интересах российского народа.

В Министерстве внутренних дел Российской Федерации оперативно-служебная, в том числе статистическая информация, являются стратегическим ресурсом, на основе которой производится оценка деятельности органов и подразделений внутренних дел, подводятся итоги и осуществляется прогноз на будущее. При этом без полноты исходной объективной информации и ее всестороннего анализа могут быть получены необъективные показатели оценки состояния правопорядка и результатов деятельности системы органов внутренних дел.

В правоохранительной деятельности функционируют различного уровня теоретической и практической значимости виды информации (от оперативной информации до статистической отчетности). При этом контекст и оценка информации происходит в соответствии с нормативно-правовой базой (далее – НПА) преимущественно Российской Федерации. Между тем, на сегодняшний день объем действующей нормативной базы вступает в противоречие с возможностями сотрудника ОВД руководствоваться этими НПА. Так, согласно поисковой системе информационно-правового обеспечения «Гарант», по запросу «Акты органов власти» опубликован список из более 15 тысяч документов. Нужно учитывать и то обстоятельство, что на основе федеральных законов и нормативных актов МВД России зачастую на местах издаются дублирующие НПА. Сотруднику ОВД необходимо изучить, знать и квалифицированно применять в деятельности весь этот массив информации.

Однако под воздействием различных причин и условий, вполне известных и регулируемых, при осуществлении служебной деятельности сотрудниками органов внутренних дел возникают процессы сознательного, либо неосознанного изменения смысла, формы и (или) содержания объективной информации при ее восприятии, оценке, а также передаче в словесной или письменной форме так, что в дальнейшем она перестает быть полной и достоверной, приводит к возникновению феномена искажения служебной информации.

В своем исследовании данный феномен служебной деятельности мы обозначили как «искажение служебной информации». По результатам эмпирического исследования определили влияние на него как профессионально обусловленных, так и личностных факторов, которые в равной степени единым взаимосвязанным процессом оказывают влияние на данный феномен.

К числу профессионально-обусловленных факторов относятся негативные стороны организации служебной деятельности личного состава (неоправданно высокий документооборот, психологически необоснованный широкий круг обязанностей личного состава, физические и психические перегрузки, ограниченность времени на выполнение поставленных задач и др.).

В то же время нельзя забывать о личности сотрудника ОВД. При прочих равных условиях на искажение сотрудниками ОВД служебной информации влияют их личностные особенности:

- превалирующие механизмы психологических защит (регрессия и рационализация) в интересах сохранения стабильной самооценки, представлений о себе и о мире в стрессовых ситуациях профессиональной деятельности;

- асоциальная стратегия преодоления стресса и формы поведения, в которых доминирует предрасположенность действовать в обход нормативно установленных требований;

- особенности стратегий и моделей копинг-поведения (стресс-преодолевающего поведения) сотрудников и направленность личности, уровень индивидуального правосознания.

Выявленные психологические детерминанты искажения сотрудниками служебной информации могут быть полезными при разработке мероприятий по его профилактике в интересах повышения уровня достоверности информации для принятия адекватных управленческих решений, способствующих повышению эффективности функционирования системы МВД России.

Результаты исследования позволяют определить также перспективные направления дальнейших исследований: «Искажение служебной информации сотрудниками организационно-аналитических подразделений при формировании статистической отчетности об оперативно-служебной деятельности»; «Психологическая профилактика искажения служебной информации сотрудниками органов внутренних дел при ведении учетно-регистрационной документации».

**Выявление тенденции к повышенному эмоциональному напряжению,
профессиональные стрессы и их коррекция в системе правоохранительных
органов**

Николаева Н.В.

Научно-информационный центр АРТ (г. Санкт-Петербург, Россия),
НОУ ВПО «Академия сферы социальных отношений» (г. Москва, Россия)

Качество профессиональной деятельности служащих правоохранительных органов находится в прямой зависимости от уровня их психического здоровья, сохранение и укрепление которого является важным направлением в работе психолого-медицинской службы.

Являясь одновременно самостоятельным физиологическим, психическим и социальным явлением, стресс по своей сути представляет собой еще один вид эмоционального состояния. Это состояние характеризуется повышенной физиологической и психической активностью. При этом одной из главных характеристик стресса является его крайняя неустойчивость. При благоприятных условиях это состояние может трансформироваться в оптимальное состояние, а при неблагоприятных условиях – в состояние нервно-эмоциональной напряженности, для которого характерно снижение работоспособности и эффективности функционирования систем и органов, истощение энергетических ресурсов (Березин Ф.Б., 1988).

В качестве основного условия возникновения стресса сотрудников правоохранительных органов многие авторы указывают наличие угрозы. Но бесспорным является то, что возникновение и течение стресса в первую очередь зависит от индивидуальных особенностей сотрудника. Люди реагируют на одинаковые нагрузки по-разному. У одних отмечается повышение активности. При стрессе эффективность их деятельности достаточно долго продолжает расти (так называемый «стресс льва»). У других наоборот, отмечается снижение активности, эффективность их деятельности быстро падает. При этом стресс-факторы могут быть как психосоциальными, так и физическими (Еникеев М.И., 2007).

Среди свойств личности, обуславливающих вероятность возникновения профессионального стресса, ведущее место занимает тревожность, которая в условиях адаптации может проявляться в разнообразных психических реакциях, известных как реакции тревоги. Под тревогой понимают ощущение неосознанной угрозы, чувство опасения и тревожного ожидания или чувство неопределенного беспокойства. Это ощущение служит сигналом, свидетельствующим о чрезмерном напряжении регуляторных механизмов или нарушении адаптационных процессов.

Часто тревогу у сотрудников правоохранительных органов рассматривают как форму адаптации при остром или хроническом стрессе. Однако тревога имеет личностную обусловленность и по направленности своего проявления может выполнять как охранительные, мобилизующие, так и дезорганизующие функции. В случае, когда уровень тревоги неадекватен ситуации, происходит перенапряжение регуляторных механизмов, что как правило, заканчивается нарушением поведенческой регуляции. Поведение человека перестает соответствовать ситуации (Фомина Т.Ф., Гайворонская И.Б., Фомин А.А., 2015).

Таким образом, каждый человек по-разному реагирует на внешний стрессор. В этом проявляется его индивидуальность. Следовательно личностные особенности самым тесным образом связаны с формой реагирования на стрессор и вероятностью развития негативных последствий.

В 2015-2016 гг. на базе Научно-информационного центра АРТ (г. Санкт-Петербург) совместно с факультетом Психологии НОУ ВО Академия сферы социальных отношений (г. Москва) проводилось исследование, целью которого явилась оценка настоящего состояния, прогнозирование развития и возможности эффективной деятельности сотрудников системы правоохранительных органов. Объектом исследования выступали сотрудники подразделений вневедомственной охраны в количестве 68 человек. Все испытуемые мужского пола в возрасте 25-35 лет.

Перед исследованием были поставлены следующие задачи: определение лиц, склонных к профессиональной дезадаптации; выделение психологических особенностей дезадаптационного поведения; сравнительный анализ выявленных индивидуально-психологических особенностей с целью прогнозирования успешности профессиональной деятельности.

Исследовательский блок включал в себя: Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова, С.В. Чермянина; Методику диагностики

уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина; Методику диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко.

В ходе проведенного исследования было установлено, что несоответствие определенным требованиям профессии влечет за собой дезадаптационные проявления в профессиональной деятельности.

В группах с различным уровнем профессиональной адаптации имеют место следующие психологические особенности: лица, не склонные к профессиональной дезадаптации являются менее индивидуалистичными, более включенными в социальную среду, самокритичными, ориентированными на мнение окружающих людей, менее тревожными, нежели специалисты с признаками профессиональной дезадаптации.

Профессиональной дезадаптации сопутствует повышение уровня личностной и ситуативной тревожности. В группе с признаками профессиональной дезадаптации присутствует выраженный синдром эмоционального выгорания с ведущими симптомами: эмоциональная отстраненность; психосоматические и психовегетативные нарушения; личностная отстраненность.

Выявлены достоверные взаимосвязи между личностным адаптационным потенциалом, уровнем тревожности и эмоциональным выгоранием специалистов.

На основании полученных результатов, можно заключить, что мероприятия по психопрофилактике эмоционального напряжения и профессионального стресса в органах должны носить преемственный характер и проводиться в период обучения (школа МВД, университет, институт и прочие учреждения, ведущие подготовку сотрудников правоохранительных органов), при приеме на службу и в период профессиональной деятельности.

Большое значение в системе психопрофилактических мероприятий в органах имеет выявление лиц с нервно-психической неустойчивостью, их учет и организация психолого-медицинского наблюдения за ними. Квалифицированная оценка возможна в результате тщательного изучения личности сотрудника в процессе его обучения и выполнения служебных обязанностей. Лица с низкой сопротивляемостью стрессам и психическими расстройствами могут выявляться во все периоды службы в органах, но чаще это происходит в первые 3-6 месяцев, т.е. в период адаптации. В последующих периодах мы уже говорим о профессиональных стрессах и профессиональной деформации (Фомина Т.Ф., Гайворонская И.Б., Фомин А.А., 2015).

В условиях профессиональной деятельности правоохранительных органов чрезвычайно важна профилактика стрессовых расстройств, обусловленных ситуационными трудностями. Кроме того, виды и методы психологической поддержки (помощи) должны постоянно совершенствоваться с учетом изменений, происходящих в обществе и правоохранительных органах.

Литературы

1. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Просвещение, 1988. 265 с.
2. Еникеев М.И. Оперативно-розыскная психология. М.: АСТ, 2014. 436 с.

3. Юридическая психология: учебно-методическое пособие / Под общ. ред. Фоминой Т.Ф., Гайворонской И.Б., Фомина А.А. СПб.: НИЦ АРТ, 2015. 114 с.

Работа психолога по укреплению морально психологической готовности личного состава к выполнению служебных обязанностей

Огнева О.А.

Управление госавтоинспекции МВД Донецкой Народной Республики

(г. Донецк, ДНР)

Работа инспекторов дорожно-патрульной службы (далее ИДПС) играет важную роль в безопасном и «здоровом» функционировании цивилизованного общества. Каждый населенный пункт, особенно если это большой многомиллионный город, можно сравнить с организмом, а дороги – с артериями, от работы которых зависит его благополучие. И, образно говоря, эффективная деятельность ИДПС – есть залог хорошего самочувствия этих «артерий».

Работа ИДПС трудная: службу приходится нести и в жару, и в лютый мороз, и днем и ночью, на пыльных дорогах. А самое главное – это постоянное общение с людьми, среди которых, к сожалению, не только вежливые и законопослушные люди. Успех такой работы во многом зависит как от профессионального опыта инспектора, так и от его личностных качеств. Конечно, каждый инспектор ДПС в той или иной мере владеет основами психологии, но, как правило, на интуитивном уровне, приобретенном за счет собственных впечатлений, они же никогда не бывают только позитивными.

В связи с этим и возникает необходимость углубленного изучения с инспекторами ДПС, таких тем, как: «Основы общения с гражданами», «Управление эмоциями во время конфликтов», «Навыки диагностики состояния собеседника и его психотипа».

С целью укрепления морально-психологической готовности личного состава, повышения эффективности выполнения служебных обязанностей и для профилактики психоэмоционального выгорания и профессиональной деформации психологом УГАИ проводится ряд мероприятий:

- профориентационное и профконсультационное интервью с кандидатами на службу – исключает попадание немотивированных и романтически настроенных людей на службу;

- проводятся практические занятия по формированию у сотрудников УГАИ психологической готовности к соблюдению правил личной безопасности при исполнении служебных задач экстремального характера;

- проводятся интерактивные занятия по профессиональной адаптации к новым условиям службы в органах внутренних дел с неопытными («молодыми») сотрудниками;

- подготавливаются экспертные выводы и рекомендации для аттестации сотрудников ОВД, в которых указывается возможность квалификационного роста;

- ежегодно проводится изучение социально-психологического климата и рейтинга руководящего состава подразделений, по результатам которого предоставляется отчет-вывод с необходимыми психологическими и организационно-штатными рекомендациями относительно работы с личным составом;

- выявляются психологические причины конфликтных ситуаций и эмоциональных срывов у сотрудников полиции во время исполнения ими служебных обязанностей, оказывается индивидуальная консультативная и психокоррекционная помощь;

- с помощью психологических и социальных методов выявляются проблемы объективного и субъективного характера, которые возникают у сотрудников УГАИ;

- готовятся предложения по усовершенствованию материального и морального стимулирования сотрудников УГАИ, обучению сотрудников полиции первичным знаниям в области психологии;

- составляются программы и проводятся тематические тренинги с персоналом УГАИ по следующим темам: технологии разрешения конфликтных ситуаций, эффективные навыки эмоциональной саморегуляции, технологии эффективной коммуникации в служебной деятельности;

- проводятся инструктажи с сотрудниками УГАИ, которые заступают на суточное дежурство, инструктажи сотрудников, которые заступают на охрану общественного порядка во время проведения массовых мероприятий.

Таким образом, психологом подразделений госавтоинспекции проводится обширный спектр мероприятий для сохранения психологического и профессионального благополучия личного состава. Однако перечисленные формы работы не являются окончательными. Для соблюдения режима труда и отдыха необходимо создание специальных условий: 100% укомплектование штата, комнаты психологической разгрузки и прочее. Также, с целью снижения конфликтности деятельности ИДПС, необходимо рекомендовать автошколам ввести в программу подготовки водителей курс «Эффективное поведение в конфликтных ситуациях».

О психологическом сопровождении подразделений Госавтоинспекции (организационно-штатный аспект)

Петров В.Е.

ФКУ «Научно-исследовательский центр проблем безопасности дорожного движения
МВД России» (г. Москва, Россия)

Юринова Ю.В.

ГУОБДД МВД России (г. Москва, Россия)

Кокурин А.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

По состоянию на 01.08.2016 г. штатная численность ГИБДД составляла 98 505 сотрудников, из них 181 штатная должность психолога (0,18 % от общей численности

при нагрузке на одного специалиста около 544 человек).

В настоящее время в ГИБДД значимо повышается функциональная и психологическая нагрузка на личный состав, отмечается рост психологической напряженности и количества межличностных конфликтов, девиаций поведения, что требует ещё более качественной психологической поддержки со стороны психолога (Мальцева Т.В., Петров В.Е., 2009).

Отдельная проблема – обеспечение профессиональной компетентности психологов. Подавляющее большинство психологов Госавтоинспекции прошли специализированное обучение в Орловском юридическом институте МВД России им. В.В. Лукьянова или на базе ГУОБДД МВД России, что позволяет им успешно выполнять поставленные задачи.

Выборочный опрос штатных психологов подразделений Госавтоинспекции 11 территориальных органов внутренних дел на региональном уровне, проведённый в августе 2016 года, показал, что существующий в настоящее время порядок организации профессионального психологического обследования кандидатов на службу в ОВД, в том числе на должности сотрудников подразделений ГИБДД, в большинстве строевых подразделений Госавтоинспекции на различном уровне, предусматривает изучение особенностей личности и поведения граждан психологами, состоящими в штате территориальных органов внутренних дел, не относящимися к ГИБДД. Подобный подход отмечен в 54,5 % подразделений (в 6 из 11), характеризующихся достаточно хорошей организацией психологической работы с личным составом. В регионах с низкой организационно-штатной обеспеченностью психологами Госавтоинспекции (отсутствием должностей) все диагностические мероприятия осуществляются психологами ОВД.

Особо остро стоит вопрос привлечения психологов Госавтоинспекции к работе в особых условиях (командировки на территорию Северо-Кавказского региона или республики Крым, а также в иные регионы Российской Федерации при проведении массовых мероприятий). В 2015-2016 гг. в подобных мероприятиях принимало участие более 50 психологов ГИБДД из разных регионов Российской Федерации. Психологи, которые замещают должности работников (временнонаемных) зачастую отказываются от направления их в подобные служебные командировки.

Психологи систематически привлекаются к несению службы по охране общественного порядка, оказанию психологической помощи сотрудникам ГИБДД в сложных профессиональных ситуациях (например, в случае значимых конфликтов с участниками дорожного движения, ДТП с большим количеством раненых и погибших).

При отсутствии должности штатного психолога возникает необходимость решения вопроса доступности и своевременности психологической помощи при территориальной удаленности постоянной дислокации подразделений органов внутренних дел.

Актуальность приобретет вопрос обслуживания оснащенных и оформленных кабинетов психологической регуляции в строевых подразделениях ГИБДД.

Эпизодичность и фрагментарность психологической работы, универсальность действий психологов, отсутствие персональной ответственности за результаты – это то, что будет отличать ситуацию в случае привлечения психологов ОВД к работе с личным составом Госавтоинспекции. В конечном счёте, замена штатных психологов ГИБДД психологами МВД, ГУВД, УВД не будет равнозначной ни по объёму проводимой работы, ни по её качеству, что существенно ухудшит показатели служебной деятельности Госавтоинспекции.

Литература

1. Мальцева Т.В., Петров В.Е. Перспективные направления психологической работы и психологических научных исследований в области совершенствования деятельности Госавтоинспекции // Прикладная психология и педагогика. 2016. Т. 1. № 1. С. 1-10. DOI: 10.12737/18717.

Психодинамическая диагностика склонности к агрессии и насильственному поведению у сотрудников полиции

Потарыкина М.С., Шаповал В.А.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Рост числа противоправных агрессивно-насильственных действий и преступлений, совершенных самими стражами правопорядка крайне отрицательно сказывается на имидже не только недавно созданной российской полиции, но и всей правоохранительной системы государства. Одним из путей решения данной проблемы является использование возможностей системы психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции (СП) и в частности – эффективного психодиагностического инструментария для раннего выявления среди них лиц, склонных к агрессии и насильственному поведению.

В целях выявления психодинамических характеристик сотрудников полиции, склонных к агрессии и насильственному поведению и создания релевантной психодиагностической шкалы для их оценки нами было проведено психодиагностическое обследование выборки сотрудников территориальных подразделений ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области мужского пола (n=161) из которых в последующем методом экспертной оценки была выделена группа лиц, характеризующихся склонностью к агрессии и насильственному поведению (n= 36). Критериями отбора стали объективные данные о проявлениях агрессии на службе или в быту и такие особенности проявления в поведении как грубость, бестактность, развязность, конфликтность, злобность и др.

В качестве психодиагностического инструментария был использован Психодинамически ориентированный личностный опросник (ПОЛО) «Ресурс» (Шаповал В.А., 2015), базирующийся на основе гуманструктурологической концепции личности Г. Аммона (Кабанов М.М., Незнанов Н.Г., 2003). Данная модель личности максимально интегрирует различные аспекты понимания человека, как био-психо-

социо-духовной сущности и позволяет операционализировать центральные (находящиеся в сфере бессознательного) Я-функции личности (агрессия, страх, нарциссизм, сексуальность, внешнее и внутреннее Я-отграничение) в их конструктивном, деструктивном и дефицитарном проявлении с помощью специально отобранного набора тестовых утверждений. Оценка достоверности различий между психодиагностическими показателями в группах и выборами утверждений испытуемыми осуществлялась с помощью как параметрических, так и непараметрических критериев (IBM SPSS Statistics 21.0).

Анализ полученных результатов показал, что склонность к агрессии и неправомерному насилию сотрудников полиции связана со следующими психодинамическими характеристиками их личности: достоверным повышением показателей Я-функции деструктивного нарциссизма ($p < 0,05$), а также снижением показателей Я-функции конструктивного страха ($p < 0,01$) и внешнекритериально ориентированной шкалы профессионально-психологической успешности ($p < 0,05$) (Шаповал В.А., Воробьев И.А., 2012).

На основе достоверно отличающихся выборов утверждений опросника ($p < 0,05$) основной и контрольной группами испытуемых на основе ПОЛО «Ресурс» и дальнейшего их айтем-анализа была разработана шкала «латентной склонности к насилию», состоящая из 30 валидных утверждений, обладающих статистически достоверной «трудностью заданий», высокой дискриминативной способностью (I_d ср.=0,44) и приемлемой внутренней согласованностью (α -Кронбаха = 0,74). Шкала прошла стандартизацию на институциональной выборке из более чем 400 сотрудников ОВД мужского пола и позволят осуществлять психодиагностический скрининг сотрудников полиции, склонных к агрессии и насильственному поведению в условиях массовых (недобровольных) психопрофилактических обследований.

Литература

1. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / Под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 2003. 438 с.
2. Шаповал В.А. Профессиональное психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел: диагностика, прогнозирование, мониторинг. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. 296 с.
3. Шаповал В.А., Воробьев И.А. Оценка и прогнозирование профессионально-психологической успешности сотрудников ОВД с помощью психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы педагогики и психологии в правоохранительной деятельности (Васильевские чтения – 2012)» (г. Санкт-Петербург, 18 мая 2012 г.) / сост.: Статный В.М., Дементьева Н.В. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2012. С. 260-271.

Профессиональная деформация прокуроров – парадоксы взгляда «изнутри»

Ратинова Н.А., Кроз М.В.

ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

(г. Москва, Россия)

Изучение профессиональной деформации представителей различных специальностей, в том числе юридических, имеет длительную историю. Анализ этого феномена активно осуществляется в различных правоохранительных органах, однако в системе прокуратуры до последнего времени ему не уделялось должного внимания.

В проведенном нами эмпирическом исследовании были впервые рассмотрены особенности профессиональной деформации прокуроров. При этом использовался подход, широко применяющийся в социальной психологии – изучались не сами деструктивные изменения в личности и поведении, а мнения, представления практических работников о причинах их возникновения и формах проявления у прокуроров. Предполагалось, что сами исполнители могут лучше всех оценить «изнутри» личную трудовую деятельность и ее возможное негативное влияние. Полученные результаты можно рассматривать как своеобразную «коллективную самооценку» прокуроров по данному вопросу.

Разумеется, самооценка субъекта (в том числе и коллективного), особенно проведенная по значимым для него критериям, далеко не всегда верно отражает реальность, может подвергаться искажениям. Факторами, способными существенно повлиять на ответы прокуроров, могли выступать их стремление давать социально одобряемые ответы, корпоративная солидарность, опасения санкций со стороны руководства и пр. Это учитывалось при интерпретации полученных данных.

Методом исследования служил анкетный опрос с использованием преимущественно открытых вопросов. В них респондентов просили самостоятельно сформулировать причины возникновения и формы проявления профессиональной деформации у прокуроров. Было опрошено 407 человек (327 мужчин и 78 женщин), большинство из них занимали руководящие должности.

Для анализа ответов были разработаны несколько классификаторов. Они дифференцировали виды деформаций по сфере проявления (служебная-внеслужебная), характеру наступивших изменений (появление негативных психических новообразований – утрата необходимых личностных свойств). Анализировались также особенности профессиональной деятельности, способствующие, по мнению опрошенных, деструктивным изменениям в их личности и поведении.

Проведенный анализ показал, что мнения опрошенных в значительной мере отражают реальное состояние дел, феноменологию проявлений профессиональной деформации у сотрудников ведомства. Эти данные во многом сходны с результатами, полученными в аналогичных исследованиях в других правоохранительных органах, прежде всего в МВД. Вместе с тем особый интерес вызывают те формы профессиональной деформации прокуроров, которые подверглись тотальному умолчанию, и, разумеется, их причины.

Во-первых, никто из опрошенных напрямую не отметил такую типичную для прокуроров девиацию сознания и поведения, как обвинительный уклон. Его упомянули несколько человек, обсуждая профессиональные факторы, вызывающие деформацию личности (ее причины, предпосылки). В этом контексте акцент делался на специфической направленности прокурорской деятельности. Но об изменениях личностной позиции профессионала, «перекосе» сознания, отношении к людям, интерпретации их действий, мотивов не упомянул ни один респондент.

Вторым фактором «блистающим своим отсутствием» в массиве полученных ответов является деформация правосознания, правовой нигилизм. Следует в этой связи подчеркнуть, что ряд исследователей указывал на то, что данная форма профессиональной деформации характерна для представителей всех без исключения юридических специальностей. Тем показательнее, что ни один респондент не отметил их, словно такого явления в прокурорской среде вообще не существует.

Представляется, что причина появления подобных «слепых пятен» в самовосприятии связана с пристрастностью опрошенных, обусловленной их принадлежностью к профессиональной группе, типичные деформации представителей которой их просили оценить. В данном случае важную роль сыграли механизмы психологической защиты, с помощью которых негативная информация о собственной личности или высоко значимых аспектах жизнедеятельности вытесняется, искажается либо подвергается рационализации. Действие защитных механизмов в этих случаях наиболее сильно, поскольку здесь речь идет об особенностях личности и моделях поведения, прямо противоречащих профессиональной этике, требованиям к профессионализму.

Представляется, что полученные данные позволят более адекватно расставлять приоритеты при организации профилактики профессиональной деформации у работников органов прокуратуры, привлечь внимание к «слепым пятнам» в самовосприятии прокуроров.

**Технология ассесмент-центра как инструмента
повышения эффективности профессионального отбора
и профилактики профессионального выгорания**

Стальнов А.Г., Стальнова И.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время профессиональные психологи не являются обязательными штатными единицами государственных органов, в частности органов Росреестра. В контексте оптимизации численности государственных гражданских служащих как приоритете федерального управления вряд ли данная ситуация изменится в обозримой перспективе. При этом опыт коммерческих организаций свидетельствует о целесообразности формирования психологических служб в рамках кадрового звена управления, реализации программ развития корпоративной культуры, улучшения

психологического климата, установления тесных неформальных связей между сотрудниками.

Данный опыт успешно перенесен на почву управления профессиональной деятельностью государственных служащих в зарубежных странах. Психологические службы интегрированы в кадровые службы национального уровня – кадровые центры, ассесмент-центры, центры управления государственными гражданскими служащими и т.п., которые активно развивают психологическую работу с государственными служащими.

Целесообразность адаптации ассесмент-технологии к целям управления государственными гражданскими служащими в России определяется несколькими обстоятельствами. Сравнение эффективности труда в коммерческих организациях и государственных органах в России будет очевидно не в пользу последних. Текучесть кадров (особенно на низших должностях), применение методов несправедливой профессиональной конкуренции (кумовство, продвижение родственников и т.п.) в процессе карьерной динамики, распространенность профессионального выгорания среди чиновников, негативный социальный имидж профессии – вот далеко не полный спектр проблем, решение которых невозможно без осознания значимости психологической работы с государственными гражданскими служащими.

Эффективным инструментом формирования достоверной информации о личностно-деловых качествах отдельных сотрудников, оценки соответствия качества кадрового состава организации ее целям, культуре, структуре и др. является ассесмент-центр. Е.А. Аксенова утверждает, что основная задача таких центров – определение управленческого потенциала и разработка стратегии обучения и развития для оцениваемых работников (Аксенова Е.А., 2010).

Следует отметить, что изначально в систему задач таких центров входила исключительно разносторонняя оценка кандидатов или уже работающих в государственных органах сотрудников на основе использования различных методик. Так, М. Кляйманн определял три главные задачи, которые способны разрешить оценочные центры, следующим образом (Кляйманн М., 2011):

Оценка управленческого потенциала кандидатов (способности, опыт, навыки, личные и деловые качества).

Отбор руководителей, имеющих наиболее высокий уровень управленческого потенциала, для формирования кадрового резерва.

Определение для каждого из оцениваемых руководителей индивидуальной программы обучения, направленной на развитие выявленных способностей или на ликвидацию выявленных недостатков.

С.В. Сидоркина отмечает, что наряду с основной своей функцией по оценке компетенций и потенциала сотрудников, ассесмент-центр помогает решать ряд сопутствующих задач: побуждение сотрудников к саморазвитию; внедрение стандартов работы; внедрение новых мотивационных схем; оценка эффективности проведенного обучения и вложений в него (Сидоркина С.В., 2009).

По мнению ученого, сформированный на основе собственных кейсов компании

и включающий технологии обратной связи, ассесмент-центр позволяет участникам найти внутренние резервы и мотивацию на развитие. Данный метод демонстрирует эффективность как в отношении первичного, так и в отношении вторичного отбора кандидатов. Технология ассесмент-центра как инструмента повышения эффективности профессионального отбора и профилактики профессионального выгорания в практической плоскости реализует относительно новый для науки акмеологический подход.

Н. Баллантайн и И. Пова рекомендуют использовать в качестве основных методов, применяемых в ассесмент-центре, особого рода тестовые проверки (Баллантайн Н., Пова И., 2010). Данные испытания отличаются от стандартных психологических тестов своей приближенностью к реальным ситуациям, в которых должен принимать решения кандидат. К таким видам проверок относятся разбор деловых бумаг, групповые обсуждения, деловые и ролевые игры и др. В процессе психологической работы с государственными гражданскими служащими проводится тщательный анализ системы их личностных и деловых качеств, уровень проявления выгорания.

К сожалению, в настоящий момент единый ассесмент-центр государственных органов не сформирован, в связи с чем практическая апробация в ходе психологического исследования эффективности данной технологии была невозможной. Однако прототип ассесмент-центра был сформирован на основе кадровой службы Территориального управления Росреестра по г. Москве, в рамках деятельности которой и осуществлялось исследование, направленное на проверку гипотезы об управляемости процесса профессионального выгорания сотрудников Росреестра как государственных гражданских служащих.

Литература

1. Аксенова Е.А. Технология конкурсного набора в современном кадровом менеджменте: учебно-методическое пособие. М.: ИПК РФ, 2010. 156 с.
2. Баллантайн Н., Пова И. Ассесмент-центр. Полное руководство. 2-е изд.: М.: НИРРО, 2010. 208 с.
3. Кляйманн М. Ассесмент-центр: пер. с нем. М.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2011. 128 с.
4. Сидоркина С.В. Ассесмент-центр как инструмент повышения эффективности бизнеса // Управление человеческим потенциалом. 2009. № 1. С. 66-70.

Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника Росреестра

Стальнова И.А., Стальнов А.Г., Коноплева И.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Профилактика профессиональной деформации государственных гражданских служащих – сотрудников Росреестра – осуществлялась нами в трехмерном

пространстве социально-психологического взаимодействия «человек-человек-система» и направлена на минимизацию влияния следующих стрессогенов:

- навязанного общения со значительным числом людей в условиях постоянного нарушения посторонними людьми границ личного пространства;

- значительного уровня ответственности и социальной значимости в условиях общего негативного отношения получателей государственных услуг к сотрудникам органов Росреестра в контексте распространенности стереотипа о «чиновнике-взяточнике»;

- напряженности профессиональной среды в условиях постоянной концентрации внимания, что способствует быстрой физической и психологической изношенности сотрудников;

- не всегда справедливой профессиональной конкуренции;

- отсутствия уверенности в стабильности профессионального положения, риска быть уволенным в связи с политикой сокращения штата государственных служащих, осуществляемой в последние годы.

Вмешательство, как стратегия борьбы с профессиональным выгоранием сотрудников Росреестра, осуществлялось в четырехмерном пространстве социально-психологического взаимодействия «человек-человек-система-социум», что обусловлено наблюдаемым расширением сферы проявления профессиональных деструкций сотрудников Росреестра на семью, друзей и прочие сферы социального взаимодействия по мере развития симптомов профессионального выгорания, и направлена на минимизацию влияния следующих стрессогенов:

- систематического дефицита времени и потери интереса к личной, семейной жизни и проведению досуга в соответствии с интересами;

- отсутствия возможности активности в прочих сферах деятельности, ощущения безвыходности и безысходности в смене занятий;

- игнорирования членами трудового коллектива друг друга, усугубления напряженности конфликтами с коллегами, начальством;

- симптомов профессионального выгорания – психоэмоционального истощения, личностной отдаленности и профессиональной мотивации.

Проведенное психологическое исследование профессионального выгорания сотрудников Росреестра показало, что максимально подвержены выгоранию молодые сотрудники, которые только адаптируются к требованиям государственной гражданской службы. В этом контексте целесообразно использовать по аналогии с современными коммерческими организациями, так называемые «программы введения в должность», которые не только сформируют у молодого работника необходимые навыки и умения, но и позволят ему осознать требования профессии государственного служащего, налагаемые статусом и социальной значимостью профессии ограничения в профессиональном поведении, соотнести собственные ожидания и представления о государственной службе с ее объективными особенностями и требованиями.

Значимость процесса адаптации работников в контексте формирования профессионально-значимых качеств установлена во многих психологических

исследованиях. По нашему мнению, по мере развития ассесмент-технологии как технологии управления профессиональными деформациями сотрудников Росреестра целесообразно дифференцировать мероприятия по профилактике профессионального выгорания в контексте исследуемых категорий работников – исполнителей и руководителей. Для первых целесообразно использовать метод наставничества, для вторых – стрессовый метод, при котором на сотрудника искусственно возлагается больше обязанностей.

Мероприятия программы, разработанной в рамках апробации ассесмент-технологии управления профессиональными деформациями сотрудников Росреестра, осуществлялись с участием 75 сотрудников Росреестра. Их состав определялся путем ранжирования индивидуальных значений индекса профессионального выгорания: были отобраны сотрудники с максимальным значением индекса.

Для успешной реализации предложенной ассесмент-технологии управления профессиональной деформацией сотрудников Росреестра целесообразно сформировать в профессиональной среде исследуемой группы государственных гражданских служащих следующие необходимые условия:

- возможности максимально полного и разностороннего развития навыков и знаний;
- улучшение условий организации труда и условий отдыха;
- конкретизация содержания должностных обязанностей, четкость поставленных руководством задач, соблюдение нормативных требований к продолжительности рабочего дня, содержанию работы;
- совершенствование системы мотивации профессиональной деятельности и мер социальной защиты сотрудников Росреестра (особенно молодых сотрудников с небольшим стажем работы), в том числе на основе активизации нематериальных методов стимулирования труда;
- обеспечение возможности получения квалифицированной психологической помощи по вопросам психологии профессионализма;
- улучшение взаимоотношений и психологического климата в коллективе, активизация неформальных связей сотрудников Росреестра по интересам;
- прозрачная система карьерной динамики;
- морально-психологическая подготовка сотрудников Росреестра к проблемам профессиональных деформаций с учетом особенностей государственной службы.

Следует отметить, что проведенные нами мероприятия оказали более осязаемое влияние на симптоматику профессионального выгорания женщин экспериментальной группы в возрастной категории до 30 лет, не состоящих в браке – они принимали более активное участие в проведении занятий. Мужчины были в целом более пассивны и проявляли интерес больше к упражнениям по самоанализу и самоактуализации в профессии, чем к коллективным упражнениям и групповой работе. Максимально выраженным проявлением деструктивного воздействия профессионализации на сотрудников по-прежнему остается профессиональная мотивация. К сожалению, используемые в рамках проведенного исследования методы дополнительного

нематериального стимулирования труда не позволили достичь значительного результата, а возможности управления методами материальной мотивации были полностью ограничены ввиду особенностей системы мотивации труда государственных гражданских служащих.

Выявление и профилактика кризиса профессионального выбора у студентов-юристов

Харин В.И.

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции»

(г. Москва, Россия)

Некоторые студенты первого года обучения переживают разочарование в получаемой профессии, у них появляются сомнения в правильности профессионального выбора, падает интерес к учебе. Перечисленные факторы являются признаками кризиса профессионального выбора. Самостоятельно справиться с таким кризисом может далеко не каждый студент. Нередко данный вид кризиса приобретает затяжной характер и может явиться причиной учебной или профессиональной дезадаптации (Сыманюк Э.Э., 2005; Котлярова Л.Н., 2015).

Выявление первых признаков данного вида кризиса у студентов и своевременное реагирование с целью оказания содействия в его преодолении, является одной из актуальных задач образовательного учреждения.

Целью исследования являлось изучение особенностей мотивационной сферы у студентов-первокурсников, переживающих кризис профессионального выбора.

В выборку для изучения были включены две группы: контрольная и основная (по 30 человек в каждой). В контрольную группу включены студенты, успешно адаптировавшиеся к обучению, а в основную группу - включены студенты, у которых в процессе психодиагностики выявлены признаки кризиса профессионального выбора.

Для выявления характеристик мотивационной сферы использовались следующие методики: «Направленность личности» (Б. Басс), опросник А.А. Реана, В.А. Якунина «16 мотивов учебной деятельности», опросник Н.В. Бордовской «Оценка мотивов профессиональной деятельности», опросники Т. Эйлерс «Методика диагностики личности на мотивацию к успеху» и «Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач» (Ильин Е.П., 2008; Энциклопедия психодиагностики, 2009).

По итогам тестирования выявлены: поведенческие стратегии (стремление к достижению успеха и избеганию неудач), 4 вида профессиональной мотивации, 16 видов мотивов учебной деятельности.

По итогам тестирования составлены мотивационные профили для контрольной и основной группы. Обобщая полученные результаты, можно отметить следующие тенденции.

В основной группе (с признаками кризиса профессионального выбора) выявлены следующие закономерности. В структуре мотивов учебной деятельности

наиболее выраженными оказались: мотив избегание осуждения и наказания за плохую учебу, желание получать стипендию и не отставать от сокурсников. Слабо выражены мотивы – стать высококвалифицированным специалистом, получать интеллектуальное удовлетворение от деятельности.

Структура мотивов профессиональной деятельности (выделена на основе ранжирования): мотив собственного труда, мотив самоутверждения в труде, мотив социальной значимости труда, мотив профессионального мастерства.

Результаты обследования по методикам Т. Эйлерс говорят о том, что у респондентов данной группы достаточно отчетливо проявилась мотивация к избеганию неудач и слабо выражена мотивация на достижение успеха.

Выявленные в исследовании закономерности могут представить интерес для специалистов по организации психолого-педагогического сопровождения студентов-первокурсников с целью повышения их адаптации к обучению в вузе и профилактике возникновения и развития кризиса профессионального выбора.

Литература

1. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер. 2008. 512 с.
2. Котлярова Л.Н. Исследование влияния личностного потенциала на адаптацию начинающих профессиональную деятельность юристов // Актуальные проблемы психологического обеспечения практической деятельности силовых структур. СПб.: Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал РГА, 2015. С. 345- 353.
3. Сыманюк Э.Э. Психологические барьеры профессионального развития личности. Практико-ориентированная монография / Под ред. Э.Ф. Зеера. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. 252 с.
4. Энциклопедия психодиагностики. Психодиагностика персонала. Самара: Издательский Дом «Барах-М», 2009. С. 424-432.

Формы поведения сотрудника специальных подразделений органов Национальной полиции при различных видах морально-психологического состояния

Цильмак А.Н.

Одесский государственный университет внутренних дел (г. Одесса, Украина)

Служебно-боевая деятельность сотрудников специальных подразделений органов Национальной полиции часто протекает в сложных экстремальных и конфликтных условиях. На процесс эффективного выполнения служебно-боевых заданий (в том числе и на принятие профессионально-важных решений) большое значение оказывает морально-психологическое состояние персонала.

Под морально-психологическим состоянием следует понимать интегральное психическое явление, которое обуславливается комплексом психических процессов, состояний и свойств личности и которое определяет конкретный личностный настрой в данный момент времени и в конкретных условиях служебно-боевой деятельности.

Анализируя практику служебно-боевой деятельности специальных подразделений органов Национальной полиции, можно констатировать, что есть два вида морально-психологического состояния – функциональное и дисфункциональное.

Функциональное морально-психологическое состояние – это положительное интегральное психическое явление, которое позволяет сотруднику спецподразделений мобильно настраиваться и перестраиваться в зависимости от текущей задачи профессиональной деятельности.

Дисфункциональное морально-психологическое состояние – это отрицательное интегральное психическое явление, которое становится препятствием для личностного настроя сотрудника спецподразделений на выполнение текущих задач служебно-боевой деятельности.

Следует отметить, что в зависимости от вида морально-психологического состояния, меняется форма поведения личности и техника принятий ею профессионально важных решений в конкретных условиях служебно-боевой деятельности. Рассмотрим более подробно.

При функциональном морально-психологическом состоянии следует выделить такие правомерные формы поведения сотрудника спецподразделений:

а) высокопрофессиональное – сотрудник высокопрофессионально действует в соответствии с определенными условиями служебно-боевой деятельности. Решение относительно стратегии и тактики действий в конкретных условиях служебно-боевой деятельности принимается без особого процесса обдумывания, то есть принятие решения базируется на опыте, компетентности, личностном настрое; боевой, функциональной и психологической готовности; на основных инстинктах, практических знаниях, умениях и навыках т.д.

б) рационально-прогностическое – сотрудник в конкретных условиях служебно-боевой деятельности компетентно выполняет профессиональные функции. Решения принимаются продуманные, взвешенные, с учетом всех прогнозируемых препятствий, трудностей и преград.

в) выжидательное – сотрудник занимает наиболее благоприятную выжидательную позицию. Принятие решения откладывается, идет сложная борьба мотивов, обсуждается тактика действий; продумываются необходимые средства, методы, приемы, способы техники действий.

При дисфункциональном морально-психологическом состоянии следует выделить такие формы поведения сотрудника спецподразделений:

а) принудительно-мобилизационное – сотрудник с трудом себя мобилизует, сверх своих возможностей действует в конкретных условиях служебно-боевой деятельности, при этом допускает ошибки и промахи. Решения относительно стратегии и тактики действий принимаются с трудом, иногда без тщательного процесса обдумывания, ошибочные;

б) апатичное – сотрудник бездействует, он не способен себя мобилизовать, собраться с мыслями. Принятие решений откладываются.

в) шаблонно-инструктивное – сотрудник действует по четкому указанию, по

инструкции, приказу, по шаблону, не проявляет гибкость и креативность, как следствие в конкретных условиях служебно-боевой деятельности он не эффективен и становится «легкой мишенью». Решения вместо него принимает руководитель либо коллега;

г) паническое – сотрудник в панике, действует хаотично, не осознавая (либо частично осознавая) значения своих действий, не может (либо частично может) руководить своими действиями. Принятие решений относительно стратегии и тактики действий в конкретных условиях служебно-боевой деятельности не возможно;

д) агрессивно-доминантное – сотрудник агрессивен, раздражен, может применить неправомерно физическую силу либо спецсредства. Процесс принятия решений базируется на отрицательных эмоциях.

Таким образом, морально-психологическое состояние сотрудников специальных подразделений органов Национальной полиции является довольно сложным интегральным психическим явлением, имеющим сложную психологическую структуру; оно детерминируется субъективными, объективными и субъективно-объективными факторами; имеет достаточно сложный психологический механизм реализации, оно прямо пропорционально влияет на форму поведения и та процедуру принятия решений в конкретных условиях служебно-боевой деятельности.

Психодиагностическая система для психолого-психиатрической экспертизы профессионально-психологического здоровья сотрудников правоохранительных органов России

Шаповал В.А.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

В современных условиях динамично изменяющегося ландшафта правоохранительных органов (ПО), требований Президента России и российского законодательства кардинально улучшить их кадровый состава на фоне широко освещаемых в СМИ резонансных случаев агрессивно-насильственного и неадекватного поведения сотрудников ПО, представляющих высокую социальную опасность, устойчивого роста числа совершаемых ими противоправных действий, остро требуется организация более эффективной по сравнению с существующей системы психологического обеспечения, ядром которой должны стать прежде всего психолого-психиатрическая экспертиза (ППЭ) профессионально-психологического здоровья (ППЗ) кандидатов на службу и сотрудников ПО.

Серьезные затруднения в возможном решении данной задачи обусловлены острым дефицитом валидного, надежного и легитимного психодиагностического инструментария, позволяющего в условиях недобровольных массовых психопрофилактических обследований и диссимулятивной установки испытуемых выявлять сотрудников, имеющих признаки латентных отклонений в ППЗ, включая склонность к девиантному поведению. Одним из наиболее эффективных «know how» в

современном психодиагностическом обеспечении в век информационных технологий являются экспертно-диагностические системы, объединяющие возможности компьютера с формализованным профессиональным опытом эксперта и способные оказать помощь неопытному специалисту в проведении ППЭ.

В этой связи нами была разработана, апробирована и внедрена в практику массовых обследований экспертная психодиагностическая система (ЭПС) для ППЭ ППЗ сотрудников ПО (Шаповал В.А., 2016). В качестве психодиагностической мишени ППЗ было выбрано нами не случайно, т.к. оно наиболее полно интегрирует в себе практически весь набор требований к профессионально-психологическим характеристикам сотрудника ПО, отраженных в современной нормативно-правовой базе. Вполне вписываясь в зону правой ответственности психологов, ППЗ наряду с «позитивными» включает в себя и перечень «негативных» критериев, отражающих факторы риска той или иной психопатологии, тесно соприкасаясь с патоцентрически ориентированным понятием «психическое здоровье» - зоной исключительной правой ответственности врачей-психиатров (Шаповал В.А., 2015).

В качестве наиболее релевантной концепции ППЗ нами была взята за основу, адаптирована и экстраполирована из области динамической психиатрии в профессиональную психодиагностику Я-структурная концепция Г. Аммона (Кабанов М.М., Незнанов Н.Г., 2003), позволяющая рассматривать, измерять и оценивать ППЗ как результат соотношения конструктивных (ресурсно-компенсаторных) и деструктивно-дефицитарных, (дезадаптирующе-лимитирующих) компонентов неосознаваемой Я-структуры личности сотрудника ПО, а также выполнять роль карты в проведении последующих адресных психокоррекционных и психопрофилактических мероприятий. На ее основе концепт ППЗ был операционализирован в валидный психодиагностический конструкт «Ресурс ППЗ», измеряемый с помощью интегральных шкал Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс», созданного на базе Я-структурного теста Г. Аммона (ISTA) специально для ситуации экспертизы и массовых психодиагностических обследований сотрудников ПО (Шаповал В.А., 2013). Положенные в основу ЭДС регрессионные и дискриминантные модели оценки указанных интегральных психодиагностических показателей ПОЛО «Ресурс», разработанные с учетом требований к концептуальной, перекрестной и внешнекритериальной валидности, надежности, дискриминативности и репрезентативности методик, а также учитывающие специфику гендерных различий и возрастных особенностей испытуемых, позволяют эффективно реализовать 4-уровневый принцип оценки и прогнозирования ППЗ сотрудников ПО в условиях ППЭ их профессиональной пригодности и регламентированных недобровольных массовых психопрофилактических обследований.

Литература

1. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование / Под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 2003. 438с.
2. Шаповал В.А. Метод оценки и прогнозирования психологического здоровья

и профессиональной идентичности кандидатов на службу и сотрудников МВД на основе Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс»: учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург: СПб Университет МВД России, 2013. 366 с.

3. Шаповал В.А. Методологические основы разработки экспертной психодиагностической системы для скрининга и мониторинга профессионального психологического здоровья сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы психологической работы в органах внутренних дел: сборник статей по материалам межведомственного Круглого стола (Васильевские чтения), 24 марта 2016 года / Под ред. Ю.А. Шаранова, В.А. Шаповала; сост. М.А. Кутырёв. СПб: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 306-317.
4. Шаповал В.А. Профессиональное психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел: диагностика, прогнозирование, мониторинг: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. 296 с.

МЕДИАЦИЯ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Обоснования, этапы и предварительные результаты реализации пилотного проекта по внедрению медиации в процесс управления персоналом временных трудовых коллективов (на примере детских оздоровительных лагерей)

Бойкина Е.Э., Островский А.Н., Быкова М.В., Пачеко-Рейнага А.Х.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Трудовой коллектив является одним из видов коллективного субъекта (средняя социальная группа, объединяющая людей, работающих в одной организации, занятых решением конкретных задач и основанная на общности целей, принципов сотрудничества, сочетании индивидуальных и групповых интересов). Общепринятого понятия, объединяющего группу людей, осуществляющих трудовой процесс в рамках ограниченного срока, в настоящий момент не существует. Таким образом, понятие «временный трудовой коллектив» или, более часто употребляемое понятие «временный персонал», относится скорее к разряду разговорной лексики. Между тем, функционирование временных трудовых коллективов (в рассматриваемом случае – коллективов детских оздоровительных лагерей (далее – ВТК ДОЛ) имеет характерные особенности, в частности: организационный стресс, вызванный отсутствием стойкой функциональной взаимосвязи и установившихся межличностных отношений между членами коллектива, а также ряд факторов, выявленных нами в ходе проведенного социологического исследования: превышение «затрат» над «пользой», фаворитизм педагогического состава над другими членами коллектива (сотрудниками технического состава, медперсонала, блока охраны, администрации), наличие «синдрома старослужащих», превышение регламента рабочего времени и функционала.

Существующие задачи по оптимизации процессов управления временными трудовыми коллективами диктуют необходимость теоретического обоснования и последующей апробации внедрения принципов медиации и медиативного подхода (авторский метод, разработанный АНО «Научно-методический центр медиации и права») в работу с персоналом ВТК ДОЛ.

С целью обоснования возможности применения медиации в деятельность ВТК ДОЛ в 2016 году нами было проведено эмпирическое исследование, включавшее в себя опрос 132 сотрудников ВТК ДОЛ и 5 структурированных интервью с ними, в ходе которых респонденты подтвердили наличие конфликтов в ВТК ДОЛ (очень часто – 2%, время от времени – 27%, очень редко – 39%), в большинстве случаев согласились с его влиянием на исполнение ими функциональных обязанностей (очень сильно – 14%, немного – 47%) (вплоть до нежелания работать). В качестве наиболее часто используемых в конфликте стратегий респонденты назвали: избегание и обращение за помощью в разрешении.

В отношении медиации респонденты обнаружили низкий уровень информированности (90%) при одновременной готовности повысить свою медиативную компетентность (буду повышать – 17%, буду повышать при возможности – 47%, не буду – 0%, воздержались от ответа – 36%). На момент проведения исследования (октябрь-декабрь 2015 года, т.е. до ознакомления с медиацией) сотрудники ВТК ДОЛ в целом не исключали возможность обращения к третьему нейтральному и беспристрастному лицу для помощи в разрешении конфликтов (да, безусловно – 10%, скорее, да – 33%, скорее, нет – 31%, нет – 11%, затрудняюсь ответить – 15%), однако не смогли дать единое представление о медиаторе, как сотруднике их коллектива или как внешнем лице (представитель администрации – 26%, представитель иной («внешней») организации – 23%, иное – 20%, затрудняюсь ответить – 36%).

После получения первоначального массива исследовательских данных нами был запущен проект по практическому внедрению медиации в ВТК ДОЛ, предусматривающий следующие этапы: 1) обучение пилотной группы из числа педагогического состава; 2) фиксации результатов применения медиативного подхода (еженедельные опросники, интервью, личная супервизия куратором проекта); 3) обработки полученных данных и подготовки методической литературы.

При первоначальном анализе результатов реализуемого пилотного проекта обученные сотрудники отметили высокую степень удовлетворённости от полученных знаний в данной области (очень полезны – 65%), подтвердили практику их применения в своей деятельности (конфликт урегулирован: администрацией – 12%, своими силами (применён медиативный подход) – 52%, своими силами (без медиативного подхода) – 36%) и сигнализировали о готовности совершенствовать свои навыки в дальнейшем (см.выше), а также не только в социальном взаимодействии в среде сотрудников, но и в работе с детьми («лучше всего работает с детьми», «очень полезен, особенно в решении конфликта между детьми (быстро и эффективно)», «полезен со старшими детьми и родителями. Достаточно трудно использовать данные подходы и методы с детьми младшего возраста»).

Опыт реализации проекта «Школьная служба примирения» (на базе кадетской школы-интерната)

Власова Н.В., Романова Н.М.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Необходимость создания школьной службы примирения в учреждениях кадетского образования интернатного типа продиктована существующими противоречиями в системе жизнедеятельности учащихся. С одной стороны, образовательная среда кадетских учреждений повышает требовательность к интеллектуальным, психоэмоциональным и физическим нагрузкам кадет. С другой стороны, в условиях повышенных психических нагрузок за пределами внимания

воспитанников остаются собственные эмоциональные переживания, которые оказывают влияние на все сферы психической деятельности и выступают маркерами субъективного ощущения благополучия/неблагополучия.

Система жизнедеятельности в кадетской школе-интернат включает в себя военизирующую составляющую, основанную на воинском уставе в системе взаимоотношений офицер-воспитатель и ребенок, что затрудняет для ребенка, в полной мере, удовлетворять возрастные потребности в эмоционально-доверительном общении. Эмансипация ребенка от семьи усугубляет процесс его социально-психологической адаптации в школе, обуславливает проницаемость границ его личностного жизненного пространства и снижает чувство защищенности и безопасности. Все это может истощать психические ресурсы личности и приводить к состоянию внутреннего дискомфорта, повышенной тревоги, стрессу и депрессии (Падун М.А., 2015). Неконструктивный характер регуляции кадетами эмоционального состояния иногда приводит к буллингу, аутоагрессии, разрядке и конфликтам в среде сверстников (Польская Н.А., 2013). На фоне неравномерности и асинхронности самого психического процесса развития ребенка, все это делает внутренний мир подростка неустойчивым, ранимым, наполненным многообразием неразрешенных и тревожных переживаний.

Разрешение конфликтных ситуаций кадет привычным карательно-административным способом со стороны офицеров-воспитателей, снижает чувство собственной значимости у ребенка и, нередко, приводит к подавлению эмоций. Следует отметить, с одной стороны подавление эмоций может иметь адаптивный смысл в ситуациях, соответствующих воинским требованиям, с другой стороны, подавленные эмоции и супрессия (подавление экспрессии эмоций), по результатам исследований, блокируются в теле и выступают фактором психосоматических нарушений. «Частое использование подавления экспрессивного компонента эмоции может приводить к отчужденности, избегающему поведению и социальной изоляции субъекта» (Первичко Е.И., 2014, с.17). Используемая восстановительная медиация школьной службы примирения позволяет подросткам повысить уровень своей эмоциональной грамотности, научиться конструктивному способу разрешения конфликтов, повысить уровень развития рефлексии и уверенности в себе, достигнуть взаимопонимания (Коновалов А.Ю., 2012).

С целью снижения психоэмоционального напряжения в среде сверстников и разрешения проблем, возникающих в результате конфликтных ситуаций, нами были разработаны мероприятия по подготовке и реализации проекта «Школьная служба примирения» на базе Саратовской кадетской школы-интерната № 1 им. Б. Н. Ерёмкина.

Основополагающей задачей выступала подготовка тренеров-волонтеров, из числа студентов, факультета психологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, которые могли бы познакомить кадет с процедурой восстановительной медиации и провести обучающие тренинги с кадетами. Основные этапы подготовки тренеров-волонтеров затрагивали решение следующих задач:

- изучение: теоретических представлений восстановительной медиации; принципов восстановительного подхода; целей и этапов проведения процедуры примирения;

- развитие у тренеров-волонтеров умений управлять групповыми процессами, осознавать их, демонстрировать работу медиатора в практической деятельности.

С целью формирования профессионального мастерства тренеров-волонтеров необходимо освоить в ходе тренинга формы и методы работы с группой: деловая (ролевая) игра, мозговой штурм, групповая дискуссия, лекция, упражнения. В практической работе тренеров-волонтеров важно учитывать возрастные особенности школьников, обучающихся медиации.

Подготовка тренеров-волонтеров должна быть направлена на развитие профессиональных компетенций в работе с конфликтами, чувствами и эмоциями. Необходимо развивать эмоциональную грамотность, психологическую устойчивость в решении психо-эмоциональных проблем.

В рамках реализации проекта «Школьные службы примирения», считаем необходимым использовать супервизионную практику в работе с тренерами-волонтерами и медиаторами. С этой целью важно познакомить участников проекта с основами, задачами и принципами супервизии.

Литература

1. Падун М.А. Регуляция эмоций и ее нарушения [Электронный ресурс] // Психологические исследования Psystudy.ru. 2015. Т. 8. № 39. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.10.2016).
2. Первичко Е.И. Стратегии регуляции эмоций: процессуальная модель Дж. Гросса и культурно-деятельностный подход [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2014. № 4(16). С. 13–22. URL: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/http://npsyj.ru/pdf/npj-no16-2014/> (дата обращения: 20.10.2016).
3. Польская Н.А. Взаимосвязь показателей школьного буллинга и самоповреждающего поведения в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 1. С. 39–49. URL: http://psyjournals.ru/psyedu/2013/n1/58596_full.shtml (дата обращения: 05.10.2016).
4. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / Под общей ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. 256 с.

Эмоциональный интеллект как составляющая профессионализма медиатора

Дорошенко В.Ю.

Медицинский центр «Белтико» (г. Москва, Россия)

Позиция медиатора, его функции и роль являются центральным пунктом, определяющим фактором для процедуры медиации. Любая модель медиации

превратится в бесполезную технику, если медиатор не воплощает в своих действиях установки, которые реализуются в принципах процедуры медиации (нейтральность, конфиденциальность, равноправие, открытость, сотрудничество и ответственность). Воплощая эти принципы, медиатор создает безопасную атмосферу, защищающую обе стороны конфликта. Он тщательно соблюдает правила, которые способствуют раскрытию интересов сторон. Помогает рассмотреть те пункты, те интересы и те грани ситуации, которые раньше не были замечены. Медиатор полагает, что только сами участники могут найти наилучшее решение своего конфликта, помогает укреплять автономию каждого и способность к переговорам.

Мы предполагаем, что особое значение для успешной медиативной практики приобретают способности человека в эмоциональной сфере. Эффективность деятельности медиатора во многом зависит от его умения понять эмоциональное состояние другого человека, что является важным для процесса общения, как в быту, так и в профессиях типа «человек-человек». В ситуации общения медиатора с конфликтующими сторонами необходимо понимание и принятие эмоций собеседников, управление собственными эмоциями и способность к эмоциональной гибкости в зависимости от изменения ситуации в целом и ее компонентов.

Конфликтное взаимодействие часто сопровождается деструктивными эмоциями противоборствующих сторон. Понимание эмоций человека позволяет медиатору осуществлять профессиональное поведение в процедуре медиации по отношению к своим собеседникам.

При значительной эмоциональной и когнитивной сложности этой профессиональной деятельности индивидуально-психологические характеристики медиаторов в соотношении со спецификой процедуры медиации остаются мало изученными. Индивидуально-психологические характеристики личности, связанные с эмоциональным интеллектом, требуют исследований для ясного понимания профессиональных компетенций медиатора. Цель нашего исследования заключалась в выявлении уровня эмоционального интеллекта медиаторов, изучения его значения для работы, анализа проявлений, способствующих воплощению принципов медиации.

Эмоциональный интеллект как понятие появилось сравнительно недавно. Поэтому до сих пор нет единого понимания этого явления. Эмоциональный интеллект тесно взаимосвязан с успешностью в профессиональной деятельности медиатора. И эта успешность обусловлена коммуникативным фактором: способностью понимать, ощущать и вербализировать свое состояние и состояние другого человека в соответствии с установками общения.

Мы предположили, что медиаторы обладают высоким уровнем эмоционального интеллекта, благодаря которому развиваются качества, необходимые для профессиональной деятельности.

Для проверки нашего предположения было проведено исследование, в котором принимали участие 3 группы по 17 человек:

1. Медиаторы, прошедшие обучение по программе утвержденной правительством;

2. Психологи с проекта СО-Действие (психологическая помощь онкологическим пациентам и их родственникам) со стажем работы не менее 2 лет;

3. Юристы консультативного центра «Народный юрист» (городской консультативный центр по бракоразводным процессам) со стажем работы не менее 2 лет.

Мы применили следующие диагностические методики: опросник эмоционального интеллекта «ЭиИн» (Д.В. Люсин); методика диагностики уровня эмпатических способностей (В.В. Бойко); тест на эмоциональный интеллект IQ (Н. Холла).

Результаты нашего исследования показали, что уровень эмоционального интеллекта у медиаторов выше среднего, это свидетельствует о том, что медиаторы способны воздействовать на эмоции собеседника, окружающих людей и управлять своими эмоциями. Медиаторам характерны высокие значения по шкалам «установки, способствующие эмпатии», «проникающая способность в эмпатии», «идентификация в эмпатии».

Индивидуально-личностные характеристики принято считать важными качествами, которые влияют на профессионализм работы. Деятельность медиатора направлена на эмоциональную сферу человека, именно поэтому эмоциональный интеллект, который является индивидуально-личностной характеристикой человека, был рассмотрен нами в качестве одного из компонентов профессионализма медиатора.

Предпосылки и перспективы использования медиативного подхода для решения споров о воспитании детей в ситуации развода

Забезинская И.Д.

ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

В настоящее время увеличилось число запросов на проведение экспертной, преимущественно психологической оценки различных аспектов ситуации при решении споров о детях при разводе. В рамках психолого-психиатрической экспертизы мы имеем дело с парами, прошедшими определенный путь в попытках урегулировать конфликт, в подавляющем большинстве уже испробовавшими все традиционно предлагаемые социумом пути его решения. Тем не менее, в нашей практике были случаи, когда при обследовании открывались обстоятельства, позволяющие конфликтующим сторонам по-новому взглянуть на ситуацию и даже прийти к примирению непосредственно в период пребывания в Центре.

Высоко конфликтный характер отношений между сторонами связан, прежде всего с тем, что в общественном сознании сепарация от бывшего супруга предполагает, в том числе, отсутствие каких-либо взаимодействий, то есть совместной деятельности. Модель отношений, позволяющая совместно осуществлять родительские обязанности после развода, слабо представлена в нашем обществе, что обуславливает частые требования о полном исключении бывшего супруга из жизни

ребенка, либо готовность допускать это участие лишь в строго регламентированной форме с сохранением полного контроля самой возможности его общения с ребенком. Также можно говорить о влиянии доминирующих дискурсов о семье, как нормативном способе социализации, признающих рождение и воспитание детей основной ее функцией и ассоциирующих прекращение супружеских отношений с прекращением отношений родительства. При этом, «семье» как таковой придается исключительное значение, ее разрушение допускается только в случае существенного недостатка одного из супругов, нивелирующего его способность не столько быть супругом, сколько родителем.

С учетом описанных культурных стереотипов мы наблюдаем ситуацию, когда развод является крайней мерой, к которой супруги прибегают лишь в случаях полной невозможности поддержания каких-бы то ни было конструктивных взаимодействий, что препятствует их самостоятельному урегулированию вопросов, связанных с воспитанием детей. При этом обращение за помощью к специалистам зачастую не только не приводит к конструктивному разрешению проблемы, но и усугубляет ситуацию.

Сама идея о возможности разрешения спора посредством установления правоты одной стороны и признания неправоты, а потому проигрыша, второй, вытекающая из позитивистской модели мира и нашедшая отражение в состязательной парадигме нашего судопроизводства диктует определенную стратегию «работы» – успех обеспечивается дискредитацией оппонента. Причем и адвокаты, и, особенно, представители неформальных сообществ, склонны индуцировать обратившихся к ним за помощью родителей, указывая им на очевидную, «имманентную» враждебность намерений противной стороны. Таким образом, поведения фигурантов в попытках добиться желаемого приводит к усилению конфликта и препятствует установлению конструктивных отношений совместного родительства, что противоречит интересам ребенка.

Альтернативой является медиативный подход, который позволяет разрешать конфликт, вскрывая за позициями и декларируемыми требованиями истинные интересы сторон. Перспективность медиации в практике решения семейных споров обеспечивается не только потребностью сторон в прояснении незаконченных отношений, аргументом в которых зачастую является ребенок, но наличием у них общих интересов – благополучие ребенка.

Успеху медиации будет способствовать соблюдение следующих условий:

- каждый участник выступает от своего имени и представляет собственные интересы; интересы ребенка являются рамочными и за их соблюдением следит медиатор;

- сохранение для ребенка возможности общения с обоими родителями – есть базовая ценность, и вопрос состоит только в способе его организации;

- деструктивное поведение фигурантов стоит рассматривать как вынужденное, к которому человек прибегает в ситуации резкого ограничения доступных ему форм реагирования, и одна из задач специалиста – расширение представлений фигурантов о

возможных способах поведения.

Литература

1. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1986. 206 с.
2. Боулби Дж. Привязанность. М.: Академический проект, 2004. 232 с.
3. Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
4. Сафуанов Ф.С., Александров М.Ф. Использование психологических знаний в непроцессуальной форме при судебных спорах между родителями о воспитании ребенка // Юридическая психология. 2011, № 4. С. 18-23.

Психологический аспект проведения процедуры медиации в семейных спорах

Киселев К.А.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
(г. Саратов, Россия)

Психологический подход к процедуре медиации приобретает особую актуальность при разрешении семейных споров. В таких случаях сохраняются определенные психологические ресурсы, которые становятся базисом для восстановления отношений между сторонами. Кроме того, посредничество позволяет избавиться от судебных разбирательств.

Проведение процедуры семейной медиации возможно использовать в гражданских делах по вопросам опеки и порядка общения с ребенком, в данном случае улучшается понимание родителями потребностей детей, появляется возможность кооперации между всеми участниками процесса, повышается их эмоциональная удовлетворенность. Также примирительные процедуры с участием посредника популярны в семейных спорах по вопросам исполнения своих обязательств, разделе имущества, обсуждении права наследования и оплаты долгов. Процедура медиации позволяет избежать проведения затратных в финансовом и моральном планах судебно-психологических экспертиз.

Семейный медиатор должен обладать специфической подготовкой, например, профессиональными компетенциями в области детской психологии и психологии развития, научными познаниями о формах нормативных и девиантных реакций детей на ситуацию семейного конфликта, о динамике отношений в процессе развода. Важным является, также, учет привязанности детей к тому или иному родителю и возможности оказания на ребенка преднамеренного психологического воздействия со стороны матери или отца.

В процессе семейной медиации важно, чтобы требования сторон являлись последовательными, значимыми и не были противоречивыми, иначе они воспринимаются как иррациональные, что в конечном итоге приводит к чувству

потери контроля над ситуацией, недоверию к оппоненту и самому медиатору, что усиливает внутрисемейный конфликт.

Медиатору необходимо учитывать конструктивистскую парадигму, исходя из которой, стороны конфликта делают собственные выводы относительно противостояния, акцентируют свое внимание на одних фактах и игнорируют другие – конструируя тем самым свою реальность. Таким образом, в процессе медиации возникает «фундаментальная ошибка атрибуции» – приписывание, например, бывшему супругу негативных действий исходя из его личности оправдание себя, исходя из субъективного влияния сложившихся обстоятельств. Посредник в данной ситуации должен выделить непосредственные задачи, которые должны быть решены и отделить субъекта от объекта конфликта.

При проведении процедуры семейной медиации, посреднику важно вовремя предотвращать категоризацию одного субъекта другим и помогать сторонам конфликта отказаться от дихотомического представления о ситуации. Так, благодаря медиатору, например, один из супругов может воспринимать бывшего члена семьи не только, как «предателя», но и как родителя общего ребенка, чье включение в процесс воспитания также важен самому ребенку.

В случае высококонфликтной формы развода необходимо ориентировать стороны на сам факт возможности разрешения споров. Таким образом, может быть решена одна конкретная задача на определенном этапе взаимодействия конфликтующих родственников. В дальнейшем, стороны, в случае желая, принимают уже на стадии затяжного конфликта перспективу его разрешения в ходе новых процедур медиации. Данный подход относится к т.н. «прерывистому посредничеству», которое позволяет разрешать как затянувшиеся, так и острые конфликты, работая с ними поэтапно.

Таким образом, главная психологическая роль посредника в семейной медиации состоит в том, чтобы сделать различные точки зрения на конфликт видимыми для всех участников. Однако медиатор должен действовать с предельной осторожностью, чтобы не создать «новый конфликт в конфликте».

Особенности проведения тренингов с учащимися среднеобразовательных учреждений по программе «Школьной службы примирения»

Колесниченко А.В.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

В 21 век, в век такого явления, как глобализация, возможны самые разнообразные столкновения. Конфликтные ситуации свойственны любой возрастной группе, будь то школьник или взрослый человек. Живя в социуме, человеку важно преодолевать конфликты, ища пути решения трудных ситуаций. Ведь благодаря социуму человек не просто индивид, он становится личностью, частью этого общества, его будущим.

Важно осознавать, что преодолению конфликтов лучше учиться с раннего возраста, что бы это в дальнейшем стало само собой разумеющимся. Нынешние подростки – будущее России, поэтому важно прививать детям умения и навыки преодоления конфликтных ситуаций как можно раньше. И здесь приходит на помощь программа «Школьная служба примирения». Именно в школьной среде дети начинают все больше и больше познавать мир. «Школьная служба примирения» станет для ребят некой школой, в которой они будут обучаться умения и навыки преодоления конфликтов. Выпускаясь из школы, молодые люди будут знать не только научные факты, но и иметь представления о том, как решить проблемные ситуации цивилизованным путем.

В рамках реализации проекта «Школьной службы примирения», нами были проведены тренинги в МБОУ «СОШ» №19, г. Энгельса, Саратовской области. В тренинге участвовали учащиеся 6-9 классов. Группа состояла из 12 человек. В своих тренингах, мы опирались на результаты обучения, реализованного силами преподавателей факультета психологии СГУ имени Н.Г. Чернышевского, специализированную литературу по медиации, в которой были указаны принципы работы медиатора (примирителя), личностные качества, план работы медиатора с конфликтующими сторонами и пути решения конфликта. Цель проведения наших тренингов – научить школьников применению медиативного подхода в разрешении конфликтов, показать пути мирного разрешения конфликтов.

Наша задача заключалась в объяснении теории, понятий, а также демонстрации упражнений. Упражнения давали для лучшего усвоения материала. Программа тренинга включала 2 этапа.

1 этап состоял из знакомства ребят с программой «Школьная служба примирения». Мы познакомили школьников с правилами самого тренинга, понятиям конфликтной ситуации, медиации, медиатора. Показали упражнения, в которых ребята ощутили, как им удобнее общаться друг с другом. Целью 1 этапа тренинга было познакомить с такой формой научения, как тренинг, познакомить учащихся с основными понятиями.

На 2 этапе мы уделили внимание стилям поведения медиатора (примирителя), личностным чертам медиатора, стилям разрешения конфликтов. Также были упражнения, связанные с эмоциями. Ребята быстро осваивали, предъявляемый нами материал. Школьники охотно шли на контакт, и выполняли упражнения, которые мы им предлагали. В группе были те ребята, которые сами проявляли инициативу и помогали в понимании материала другим школьникам. Целью 2 этапа было донесение до ребят стилей поведения решения проблемных ситуаций. Сделать акцент на эмоциональном состоянии конфликтующих сторон.

Итогом нашей работы стало ознакомление учащихся с принципами работы медиатора (примирителя), мы показали пути разрешения конфликтных ситуаций. Мы выполнили поставленные задачи: мы объяснили ребятам теорию и основные понятия. А так же продемонстрировали упражнения.

В дальнейшем, мы планируем проводить тренинги, акцентируя внимание

школьников на эмоциональной грамотности. Так как в конфликте человек испытывает всегда целый ряд эмоций, которые могут привести к определенным последствиям, если их не регулировать. Поэтому мы считаем нужным, рассказать ребятам об эмоциях, которые встречаются в ситуациях конфликта, пути управления эмоциями. Немаловажным является и умение видеть эмоциональное состояние у окружающих людей, в том числе и в ситуациях столкновения.

Литература

1. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / Под общей редакцией Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. 256 с.
2. Мельниченко Р.Г. Медиация: учебное пособие для бакалавров М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014.
3. Нечаева Ю.Б., Селищева А.Н. Медиация. Новый подход к разрешению конфликтов. Пермь, 2009.

Опыт волонтерской работы по восстановительной медиации с несовершеннолетними учащимися саратовских учебных заведений

Кузнецова М.А., Чураева Г.Д.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Проведение медиативных процедур является актуальным решением для мирного регулирования спорных ситуаций в конфликтных ситуациях среди подростков.

Цель данной статьи – подведение итогов волонтерской работы по восстановительной медиации с подростками – учащимися саратовского среднего общеобразовательного учреждения и детьми, содержащимися в социальном реабилитационном центре.

В ходе волонтерской работы была проведена серия тренинговых занятий по восстановительной медиации. Наша задача была познакомить подростков с понятиями «медиатор» и «медиация», основами примирительных процедур, ознакомление с вопросами о примирении, а также узнать какие есть способы разрешения конфликтов, для дальнейшего самостоятельного использования подростком полученных знаний.

В начале нашего тренинга, мы рассказали о принципах и этапах работы медиатора. Далее в игровой форме мы наглядно показали причины возникновения конфликтов и способы их разрешения. В завершении данного тренинга были подведены итоги. Подросткам задавались вопросы: «кто такой медиатор?», «что такое медиация?», «что полезного узнали из нашего тренинга?», «как в дальнейшем они будут решать конфликты?», «будут ли пользоваться полученными знаниями?».

Проведя тренинг в двух учреждениях, мы сделали сравнение между поведением подростков из благополучных семей и из неблагополучных.

В начале нашего знакомства, дети из данных учреждений повели себя

одинаково, они были закрыты, не хотели идти на контакт, отказывались участвовать в упражнениях, постоянно отвлекались на посторонние раздражители.

В ходе дальнейшей работы подростки из реабилитационного центра медленнее шли на контакт, стали принимать участия в упражнениях, но только в форме игры, не понимая смысл данных упражнений. В упражнениях, где были задействованы только несколько человек, остальные агрессивно реагировали на участников, высказывали в их сторону нецензурную лексику, высмеивали их. В коллективных упражнениях использовали грубую физическую силу к своим сверстникам. В завершении тренинга при подведении итогов не смогли вспомнить цель тренинга, кто такой медиатор, что такое медиация, восприняли обучающий тренинг как развлечение. На вопрос, как в дальнейшем будут себя вести при разрешении конфликтов, ответили, что так же физической силой.

Подростки из среднего общеобразовательного учреждения быстрее пошли на контакт, стали открываться, с интересом стали принимать участия в упражнениях. В начале упражнений в конфликтной ситуации так же стали применять физическую силу, но при разборе ситуации поняли основной смысл разрешения конфликтов, которые можно решить без применения агрессии. В упражнениях, где были задействованы только несколько человек остальные внимательно смотрели за происходящим, поддерживали, давали советы, были заинтересованы. В завершении тренинга при подведении итогов быстро дали ответ, на вопрос кто такой медиатор, что такое медиация. Поняли смысл проведения данного тренинга, восприняли его как веселый урок. На вопрос, как в дальнейшем будут вести себя при разрешении конфликтов, ответили, что полученная информация в ходе тренинга была полезна и постараются применять ее в обыденной жизни.

Таким образом, учащимся из среднего общеобразовательного учреждения тренинг оказался более полезным и интересным, чем подросткам из реабилитационного центра.

Некоторые теоретические основы методологического подхода по обучению медиаторов с использованием практических кейсов и ролевых игр

Лазунина И. Ю., Сильницкая А. С., Быкова М.В., Островский А.Н.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Согласно Приказу Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 14 февраля 2011 г. N 187 г. Москва «Об утверждении программы подготовки медиаторов» на территории России в настоящий момент действует дополнительная профессиональная образовательная программа профессиональной переподготовки соответствующих специалистов. Традиционно учебный процесс обучения медиаторов организован в виде модулей, для каждого из которых существует прописанный план, содержащий различные виды учебной деятельности – лекции, практикумы, упражнения и деловые ролевые игры.

В сложившейся ситуации особую актуальность приобретают обучающие кейсы, позволяющие перевести обучающегося из состояния «я знаю, как это надо делать» в состояние «я умею это делать» – непосредственно формируют навык на основе получения собственного опыта, особенно для тех студентов, которые не имеют собственной практики и ни разу не проводили процедуру медиации с реальными клиентами. Описываемый вид образовательной активности является наиболее предпочтительной и мотивирующей формой обучения для взрослых за счет поддержания интереса к процессу обучения и развития индивидуального потенциала обучающихся – самостоятельности и готовности к сотрудничеству, способности принимать решения и коммуникативной компетентности.

Процесс разработки каждой игры базируется на понимании сути и структуры конфликта, лежащего в ее основе, а также существующей классификации конфликтов в соответствующей сфере. Эти критерии являются частью структуры обучения во время проведения ролевой игры, а также во время ее анализа и разбора действий каждого участника. Подобный методологический подход к обучению создает условия определенности, которые способствуют более эффективному усвоению знаний и позволяет обучающимся:

- опираясь на данную жесткую схему, использовать ее как «тренажер» для правильного понимания всех структурных частей конфликта, что приведет к более четкому и глубокому анализу реального конфликта при его разборе;
- использовать вышеперечисленные критерии в качестве «проверочного шаблона» для того, чтобы убедиться в охвате всех составных частей конфликта, что обеспечивает единство его понимания;
- по своему усмотрению модернизировать кейсы, усложнять или упрощать их под конкретные задачи, поставленные в ходе обучения;
- приобрести инструмент, позволяющий давать структурированную обратную связь друг другу при взаимном контроле правильности выводов и ведения процесса медиации.

Данный подход к подготовке медиаторов, базирующийся на теоретических разработках в области создания и применения деловых/ролевых игр в процессе обучения, позволяет создать уникальный методический материал в форме инструкций к каждому учебному кейсу, содержащих следующие обязательные компоненты: цели и задачи обучения, содержательную часть кейса; бланки для структурирования содержательной части для каждого участника обучения (включая тренера); дополнительный материал для модульного формирования кейсов различных уровней сложности; «правильные ответы».

Создание подобных инструкций в виде методических рекомендаций будет являться одной из возможностей повышения качества образовательного процесса подготовки будущих медиаторов.

**Снижение профессиональной депривации специалистов субъектов профилактики
беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних путем
обучения технологиям медиации**

Лукоянова Э.Р.

АНО «Поволжская семейная академия «УМАЙ» (г. Казань, Россия),
ФГБОУ ВПО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Островский А.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Современная система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в России сформирована на основе объединения нескольких ведомств и учреждений, где координирующую роль выполняет Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП).

Существенное значение для эффективной работы данной структуры имеют многогранность стоящих перед специалистами КДН и ЗП задач, объем представленных к разрешению проблем, нередкое отсутствие социального признания со стороны общества. Перечисленные особенности деятельности КДН и ЗП являются основаниями для формирования профессиональной депривации членов КДН и ЗП – «ощущения недостаточной удовлетворенности профессиональным делом, приводящее к утрате работником (или группой работников) состояние психологического комфорта и необходимого профессионального самочувствия». Последствия профессиональной депривации выражены в отношении к людям, с которыми контактирует в процессе профессиональной деятельности как к обезличенной, приносящей проблемы толпе и в утрате гуманистического настроения личности.

Мерой профилактики профессиональной депривации членов КДН и ЗП может стать формирование новой модели внутриорганизационных коммуникаций, осуществляемых посредством диалога, проводимого при профессиональном содействии независимого помощника – медиатора, который в рамках процедуры медиации создает условия, позволяющие сторонам разрешить спор, обсудив и прояснив наиболее значимые для них вопросы в условиях конфиденциальности и взаимного уважения.

С 2012 г. в АНО «Поволжская семейная академия «УМАЙ» реализовывалась социально-ориентированная программа содействия формированию единого профессионального сообщества специалистов в области сопровождения семьи и ее несовершеннолетнего члена-правонарушителя, где ресурсы медиации рассматривались как универсальный язык в работе специалистов, имеющих различное базовое образование.

В ходе исследования было установлено, что применение членами КДН и ЗП принципов медиации в работе с семьей позволяет выйти на партнерское взаимодействие в работе с родственниками несовершеннолетнего правонарушителя.

Конкретный, позитивный результат усилий существенно влияет на повышение уровня удовлетворенности членов КДН и ЗП проделанной работой, так как позволяют разделить ответственность за процесс социальной коррекции с другими членами Комиссии и семей правонарушителей, а также стать непосредственными свидетелями полученного результата, что напрямую влияет на уровень профессиональной депривации специалистов учреждений субъектов профилактики.

На данный «побочный» эффект проводимых программ повышения квалификации указали сами курсанты в ходе 52 экспертных интервью, участники которых отмечали снижение уровня конфликтности в работе самой КДН и ЗП, где соблюдался принцип равноправия всех сторон и удовлетворение их интересов через обсуждаемое решение; нейтральности и беспристрастности посредника, позволяющей избегать стигматизации членов семьи; прозрачности в работесубъектов профилактики. В 45% случаев указывалось, что именно дополнительные гарантии конфиденциальности принятых решений делали возможным установление доверительности в общении между субъектами профилактики и членами семей, а в 64% – повышали исполнимость принятых договоренностей.

Результаты проведенного анализа иллюстрируют гуманистический потенциал обучения технологиям медиации для членов КДН и ЗП, снижение у них проявлений профессиональной депривации и, в перспективе, сохранение в структуре профилактики профессиональных кадров.

Обоснование возможности применения медиативного подхода как способа оптимизации существующих бизнес-процессов при разрешении производственных конфликтов в коммерческой организации

Николин А.В., Островский А.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Современный бизнес тратит много времени и сил на разрешение конфликтов, вместо того, чтобы тратить время и силы на развитие и конкуренцию. При этом факт наличия постоянных конфликтов выступает индикатором того, что организации нужны изменения при сохранении стабильности системы. Таким образом, закономерным является предположение о том, что последовательное применение медиативного подхода (авторского метода, разработанного АНО «Научно-методический центр медиации и права») может привести к позитивной трансформации самой организации через улучшение качества деловой и личной коммуникации при решении профессиональных задач.

Медиативный подход выступает недорогим и качественным инструментом менеджера для поиска причин производственного конфликта, выявления неэффективных организационных или технологических решений и последующей постановки вопросов о необходимых изменениях. В дальнейшем количество обнаруженных и «расшитых» узких мест в бизнес-процессах организации может

привести к необходимым опережающим изменениям и, как следствие, качественному улучшению процессов управления организацией, ее развитию и, в конечном итоге, повышению эффективности и качества результатов ее деятельности.

Подобные услуги в рамках проведения реинжиниринга оказывают профессиональные консалтинговые агентства, однако их основная деятельность сводится к предоставлению рекомендаций предприятию о том, что надо исправить, а не к урегулированию имеющихся на нем конфликтов.

В отличие от полноценной процедуры медиации при реализации медиативного подхода в процессе управления менеджер ситуативно использует только принципы, отдельные фазы и техники, но также структурированно по фазам урегулирования спора. В этом случае к менеджеру предъявляются те же требования, что и к профессиональному медиатору.

Тем не менее, применение медиативного подхода для разрешения производственных конфликтов диктует необходимость проверки возможности соблюдения самих базовых принципов медиации, реализация которых в условиях корпоративной иерархичности может быть затруднена. Речь может идти о трудности обоснования равенства сторон между топ-менеджером и менеджером среднего звена, или рабочим и бригадиром или, в ряде случаев, добровольности участия сторон при использовании медиативного подхода.

Отдельного рассмотрения требует соблюдение принципа сохранения конфиденциальности. С точки зрения применения медиативных приемов менеджеру надо сохранять конфиденциальность о причинах конфликта, если стороны не желают, чтобы и причины, и результаты урегулирования стали известны. При этом основной задачей применения медиативного подхода с целью улучшения существующих бизнес-процессов является как раз использование результатов полученного соглашения.

Организации должны проводить специальное обучение своих менеджеров навыкам медиативного подхода в урегулировании споров, или, в зависимости, от размеров предприятия и численности персонала – приглашать провайдеров медиативных услуг. Рациональным представляется обучение собственников бизнеса – для небольшого предприятия; ключевых сотрудников – для предприятий средних размеров; массовое внутрикорпоративное обучение среднего менеджмента – для крупных производственно-коммерческих структур.

Залогом успешности использования медиативного подхода в разрешении производственных конфликтов как способа оптимизации бизнес-процессов является должный уровень информированности всего персонала компании о возможности разрешения спора инновационными способами социокультурных коммуникативных технологий.

Школьная служба примирения: практический опыт внедрения проекта

Осокина А.С.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Для современного общества важным является защита детей от участия в конфликтах, насилии и других формах агрессивного поведения. Однако, в настоящее время, растет нестабильность, усиливается напряжение, постоянно вспыхивают новые конфликты различных уровнях. При возникновении конфликта у индивида меняется эмоциональный фон настроения, поведение становится стереотипизированным, теряется способность адекватно принимать решения. В случае, если стороны конфликта неспособны к взаимопониманию, отсутствуют психические ресурсы совладания со своими негативными эмоциями, они пытаются решить противостояние «простым» путем: через угрозы, манипуляцию или применение силы.

Для ребенка школа является крайне важным элементом социальной жизни: в ней он проводит большую часть времени, учится строить отношения и сталкивается с первыми серьезными конфликтами. Модель решения конфликтов, выработанную в школе, ребенок будет применять во взрослой жизни. Так как же помочь ему научиться наиболее конструктивно решать возникшие разногласия?

С целью разрешения межличностных конфликтов в России с 2000 года создаются школьные службы примирения. Назначение службы – способствовать складыванию и развитию в школьном сообществе способности к взаимопониманию, к мирному разрешению споров и конфликтных ситуаций и закреплению этого как культурной традиции. Для ее осуществления работает команда взрослых и школьников разных классов. За эти годы школьные службы примирения созданы во многих регионах и городах России: Москве, Пермском крае, Волгограде и Волжском, Великом Новгороде, Казани, Тюмени и других. Однако в Саратовской области этот проект только начинает набирать обороты.

В рамках совместного пилотного проекта факультета психологии СГУ и аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области была сформирована программа подготовки учащихся к выполнению примирительных процедур в школе. Рабочей площадкой выступила 19 средняя общеобразовательная г. Энгельса. Психологом школы, Кузнецовой Еленой Георгиевной, была собрана группа из 12 детей в возрасте от 13 до 15 лет.

С ребятами была проведена серия обучающих тренингов «Жить в мире с собой и другими». Для лучшего усвоения материала детьми тренинги велись в игровой форме: дети много двигались, рисовали, пробовали изобразить эмоции так, чтобы их верно поняли. В рамках тренингов мы разобрали следующие вопросы: правила и структура медиации, навыки планирования и организации медиативных процедур, способы и методы ведения индивидуальной и групповой дискуссии в ходе примирения. Дети узнали о причинах конфликтов и способах их минимизации, проработали навыки бесконфликтного поведения, выяснили собственные стратегии ведения переговоров и

обсудили, как можно сделать их более конструктивными. Во время тренингов ее участники пробовали занять позицию медиатора и решить выбранный конфликт максимально эффективным способом. На завершающем, испытательном занятии дети смогли самостоятельно рассказать нам о базовых понятиях медиации, о том, как она проходит, что необходимо для комфортного проведения встречи конфликтующих сторон. В качестве тестового задания ребята решали заданный конфликт, разыгранный участниками тренинга с помощью ведущих.

Во время подведения итогов, школьники отметили, что узнали много новой информации, которая несомненно поможет им выходить из конфликтов и обходить конфликтные ситуации в будущем. Практически все участники выразили желание продолжить обучение, чтобы после него иметь возможность стать волонтерами в школьной службе примирения.

Цели и пути интеграции медиации в систему корпоративного управления

Свентицкене Л.В., Островский А.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Система корпоративного управления в России находится в начальной стадии своего развития, которое проходит под воздействием лучших мировых практик. Необходимость создания ее национальной модели стала очевидной в период экономического кризиса 2015 года после введения международных санкций против России. В настоящий момент единого определения понятия «корпоративное управление», которое могло бы применяться ко всем ситуациям во всех странах, не существует. В российском законодательстве данный термин был сформулирован в 2014 году, когда Банк России определил «корпоративное управление» как «систему взаимоотношений между исполнительными органами акционерного общества, его советом директоров, акционерами и другими заинтересованными сторонами» (Письмо Банка России, 2014). В том же документе отмечено, что «многие вопросы, связанные с корпоративным управлением, лежат за пределами законодательной сферы и имеют этический, а не юридический характер», что является подтверждением высокого уровня конфликтности рассматриваемой управленческой системы. Эксперты отмечают, что в период кризисов возрастает количество конфликтов в корпоративном управлении (РБК Рейтинг, 2011) и что эти конфликты, как правило, проходят с судебными претензиями и личными обвинениями. Из материалов РБК Рейтинг, следует «лишь в незначительных случаях стороны конфликта пытаются прийти к соглашению за столом переговоров». Вышеперечисленные факторы конфликтности диктуют необходимость привлечения инновационных механизмов согласования позиций руководителей в управлении бизнесом на основе общности их интересов. В качестве закономерной возникает гипотеза о возможном применении медиации как инструмента профилактики и разрешения конфликтов в системе корпоративного управления и оценке эффективности ее использования в данной

профессиональной сфере. В настоящий момент приемлемыми методами разрешения подобных конфликтов является либо совместный поиск решения с учетом интересов сторон (внутренние переговоры) или использование власти (суды). Аргументы адвокатов сторон конфликта, заявляющих свои позиции на основе правоприменения, зачастую практически лишают собственников атмосферы сотрудничества. При этом стороны конфликта опираются в большей степени на позиции адвокатов, чем на здравый смысл и партнерские отношения, исключая возможность использовать и то и другое без противоречий. Редкая компания готова доверить разрешение спора третьему нейтральному лицу (медиатору), но каждая готова решить спор при помощи третьего властного лица (судьи), загоняя проблемы компании глубже в «капкан конфликта». Суть медиации позволяет предположить ее способность, как стратегемы конструктивных переговоров, выводить реалии бизнеса, нужды сторон и экспертные мнения на передний план, когда понимание общности задач, целей и интересов начинает доминировать над «властью юристов» в оговоренном законом формате.

Между тем, низкий спрос на применение медиации в системе корпоративного управления обусловлен крайне низким уровнем информированности руководителей о самом методе и его возможностях. Существующая ситуация диктует необходимость:

- реализации специализированных образовательных программ для топ-менеджмента компаний и членов органов корпоративного управления по практической демонстрации им возможностей медиации;
- формирования внутренних подразделений компаний, в которых будут работать корпоративные медиаторы, опираясь на новую нормативно-правовую базу (Шамликашвили Ц.А., 2010);
- внесения изменений в нормативные документы регулирующие систему корпоративного управления, в части решения конфликтных ситуаций;
- разработки «дорожной карты» решения конфликтов при помощи АРС в компаниях с государственным участием.

Для того, чтобы медиация была востребована в системе корпоративного управления необходима поддержка государства, любопытство руководителей к новым инструментам сохранения партнерства и снижения рисков бизнеса, а также профессиональные медиаторы.

Литература

1. О Кодексе корпоративного управления. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463.
2. Самые «громкие» корпоративные конфликты в России. РБК. Рейтинг. Ежедневное интернет-изд. Рейтинг актуален на 24.08.2011.
3. Шамликашвили Ц.А. Эффективность медиации в корпоративных спорах // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2010. № 12 (79).

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Специфика подготовки в рамках магистерской программы «Юридическая психология: технологии работы с детьми и подростками»

Богданович Н.В., Делибалт В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Магистерская программа «Юридическая психология: технологии работы с детьми и подростками», реализуемая на факультете Юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, имеет своей целью подготовку профессионалов, способных отвечать на запросы социальной практики, разрабатывая научно-обоснованные, методически осмысленные и практикоориентированные технологии работы с детьми и подростками, а также их семьями, находящимися в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях, что в настоящее время требуется в каждом профессиональном стандарте, где предполагается работа психолога.

В основу магистерской программы заложена идея о том, что технология - это спектр возможностей эффективного разрешения юридически значимых ситуаций с участием несовершеннолетних и семей, а также пути и средства (в контексте оказания комплексной помощи) для достижения этих возможностей.

Для разработки таких технологий магистрантам необходимо освоить основные виды деятельности, общие для всех психологов, а именно психодиагностику, развивающую деятельность (в форме тренингов), психокоррекцию, психологическое консультирование.

Магистерская программа построена по модульному принципу, при этом каждый модуль включает в себя погружение в определенный вид деятельности психолога, работающего в контексте юридической психологии, что предполагает не только теоретические и проектировочные дисциплины, но также специфические практики, где под руководством опытных психологов идет апробация разработок магистрантов.

Так, психодиагностическая практика предваряется дисциплиной «Методы профильных психологических исследований». Важно, чтобы магистранты получали не общую информацию об основных психодиагностических методиках, а раскрывали специфику работы с различными категориями клиентов, находящихся в юридически значимых ситуациях.

Освоение групповых методов работы начинается с получения клиентского опыта в рамках дисциплины «Тренинг профессионального саморазвития». Уже в ходе проведения тренингов магистранты получают задание на следующую практику: разработать собственную программу работы с клиентами. Поэтому блок теоретических дисциплин «Психология развития нормального и отклоняющегося поведения»,

«Введение в юридическую психологию детей и подростков» является практикоориентированным, позволяющим магистрантам более глубоко подготовиться к работе с клиентами, попавшими в юридически значимые ситуации.

Но непосредственно умение разрабатывать тренинговые программы формируется в ходе практики, которая реализуется в качестве проведения развивающей работы с собственной группой под супервизией преподавателей.

В дальнейшем магистрам необходимо пройти консультативную практику и предваряющую ее дисциплину «Методы психологического консультирования детей, подростков и семей». Это позволяет магистрантам быть готовым к разрешению индивидуальных проблем клиентов.

Перед прохождением психокоррекционной практики, где магистранты уже будут проводить свои программы непосредственно с клиентами, они осваивают клинично-психологические дисциплины «Психология аномального развития», «Психопатология развития детей и подростков», «Аномальное развитие личности подростка-правонарушителя» и закрепляют их на клинично-диагностической практике. Кроме того, теоретическое подкрепление психокоррекционной деятельности происходит на дисциплинах «Развитие и коррекция девиантного поведения у детей и подростков» и «Жестокое обращение с детьми и психологическая коррекция их последствий».

В последнем модуле магистерской программы происходит «сборка» видов деятельности в определенное направление деятельности: психопрофилактику, психологическую реабилитацию и психологическое сопровождение, в которых магистранты могут специализироваться в рамках различных дисциплин по выбору. Кроме того, они осваивают такую специфический вид деятельность как экспертиза.

С самого начала обучения в магистратуре студенты также ведут научную деятельность, где разрабатывается конкретная проблема, которая может быть и предметом технологий. В результате освоения данной программы выпускник получает портфолио, содержащее как практические разработки, так и публикации (в том числе и участие в научных конференциях).

Роль диагностической практики в формировании готовности будущих юридических психологов к эффективному совладающему поведению

Бусарова О.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Деятельность юридического психолога, специализирующегося в области защиты прав и интересов детей и дружественного к ребёнку правосудия, предъявляет особые требования к саморегуляции и эффективному совладающему поведению.

Целью работы стало выявление типичных копинг-стратегий студентов факультета юридической психологии МГППУ на диагностической практике, которая проводится в четвёртом семестре в различных образовательных учреждениях: детских

садах, общеобразовательных школах, специальных школах для обучающихся с девиантным поведением, школах-интернатах, колледжах. Практиканты должны проанализировать проведение индивидуальной и групповой диагностики психологом образовательного учреждения, за которым они наблюдали, а затем выполнить групповую и индивидуальную диагностику учащихся по запросу педагогов. Студенты, получая консультации психолога-методиста на базе практики и руководителя практики от кафедры, выступают в роли психолога, решающего целостную диагностическую задачу – от получения запроса до составления рекомендаций по результатам обследования. Выполнение этой задачи предусматривает установление контакта с обследуемым, проведение методик, направленных на оценку различных сфер индивидуальности обследуемого, сопоставление результатов различных методик, написание заключения в соответствии с запросом, формулировку наиболее общих рекомендаций для коррекции отклонений – если таковые обнаружены. Таким образом, задание на практику объективно является весьма сложным для учащихся и, на наш взгляд, даёт возможность оценить готовность будущего специалиста к совладающему поведению в профессиональной деятельности.

Методом контент-анализа были обработаны 20 рефлексивных дневников, являющихся обязательной частью отчётов о практике студентов второго курса, обучающихся по специальности «Клиническая психология». Зафиксировано 65 упоминаний о проблемных ситуациях, вызвавших отрицательные эмоции. Две трети упоминаний о негативных эмоциях так или иначе касается взаимодействия с детьми. Чаще всего студенты сталкивались с проблемным поведением обследуемых: ребёнок заплакал, не хотел вступать в контакт, часто отвлекался и т.п., на втором и третьем местах по упоминаемости – страх выступления перед группой и диагностическое взаимодействие с детьми с девиантным поведением. Прочие сообщения об отрицательных эмоциях приблизительно равномерно распределены между волнением перед началом практики, не связанным с чем-то конкретным, взаимодействием с методистами на базе практики и собственными ошибками или недостаточной диагностической компетентностью. Упоминания о совладающем поведении встречаются 41 раз, причём в двух рефлексивных дневниках авторы констатируют наличие проблем, но не описывают способы их преодоления. Всего студенты сообщили о 15 копинг-стратегиях, наиболее распространённая из них – обращение к помощи или консультации методиста на базе практики, далее с большим отрывом – включение механизмов саморегуляции и использование импровизации в нестандартных ситуациях. Соотношение проблемно-ориентированных и эмоционально-ориентированных стратегий совладающего поведения складывается в пользу первых: 33 к 8. Неконструктивные копинг-стратегии в отчётах практически не упоминаются, что, вероятно, частично можно объяснить фактором социальной желательности.

Полученные результаты, подтверждаемые оценками методистов на базе практики, говорят о том, что в целом студенты факультета юридической психологии на диагностической практике прибегают к эффективному совладающему поведению,

чему способствует практическая направленность психологических дисциплин, предшествующих и сопутствующих практике, а также специальная подготовка студентов: ознакомительная практика на первом курсе, предварительный инструктаж и система консультаций, сопровождающих практику.

К проблеме оценки готовности студентов к психологическому обеспечению служебной деятельности

Енгальчев В.Ф., Леонова Е.В.

ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»
(г. Калуга, Россия)

Эффективность современной правоохранительной деятельности во многом определяется компетентностью специалистов, осуществляющих её психологическое обеспечение. В настоящее время компетентностный подход прочно вошёл в систему российского образования, его рациональная составляющая связана с повышением интереса современного общества к психологическим ресурсам людей. Как отмечает М.А. Холодная, «понятие компетентности – это пример понятия, отвечающего требованиям экологического подхода в психологических исследованиях человека» (Холодная М.А., 2002). Компетентностный подход позволяет рассматривать сферу практики в юридической психологии «не просто как место реализации совокупности отдельных функциональных обязанностей психолога-специалиста, а как отдельную психологическую специальность, требующую соответствующего изучения и разработки» (Енгальчев В.Ф., 2006).

Федеральный государственный стандарт высшего образования по направлению «Психология служебной деятельности», регламентирует подготовку специалистов, в том числе, и в целях психологического обеспечения правоохранительной деятельности. В соответствии с этим стандартом в ряде российских университетов осуществляется соответствующее профильное обучение специалистов. Но при этом, если содержанию подготовки, особенностям формирования общекультурных и профессиональных компетенций уделяется достаточное внимание, как при разработке программ дисциплин, так и при их реализации, то в применяемых на практике методах оценки компетенций студентов есть серьезные и до сих пор нерешенные вопросы. В частности, оценка результатов образования большей частью производится традиционными способами – с помощью тестов, контрольных работ, коллоквиумов и экзаменов. По нашему мнению, как для оценивания сформированности общекультурных компетенций (таких, как готовность и способность к работе в коллективе; к предупреждению и конструктивному разрешению конфликтов; к проявлению инициативы, в том числе, в ситуациях риска; к принятию ответственности за свои решения; способность креативно мыслить, творчески решать профессиональные задачи и др.), так и для оценивания сформированности профессиональных компетенций (таких, как способность к психологическому анализу ситуаций и поведения людей; к разработке психологических портретов

неустановленных преступников; готовность работать в полевых условиях и формальных обстоятельствах; умение проводить судебные экспертизы и внесудебные исследования и др.) должны быть применены принципиально другие методы.

Не секрет, что у современного преподавателя вуза вследствие катастрофической бюрократизации его труда (творческого, по своей изначальной сути) всё больше закрепляется «информационный» стиль преподавания и количественный метод оценивания результатов. Это заметно даже по тому, что при расстановке приоритетов в своей образовательной деятельности студенты, как правило, ориентируются на критерии выставления оценок по итогам семестра. Поэтому для развития творческих, действительно субъектных свойств личности (Леонова Е.В., 2012), имеющих во многом определяющее отношение к формированию общекультурных и профессиональных компетенций, востребованных в системах психологического обеспечения правоохранительной деятельности, необходима качественная оценка проявлений этих свойств в различных учебных, практических и модельных ситуациях.

Литература

1. Енгальчев В.Ф. Психологические основы вузовской подготовки специалистов в юридической психологии: Автореферат дисс. ... доктора психол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 43 с.
2. Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить. М. 2009. 108 с.
3. Леонова Е.В. Развитие творческой личности студента в исследовательском университете // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 151-156.
4. Леонова Е.В. Методы психолого-педагогической оценки: учебное пособие. М.: НИЯУ МИФИ, 2012. 430 с.
5. Холодная М.А. Предисловие к книге Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002.

Групповой тренинг как метод развития профессионального самоопределения юридического психолога

Лаврешкин Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Профессиональное самоопределение является важным личностным фактором продуктивности профессиональной деятельности. Под термином «профессиональное самоопределение» мы понимаем нахождение личностных смыслов в выбираемой, осваиваемой или уже выполняемой трудовой деятельности (Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю., 2005).

Наше исследование посвящено изучению влияния группового тренинга на самоопределение студентов факультета юридической психологии, изучению динамики изменений в этом процессе, а также его различий с профессиональным самоопределением студентов, обучающихся по другим психологическим специальностям. Выборка исследования составила 66 человек: экспериментальная

группа – 14 студентов первого курса кафедры «Юридической психологии и права», принимающих участие в формирующем эксперименте исследования; контрольная группа – 23 студента первого курса той же кафедры, не принимающих участия в эксперименте; независимая группа – 29 студентов первого курса, обучающихся по направлению подготовки «Психология» на других факультетах.

Формирующий эксперимент проводился в форме социально-психологического тренинга, целью которого было развитие профессионально важных качеств юридического психолога. Для изучения профессионального самоопределения участников был проведен контент-анализ 107 эссе на тему «Я и моя профессия», написанных до и после формирующего эксперимента всеми тремя группами выборки. При первичном анализе собранных данных было выделено 49 содержательных категорий, при этом, в список значимых вошли только те категории, которые встречаются хотя бы с частотой 20% у одной из групп выборки. Всего таких категорий получилось 21.

Полученные в результате контент-анализа данные могут свидетельствовать о том, что у экспериментальной группы произошли изменения профессионального самоопределения, отличные от изменений контрольной и независимой групп: большинство участников тренинга по завершению программы стало идентифицировать себя с профессией психолога в настоящем, а также начало дифференцировать виды своей дальнейшей профессиональной деятельности, что является показателем активного процесса нахождения и осознания ими своего места в пространстве выбранной профессии. У контрольной и независимой групп отмечается тенденция к идентификации себя с выбранной профессией в будущем. Возросло количество членов контрольной группы, проявляющих признаки сомнения по отношению к выбору специальности. В независимой группе увеличилось количество студентов, которые не желают в дальнейшем работать по получаемой специальности. У экспериментальной же группы возрос интерес к профессии (возможно, благодаря ролевой составляющей упражнений тренинговой программы), а в силу этого, возможно, возросла мотивация к активному преодолению трудностей в профессиональных ситуациях. Также, судя по сильно возросшей частоте упоминания экспериментальной группой в своих повторных эссе развивающего вида деятельности, стоит отметить возникший вследствие прохождения тренинговой программы интерес к нему, в частности к дальнейшей психологической деятельности в форме группового тренинга.

Стоит отметить, что, несмотря на идентичные результаты контент-анализа экспериментальной, контрольной и независимой групп до периода проведения тренинговой программы, возможно, члены экспериментальной группы изначально были более мотивированы в дальнейшей профессиональной деятельности в роли психолога (в частности юридического), и в силу этого произошли изменения в профессиональном самоопределении, отличные от изменений контрольной и независимой групп.

Таким образом, групповой тренинг является эффективным методом развития

профессионального самоопределения юридического психолога, благодаря тренингу происходит активный процесс нахождения и осознания участником своего места в пространстве выбранной профессии.

Литература

1. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М., 2005.

Роль дисциплины «Общепсихологический практикум» в развитии профессиональной компетентности специалистов-психологов в условиях высшего профессионального образования

Моисеева Л.П., Щёткина Е.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время формирование профессиональной компетентности у студентов в процессе профессионального обучения приобретает особую актуальность в связи с изменениями трудового законодательства РФ и введением в действие Профессиональных стандартов, представляющих собой «характеристику квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции» (Профессиональные стандарты).

Богданович Н.В, анализируя основные профессиональные стандарты, предполагающие работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях, делает вывод о том, что «во всех профессиональных стандартах признается важность работы с клиентами, находящимися в юридически значимых ситуациях» (Богданович Н.В., 2016).

Действующая на настоящий момент рабочая программа по дисциплине «Общепсихологический практикум» направлена на формирование у обучающихся ряда компетенций, знаний, умений и навыков, которые охватывают проблемную область осуществления диагностической функции юридического психолога, что подразумевает знакомство с основами этики психодиагностической деятельности, ориентацию в разных классах психодиагностических методик, освоение наиболее известных методик разных сфер индивидуальности и межличностных отношений.

Учитывая тот факт, что обучение на факультете носит практико-ориентированную направленность, студентов уже первого года обучения необходимо знакомить с методами работы психолога в реальных условиях, предложить набор практического инструментария для выполнения заданий на практике. Так, например, для овладения навыками применения метода наблюдения студентам дается задание составить поведенческий портрет по предложенному видеоматериалу. При этом детально разъясняются условия проведения и порядок фиксации результатов.

Также, при знакомстве с бланковыми методиками для проведения диагностических мероприятий на базах практики, студенты на занятиях по ОПП

выступают и в роли испытуемых, и в роли экспериментаторов. Т.е. часть методик проводится на занятии со студентами, часть дается в качестве домашнего задания для проведения с другими испытуемыми. Таким образом, обучающиеся получают практический опыт проведения диагностики при помощи методик и сами получают представление о том, что происходит с клиентом во время диагностических мероприятий. Итогом подобной работы является не только получение результатов по проведенным методикам, но и подробный анализ поведения, как испытуемого, так и экспериментатора в процессе выполнения заданий. Что дает возможность приобретения навыка количественной обработки результатов исследования, и в рамках качественного анализа выявлять причинно-следственные связи полученных результатов. При обсуждении также студентам дается информация об этических нормах психолога при проведении диагностических мероприятий.

В результате моделируется квази-профессиональная ситуация, которая позволяет студентам получить реальное представление о проведении психодиагностических мероприятий. При выходе студентов второго курса на психодиагностическую практику на базы у них не возникает затруднений при проведении психодиагностики в реальных условиях, в обработке, анализе полученных результатов, а также оформления отчета о проделанной работе на базах.

Выполнение данных типов учебных заданий способствует формированию у студентов навыков практического применения методов работы специалиста-психолога в условиях повседневной жизнедеятельности, что позволяет осуществлять более эффективное обучение навыкам работы психолога в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях, делая процесс получения психологических знаний поступательным и понятным для обучающихся.

Таким образом, курс дисциплины «Общепсихологический практикум» построен так, что студентам предоставляется возможность совмещать и получение академического знания и применение полученных знаний на практике, что, несомненно, вносит вклад в формирование профессиональной компетентности будущих специалистов.

Литература

1. Богданович Н.В. Анализ основных профессиональных стандартов, предполагающих работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 2. С. 1–12. doi:10.17759/psylaw.2016060201 (дата обращения: 07.10.2016).
2. Профессиональные стандарты [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157436/23c5bb2af892c3a37d64efdd58cc34697f0ed51b/ (дата обращения 12.10.2016).

Доказательное проектирование и оценка программ в управлении социальными рисками в сфере детства: новые компетенции юридических психологов

Тихомирова А.В., Чиркина Р.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Решение наиболее актуальных проблем детства в России на современном этапе основано на сформулированных в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы (Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761) ключевых принципах, а именно: защита прав каждого ребенка; технологии помощи, ориентированные на развитие внутренних ресурсов семьи, удовлетворение потребностей ребенка; обеспечение профессионализма и высокой квалификации при работе с каждым ребенком и его семьей и др.

Реализация этих принципов в отношении несовершеннолетних в социально опасном положении (к таковым можно отнести подростков в конфликте с законом, употребляющих психоактивные вещества, безнадзорных, ведущих асоциальный образ жизни, жертв правонарушений и буллинга и др.), требует изучения социально-психологической проблематики девиантного поведения, а также анализа и осмысления отечественных и зарубежных практик работы с этими целевыми группами. Предупреждение отклоняющегося поведения у детей и подростков группы риска играет очень большую роль, в первую очередь, для повышения шансов на успешную социальную и профессиональную жизнь и интеграцию в общество.

Одним из системообразующих элементов в этом процессе должны стать специалисты, осуществляющие работу на всех уровнях профилактики социальных рисков в сфере детства. Расширение репертуара используемых ими методов и технологий, повышение их компетенций в области управления социальными рисками, - является одной из основных задач системы профилактики в целом и системы профессионального образования как части этой системы. Обучение новым технологиям «подтягивает» систему профилактики к проектированию инновационных, экономически обоснованных, гибких, межведомственных моделей системы профилактики, учитывающих потребности конкретных целевых групп и ресурсы и возможности территорий, адаптирующих и по-новому осмысливающих эффективный российский и зарубежный опыт.

Для того, чтобы идеи, направленные на профилактику социально-опасных ситуаций и управление социальными рисками в сфере детства, были грамотно и эффективно реализованы, специалист должен, во-первых, понимать и хорошо разбираться в причинах, видах, оценке и последствиях социальных рисков в сфере детства, а также знать о возможностях компенсации последствий социальных рисков в рамках определенных правовых механизмов. Во-вторых, специалист должен уметь разработать и логически выстроить свою деятельность по управлению социальными рисками, обосновать необходимость и достаточность методов, применяемых для решения поставленных задач, найти ресурсы для его реализации, воплотить проект в

жизнь, управлять им, оценить и проанализировать полученные результаты. Эти идеи стали образовательными задачами новой магистерской программы Доказательное проектирование и оценка программ в области управления социальными рисками в сфере детства, реализация которой начата в 2016 году под руководством кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии МГППУ.

Важно понимать, что реализация проектов и программ в сфере детства – специфическая область деятельности, требующая особых психологически грамотных подходов к их разработке, оценке, продвижению и институционализации. Технологии проектирования и оценки проектов – относительно новая и динамично развивающаяся область знаний, в которой продуманная, внимательная трансляция имеющегося опыта в сферу современного детства – важный методологический принцип построения образовательного процесса данной магистерской программы.

Значимой особенностью программы является индивидуальный подход к практике проектирования. В ходе обучения каждый магистрант сможет работать над собственным проектом, а также его научно-эмпирическим обоснованием в рамках диссертационного исследования, получая поддержку не только от научного руководителя, но и от индивидуального куратора проекта.

Модели учебной деятельности, реализующие компетентностный подход

Чернушевич В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Если мы хотим, чтобы наши выпускники умели осуществлять профессиональную деятельность (ПД) (могли работать) и были компетентны (глубоко понимали, что они делают), мы должны разрабатывать соответствующие этому модели взаимодействия преподавателя (специалиста) и студента (будущего специалиста).

Основное требование к моделям – наличие фазы деятельности и фазы ее рефлексивной проработки. Именно в рефлексивной фазе студент вырабатывает свои профессиональные знания (знания о правилах профессиональной работы и о самом себе, выполняющем в той или иной степени эти правила). Различие между желаемым своим состоянием и актуальным определяет в этом случае реальный мотив учебной деятельности студента.

Принципиальная схема, модель нашего учебного процесса предполагает первичными профессиональные пробы, попытки в профессиональных ситуациях действовать на основании уже накопленного жизненного опыта и знаний. На первой же фазе обучения раскрывается реальное состояние исходной готовности и мотивации студента. Рассмотрим модель на примере учебного курса первого семестра «Организация досуга детей и подростков», лежащего в самом начале линии подготовки к психокоррекционной и психопрофилактической работы с девиантным поведением детей и подростков.

С первого занятия студенты включены в практическую ситуацию - играют друг с другом подростковые игровые программы (фольклор). С четвертого занятия они малыми группами идут проводить игровые программы в садах и школах. И те и другие занятия сопровождаются минимальным разбором практических ситуаций, вызвавших смену эмоциональных состояний участников (ситуаций потребностно-значимых).

Главное в этих разборках, находящихся в зоне интереса и студента и преподавателя, – не выйти из зоны ближайшего развития студентов, зоны осознания ими их первого, уже профессионального, опыта.

Таким образом, в микромасштабе одного курса реализуется схема Деятельность 1.1-Рефлексия 1.1-Деятельность 1.2.

Такая же схема реализуется и в масштабе учебного плана. Семь практик по основным видам ПД, предваряющих или завершающих практикумы и теоретические курсы позволяют это сделать.

Возможности учебного процесса по реализации деятельностного подхода определяются не только целями, но и ресурсами. Поэтому мы выделяем несколько моделей учебной деятельности, имеющие различное приближение к идеальному полному варианту (Чернушевич В.А. 2010). Выбор той или иной модели определяется ресурсами, имеющимися для организации учебного процесса. Либо их хватает в основном на поточные лекции, либо значительную часть времени можно выделить на групповые семинары, либо есть возможность работы по малым подгруппам на практикумах (мастер-классах), либо есть возможность индивидуальной практики в реальных производственных ситуациях под супервизией специалиста базы практики, или специалиста кафедры, или и того и другого.

Главное во всех вариантах развертывания модели учебной деятельности – сохранение деятельностного формата учебного содержания. При наличии раздробленной на разные научные предметы и, следовательно, разные учебные предметы профессиональной психологической деятельности как предмета освоения специалистом, решение такой задачи представляется крайне сложной. Это можно почувствовать при попытках деятельностного форматирования самых «простых» тем из курса общей психологии. Например, «Память», «Внимание», «Первичные процессы восприятия» и т.п. (Чернушевич В.А., 2011).

Литература

1. Чернушевич В.А. Особенности тематической организации единиц учебного содержания при реализации деятельностного подхода к обучению [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. №1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2055.phtml> (дата обращения: 19.10.2016).
2. Чернушевич В.А. Модели учебной деятельности, используемые для анализа и проектирования учебного процесса // Эксперимент и инновации в школе. 2010. №1. С. 20-24.

СПИСОК АВТОРОВ

Абдрахманова Екатерина Владимировна, магистрант ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Абрамова Аида Алексеевна, старший научный сотрудник ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Авдеев Александр Дмитриевич, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Авдеев Евгений Сергеевич, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Адмакина Татьяна Анатольевна, доцент НОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Азарных Татьяна Дмитриевна, доцент ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет инженерных технологий», кандидат биологических наук, доцент (г. Воронеж, Россия)

Алексеева Полина Степановна, старший преподаватель ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» (г. Якутск, Россия)

Али-заде Ариф Сабирович, психолог Некоммерческого Партнерства содействия развитию детей и подростков «Перекресток Плюс» (г. Москва, Россия)

Аллямова Алсу Абдулбариевна, аспирант факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», (г. Москва, Россия)

Алмаева Екатерина Андреевна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ананьева Наталья Анатольевна, доцент НОУ ВПО «Московский Институт Психологии», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Андреианов Михаил Семенович, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Астанина Надежда Борисовна, доцент кафедры психологии Воронежского филиала АНО ВПО «Московского гуманитарно-экономического института», кандидат психологических наук (г. Воронеж, Россия)

Афанасьева Ирина Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Афони́на Ю́лия Серге́евна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Бабина Светлана Васильевна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Балашова Вера Алексеевна, преподаватель кафедры юридической психологии ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Баранская Людмила Тимофеевна, заведующий кафедрой клинической психологии ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ, доктор психологических наук, доцент (г. Екатеринбург, Россия)

Бедрединова Светлана Валерьевна, доцент кафедры общей психологии и педагогической психологии Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Безносков Дмитрий Сергеевич, доцент СПбГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы», кандидат психологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Беломестнова Нина Васильевна, руководитель Лаборатории фундаментальных проблем психологии и антропологии Санкт-Петербургского Союза ученых (г. Санкт-Петербург, Россия)

Белюсов Алексей Дмитриевич, ведущий научный сотрудник ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат биологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Бовина Инна Борисовна, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», ведущий научный сотрудник лаборатории «Научно-методического обеспечения экстренной психологической помощи» Центра экстренной психологической помощи, доктор психологических наук (г. Москва, Россия)

Богданович Наталья Викторовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Бойкина Екатерина Эдуардовна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Бокова Наталья Владимировна, старший психолог отдела психологического сопровождения ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция УФСИН России по г. Москве» (г. Москва, Россия)

Борисова Дарья Павловна, психолог ФКУ «Уголовно-исполнительная инспекция УФСИН России по г. Москве» (г. Москва, Россия)

Борисова Светлана Евгеньевна, доцент ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова», кандидат психологических наук (г. Орёл, Россия)

Бочавер Александра Алексеевна, научный сотрудник Центра исследований современного детства, Институт образования НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Бочеев Александр Павлович, врач-невролог, кафедра нервных болезней и нейростоматологии ФГБОУ ДПО Институт повышения квалификации Федерального медико-биологического агентства России (г. Москва, Россия)

Бочкова Алена Александровна, психолог ГУ МВД России по Московской области (г. Москва, Россия)

Бударина Любовь Вячеславовна, курсант ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Будыкин Сергей Владимирович, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Булыгина Вера Геннадьевна, руководитель Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Бусарова Ольга Ренатовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Бутко Наталья Николаевна, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Быкова Марина Викторовна, преподаватель кафедры Медиация в социальной сфере ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Быстрова Татьяна Владимировна, научный сотрудник ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Вологда, Россия)

Валицкас Гинтаутас, заведующий кафедрой общей психологии Вильнюсского университета, доктор психологических наук, профессор (г. Вильнюс, Литва)

Ванагайте Кристина, преподаватель Вильнюсского университета, доктор психологических наук (г. Вильнюс, Литва)

Василенко Татьяна Геннадьевна, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Васильченко Алеся Сергеевна, преподаватель кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», младший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Вахнина Виктория Владимировна, кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Веневская Ирина Александровна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Вишневская Валентина Петровна, профессор ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», доктор психологических наук (г. Минск, Беларусь)

Власова Наталья Валериевна, доцент ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», кандидат психологических наук (г. Саратов, Россия)

Волохова Людмила Анатольевна, старший государственный судебный эксперт ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России (г. Москва, Россия)

Гаврилина Варвара Валерьевна, выпускник ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Гаврилова Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Гаврина Елена Евгеньевна, начальник кафедры общей психологии ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат психологических наук, доцент (г. Рязань, Россия)

Гаямова Светлана Юрьевна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Глазуноват Мария Александровна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Гончарова Елизавета Михайловна, преподаватель кафедры юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» (г. Москва, Россия)

Гончарова Наталья Владимировна, старший эксперт Экспертно-криминалистического центра УВД по ЦАО ГУ МВД России по городу Москве, аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Горьковая Ирина Алексеевна, профессор кафедры психологии человека ГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», заведующий кафедрой психосоматики и психотерапии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России, доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Гостеева Татьяна Владимировна, главный психолог отдела психологического обеспечения ОВД МВД ДНР, кандидат психологических наук (г. Донецк, ДНР)

Градинар Екатерина Васильевна, студент ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» (г. Якутск, Россия)

Гранская Юлиана Викторовна, доцент кафедры психологии поведения и превенции поведенческих аномалий ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Гурина Оксана Дмитриевна, главный эксперт ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва, Россия)

Гут Юлия Николаевна, магистрант ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кандидат психологических наук (г. Белгород, Россия)

Гутник Анастасия Дмитриевна, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Давыдов Денис Геннадьевич, руководитель лаборатории проблем социализации подросткового возраста ГБУ «Городской психолого-педагогический центр Департамента образования города Москвы», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Дворянчиков Николай Викторович, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Дебольский Михаил Георгиевич, ведущий научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», профессор кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Дегтярев Артем Викторович, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дегтярева Ольга Леонидовна, старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Делибалт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дикопольцев Дмитрий Евгеньевич, ведущий научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Дмитриева Людмила Геннадьевна, заведующая кафедрой психологии образования и развития факультета психологии ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», доктор психологических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Дозорцев Василий Александрович, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический Университет» (г. Москва, Россия)

Дозорцева Елена Георгиевна, заведующая кафедрой юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», руководитель Лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Должанская Наталья Александровна, заведующая отделением профилактики социально значимых инфекций Научно-исследовательского института наркологии – филиала ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, доктор медицинских наук (г. Москва, Россия)

Дорошенко Валерия Юрьевна, клинический психолог Медицинского центра «Белтико» (г. Москва, Россия)

Дрейзин Александр Анатольевич, заведующий отделением ГБУЗ «Московский научно-практический центр наркологии Департамента здравоохранения города Москвы» (г. Москва, Россия)

Дубинский Александр Александрович, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дурова Екатерина Александровна, научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Евсеева Ирина Георгиевна, начальник кафедры педагогики Учебно-научного комплекса психология служебной деятельности ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Егоров Игорь Александрович, руководитель центра правовых исследований и разработок ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Енгальчев Вали Фатехович, заведующий кафедрой общей и юридической психологии ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», доктор психологических наук, профессор (г. Калуга, Россия)

Ениколопов Сергей Николаевич, профессор факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заведующий отделом медицинской психологии ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Ефимкина Надежда Владимировна, старший инспектор Главного управления МВД России по г. Москве, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Жаринов Илья Алексеевич, выпускник ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Жигачев Алексей Сергеевич, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Жуковская Ирина Владимировна, адъюнкт ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Журавлева Екатерина Реонольевна, инспектор Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Журавлева Елизавета Валерьевна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Журавлева Татьяна Владимировна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Забезжинская Ирина Дмитриевна, медицинский психолог ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Загородняя Татьяна Николаевна, Уполномоченный по правам ребенка в Саратовской области (г. Саратов, Россия)

Зубкова Анна Андреевна, магистр ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ильин Александр Валерьевич, начальник научно-исследовательского центра №2 ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Ильина Валентина Анатольевна, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (г. Иркутск, Россия)

Кабанова Татьяна Николаевна, научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Калашник Александра Артуровна, старший лейтенант, психолог группы по работе с личным составом отдельного батальона патрульно-постовой службы полиции Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Архангельску (г. Архангельск, Россия)

Калашникова Анна Сергеевна, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», старший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава РФ, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Калинкин Дмитрий Сергеевич, медицинский психолог ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница № 15» (г. Москва, Россия)

Калинова Ольга Игоревна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Калягин Юрий Сергеевич, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета Юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Кипарисова Елена Сергеевна, профессор кафедры нервных болезней и нейростоматологии ФГБОУ ДПО Институт повышения квалификации Федерального медико-биологического агентства России (г. Москва, Россия)

Киселев Константин Анатольевич, инженер лаборатории юридической психологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Клейберг Юрий Александрович, профессор ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Ковальчишина Наталья Ивановна, научный консультант Ltd. "PSY-CONSULTING" (г. Хайфа, Израиль)

Ковальчишина Светлана Владимировна, конвойная служба полиции ДГУ МВД ДНР (г. Донецк, ДНР)

Козырева Ирина Евгеньевна, доцент кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Кокурин Алексей Владимирович, профессор ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Колесниченко Анастасия Викторовна, студент ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Комлева Дарья Павловна, курсант ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Конина Муза Александровна, клинический психолог ГБУЗ «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой Департамента здравоохранения города Москвы» (г. Москва, Россия)

Конищева Анастасия Владимировна, государственный судебный эксперт ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Коноплева Инга Николаевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Котельникова Дарья Александровна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Котенев Игорь Олегович, профессор кафедры психологии, педагогики и организации

работы с кадрами ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Котлярова Любовь Николаевна, доцент ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Краснов Владислав Валерьевич, соискатель ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Кроз Михаил Владимирович, ведущий научный сотрудник ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Кузнецова Мария Александровна, студент ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Кузнецова Светлана Олеговна, старший научный сотрудник ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Кулакова Светлана Владимировна, начальник отдела ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Кулакова Ульяна Алексеевна, маркетолог ООО «Рациональ» (г. Саратов, Россия)

Куприянова Вера Николаевна, учитель начальных классов ГБОУ Школа № 2121 города Москвы (г. Москва, Россия)

Курбатова Татьяна Николаевна, доцент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Лаврешкин Никита Владимирович, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Лазунина Ирина Юрьевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ларин Александр Николаевич, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Левин Леонид Маркович, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Левченко Татьяна Викторовна, советник Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области, магистрант ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Леонова Елена Васильевна, заведующая кафедрой общей и юридической психологии ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского» (г. Калуга, Россия)

Лефтеров Василий Александрович, заведующий кафедрой социологии и психологии Национального университета «Одесская юридическая академия» (г. Одесса, Украина)

Лисовцева Вера Михайловна, доцент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов, Россия)

Лихачева Светлана Николаевна, заместитель начальника отдела организации психологической работы Управления воспитательной, социальной и психологической работы Федеральной службы исполнения наказаний (г. Москва, Россия)

Логунова Ольга Алековна, старший научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России» (г. Москва, Россия)

Лукоянова Эльвира Рефатовна, магистрант ФГБОУ ВПО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия), директор АНО «Поволжская семейная академия «УМАЙ» (г. Казань, Россия)

Лукьянченко Наталья Владимировна, доцент ФГБОУ ВО «Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева», кандидат психологических наук, доцент (г. Красноярск, Россия)

Лысенко Надежда Евгеньевна, медицинский психолог ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Макавьева Валерия Николаевна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Макаренко Ирина Александровна, директор «Экспертного бюро судебной психофизиологии и поведенческого анализа» (г. Калуга, Россия), эксперт, руководитель департамента судебных экспертиз АНО ДПО «Академия Детекции Лжи» (г. Москва, Россия), кандидат психологических наук

Макеева Ксения Владимировна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Мартынова Ирина Романовна, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Марьин Михаил Иванович, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами ФГБОУ ВО «Академия управления МВД России», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Матюхина Ирина Викторовна, психолог ГБОУ «Курчатовская школа» (г. Москва, Россия)

- Мельникова Дарья Вячеславовна**, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)
- Мешикова Наталья Владимировна**, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)
- Моисеева Людмила Петровна**, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)
- Морозикова Ирина Владиславовна**, доцент кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Смоленск, Россия)
- Морозова Татьяна Анатольевна**, эксперт-психолог Некоммерческого партнерства «Южный экспертный центр» (г. Волгоград, Россия).
- Навицкас Витаутас**, лектор Вильнюсский университет (г. Вильнюс, Литва)
- Назарова Наталья Глебовна**, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)
- Никитина Евгения Олеговна**, старший преподаватель кафедры педагогики Учебно-научного комплекса психология служебной деятельности ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», кандидат педагогических наук (г. Москва, Россия)
- Николаева Наталья Викторовна**, заведующий кафедрой клинической и консультативной психологии НОУ ВПО «Академия сферы социальных отношений» (г. Москва, Россия), Научно-информационный центр АРТ (г. Санкт-Петербург, Россия), кандидат психологических наук
- Николин Александр Валерьевич**, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)
- Нилова Лариса Алексеевна**, научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)
- Новикова Зинаида Дмитриевна**, психолог Московского Городского Психондокринологического Центра (г. Москва, Россия)
- Новиченко Артем Юрьевич**, студент ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ (г. Екатеринбург, Россия)
- Нуцкова Елена Владимировна**, научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Огнева Оксана Александровна, психолог Управления госавтоинспекции МВД Донецкой Народной Республики (г. Донецк, ДНР)

Онянова Вера Владимировна, студент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Орлова Елена Александровна, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Осокина Алена Сергеевна, студент ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Островский Антон Николаевич, доцент кафедры Медиация в социальной сфере ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат медицинских наук, доцент (г. Москва, Россия)

Ошевский Дмитрий Станиславович, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», старший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Павлова Мария Васильевна, начальник психологической лаборатории ФКУ ИК-4 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, адъюнкт ВИПЭ ФСИН России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Пачеко-Рейнага Антон Хосевич, медиатор в сфере международных отношений Федерального института медиации, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Переправина Юлия Олеговна, младший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Москва, Россия).

Пестикова Екатерина Валентиновна, референт аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области (г. Саратов, Россия)

Петров Владислав Евгеньевич, ведущий научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский центр проблем безопасности дорожного движения МВД России», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Петрова Любовь Георгиевна, доцент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат психологических наук (г. Саратов, Россия)

Поздняков Вячеслав Михайлович, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Поздняков Ярослав Игоревич, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Потарыкина Марина Сергеевна, адъюнкт ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Проничева Мария Михайловна, психолог учебно-производственной лаборатории ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Прохорова Марина Игоревна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ратинова Наталья Александровна, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Ремеева Альфия Фаатовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Романова Наталья Михайловна, доцент кафедры общей и социальной психологии, заведующая лабораторией юридической психологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского», кандидат социальных наук, доцент (г. Саратов, Россия)

Романяк Елена Владимировна, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института наркологии – филиала ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Рузаева Светлана Владимировна, учитель-логопед ГБОУ «Курчатовская школа» (г. Москва, Россия)

Русаковская Ольга Алексеевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский городской психолого-педагогический университет», старший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат медицинских наук (г. Москва, Россия)

Свентицкене Лора Васильевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Семенова Наталья Александровна, начальник отдела психологического обеспечения ОВД МВД ДНР (г. Донецк, ДНР)

Сильницкая Анна Сергеевна, преподаватель кафедры Медиация в социальной сфере ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Ситковская Ольга Давидовна, заведующая отделом психологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», доктор психологических наук (г. Москва, Россия)

Смирнова Надежда Сергеевна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Собчик Людмила Николаевна, генеральный директор ООО «Институт прикладной психологии», доктор психологических наук (г. Москва, Россия)

Сорокина Юлия Сергеевна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Сочнева Валерия Юрьевна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Стазаев Антон Викторович, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Стальнов Алексей Геннадьевич, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Стальнова Ирина Александровна, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Строева Галина Владимировна, эксперт АНО «Центр антикриминального просвещения и социальной реабилитации правонарушителей «Криминон», доктор педагогических наук (г. Москва, Россия)

Стуколова Людмила Сергеевна, старший преподаватель Стерлитамакского филиала ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (г. Стерлитамак, Россия)

Султан Карим Ахмадович, аспирант Одесского государственного университета внутренних дел (г. Одесса, Украина)

Султанова Александра Алексеевна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Сучкова Елизавета Львовна, доцент кафедры организации психологической службы в УИС ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат психологических наук, доцент (г. Вологда, Россия)

Сыроквашина Ксения Валерьевна, старший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им.

В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Тацёва Анна Ивановна, доцент кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Терехина Светлана Алексеевна, старший научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Тихомиров Сергей Николаевич, профессор ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Тихомирова Анна Владимировна, руководитель центра доказательного социального проектирования ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Токарева Галина Михайловна, медицинский психолог-судебный эксперт ГБУЗ МО «Центральная клиническая психиатрическая больница» (г. Москва, Россия)

Ульянова Ирина Валентиновна, профессор кафедры педагогики Учебно-научного комплекса психология служебной деятельности ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», заслуженный деятель науки, доктор педагогических наук, член–корреспондент МАНПО, РАЕ, профессор (г. Москва, Россия)

Устинов Дмитрий Вячеславович, аспирант ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет имени Василя Стуса» (г. Донецк, ДНР)

Федонкина Анастасия Александровна, научный сотрудник ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Федорова Екатерина Михайловна, старший научный сотрудник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Хаванова Ирина Сергеевна, начальник психологической лаборатории ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН России по Нижегородской области (г. Нижний Новгород, Россия)

Халеева Мария Владимировна, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Харин Василий Иванович, студент ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (г. Москва, Россия)

Хломов Илья Данилович, педагог-психолог, руководитель службы профилактики основных социальных рисков в образовательных организациях направления по работе с подростками «Перекресток», ГБУ «Городской психолого-педагогический центр Департамента образования города Москвы» (г. Москва, Россия)

Хломов Кирилл Данилович, старший методист, руководитель направления по работе с подростками «Перекресток», ГБУ «Городской психолого-педагогический центр Департамента образования города Москвы», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Цильмак Алена Николаевна, профессор кафедры криминалистики, судебной медицины и психиатрии Одесского государственного университета внутренних дел, доктор юридических наук, профессор (г. Одесса, Украина)

Черная Мария Игоревна, младший научный сотрудник отделения кризисных состояний и психосоматических расстройств ГБУЗ «Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского Департамента здравоохранения города Москвы» (г. Москва, Россия)

Черненко Артем Дмитриевич, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Чернов Василий Алексеевич, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Чернушевич Владимир Анатольевич, заведующий учебно-производственной лабораторией факультета юридической психологии, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Чернышкова Марина Павловна, заместитель начальника НИЦ-2 ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Чиркина Римма Вячеславовна, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Чунихина Ксения, лектор Вильнюсского университета (г. Вильнюс, Литва)

Чураева Галина Дмитриевна, студент ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Чурсина Алена Дмитриевна, курсант факультета подготовки следователей ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» (г. Москва, Россия)

Шаболтас Алла Вадимовна, декан факультета психологии, заведующая кафедрой психологии поведения и превенции поведенческих аномалий ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шапиро Ульяна Игоревна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Шаповал Валентин Анатольевич, начальник кафедры юридической психологии ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», Кандидат медицинских наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шапоренко Анастасия Андреевна, научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Шелонина Татьяна Валерьевна, педагог-психолог, заместитель директора ГБУ ДО Центр психолого-педагогического сопровождения Кировского района Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шиняев Клим Александрович, психолог УФСИН России по Республике Башкиростан, кандидат психологических наук (г. Уфа, Россия)

Шипшин Сергей Сергеевич, заведующий отделом судебных психологических экспертиз ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Шитова Анна Эльхановна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Щёткина Евгения Ивановна, преподаватель кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Юринова Юлия Вячеславовна, подполковник полиции, инспектор по особым поручениям отдела кадров и государственной службы ГУОБДД МВД России (г. Москва, Россия)

Юшина Наталья Николаевна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Якушенко Анна Владимировна, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ярошенко Елена Игоревна, аспирант ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Яшмолкина Полина Сергеевна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ В.В. РУБЦОВА.....	3
ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	4
Азарных Т.Д. Суицидальные идеации и личностные особенности при посттравматических стрессах агрессивного генеза.....	4
Аллямова А.А. Психологические аспекты представлений о терроризме в современном обществе.....	5
Андрианов М.С. Проблема психологической установки к потерпевшему у других участников уголовного процесса.....	7
Афонина Ю.С. Факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних правонарушителей с психическими расстройствами.....	8
Бедрединова С.В., Тащёва А.И. Девиантное поведение жертв теракта в Беслане: причины, функции, виды, последствия.....	10
Гаврилина В.В. Гендерные особенности агрессивных проявлений людей, играющих в многопользовательские онлайн-игры.....	11
Гончарова Н.В. Психофизиология индивидуальных различий восприятия стимулов участниками следственных и процессуальных действий в ходе расследования и раскрытия преступлений.....	14
Гутник А.Д. Проблема вовлечения в террористическую деятельность посредством использования социальных сетей.....	15
Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма.....	17
Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В., Бовина И.Б. Особенности обыденного понимания информационной безопасности детей и подростков.....	19
Дворянчиков Н.В., Смирнова Н.С. Психологический анализ воздействия, реализуемого тоталитарными сектами посредством сети интернет.....	22
Егоров И.А. Развитие правосознания: проблемы нормативного регулирования.....	24
Жигачев А.С. Выявление диагностической значимости признаков поведения различных типов серийных убийц.....	25
Журавлева Е.Р. Возможности применения типологического подхода при расследовании серийных преступлений сексуального характера.....	27
Журавлева Т.В., Ениколопов С.Н., Дворянчиков Н.В., Черная М.И. Исследование факторов суицидального риска у лиц с однократными и многократными попытками самоубийства.....	29
Зубкова А.А., Ошевский Д.С. Факторы риска агрессивного криминального поведения у несовершеннолетних с органическим поражением головного мозга.....	31

Козырева И.Е. Саморазрушающее поведение, как одна из причин повышения уровня преступности	32
Кузнецова С.О., Ениколопов С.Н., Абрамова А.А. Исследование агрессивности у подростков	33
Курбатова Т.Н., Краснов В.В. Агрессия и когнитивная сложность насильственных преступников	35
Макавьева В.Н., Дегтярев А.В. Личностные особенности и самоотношение у лиц юношеского возраста с проблемами гендерной идентичности	36
Мешкова Н.В. К вопросу о негативных аспектах креативности	39
Морозикова И.В. Буллинг в студенческой жизни: причины, возможности преодоления	40
Поздняков Я.И., Делибалт В.В. Особенности защитных механизмов и копинг-стратегий у лиц с рискованным поведением (на примере зацеперов и руферов).....	42
Романова Н.М. Эмоциональные аспекты вовлечения личности в криминальную деятельность.....	43
Ситковская О.Д. Психологическая природа агрессивности и жестокости.....	45
Собчик Л.Н. Психодиагностика. Ее роль в разработке мер предупреждения преступности	46
Сорокина Ю.С. Проявление агрессии при разных уровнях когнитивного развития подростка	48
Стазаев А.В., Делибалт В.В. Особенности смысловой сферы и правосознания у подростков с отклоняющимся поведением.....	49
Стуколова Л.С. Особенности виктимного поведения в юношеском возрасте (на примере студентов юридического факультета)	51
Халеева М.В., Гранская Ю.В., Шаболтас А.В. Влияние переводчика на проведение следственного интервью и распознавание обмана: результаты международного исследования	52
КЛИНИЧЕСКАЯ И СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	55
Абдрахманова Е.В. К вопросу об оценке следователем и судом результатов судебно-психологической экспертизы	55
Бабина С.В. Возможности психокоррекционных лечебных мероприятий в отношении лиц с аномальным сексуальным предпочтением.....	56
Беломестнова Н.В. Место строгих и нестрогих методов судебно-психологической экспертизы в уголовном и гражданском процессах	57
Васильченко А.С., Дубинский А.А., Проничева М.М. Детерминанты криминальной агрессии у психически здоровых лиц	59

Волохова Л.А. Проблемы экспертного психологического исследования видеозаписей следственных и оперативных действий: достоверность показаний	60
Дозорцев В.А. Апробация рисуночной методики «Незаконченные предложения» .	62
Дубинский А.А. Актуальность исследования защитных факторов и факторов риска насилия у лиц с расстройствами личности	64
Журавлева Е.В. Исследование особенностей родительского отношения у матерей, больных шизофренией, в отечественной и зарубежной психологии.....	66
Ильина В.А. Реализация принципов судебно-психологической экспертологии.....	68
Кабанова Т.Н. Субъективные оценки психически больных и их взаимосвязь со структурно-технологическим обеспечением стационарного принудительного лечения	70
Калинкин Д.С. Психологические предикторы безопасного вождения у лиц с психическими расстройствами	71
Кипарисова Е.С., Бочеев А.П. Проблема выявления психопатологических нарушений и неврологических заболеваний у лиц опасных профессий на раннем этапе	72
Кониная М.А. Патология личности и психопатология у мужчин с неограниченным сексуальным поведением.....	73
Котельникова Д.А. Нарушения мышления при локальных поражениях головного мозга у больных с афазией	76
Лисовцева В.М., Петрова Л.Г. К вопросу об использовании судебно-психологической экспертизы (СПЭ) с целью выявления психического воздействия, используемого в коммерческих целях	77
Лысенко Н.Е., Булыгина В.Г. Индивидуально-типологические особенности как маркеры криминальной активности	79
Макаренко И.А. Прикладные методы повышения валидности и надежности криминалистических исследований с использованием полиграфа	80
Макеева К.В. Специфика психологических защит у лиц с высоким уровнем тревожности	81
Матюхина И.В., Рузаева С.В. Нейропсихологическая диагностика как профилактика девиантного поведения	82
Морозова Т.А. Частные вопросы психологической экспертизы по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка.....	84
Новикова З.Д., Дворянчиков Н.В. Исследование образа Я у лиц с расстройствами половой идентичности как дополнительный критерий дифференциальной диагностики при экспертизе спорных половых состояний	85

Переправина Ю.О. Роль механизмов саморегуляции для экспертных критериев делкоспособности лиц с психическими расстройствами	87
Русаковская О.А. 7 проблем судебных экспертиз по спорам о воспитании	89
Токарева Г.М. Особенности самоконтроля и агрессивности лиц с психическими расстройствами, совершившими правонарушения с различным интервалом рецидивности.....	91
Черненко А.Д. Патопсихологические симптомокомплексы у лиц с органическими психическими расстройствами при судебно-экспертной оценке делкоспособности: диагностическая информативность признаков	93
Шапиро У.И. Основные направления психотерапевтической работы с больными шизофренией	94
Шипшин С.С. Экспертная оценка поведения человека при исполнении им своих профессиональных функций в экстремальной ситуации в уголовном процессе	96
Юшина Н.Н. Роль психологических механизмов в реализации аномального сексуального влечения у лиц с педофилией	97
Якушенко А.В. Связь психических расстройств и преступлений в контексте истории и СМИ	99
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	101
Адмакина Т.А., Беломестнова Н.В. Корреляция проективных показателей и диссимуляции у подростков	101
Алмаева Е.А., Делибалт В.В. Особенности ценностно-смысловой сферы и морального сознания у подростков.....	102
Астанина Н.Б. Особенности веры в справедливый мир у несовершеннолетних правонарушителей и правопослушных подростков	104
Афанасьева И.В. Ограничения оборота информации в целях защиты детей как мера профилактики их девиантного поведения	105
Баранская Л.Т., Новиченко А.Ю. Характер семейных конфликтов как причина злоупотребления родительскими правами в спорах об определении места жительства и порядке общения с ребенком.....	108
Безнос Д.С. Правовое сознание молодежи.....	109
Бочавер А.А., Хломов К.Д., Хломов И.Д., Али-заде А.С. Социальные риски современных подростков в контексте изучения жизненных траекторий	111
Бутко Н.Н. Роль педагога в формировании правосознания детей-сирот	112
Веневская И.А. Сравнение мотивов вандальных действий у школьников и студентов.....	114

Гаямова С.Ю., Глазуноват М.А. Особенности интеллектуального развития подростков, подвергавшихся жестокому обращению в семье	115
Горьковая И.А. Анализ рецензий на заключения судебно-психологических экспертиз о праве на воспитание детей	116
Гурина О.Д. Ксенофобские установки и индивидуально-психологические особенности в структуре личности подростка-правонарушителя	118
Гурина О.Д. Психологическая оценка побуждений несовершеннолетних к действиям сексуального характера в сети Интернет.....	119
Гут Ю.Н. Проблемы девиантного поведения подростков в современном обществе и пути решения	121
Делибалт В.В., Богданович Н.В. Спектр технологий помощи несовершеннолетним с проблемным и девиантным поведением в контексте юридически значимых ситуаций	122
Дозорцева Е.Г. Перспективы развития юридической психологии детей и подростков	124
Должанская Н.А., Романяк Е.В. Риски развития социально значимых заболеваний у подростков с девиантным поведением	125
Загородняя Т.Н. Службы семейного примирения в Саратовской области	127
Калинова О.И. Обоснование критериев при выявлении детей «группы риска» в условиях социально-психологического сопровождения в школе	128
Клейберг Ю.А., Орлова Е.А. Делинквентное поведение и проблема личностной неопределенности подростков	130
Конищева А.В. Экспертное исследование и оценка родительского отношения в судебно-психологической экспертизе по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка	133
Кулакова У.А. Вторичное сиротство: Выявление и предотвращение на этапе обучения в Школе приемных родителей	134
Куприянова В.Н. Психолого-педагогическое сопровождение адаптации к обучению в начальной школе учащихся из семей трудовых мигрантов	136
Левченко Т.В. Психологическое воздействие информационной среды на поведение несовершеннолетних детей	137
Мартынова И.Р. Клинико-психологические факторы риска агрессивного поведения у несовершеннолетних с делинквентным поведением, не достигших возраста уголовной ответственности	139
Назарова Н.Г., Ошевский Д.С., Дрейзин А.А. Особенности смысловой сферы несовершеннолетних, осужденных за агрессивно-насильственные преступления .	140

Нуцкова Е.В. Характеристика психического и психологического состояния девочек-потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления.....	142
Онянова В.В. Особенности агрессии в ситуации фрустрации у детей.....	143
Пестикова Е.В. Изменяющаяся социальная реальность: модели современной семьи	145
Прохорова М.И. Профилактика школьной дезадаптации у пятиклассников	146
Сочнева В.Ю., Гаврилова О.В. Связь привязанности к отцу и матери и особенностей формирования «Я-концепции» в младшем подростковом возрасте .	147
Султанова А.А. Взаимосвязь читаемой информации в Интернет-сети и развития полоролевой идентичности в подростковом и юношеском возрасте	149
Сыроквашина К.В. Актуальные проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы психического состояния несовершеннолетних, совершивших самоубийство.....	150
Терехина С.А. «Наилучшие интересы ребенка» в ситуации развода родителей и проблемы их защиты в современном гражданском судопроизводстве	152
Тихомиров С.Н. Как отцепить зацепера от беды.....	153
Устинов Д.В. Содержание потребности как критерий классификации мотивов противоправного имущественного поведения детей	156
Федонкина А.А. Динамика возрастного развития у несовершеннолетних правонарушителей с аномальной личностной незрелостью	157
Чернов В.А. Некоторые аспекты изучения индивидуально-психологических особенностей детей, переживших развод родителей	159
Чернушевич В.А. Коррекционно-профилактические факторы народной игры	160
Чунихина К., Валицкас Г., Навицкас В. Восприятие имиджа судей детьми младшего школьного возраста.....	162
Шелонина Т.В. Механизмы психологической защиты подростков с деструктивным поведением	163
Шитова А.Э. Готовность детей 6 и 7 лет к школьному обучению как профилактика дезадаптации.....	164
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ	
УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	
Алексеева П.С., Градинар Е.В. Удовлетворенность служебной деятельностью сотрудников отдела безопасности пенитенциарных учреждений	167
Бокова Н.В., Левин Л.М. Контент-анализ личных дел несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления группового характера против собственности и состоящих на учете в УИИ.....	170

Борисова Д.П. Психологическое сопровождение сотрудников УИС в рамках изучения эмпатических способностей	172
Бударина Л.В. Гендерные особенности проявления жизнестойкости у курсантов образовательных организаций ФСИН России	173
Быстрова Т.В. Личностные особенности осужденных с различным уровнем жизнестойкости, отбывающих длительные сроки лишения свободы	175
Гаврина Е.Е., Хаванова И.С. Социально-психологический профиль сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные преступления	176
Дебольский М.Г., Чернышкова М.П., Дегтярева О.Л. Предупреждение пенитенциарной преступности как одно из направлений деятельности клинического психолога	178
Дикопольцев Д.Е. Некоторые аспекты психологического сопровождения склонных к аутодеструктивному поведению несовершеннолетних осужденных к лишению свободы	180
Дмитриева Л.Г., Шиняев К.А. Психологическая устойчивость как фактор адаптации осужденного к трудным жизненным ситуациям	181
Дурова Е.А. Особенности проведения специальных психофизиологических исследований кандидатов на службу в уголовно-исполнительную систему	184
Ильин А.В. Учет особенностей женской преступности при организации профилактической работы с осужденными в пенитенциарном учреждении	185
Комлева Д.П. Социально-психологические особенности, оказывающие влияние на формирование виктимного поведения сотрудников УИС	187
Кулакова С.В. Проблемы профессионализации психологов УИС	188
Левин Л.М., Бокова Н.В. Анализ значимых воспоминаний дошкольного периода у несовершеннолетних, совершивших преступление группового характера и состоящих на учёте в уголовно–исполнительной инспекции	190
Лихачева С.Н., Федорова Е.М. Лидерство среди несовершеннолетних осужденных	192
Лукьянченко Н.В. Представление работников ФСИН об интерактивной позиции сотрудников и осужденных	193
Мельникова Д.В. Пенитенциарный стресс: особенности оказания психологической помощи с учетом уровней эмоционального реагирования личности	194
Нилова Л.А. Направления работы по изменению «Я-концепции» несовершеннолетних осужденных	196
Павлова М.В. Проблемы этнопсихологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы	197

Поздняков В.М. Просоциальное соучастование в механизме исправления несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях	200
Строева Г.В. Самодетерминизм осужденных в процессе их самоисправления	202
Сучкова Е.Л. Представления неоднократно судимых женщин о субкультуре мест лишения свободы	204
Федорова Е.М. Психологическая профилактика профессиональных деструкций сотрудников УИС	205
Шапоренко А.А. Особенности работы с осужденными женщинами, состоящими на профилактическом учете.....	207
Ярошенко Е.И. Инновационные технологии в диагностике эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарной системы	210
Яшмолкина П.С. Особенности проявления личностной беспомощности у осужденных с низким социально-психологическим статусом	211
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	213
Авдеев А.Д., Калягин Ю.С. Функции психологического моделирования при подготовке специалиста в области оперативно-розыскной деятельности	213
Авдеев Е.С. К вопросу о категории «амбициозность личности»	214
Ананьева Н.А. Психологические аспекты юридической среды	216
Андрианов М.С., Кроз М.В. Практика исследования психологических проблем в деятельности прокуроров	218
Балашова В.А., Чурсина А.Д. Коммуникативные свойства личности в условиях адаптации	219
Белоусов А.Д. Когнитивные стили следователей и дознавателей, определяющие эффективность их профессиональной деятельности	221
Борисова С.Е. Психологические особенности профессиональной деятельности и имиджа сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения	224
Валицкас Г., Ванагайте К. Соответствие поведения судей требованиям процедурной справедливости: данные трех исследований	226
Василенко Т.Г., Калашникова А.С. Особенности проагрессивных и ингибирующих агрессию личностных структур у сотрудников правоохранительных органов	227
Вахнина В.В. Особенности профессионального отбора сотрудников органов внутренних дел к переговорной деятельности	229

Вишневская В.П. Совершенствование профессионального общения в правоохранительной деятельности	230
Гончарова Е.М. Психологические условия проявления гендерных различий в профессиональной деятельности сотрудников ОВД	232
Гостеева Т.В., Семенова Н.А., Ковальчишина С.В. Комплексный подход в проведении профессионально-психологического отбора кадров в ОВД Донецкой Народной Республики	234
Евсеева И.Г., Ульянова И.В., Никитина Е.О. Эргономический подход в образовании.....	235
Жаринов И.А., Калашникова А.С. К вопросу о повышении эффективности допроса свидетелей	237
Калашник А.А. Кадровый профайлинг как метод выявления личностных особенностей, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность кандидатов на службу в органы внутренних дел.....	239
Ковальчишина Н.И. О взаимодействии полиции и населения по предупреждению терроризма	241
Коноплева И.Н., Ремеева А.Ф. Факторы, влияющие на успешность адаптации сотрудника полиции к условиям службы	243
Котенев И.О., Жуковская И.В. Особенности психологического консультирования руководителей территориальных органов внутренних дел как вида психологической работы.....	245
Котлярова Л.Н. Особенности профессиональной идентичности студентов юридического университета уголовно-правовой специализации.....	246
Ларин А.Н. Сравнительное изучение уровня опасного поведения у детей, воспитывающихся в семье и в условиях детского дома	248
Лефтеров В.А., Султан К.А. Психологические аспекты отбора присяжных.....	250
Логунова О.А. Роль психологических знаний о типологических особенностях преступников при раскрытии и расследовании серийных сексуальных убийств	252
Марьин М.И., Бочкова А.А. К вопросу о диагностике склонности сотрудников органов внутренних дел к противоправному поведению.....	254
Марьин М.И., Ефимкина Н.В. Исследование феномена искажения информации в служебной деятельности сотрудников ОВД	256
Николаева Н.В. Выявление тенденции к повышенному эмоциональному напряжению, профессиональные стрессы и их коррекция в системе правоохранительных органов.....	258
Огнева О.А. Работа психолога по укреплению морально психологической готовности личного состава к выполнению служебных обязанностей	261

Петров В.Е., Юринова Ю.В., Кокурин А.В. О психологическом сопровождении подразделений Госавтоинспекции (организационно-штатный аспект)	262
Потарыкина М.С., Шаповал В.А. Психодинамическая диагностика склонности к агрессии и насильственному поведению у сотрудников полиции	264
Ратинова Н.А., Кроз М.В. Профессиональная деформация прокуроров – парадоксы взгляда «изнутри»	266
Стальнов А.Г., Стальнова И.А. Технология ассесмент-центра как инструмента повышения эффективности профессионального отбора и профилактики профессионального выгорания	267
Стальнова И.А., Стальнов А.Г., Коноплева И.Н. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника Росреестра	269
Харин В.И. Выявление и профилактика кризиса профессионального выбора у студентов-юристов	272
Цильмак А.Н. Формы поведения сотрудника специальных подразделений органов Национальной полиции при различных видах морально-психологического состояния	273
Шаповал В.А. Психодиагностическая система для психолого-психиатрической экспертизы профессионально-психологического здоровья сотрудников правоохранительных органов России	275
МЕДИАЦИЯ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА	278
Бойкина Е.Э., Островский А.Н., Быкова М.В., Пачеко-Рейнага А.Х. Обоснования, этапы и предварительные результаты реализации пилотного проекта по внедрению медиации в процесс управления персоналом временных трудовых коллективов (на примере детских оздоровительных лагерей)	278
Власова Н.В., Романова Н.М. Опыт реализации проекта «Школьная служба примирения» (на базе кадетской школы-интерната)	279
Дорошенко В.Ю. Эмоциональный интеллект как составляющая профессионализма медиатора	281
Забезинская И.Д. Предпосылки и перспективы использования медиативного подхода для решения споров о воспитании детей в ситуации развода	283
Киселев К.А. Психологический аспект проведения процедуры медиации в семейных спорах	285
Колесниченко А.В. Особенности проведения тренингов с учащимися среднеобразовательных учреждений по программе «Школьной службы примирения»	286
Кузнецова М.А., Чураева Г.Д. Опыт волонтерской работы по восстановительной медиации с несовершеннолетними учащимися саратовских учебных заведений....	288

Лазунина И. Ю., Сильницкая А. С., Быкова М.В., Островский А.Н. Некоторые теоретические основы методологического подхода по обучению медиаторов с использованием практических кейсов и ролевых игр	289
Лукоянова Э.Р., Островский А.Н. Снижение профессиональной депривации специалистов субъектов профилактики беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних путем обучения технологиям медиации	291
Николин А.В., Островский А.Н. Обоснование возможности применения медиативного подхода как способа оптимизации существующих бизнес-процессов при разрешении производственных конфликтов в коммерческой организации.....	292
Осокина А.С. Школьная служба примирения: практический опыт внедрения проекта	294
Свентицкене Л.В., Островский А.Н. Цели и пути интеграции медиации в систему корпоративного управления	295
ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	297
Богданович Н.В., Делибалт В.В. Специфика подготовки в рамках магистерской программы «Юридическая психология: технологии работы с детьми и подростками».....	297
Бусарова О.Р. Роль диагностической практики в формировании готовности будущих юридических психологов к эффективному совладающему поведению....	298
Енгальчев В.Ф., Леонова Е.В. К проблеме оценки готовности студентов к психологическому обеспечению служебной деятельности.....	300
Лаврешкин Н.В. Групповой тренинг как метод развития профессионального самоопределения юридического психолога	301
Моисеева Л.П., Щёткина Е.И. Роль дисциплины «Общепсихологический практикум» в развитии профессиональной компетентности специалистов-психологов в условиях высшего профессионального образования	303
Тихомирова А.В., Чиркина Р.В. Доказательное проектирование и оценка программ в управлении социальными рисками в сфере детства: новые компетенции юридических психологов.....	305
Чернушевич В.А. Модели учебной деятельности, реализующие компетентностный подход.....	306
СПИСОК АВТОРОВ	308

Коченовские чтения «Психология и право в современной России»

Сборник тезисов участников Всероссийской конференции
по юридической психологии с международным участием.

Редакторы: В.В. Рубцов, Ю.М. Забродин, Е.Н. Задорина, А.А. Марголис, З.И.
Кекелидзе, Н.В. Дворянчиков, И.Б. Бовина, Н.В. Богданович, М.Г. Дебольский, Е.Г.
Дозорцева, И.Н. Коноплева, Ф.С. Сафуанов, Н.Б. Соколова

Составитель: А.С. Калашникова

Корректор: А.С. Калашникова

Художественная верстка: В.В. Делибалт, А.С. Калашникова,

Компьютерная верстка: А.С. Калашникова

Подписано в печать: 09.11.2016.

Формат 60*88/16. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 19,3.

Сайт МГППУ: mgppu.ru

Сайт конференции: conf.childpsy.ru/the_kochenov_conference

Факультет юридической психологии МГППУ: jp.mgppu.ru

Страница конференции в Facebook: facebook.com/KochenovConference

